VISIT…

ВОЕННАЯ ОРДЕНОВ ЛЕНИНА И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
КРАСНОЗНАМЕННАЯ ОРДЕНА СУВОРОВА
АКАДЕМИЯ имени М. В. ФРУНЗЕ

РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Издание академии

Москва 1981

Труд разработан авторским коллективом в составе: кандидата военных наук, профессора генерал-майора Б. В. Панова (руководитель авторского коллектива) — введение и заключение; доктора военных наук, профессора полковника А. А. Сидоренко (заместитель руководителя авторского коллектива) — раздел 1 главы 2; кандидата военных наук, доцента полковника В. Н. Киселева — глава 1; полковника О. Н. Кудряшова — раздел 7 главы 2; кандидата исторических наук, доцента полковника Б. И. Невзоророва — разделы 3 и 4 главы 3; доктора исторических наук, доцента полковника Р. М. Португальского — разделы 3, 4, 5 и 8 главы 2, разделы 5 и 6 главы 3; полковника М. П. Певневец — часть раздела 7 главы 3; кандидата исторических наук, доцента полковника Ю. Н. Сухинина — разделы 1 и 2 главы 3; кандидата исторических наук, доцента полковника Б. П. Фролова — глава 4; кандидата военных наук, доцента полковника П. Я. Цыганкова — разделы 2 и 6 главы 2; кандидата исторических наук, доцента полковника З. А. Шутова — раздел 7 главы 3.

В разделе 8 главы 2 использованы материалы, разработанные кандидатом исторических наук, доцентом полковником И. И. Картавцевым.

В рецензировании труда принимали участие Институт военной истории Министерства обороны СССР, а также кафедры оперативно-тактических дисциплин Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Под редакцией генерал-полковника П. В. МЕЛЬНИКОВА

ВВЕДЕНИЕ

Долг Вооруженных Сил СССР перед народом, указывается в Конституции Союза Советских Социалистических Республик, — надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору [1]. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство, следуя указаниям XXV и XXVI съездов КПСС, уделяют повседневное внимание укреплению обороноспособности нашей страны, оснащению Вооруженных Сил современным оружием и боевой техникой, повышению качества боевой подготовки и идейной закалки личного состава.

Центральный Комитет КПСС проявляет большую заботу о дальнейшем развитии советской военной науки. Он постоянно нацеливает руководящие и научные военные кадры на овладение марксистско-ленинской методологией исследования явлений войны, на творческое решение актуальных задач военного дела, на полное использование возрастающих боевых возможностей Советских Вооруженных Сил.

Важную роль в разработке встающих перед военной наукой проблем играют военно-исторические исследования. Они позволяют вскрывать закономерности, тенденции развития тактики, помогают лучше понять, что и почему на данном этапе отмирает, что и в какой степени развивается.

В. И. Ленин указывал, что для того, чтобы научно подойти к решению какого-либо вопроса, важно «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем дан-

[1] См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1978, с. 14.

ная вещь стала теперь» [1]. Исходя из этих ленинских указаний, советская военно-теоретическая мысль, опираясь на боевой опыт прошлого, особенно на опыт Великой Отечественной войны, успешно анализирует проблемы стратегии, оперативного искусства, тактики и определяет перспективы их развития.

В предвоенные годы всестороннее обобщение опыта первой мировой и гражданской войн позволило советским военным теоретикам с учетом новых общественно-политических и технических изменений выработать стройную теорию глубокой наступательной операции и глубокого боя, теорию построения глубокоэшелонированной активной и устойчивой обороны. Основные положения этих теорий подтвердились в годы Великой Отечественной войны. Не меньшую роль опыт прошедших войн сыграл и в решении такого вопроса, как поиск методов прорыва позиционной обороны, совместного наступления пехоты и танков, массированного использования артиллерии и авиации в бою. Многое было взято из практики работы штабов, организации боевого, тылового и технического обеспечения боевых действий.

Таким образом, приобретенный опыт подготовки и ведения войны, операции и боя не теряет своего значения и в изменившихся условиях. Он постоянно находится рядом с новым, являясь его фундаментом и одновременно обогащая его.

Анализ взглядов на тактику общевойскового боя Сухопутных войск в наше время свидетельствует о том, что она тесно связана с прошлым, основывается на опыте Великой Отечественной войны, учитывает особенности локальных войн последних лет. Это закономерное явление, и именно поэтому опыт минувших войн должен быть глубоко исследован и всесторонне освоен командными кадрами наших Вооруженных Сил, особенно молодыми офицерами, не участвовавшими в боях Великой Отечественной войны.

Основными источниками изучения богатейшего опыта минувшей войны являются архивные материалы и военно-историческая литература. За последнее время эта литература обогатилась новыми изданиями. Вышел в свет ряд трудов, посвященных истории и обобщению опыта Великой Отечественной войны. Появились исследования по различным вопросам военного искусства. Значительно возросло количество выступлений в печати наших замечательных полководцев, военачальников и политработников с мемуарными трудами и статьями. Многие из этих трудов высоко оценены общественностью и получили широкое признание военного читателя. Вместе с тем работ, обобщающих многообразный боевой опыт совет-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

ских войск, особенно вопросы тактики Сухопутных войск, крайне мало.

Одна из первых попыток осветить развитие тактики в годы войны была сделана авторским коллективом Военной академии имени М. В. Фрунзе в труде «Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (М., Воениздат, 1958) более 20 лет тому назад. Этот труд стал уникальным. Но целый ряд его положений, особенно в связи с появлением новых данных, требует уточнения. Изменились условия ведения и характер боевых действий. Повысились требования к искусству организации и ведения боя. На это особое внимание обращает Министр обороны СССР, подчеркивая, что уровень тактической подготовки соединений, частей и подразделений необходимо считать определяющим в их боевой выучке. И это не случайно. Как показывает практика, овладение тактическим мастерством всегда представляло одну из главных задач боевой деятельности войск. Тактические успехи, как правило, обеспечивали достижение оперативных результатов и в конечном счете решение стратегических задач. Тактика Сухопутных войск лежала в основе смелых и решительных ударов по противнику, была важным средством достижения победы над врагом. В тактике проявилось наибольшее разнообразие приемов и способов ведения наступательных и оборонительных действий. Общевойсковым соединениям и частям приходилось громить противника в самых разнообразных условиях. Это требовало от командиров всех степеней умелых организации и ведения боя, творческих решений и постоянного поиска новых тактических приемов, которые позволили бы достичь победы над врагом. Поэтому не случайно тактика была живым творчеством миллионов советских воинов, проявивших в борьбе с сильным и коварным врагом беспримерное мужество и героизм, смекалку и находчивость, военную хитрость и сноровку.

На развитие тактики определяющее влияние оказывало постоянное совершенствование вооружения и боевой техники. Вместе с тем основные положения тактики Сухопутных войск в годы войны вытекали из общих принципов советского военного искусства. Важнейшими из них были: поддержание постоянной боевой готовности войск, вооружения и техники к решению поставленных задач; высокая активность, решительность и внезапность боевых действий; сосредоточение основных усилий на важнейших направлениях и в решающий момент; гибкость маневра силами и средствами; тесное взаимодействие всех родов войск и твердое непрерывное управление ими при подготовке и в ходе боя; всестороннее обеспечение боевых действий войск. Эти принципы являются определяющими и в современных условиях. Претворение их в жизнь в боевой деятельности может в немалой степени способство-

вать совершенствованию боевой выучки личного состава наших Вооруженных Сил, воспитанию войск в духе беспредельной любви к социалистической Родине.

Настоящий труд разработан в соответствии с приказом Министра обороны СССР. Целью его написания ставилось исследовать закономерности развития тактики и показать поучительные способы подготовки и ведения боевых действий по опыту Великой Отечественной войны.

Особое внимание уделялось тем сторонам боевого опыта, которые не утратили своего практического значения и сегодня.

При разработке труда использовались материалы Архива Министерства обороны СССР, уставы и наставления периода Великой Отечественной войны, а также опубликованная литература по данной теме. Исследование велось на основе анализа боевых действий основных соединений Сухопутных войск в годы войны — стрелковых дивизий, танковых (механизированных) корпусов, действовавших на главных направлениях армий (фронтов) в важнейших операциях советских войск против немецко-фашистской армии.

Объектом исследования являлись вопросы подготовки и ведения наступательного, оборонительного и встречного боя. В целях выявления основных направлений в развитии тактики Сухопутных войск фактический материал в труде анализируется в хронологическом порядке по периодам Великой Отечественной войны. Полнота освещения отдельных вопросов во многом определялась наличием материалов, а также ограниченным объемом труда.

Глава первая

ФАКТОРЫ, ВЛИЯВШИЕ НА РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Тактика Сухопутных войск в годы Великой Отечественной войны развивалась под влиянием многих факторов, но решающими были военная техника и человек. Зависимость способов боевых действий от этих факторов является объективной закономерностью, открытой классиками марксизма-ленинизма. Еще Ф. Энгельс указывал, что «не свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменения солдатского материала» [1]. В. И. Ленин, рассматривая факторы развития тактики, писал, что «военная тактика зависит от уровня военной техники...» [2]. Вместе с тем он подчеркивал, что «без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне» [3] и что самое современное вооружение бесполезно «при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники» [4]. На развитие тактики влияли также организационная структура войск, способы боевых действий противника, оперативное искусство и другие факторы.

---

[1] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 171.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 374.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 155.
[4] Там же, с. 156.

1. ОРУЖИЕ И БОЕВАЯ ТЕХНИКА

Коммунистическая партия и Советское правительство осуществляли перед Великой Отечественной войной важные мероприятия по укреплению боеспособности СССР. «Созданная в предвоенные годы оборонная промышленность обеспечила вооруженные силы страны социализма современной военной техникой»[1]. В достижении победы большую роль сыграло оснащение Советской Армии первоклассным оружием.

Стрелковое оружие

В годы Великой Отечественной войны соединения Сухопутных войск имели на вооружении винтовки, пистолеты-пулеметы, пулеметы, противотанковые ружья (прил. 1). Большинство образцов было создано до начала войны и в основном выдержало испытания в ходе боевых действий. Вместе с тем война предъявила новые требования, которые вызвали необходимость совершенствования вооружения.

Главными направлениями совершенствования стрелкового оружия были увеличение скорострельности, уменьшение веса, повышение надежности эксплуатации и экономичности производства. Одним из основных видов вооружения стрелковых подразделений в ходе войны стали пистолеты-пулеметы. Их количество в стрелковой дивизии за войну возросло почти в 21 раз. Увеличилось в два с лишним раза количество ручных пулеметов. Все это значительно повысило плотность ружейно-пулеметного огня. Война предъявила возросшие требования к надежности и безотказности стрелкового оружия. Этим требованиям не полностью соответствовали винтовка СВТ, пистолет-пулемет ППД, которые были сняты с вооружения уже в первом периоде войны. Во втором периоде войны были приняты на вооружение пистолет-пулемет ППС-43 и станковый пулемет СГ-43, которые имели лучшие данные. В 1944—1945 гг. винтовку стал вытеснять карабин обр. 1944 г.

Необходимость борьбы с танками настоятельно потребовала иметь в стрелковых подразделениях противотанковые средства. В начале первого периода войны войска получили противотанковые ружья. Простота устройства давала возможность быстро развернуть их массовое производство. До конца 1942 г. войска получили около 266 тыс. противотанковых ружей[2], которые позволяли вести эффективную борьбу с легкими и средними танками. Однако во втором периоде броневая защита танков противника резко увеличилась, что снизило роль противотанковых ружей. Они оставались на вооружении до конца войны, являясь средством борьбы с легкими брони-

---

[1] 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967, с. 18.

[2] Советские Вооруженные Силы. М., 1978, с. 271.

рованными машинами и целями, которые не поражались винтовочной пулей.

Для противовоздушной обороны стрелковые соединения имели крупнокалиберные пулеметы ДШК, которые заменили уже в начале первого периода войны счетверенную зенитную пулеметную установку, не обладавшую достаточной маневренностью на поле боя. Крупнокалиберные пулеметы стали широко использоваться также для борьбы с наземными легкобронированными целями (бронетранспортерами и бронеавтомобилями).

Совершенствование стрелкового оружия в ходе войны повысило огневую мощь стрелковых подразделений. Оно было незаменимым в бою на близких дистанциях, в населенных пунктах и в лесу, когда затруднялось применение артиллерии и минометов. Во второй мировой войне потери от огня стрелкового оружия составляли 30—50% общих потерь [1]. Однако, несмотря на значительную роль стрелкового оружия, главное влияние на изменение тактики оказывали другие, более мощные средства борьбы.

Артиллерия

В годы войны стрелковые и танковые соединения имели на вооружении 45-, 57- и 76-*мм* пушки, 122- и 152-*мм* гаубицы, 50-, 82-, 120-*мм* минометы, 37- и 76-*мм* зенитные пушки. Действующие на главном направлении дивизии усиливались артиллерией РВГК. На усиление поступали 76-, 122- и 152-*мм* орудия, 120- и 160-*мм* минометы, противотанковая и реактивная артиллерия. Характеристика артиллерии показана в приложении 2.

Сухопутные войска вступили в войну, имея артиллерию, в целом отвечавшую требованиям боя. В ходе войны происходили количественный рост и качественное совершенствование артиллерии. Если к началу войны в действующих фронтах насчитывалость 37,5 тыс. орудий и минометов, то к началу 1945 г. их было 107 тыс.[2]. Количество орудий и минометов увеличивалось главным образом за счет артиллерии РВГК, удельный вес которой возрос с 8% в начале войны до 50% в конце ее [3]. В первом периоде войны соединения получили модернизированную 45-*мм* пушку и новую 76-*мм* дивизионную пушку, которая не только поражала противника огнем с закрытых позиций, но и являлась основным средством борьбы с танками огнем прямой наводкой. Войска получили также мощное средство эффективного поражения противника — реактивные установки БМ-8 и БМ-13.

---

[1] Военно-исторический журнал, 1969, № 1, с. 29.

[2] См.: История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974, т. 4, с. 25; 1979, т. 10, с. 38 (данные без 50-мм минометов).

[3] См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 236; Советская военная энциклопедия. М., Воениздат, 1976, т. I, с. 277.

Большие качественные изменения произошли во втором периоде войны. Были созданы 152-*мм* гаубица и 160-*мм* миномет, что имело важное значение для взлома сильно укрепленной обороны противника. Повысились возможности борьбы с танками 76-*мм* полковой пушки. Новая 57-*мм* пушка обеспечивала поражение тяжелых танков. Противотанковая артиллерия получила новые подкалиберные снаряды, что в 1,5—2 раза увеличило бронепробиваемость. Модернизация 82- и 120-*мм* минометов упростила их производство и улучшила маневренность. Не оправдавшие себя 50-*мм* минометы были сняты с производства. Повысилась подвижность артиллерии, бо́льшая часть которой получила механическую тягу.

Совершенствование артиллерии продолжалось и в третьем периоде войны, когда войска получили обладавшую большой бронепробиваемостью и дальностью стрельбы 100-*мм* пушку и мощную боевую машину БМ-31. Благодаря новым снарядам значительно улучшилась кучность стрельбы реактивной артиллерии. Завершился в основном переход всей артиллерии на механическую тягу.

Основными направлениями развития артиллерийского вооружения в годы войны были: увеличение бронепробиваемости противотанковой артиллерии; повышение мощи огня и подвижности орудий и минометов; придание всем пушкам и гаубицам способности, кроме решения основных задач огнем с закрытых позиций, поражать при необходимости танки прямой наводкой. При этом особенно большое развитие получила противотанковая и реактивная артиллерия. В годы войны артиллерия являлась главным средством поражения противника, и ее по праву называли «богом войны». Она оказала большое влияние на развитие тактики, обеспечивая прорыв обороны противника в короткие сроки, стремительное развитие наступления в глубину, отражение массированных атак танков и пехоты в оборонительном бою.

Танки и самоходно-артиллерийские установки

С началом войны стрелковая дивизия имела по штату 16 легких танков, предназначенных для ведения разведки. На вооружении танковых соединений находились в основном легкие танки Т-26 и БТ-7. Танков новых типов (средних Т-34 и тяжелых КВ) имелось всего лишь 1475[1]. Уже в первые месяцы войны танки были изъяты из стрелковых дивизий, и до конца войны в штате этих соединений их не было. Поэтому дивизия на главном направлении получала на усиление танки и самоходно-артиллерийские установки. Тактико-технические данные танков и самоходно-артиллерийских установок приведены в приложении 3.

[1] См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4, с. 25.

Танки Т-34 и КВ являлись первоклассными боевыми машинами, но их было мало. Легкие танки по основным показателям уступали немецко-фашистским танкам. Однако из-за экономических трудностей большие потери в первом периоде войны приходилось восполнять выпуском главным образом легких танков Т-60 и Т-70, которые к концу периода составляли 60% всего танкового парка [1]. Имея слабые вооружение и бронезащиту, они были малоэффективными. Во втором периоде войны возросшие возможности страны позволили увеличить производство средних и тяжелых танков и прекратить выпуск легких танков. Средние и тяжелые танки к концу 1943 г. составляли 80% общего количества. Был модернизирован танк Т-34, который с установкой на нем 85-*мм* пушки оставался лучшим танкам второй мировой войны. Наряду с модернизацией КВ появился новый тяжелый танк ИС-1 с сильной броневой защитой. В 1943 г. началось серийное производство самоходно-артиллерийских установок, которые обеспечивали непрерывную огневую поддержку атаки танков и пехоты, ведя борьбу в первую очередь с противотанковыми средствами противника. В третьем периоде войны войска получили новый тяжелый танк ИС-2 и самоходно-артиллерийскую установку СУ-100, вооружение и броневая защита которых позволяли вести борьбу с танками всех типов.

В ходе войны шел неуклонный рост количества бронетанковой техники. В конце войны (на 1 января 1945 г.) в действующей армии насчитывалось 12,1 тыс. танков и САУ [2]. Качество бронетанковой техники улучшалось в направлении увеличения огневой мощи, броневой защиты, маневренности, повышения надежности эксплуатации. Средние и тяжелые танки стали составлять основу вооружения танковых войск. Рост количества и качества танков и самоходно-артиллерийских установок оказал огромное влияние на развитие тактики. Усиление стрелковых соединений танками и САУ увеличило их ударную огневую мощь. Боевые действия в наступлении стали развиваться в более высоком темпе, на бо́льшую глубину, с решительными целями. Танки и самоходно-артиллерийские установки повышали устойчивость обороны, особенно в противотанковом отношении, являлись главным средством проведения контратак.

Авиация

Развитию тактики общевойскового боя способствовали увеличение количества и совершенствование авиационной техники. Количество самолетов в действующей армии увеличилось с 1540 в начале войны до 14,7 тыс. боевых самолетов на 1 января 1945 [3].

[1] См.: Советские Вооруженные Силы, с. 273.

[2] См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 10, с. 38.

[3] См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4, с. 25; т. 10. с. 38 (учтены только новые самолеты).

В начале войны авиация имела на вооружении главным образом устаревшие самолеты. Новых, современных самолетов насчитывалось лишь 19%. Понеся большие потери, Военно-Воздушные Силы не могли обеспечить надежной противовоздушной обороны и эффективной поддержки соединений Сухопутных войск. В первом периоде войны перевооружение новыми самолетами было в основном завершено. В дальнейшем кроме новых истребителей Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-3, штурмовиков Ил-2, бомбардировщиков Пе-2 воздушные армии получили новейшие истребители Як-3, Ла-5, Як-7б, Як-9, штурмовики Ил-10, бомбардировщики Ту-2. Резко увеличилось количество самолетов, особенно истребителей и штурмовиков.

Завоевав в 1943 г. господство в воздухе, авиация надежно прикрывала соединения Сухопутных войск. Непрерывное возрастание количества более совершенных штурмовиков и истребителей обеспечивало эффективную поддержку общевойсковых соединений, что позволило им выполнять более глубокие задачи, повысило темпы наступления, устойчивость и активность обороны. Воздушная разведка стала важнейшим источником разведывательных данных при организации и особенно в ходе боевых действий.

В целом непрерывное развитие вооружения в годы войны значительно повысило огневую мощь, ударную силу и маневренные возможности соединений Сухопутных войск, что оказало существенное влияние на изменение тактики общевойскового боя.

2. МОРАЛЬНО-БОЕВЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОГО СОСТАВА

Опыт Великой Отечественной войны еще раз подтвердил, что для достижения победы мало иметь хорошее вооружение. Решающим фактором развития тактики являются люди, умело владеющие боевой техникой, способами вооруженной борьбы. Роль людей в развитии тактики особенно велика.

В предвоенные годы Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно заботились о боевой подготовке и воспитании личного состава Вооруженных Сил. К началу войны командный состав Советской Армии в основном отвечал предъявляемым к нему требованиям. Командиры соединений, частей и подразделений были беззаветно преданы Коммунистической партии, обладали необходимыми знаниями и готовностью выполнить свой воинский долг перед Родиной. Вместе с тем только около 26% командного состава имели опыт гражданской войны и ведения боевых действий (война с Финляндией в 1939—1940 гг.) [1]. Почти 75% командиров находи-

[1] См.: Советские Вооруженные Силы, с. 249.

лись в занимаемой должности менее года и не полностью овладели новыми обязанностями. Как показала война с Финляндией, тактическая подготовка командного состава имела ряд недостатков, особенно в вопросах управления, организации взаимодействия родов войск и использования боевой техники. Невысокой оказалась полевая выучка войск. Вскрыв недостатки, Центральный Комитет Коммунистической партии потребовал их быстрейшего устранения.

Накануне Великой Отечественной войны подготовка войск проводилась с учетом опыта начавшейся второй мировой войны и характера действий вероятного противника. Выполняя указания партии и требования Народного Комиссара Обороны — «учить войска только тому, что нужно на войне и только так, как делается на войне», войска совершали длительные марши, учились слаженно действовать на поле боя. Огромную роль в формировании высоких морально-боевых качеств играла партийно-политическая работа, которая была направлена на повышение бдительности, укрепление дисциплины, ликвидацию элементов благодушия, на добросовестное выполнение задач по защите социалистической Родины. Цементируемый коммунистами и комсомольцами, которые на 1 января 1941 г. составляли 55% всех военнослужащих [1], личный состав армии был готов выполнить свой священный долг перед Родиной.

Жестокой проверкой морально-боевых качеств и мастерства личного состава явился первый период войны, когда боевые действия велись при численном превосходстве противника. Отмобилизование армии, восполнение потерь требовали большого количества личного состава. Основными источниками пополнения командных кадров являлись военно-учебные заведения, перешедшие на сокращенные сроки обучения, и офицеры запаса. [2]. Военная подготовка большинства из них была недостаточной. Часть командиров недооценивали и слабо знали технику и тактику противника, проявляли шаблон в организации и руководстве боем. Командный состав в предвоенные годы готовился главным образом к ведению наступательного боя с прорывом подготовленной обороны противника и был слабо подготовлен к ведению оборонительных боев и организации отхода.

В ожесточенных сражениях первого периода войны командные кадры закалялись, получали боевой опыт, совершенствовали тактическое мастерство, организаторские способности и методы воспитания личного состава в боевых условиях.

---

[1] См.: История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974, т. 3, с. 432.

[2] 46% общего пополнения офицеров с начала войны до конца 1942 г. составляли кадры, подготовленные в академиях, училищах и на курсах, 40% было призвано из запаса, остальные вернулись в строй после ранения.

Качественный рост кадров, их политическая зрелость позволили в октябре 1942 г. перейти к полному единоначалию, что обеспечивало дальнейшее укрепление боевой мощи Советской Армии.

За первые полгода войны в армию было мобилизовано 5,5 млн. человек [1], основу которых составляли солдаты и сержанты, получившие военную подготовку в Советской Армии после гражданской войны. В последующем были мобилизованы граждане старших возрастов, значительная часть которых имела опыт первой мировой и гражданской войн. Призывались также 18-летние юноши. После кратковременной военной подготовки они направлялись в действующую армию. В целом подготовка и морально-боевые качества личного состава в первом периоде войны в основном отвечали требованиям войны.

Вместе с тем неудачи летней кампании 1941 г., нехватка вооружения, отсутствие боевого опыта, недостаточная боевая подготовка призванных из запаса воинов отрицательно влияли на морально-боевые качества войск. Наряду с массовым героизмом, стойкостью, умелым использованием оружия были случаи «танко-» и «самолетобоязни», боязни окружения. Основные усилия партийно-политической работы в этих условиях были направлены на укрепление дисциплины и организованности, воспитание стойкости и ненависти к врагу. Однако кропотливая работа подменялась иногда, особенно летом 1941 г., голым администрированием, что не способствовало укреплению дисциплины. Центральный Комитет партии, указав на недостатки, потребовал шире использовать метод убеждения. Успешные наступательные операции зимней кампании 1941/42 г., улучшение вооружения, возросший боевой опыт способствовали повышению морально-боевых качеств войск. Летом 1942 г. большую роль в укреплении дисциплины и стойкости сыграл приказ Народного Комиссара Обороны № 227, главным требованием которого было: «Ни шагу назад!». В этих условиях командиры и политработники проявили непреклонную волю, решительность, твердость, а весь личный состав — массовый героизм, что оказало существенное влияние на развитие тактики.

Во втором периоде войны основным источником пополнения офицерских кадров по-прежнему являлись военно-учебные заведения. Значительно возросло возвращение в строй офицеров после излечения в госпиталях [2]. Молодые офицеры, выпущенные из училища, хотя и не были достаточно подготов-

---

[1] См.: *Иовлев А. М.* Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М.; 1976, с. 144.

[2] Из общего пополнения офицерских кадров 61% составляли офицеры, подготовленные академиями, училищами и курсами, 38% — вернувшиеся в строй после ранения.

лены, однако быстро приобретали опыт и удовлетворяли основным требованиям войны. В 1943 г. были увеличены сроки обучения в училищах до 1 и более года, что существенно повысило подготовку молодых офицеров. В целом подготовка командных кадров во втором периоде войны улучшилась. Как отмечалось в приказе Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1943 г., «десятки тысяч командиров Красной Армии стали мастерами вождения войск. Они научились сочетать личную отвагу и мужество с умением руководить войсками на поле боя, отрешившись от глупой и вредной линейной тактики и став прочно на почву тактики маневрирования».

Во втором периоде войны повысились морально-боевые качества всего личного состава. Крупные успехи Советской Армии в битвах под Сталинградом и Курском, последующее наступление укрепили непоколебимую веру в победу над фашистскими захватчиками. Советские воины приобрели богатый опыт ведения непреодолимой обороны и стремительного наступления. Главное содержание партийно-политической работы определял лозунг партии: «Вперед, на разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!». Обучение войск проводилось на основе обобщенного опыта. Соединения и части, предназначенные для прорыва, как правило, выводились в тыл, где проводили учения. Так, перед началом Болховской операции 1943 г. стрелковые части тренировались в атаке опорных пунктов, отрабатывали взаимодействие, обращая особое внимание на твердое и непрерывное управление [1]. Боевая практика, творчество воинов обогащали военную теорию, овладение которой, в свою очередь, способствовало совершенствованию воинского мастерства. Обогащенный боевым опытом личный состав Сухопутных войск добился во втором периоде войны значительного улучшения способов ведения наступательного и оборонительного боя.

В третьем периоде войны офицерские кадры продолжали пополняться за счет подготовки в военно-учебных заведениях и на курсах, а также возвращения в строй после ранения [2]. Командные кадры в завершающем периоде войны обладали богатейшим опытом организации и ведения как наступательного, так и оборонительного боя.

Выдающиеся успехи Советской Армии в третьем периоде войны укрепили уверенность в скорой и окончательной победе над фашистской Германией. Советские воины приобрели огромный боевой опыт и обладали высокими морально-боевы-

---

[1] См.: Военно-исторический журнал, 1975, № 10, с. 19.

[2] В 1944—1945 гг. офицерские кадры пополнялись: 63% — за счет окончивших учебные заведения и на 34% — за счет вернувшихся в строй после ранения.

ми качествами. Партийно-политическая работа отличалась большой целеустремленностью и конкретностью по обеспечению выполнения боевых задач. На 1 января 1945 г. в армии и на флоте насчитывалось более 3 млн. коммунистов и около 2,4 млн. комсомольцев [1]. Благодаря правильной расстановке коммунистов еще более усилилась их авангардная роль. Боевая подготовка характеризовалась максимальным приближением к характеру условий предстоящих боевых действий. На многих учениях с боевой стрельбой для обозначения противника использовалась трофейная боевая техника, что воспитывало уверенность в силе своего оружия. В результате возросшего мастерства и опыта личного состава в третьем периоде войны были выработаны эффективные приемы прорыва обороны противника и ведения преследования на большую глубину. Обогащался и опыт ведения оборонительного боя.

Влияние творчества советских воинов на развитие тактики трудно переоценить. Благодаря творческим усилиям личного состава, и прежде всего генералов и офицеров, непрерывно развивались способы боевых действий, в полной мере соответствуя решительному и маневренному характеру общевойскового боя и изменявшимся средствам вооруженной борьбы. Немалое значение для развития тактики имело боевое творчество сержантов и солдат. Их инициатива, сметливость, повышение уровня боевого мастерства во многом способствовали совершенствованию тактических приемов. Беззаветная преданность социалистической Родине, Коммунистической партии, интернациональные идеи освобождения и братства народов были основой массового героизма личного состава Советской Армии, быстрого совершенствования тактического искусства.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК

Как показал опыт, организация войск призвана обеспечить наивыгоднейшее сочетание и целесообразное использование всех сил и средств и бесперебойное управление ими в ходе боевых действий. Она зависит прежде всего от экономических условий, количественного и качественного оснащения армии вооружением и боевой техникой. Вместе с тем «формы организации армии, роды и виды войск приспосабливаются обычно к формам и способам ведения войны» [2].

Основным общевойсковым соединением в годы Великой Отечественной войны была стрелковая дивизия. Ее организация и вооружение показаны на схеме 1 и в приложении 4. Накануне войны боевые возможности дивизии по шта-

---

[1] См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 10, с. 30.

[2] *Энгельс Ф.* Избр. военные произв. М., 1941, т. 1 с. 18.

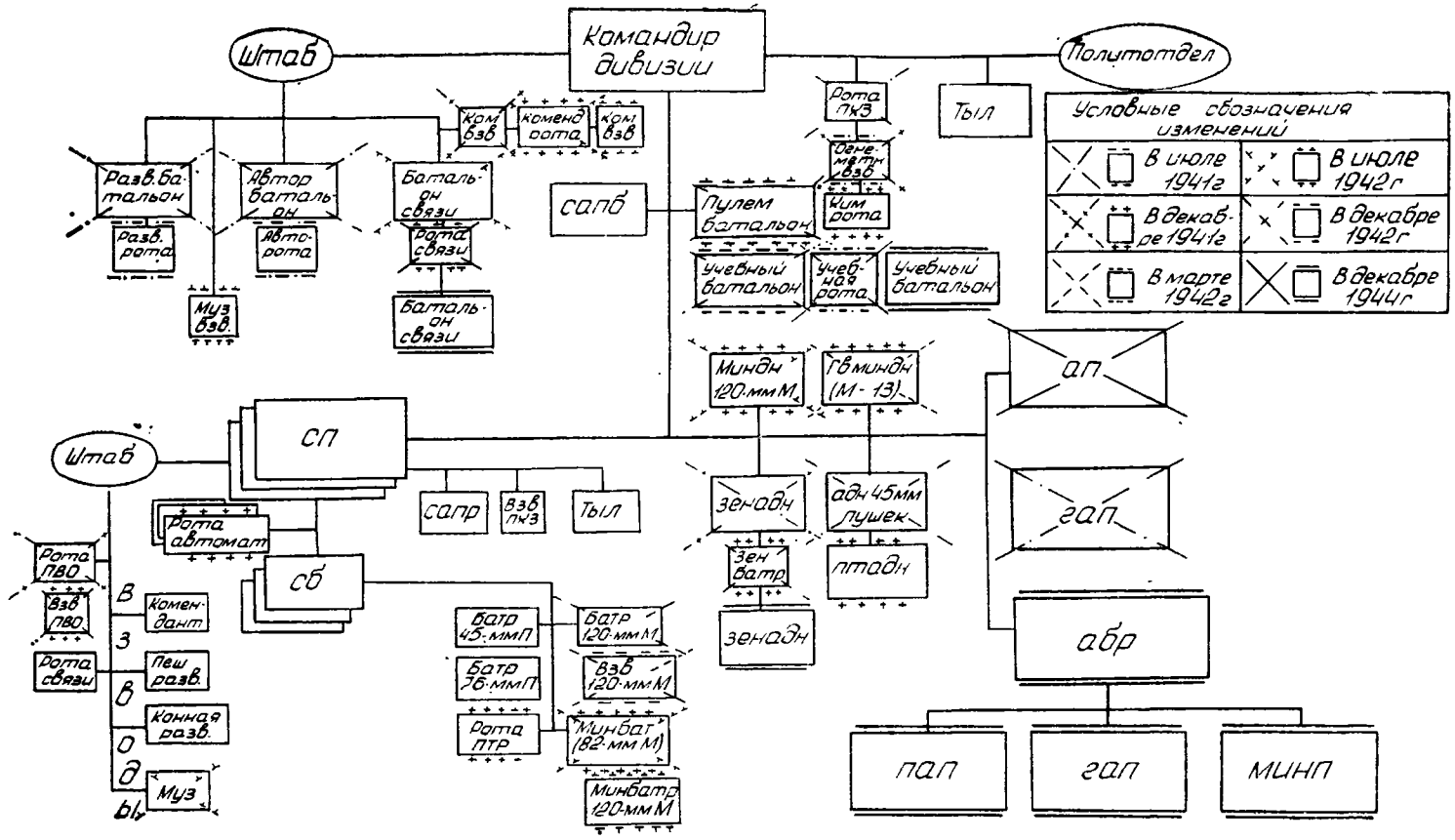


Схема 1. Основные изменения организации стрелковой дивизии

ту 1941 г. не уступали возможностям пехотной дивизии фашистской Германии, за исключением подвижности из-за бо́льшего количества автомашин в соединении противника. Однако в отличие от немецко-фашистских соединений советские дивизии даже в приграничных военных округах были укомплектованы не полностью, всего на 60—80%.

Совершенствование организации войск в годы Великой Отечественной войны осуществлялось с учетом условий вооруженной борьбы.

В первом периоде войны штаты стрелковой дивизии изменялись пять раз. Первое изменение произошло в июле 1941 г. Большие потери, сокращение производства оружия и боевой техники, вызванное эвакуацией промышленных предприятий в глубь страны, формирование новых соединений привели к созданию стрелковой дивизии сокращенного состава. Количество личного состава в дивизии уменьшилось примерно на 25%, артиллерии и минометов — на 52%. Стрелковая дивизия стала насчитывать в 1,5—2 раза меньше людей и оружия, чем немецко-фашистская дивизия. Снижение боевых возможностей дивизии и необходимость обороняться на широком фронте затрудняли создание устойчивой и непреодолимой обороны. Уменьшение ударной силы дивизии не позволяло ей решать и глубоких задач в наступлении.

Последующие изменения в организации стрелковой дивизии (с возрастанием выпуска вооружения промышленностью) шли по линии повышения ее огневой мощи и ударной силы. Это выражалось в увеличении количества автоматического оружия, противотанковых средств, артиллерийских орудий и минометов. Так, стрелковая дивизия конца 1942 г. по сравнению с дивизией по штату от 29 июля 1941 г. имела пистолетов-пулеметов больше в 6,4 раза, ручных и станковых пулеметов — в 2 раза, 45-*мм* противотанковых пушек — в 2,7 раза, орудий и минометов — почти в 2 раза.

Дальнейшее возрастание огневой мощи продолжалось во втором и особенно в третьем периодах войны. Например, стрелковая дивизия в конце 1944 г. по штату насчитывала на 2497 пистолетов-пулеметов и 22 орудия больше, чем дивизия конца 1942 г. Все это позволяло дивизии выполнять более глубокие боевые задачи в наступлении, быстрее осуществлять прорыв тактической зоны обороны противника и во взаимодействии с подвижными группами армии и фронта развивать успех в оперативной глубине. Возросшие боевые возможности дивизии обеспечивали создание более устойчивой обороны.

Артиллерия дивизии насчитывала значительное количество минометов, залп которых составлял 55—58% общего артиллерийско-минометного залпа соединения (табл. 1). В результате этого штатными средствами дивизия могла нанести

Таблица 1

Огневые возможности стрелковой дивизии в годы войны *

Время утверждения штатов	Количество выстрелов из стрелкового оружия в минуту	Вес залпа орудий и минометов, *кг*
Июль 1941 г.	140 470	547,8
Декабрь 1941 г.	190 930	992,2
Март 1942 г.	215 910	1050,2
Июль 1942 г.	198 470	1086,2
Декабрь 1942 г.	204 710	1100,7
Декабрь 1944 г.	491 160	1588,9

* Таблица составлена на основе материалов: Тактика в боевых примерах. Дивизия. М., 1976, с. 10, 14.

огневое поражение на небольшую дальность (в наступлении на глубину первой позиции обороны противника).

Стрелковая дивизия своей штатной артиллерией не могла создать плотности, необходимые для успешного прорыва обороны противника и ведения оборонительного боя (табл. 2).

Таблица 2

Плотности штатных орудий и минометов дивизии калибра 76 *мм* и выше на 1 *км* фронта

Периоды войны	Плотности штатных орудий и минометов	
	при наступлении в полосе 2—3 *км*	при обороне в полосе 8—10 *км*
Первый	46—68	14—17
Второй	52—79	16—20
Третий	64—96	19—24

Следует заметить, что стрелковые дивизии в течение всей войны имели 70—85% штатной численности личного состава. В дивизии не было танков и самоходно-артиллерийских установок. Лишь в третьем периоде войны некоторые стрелковые соединения получили самоходно-артиллерийский дивизион (16 СУ-76). Всего было сформировано 70 дивизионов. Количество зенитных и противотанковых средств не обеспечивало

необходимой противовоздушной и противотанковой обороны частей дивизии. Все это вызывало необходимость усиления дивизии силами и средствами вышестоящего командования.

Трудности первого периода войны вынуждали формировать с октября 1941 г. кроме стрелковых дивизий стрелковые бригады. Они состояли из 3—4 стрелковых батальонов, минометного батальона (82-*мм* минометы), минометного (120-*мм* минометы), противотанкового и артиллерийского дивизионов и других подразделений общей численностью 4—6 тыс. человек. Из-за недостаточных боевых возможностей бригады во втором периоде войны начали переформировываться в стрелковые дивизии. Этот процесс в 1944 г. в основном завершился.

Высшим общевойсковым соединением в годы войны был стрелковый корпус. В начале войны он состоял из трех стрелковых дивизий, двух артиллерийских полков, зенитного дивизиона и частей обеспечения. Из-за недостатка командных кадров при резком увеличении количества формируемых дивизий и бригад в 1941 г. управления стрелковых корпусов были ликвидированы. Одновременно было уменьшено количество дивизий в армии. Однако по мере увеличения боевого состава управлять большим количеством соединений армии стало трудно. Улучшение положения с командными кадрами позволило восстановить корпусное звено управления. Этот процесс начался уже в первом периоде войны и был завершен во втором.

Таким образом, организационные изменения стрелковых соединений в годы войны в целом увеличили их боевые возможности. Однако стрелковая дивизия нуждалась в усилении, прежде всего танками и артиллерией, в том числе противотанковой. Возрастание количества танковых и артиллерийских частей и соединений Резерва Верховного Главнокомандования, происходившее в годы войны, позволяло усилить соединения средствами, которые во втором и в третьем периодах войны удовлетворяли потребности боевых действий.

Великая Отечественная война была войной моторов, массовой и разнообразной техники. Главной ударной силой Сухопутных воск являлись бронетанковые и механизированные войска. Они вступили в войну, имея механизированные корпуса, включавшие по две танковые и одной моторизованной дивизии. Корпус был мощным оперативно-тактическим соединением, насчитывал по штату 1031 танк. Однако из-за недостатка танков большинство корпусов не было укомплектовано. Вооруженные в основном устаревшими танками, корпуса понесли в первых боях большие потери и из-за невозможности их пополнения и сложности управления ими в июле 1941 г. были расформированы. Отдельные танковые дивизии по этим же причинам прекратили свое существование в конце 1941 г. До весны 1942 г. основными формиро-

ваниями танковых войск были отдельные танковые батальоны и бригады, имевшие по 29—93 танка.

С переходом наших войск к наступательным действиям и увеличением производства танков уже весной 1942 г. началось формирование танковых, а осенью — механизированных корпусов. Изменение их состава показано на схеме 2 и в приложении 5. Корпуса бригадного состава являлись легкоуправляемыми оперативно-тактическими соединениями. Развитие их организации шло по пути повышения ударной силы, огневой мощи и маневренности.

Ударная сила корпуса повышалась в результате увеличения количества танков при сокращении и последующем исключении легких танков. Количество танков в танковом корпусе, например, возросло в 2 раза, средних танков в механизированном корпусе — в 1,8 раза. Артиллерия, численность которой в танковом корпусе увеличилась в 1,5 раза, обеспечивала самостоятельные действия соединений в отрыве от главных сил армии и фронта в оперативной глубине. Высокая подвижность корпусов достигалась передвижением всего личного состава в танках и на автомашинах, количество которых возрастало. В корпусе один автомобиль приходился на 80—85 человек, в то время как в стрелковой дивизии конца войны — на 280 человек. Танковые и механизированные корпуса могли наступать в высоких темпах и осуществлять широкий маневр при нанесении контрударов в обороне.

4. ТАКТИКА ПРОТИВНИКА

Бой — двусторонний процесс, поэтому тактика одной противоборствующей стороны находится в постоянной зависимости от тактики другой противоборствующей стороны. Сражающиеся стороны вынуждены избирать и вырабатывать такие формы борьбы, которые позволили бы одержать победу над противником со всеми особенностями его тактики. Изменения в тактических приемах одной стороны неизбежно вызывают соответствующие изменения приемов ведения боя другой стороной.

В первом периоде Великой Отечественной войны тактика наступательного боя гитлеровской армии на советско-германском фронте основывалась на двухлетнем боевом опыте войны в Европе. Противник стремился внезапными ударами прежде всего подвижных соединений, поддерживаемых авиацией, прорвать оборону советских войск, расчленить и уничтожить их. При этом во многих случаях ставка делалась на действия небольших групп автоматчиков, тактических воздушных десантов, наводящих панику в тылу и создающих иллюзию окружения, и передовых отрядов, которые проникали на большую глубину. Основу ударных группировок составляли

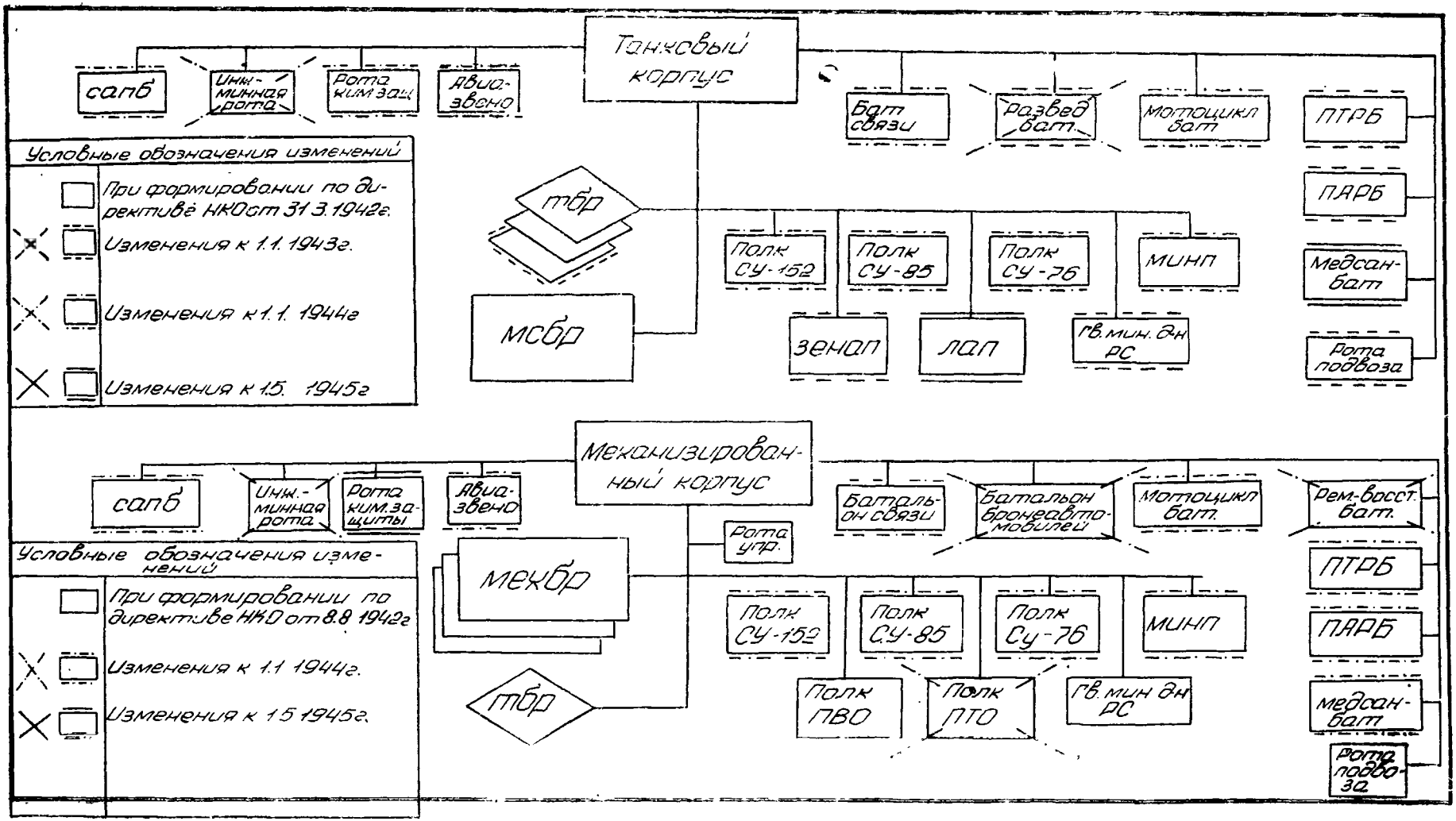


Схема 2. Основные изменения организации танкового и механизированного корпусов

танковые и моторизованные дивизии, которые прорывали оборону на узких участках. Дивизии на направлении главного удара получали полосы по 3—6 *км* [1]. Атаке предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка, которая продолжалась 40—45 минут и в ряде случаев проводилась 5—15-минутным огневым налетом с плотностью 50—70 орудий на 1 *км*. Значительную часть огневых задач решала авиация. Все это оказало существенное влияние на развитие тактики нашей обороны. Уже в начале войны стали совершенствоваться способы борьбы с танками противника, по-новому строиться противотанковая оборона, эшелонированная в глубину. Излюбленные методы прорыва противника на флангах и стыках потребовали их надежного обеспечения. Господство противника в воздухе заставило наши войска, вплоть до подразделений, применять активные методы противовоздушной обороны, тщательно маскироваться. Усовершенствованная в дальнейшем тактическая оборона советских войск выдержала суровые испытания во втором и в третьем периодах войны.

В декабре 1941 г. немецко-фашистские войска были вынуждены перейти к обороне, которая строилась на удержании тактической зоны глубиной 3—4 *км* и контратаках резервов. Противник создавал в основном одну полосу, обороняемую дивизиями первого эшелона корпуса и оборудованную ротными опорными пунктами и батальонными узлами сопротивления. Населенные пункты в глубине также готовились к обороне. Характер неглубокой, очаговой обороны противника явился одним из факторов, определившим переход советских войск в 1942 г. к одноэшелонным боевым порядкам соединений, частей и подразделений.

Во втором периоде войны в связи с возросшими наступательными возможностями войск Советской Армии усиливается тактическая зона обороны противника. Она состояла из двух полос общей глубиной до 15 *км*. Полосы имели позиции, оборудованные траншеями.

Перед советскими войсками встала задача прорыва глубокой позиционной обороны противника. Это потребовало дальнейшего совершенствования тактики наступательного боя Советской Армии. Конкретное выражение оно нашло в изменении боевых задач соединений и частей, в переходе их к глубокому боевому порядку, а в дальнейшем — в массировании сил и средств, усилении огневого подавления, привлечении для завершения прорыва танковых соединений и др. В оперативной глубине противник часто наносил мощные контрудары, отражение которых требовало от танковых и механизированных корпусов совершенствования способов ведения встречных боев.

[1] См.: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1958, с. 94.

В третьем периоде войны оборона противника усилилась. Противник сосредоточивал основные усилия на удержании тактической зоны, в пределах которой для нанесения контрударов и усиления обороны использовались почти все оперативные резервы. Если плотность артиллерии летом 1943 г. составляла 15—25 орудий на 1 км, то в кампании 1945 г. на направлении главного удара она была 25—30 и более орудий. Все это потребовало совершенствования тактики прорыва, привело к дальнейшему сужению полос наступления и участков прорыва. Противник часто практиковал отвод своих войск в глубину непосредственно перед началом наступления, что повысило роль разведки боем, которая стала проводиться большими силами. Вводимые для завершения прорыва танковые и механизированные корпуса были вынуждены вести борьбу с оперативными резервами в пределах тактической зоны и в ближайшей оперативной глубине. Возросшая глубина инженерного оборудования местности в обороне противника требовала от подвижных соединений совершенствования прорыва промежуточных рубежей, способов действий при развитии успеха и в борьбе с противником, оборонявших города-«крепости».

Таким образом, тактика противника оказывала постоянное и непосредственное влияние на тактику советских войск, которая находила наиболее целесообразные приемы боевых действий по отражению его наступления и прорыву обороны немецко-фашистских войск.

5. ОПЕРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

Боевые действия соединений объединяются и направляются общей целью, определяемой оперативным командованием, и тактика является средством решения оперативных задач. Предъявляя определенные требования к тактике, оперативное искусство выступает в роли одного из факторов ее развития. Опыт войны подтвердил, что любая оперативная задача успешно решается только при всестороннем учете тактических возможностей войск и конкретном руководстве ими со стороны командующих оперативными объединениями. Командующий армией определял многие вопросы организации общевойскового боя (направление главного удара, участок прорыва, распределение сил и средств), указывал задачи соединениям, организовывал взаимодействие, планирование артиллерийского наступления и др. Командиры соединений не могли решать боевые задачи, не учитывая замысла и целей операции.

В первом периоде войны, две кампании которого были оборонительными, оперативное искусство требовало от тактики создания прочной и устойчивой обороны, высокой активности

и упорства при выполнении оборонительных задач. Оборона общевойсковых армий на широком фронте при ограниченном количестве сил и средств приводила к назначению соединениям широких полос, которые превышали предвоенные нормативы и боевые возможности слабоукомплектованных стрелковых соединений. Это не позволило создать необходимой глубины обороны, которая не выдерживала удара крупных группировок противника. Быстрый прорыв противником обороны стрелковых соединений вынуждал командование фронтов и армий в первые же дни войны наносить контрудары механизированными корпусами. Удары наносились, как правило, наспех и к желаемому результату не приводили. Трудные условия ведения оборонительных операций вынуждали применять механизированные корпуса, танковые дивизии и бригады не только для нанесения контрударов, но и для удержания оборонительных рубежей и ведения главным образом подвижной (маневренной) обороны.

Во втором периоде войны по мере увеличения количества соединений в армии и сокращения фронта ее обороны ширина полосы стрелкового соединения уменьшилась, что позволило создать глубокий боевой порядок, повысило устойчивость обороны соединений, их возможности по проведению контратак и сделало тактическую зону непреодолимой для наступления противника. Танковые и механизированные корпуса находились в резерве фронта и использовались прежде всего для нанесения контрударов. На завершающем этапе контрудара они переходили к обороне, которая создавалась в короткие сроки и в тесном взаимодействии со стрелковыми соединениями.

В третьем периоде войны оборона применялась для экономии сил и средств при проведении наступательных операций и на завершающем этапе наступательной операции в целях закрепления достигнутых рубежей и подготовки нового наступления. Оборона соединений, выделенных для обеспечения флангов ударной группировки фронта и армии, носила позиционный характер, имея обычно небольшую глубину. Переход к обороне на завершающем этапе наступательной операции осуществлялся, как правило, под ударами оперативных резервов противника и требовал организации боя в короткие сроки. Первыми встречались с оперативными резервами танковые и механизированные корпуса, действовавшие в большом отрыве от остальных сил фронта, что вынуждало их самостоятельно переходить к круговой обороне с открытыми флангами. Подходящие стрелковые дивизии усиливали танковые соединения, которые в последующем выводились в резерв или во второй эшелон, готовя контрудары на случай вклинения противника.

Основными проблемами, которые решало оперативное искусство в наступлении, являлись прорыв тактической зоны обороны противника и стремительное развитие успеха в оперативной глубине. Эти задачи выполнялись стрелковыми соединениями во взаимодействии с другими родами войск, авиацией и специальными войсками. В развитии оперативного успеха главная роль принадлежала соединениям подвижных войск, поддерживаемых авиацией.

В зимней кампании 1941/42 г. стрелковым соединениям приходилось организовывать наступательный бой в ограниченные сроки, наступать в широких полосах, иногда с ходу. Слабость вторых эшелонов, отсутствие подвижных групп армий, а также стремление достичь решительных целей вынуждало командующих армиями ставить стрелковым дивизиям глубокие задачи, которые в указанные сроки, как правило, не выполнялись. Широкие полосы затрудняли создание ударных группировок. Ставка Верховного Главнокомандования в директивном письме от 10 января 1942 г. потребовала от командования фронтов и армий перейти к действиям ударными группировками, что привело к сокращению ширины полос наступления дивизий на направлении главного удара. Из-за отсутствия крупных танковых соединений стрелковым дивизиям приходилось не только прорывать оборону, но и развивать успех в оперативной глубине.

Во втором периоде войны характер подготовки и ведения наступательных операций изменился. Увеличение времени на подготовку боя улучшило условия его организации. Стрелковые дивизии стали получать больше средств усиления и меньшие полосы наступления. Главной задачей стрелкового корпуса и его соединений был прорыв тактической зоны обороны противника. Привлечение подвижных групп армии и фронта для завершения прорыва тактической зоны обороны требовало от стрелковых соединений обеспечения ввода в сражение подвижных соединений и взаимодействия с ними в ходе боевых действий по прорыву обороны. Главным средством развития оперативного успеха стали танковые и механизированные корпуса, от которых требовалось стремительное наступление в глубину. Действия подвижных соединений в оперативной глубине вызывали необходимость наступления по направлениям, обхода узлов сопротивления противника, самостоятельного прорыва промежуточных рубежей, форсирования рек с ходу, организации борьбы с оперативными резервами, взаимодействия с авиацией.

Развитие оперативного искусства в третьем периоде войны определило дальнейшее совершенствование тактики. Уменьшение полосы наступления армии привело к еще большему сужению полосы наступления дивизий. Возросшее усиление

повысило роль взаимодействия. Были созданы более благоприятные условия увеличения глубины боевого порядка стрелковых соединений.

Главным требованием оперативного искусства к тактике оставался прорыв тактической зоны обороны противника в первый день операции. В то же время возросшие темпы и глубина операций 1944—1945 гг. требовали от стрелковых соединений организации и ведения быстрого преследования с использованием результатов действий подвижных групп армии и фронта. Главным средством стремительного развития успеха в оперативной глубине оставались танковые и механизированные корпуса. Возросшая глубина операций третьего периода войны требовала от них дальнейшего развития тактики непрерывного преследования с последовательным преодолением промежуточных оборонительных рубежей и водных преград. Планирование ввода танковых и механизированных корпусов в сражение по нескольким вариантам, в ряде случаев после прорыва тактической зоны, требовало от подвижных соединений организации боевых действий на нескольких направлениях. Иногда они применялись для прорыва обороны противника с началом операции, вели боевые действия за крупные города, что потребовало совершенствования тактики подвижных соединений при выполнении этих новых для них задач.

Таким образом, развитие тактики в годы Великой Отечественной войны проходило под непосредственным воздействием оперативного искусства, которое предъявляло определенные требования к тактике общевойскового боя и влияло на характер и способы боевых действий стрелковых и танковых соединений.

Глава вторая

НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ БОЙ

В годы Великой Отечественной войны наступательный бой являлся основным видом боевых действий советских войск и преследовал цель полного разгрома врага [1]. В условиях наличия сплошных фронтов главной проблемой наступательного боя был прорыв в высоких темпах непрерывно возраставшей по глубине и силе сопротивления тактической зоны обороны противника. Именно в результате прорыва тактической зоны обороны, где сосредоточивалось до 80% всех сил и средств врага, наносилось решающее поражение его главным силам, создавались благоприятные условия для развития успеха в глубину и достижения конечных целей операции. Решение этой сложной задачи обеспечивалось совместными усилиями всех родов войск и авиации, а на приморских направлениях и флота. Вследствие этого организация и осуществление прорыва тактической зоны обороны врага в годы войны переросли тактические рамки и носили оперативный характер. Решения командующих армиями и фронтами, массирование сил и средств, особенно артиллерии, танковых (механизированных) соединений и авиации, на избранных участках прорыва оказывали существенное влияние на боевые действия стрелковых соединений, наступавших в первом эшелоне. Боевые действия носили ярко выраженный характер общевойскового боя с массовым применением разнообразной боевой техники. Они развертывались на широком фронте и на большую глубину. Поэтому организация и ведение боя представляли собой слож-

[1] Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 111.

ный процесс, развитие которого определялось целым рядом факторов. В ходе этого развития подвергались изменениям и боевые порядки войск, совершенствовалась работа командиров и штабов по организации боя и управлению войсками, изыскивались более совершенные методы огневого поражения противника, способы прорыва его главной и второй полос обороны, развития наступления в оперативной глубине и др. В то же время в каждом конкретном случае организация и ведение наступательного боя определялись конкретными условиями обстановки. Изменение этих условий вынуждало вырабатывать новые, наиболее приемлемые способы подготовки боя и разгрома противника.

1. БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ

Содержание и глубина боевых задач стрелковой дивизии

В предвоенные годы общая боевая задача соединения (части) подразделялась на ближайшую и последующую [1].

Ближайшая задача определялась обычно той первой целью действий, которая достигалась в одном построении боевого порядка и при одной системе взаимодействия родов войск. Ее глубина могла быть различной. Она зависела от соотношения сил, характера местности, сопротивления противника и глубины общей задачи.

Последующая задача обычно определялась ближайшей задачей вышестоящего соединения. Для ее выполнения допускались частные изменения в боевом порядке и в организации взаимодействия.

Ближайшей задачей стрелкового корпуса (дивизии) при построении боевого порядка в один эшелон обычно являлся прорыв главной полосы обороны на глубину 6—8 *км*. Последующая задача заключалась в овладении второй полосой обороны (позицией корпусных резервов) и продвижении на глубину до 20 *км*, чем достигался прорыв всей тактической зоны обороны противника в первый же день наступления [2].

В ходе Великой Отечественной войны большое внимание уделялось наиболее целесообразному определению боевых задач. Этот вопрос являлся одним из важнейших в организации наступательного боя. Содержанием боевой задачи соединений (частей) в наступлении, как и по взглядам предвоенных лет, был разгром противника в указанной полосе или на направлении действий и овладение определенным рубежом (районом). Первоочередным, главным объектом действий наступавших соединений, частей и подразделений был противник, его живая сила, вооружение, боевая техника. Выполнение

[1] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект. М., 1940, с. 60.
[2] См.: История военного искусства. М., 1961, кн. 1, с. 311.

каждой боевой задачи в наступлении регламентировалось по времени. Это означало, что поставленную боевую задачу — разгром противника и овладение объектами (рубежами) местности — необходимо было выполнить к строго установленному сроку [1]. Точный расчет сил и средств являлся определяющим для реальной постановки боевой задачи соединению, части, подразделению. Однако это правило в первом периоде войны соблюдалось не всегда и не везде. Определенное влияние здесь оказывала привязанность командного состава к довоенным нормативам. При этом не всегда принималось во внимание, что довоенные уставы исходили из полнокровного состава частей и соединений при достаточном их усилении артиллерией и танками.

В результате тяжелых потерь, понесенных нашими войсками, и трудностей с доукомплектованием войск в начале войны боевые возможности стрелкового корпуса, дивизии и полка резко снизились. Общевойсковые армии также располагали крайне ограниченными возможностями по усилению их артиллерией и особенно танками. Это не могло не оказать влияния на изменение содержания и глубины боевых задач (табл. 3).

В условиях общего недостатка сил и средств стрелковые соединения были вынуждены вести наступательный бой преимущественно только своими силами. Остро ощущалась нехватка боеприпасов. Кроме того, стрелковые дивизии действовали в слишком широких полосах. Все это приводило к тому, что тактические плотности по пехоте и огневым средствам были низкими, а превосходство над противником — минимальным.

Наконец, отсутствие достаточного боевого опыта у командиров и штабов тактического звена также отрицательно сказывалось на организации и ведении боя.

В тех конкретных условиях постановка глубоких задач в соответствии с требованиями довоенных уставов и наставлений была нереальной. Такие глубокие задачи, как правило, не выполнялись. Более того, постановка непосильных задач наносила большой моральный ущерб, приводила к истощению сил, подрыву морального духа войск. Особенно это характерно было для наступательных боев лета и осени 1941 г. Наблюдались случаи, когда некоторые дивизии еще получали глубокие задачи и в наступательных боях зимой 1941 г.

В общем наступлении под Москвой глубина боевой задачи была резко сокращена. Содержанием ближайшей задачи являлось уничтожение подразделений первого эшелона обороняющегося противника; последующая задача заключалась в развитии наступления и завершении прорыва на глубину под-

---

[1] См.: Тактика в боевых примерах. Полк. М., Воениздат, 1974, с. 37.

Таблица 3

Боевые задачи стрелковой дивизии в годы войны*

Периоды войны	Военная кампания	Глубина боевой задачи, *км*			Ширина, *км*	
		ближайшей	последующей	задачи дня	полосы наступления	участка прорыва
Предвоенные взгляды	—	6—8	До 20	—	2,5—3,5	—
Первый период	Летне-осенняя 1941 г.	4—6	15—20	—	8—10	—
	Зимняя 1941/42 г.	1,5—2	3—4	—	5—10	—
	Летне-осенняя 1942 г.	3—4	5—10	—	3—4	—
Второй период	Зимняя 1942/43 г.	3—4	12—20	—	4—5	2—3
	Летне-осенняя 1943 г.	2,5—3,5	5—6	10—12	2—3	2—3
Третий период	Зимне-весенняя 1944. г.	2,5—3,5	5—6	10—12	2—3	2—3
	Летне-осенняя 1944 г.	2,5—4,5	5—8	12—14	2—2,5	2—2,5
	1945 г. (в Европе)	2,5—4,5	5—6	12—16	1,5—2,5	1,5—2,5

* Таблица составлена на основе материалов: Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями. М., 1957, с. 23, 88, 173; Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 136, 145, 146; Тактика в боевых примерах. Дивизия, с. 25; Военная история. М., 1971, с. 297; ЦАМО, ф. 373, оп. 11350, д. 4, л. 22; ф. 375, оп. 9764, д. 1, л. 119.

готовленной обороны (3—4 *км*). Такие задачи ставились, например, при наступлении 331-й и 8-й гв. стрелковых дивизий (20-й и 16-й армий) в районе Крюково, 1-й гв. стрелковой дивизии 40-й армии в районе Борки [1].

В летне-осенней кампании 1942 г. глубина и содержание боевых задач были уточнены в соответствии с изменившейся обстановкой. Боевые возможности стрелковых соединений несколько возросли. Так, 88-я стрелковая дивизия Западного фронта в августе 1942 г. получила на усиление танковую бригаду (35 танков), два артиллерийских и минометный полки. Уменьшилась ширина полосы наступления дивизии. В обороне противника четко стала просматриваться вторая позиция. При этом глубина обороны по сравнению с битвой под Москвой возросла в 1,5 раза и составила 4—6 *км* [2].

Ближайшая задача дивизии стала заключаться в разгроме противника на первой позиции и выходе на рубеж глубиной 3—4 *км*. В результате выполнения последующей задачи стрелковые дивизии должны были завершить разгром обороняющегося противника на второй позиции и овладеть объектами на глубине 5—10 *км*. Например, 293-я и 227-я стрелковые дивизии 21-й армии в Харьковской операции (май 1942 г.) в ходе выполнения ближайшей задачи должны были уничтожить первые эшелоны полков 79-й пехотной дивизии в пределах первой позиции, в последующем завершить разгром полковых резервов противника и овладеть второй позицией его обороны [3].

Следовательно, уже к концу первого периода войны в связи с некоторым сужением полос наступления, выделением дивизиям дополнительных средств усиления, изменениями в обороне противника, а также приобретением опыта командирами всех звеньев содержание боевых задач стрелковой дивизии стало в большей степени отвечать условиям обстановки. Но выполнить их не всегда удавалось, так как тактические плотности сил и средств все еще не обеспечивали необходимого превосходства над противником (табл. 4).

Во втором периоде войны глубина и содержание боевых задач вновь изменились в результате более значительного усиления стрелковых дивизий, действовавших на направлении главного удара армии, и сужения ширины полос наступления. При наступлении в более широких полосах в зимней кампании 1942/43 г. намечались участки прорыва, которые не превышали 2—3 *км*, где сосредоточивались основные усилия дивизии. Более того, в полосах стрелковых дивизий, действовавших на направлениях главных ударов, по распоряжению вышестоящих инстанций для завершения прорыва тактичес-

[1] ЦАМО, ф. 373, оп. 11350, д. 4, л. 22.
[2] ЦАМО, ф. 375, оп. 9764, д. 1, л. 119.
[3] Там же, оп. 6478, д. 7, л. 46—50.

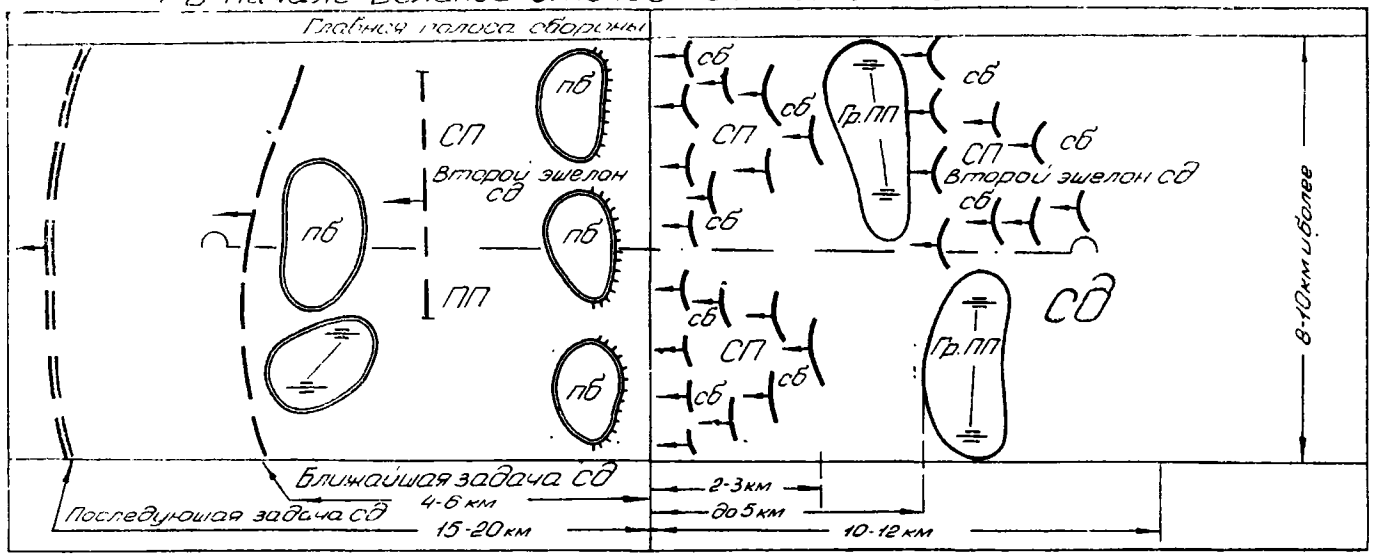
Таблица 4

Тактические плотности и соотношение сил и средств в стрелковой дивизии в годы войны *

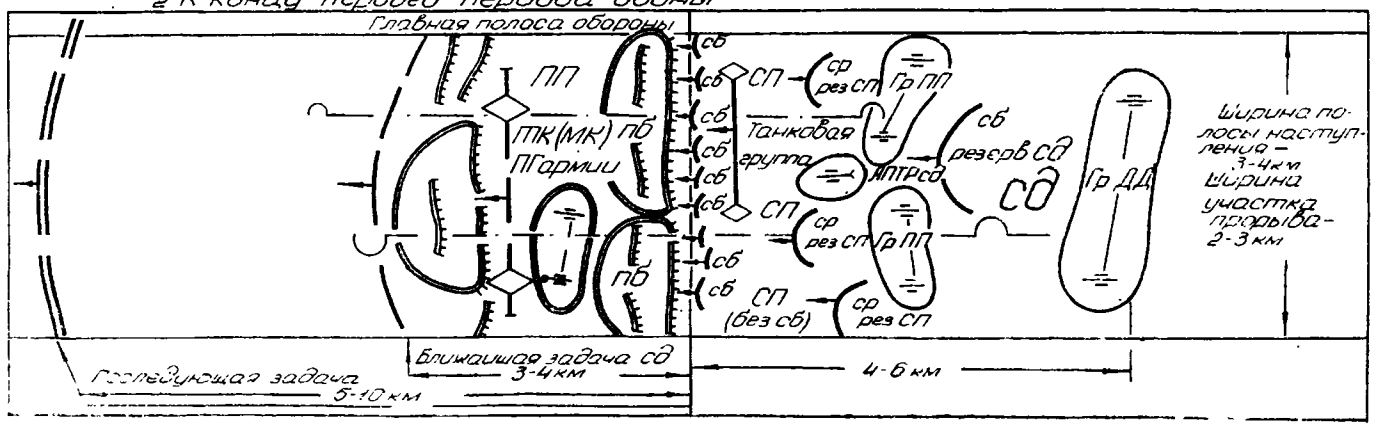
Периоды войны	Военная кампания	Тактические плотности на 1 *км* прорыва								
		Свои войска			Войска противника			Соотношение		
		Стрелковые батальоны	Танки и САУ	Орудия и минометы	Пехотные батальоны	Танки и САУ	Орудия и минометы	по батальонам	по танкам и САУ	по орудиям и минометам
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	До 1,1	1—3	10—15	0,5—1	1—3	7—10	1 : 1	1 : 1	1,5 : 1
	Зимняя 1941/42 г.	1—1,5	1—5	20—40	0,5—0,6	1—2	5—10	2—2,5 : 1	1—2,5 : 1	4 : 1
	Летне-осенняя 1942 г.	2—3	2—6	30—50	0,6—0,9	1—3	15—25	1,3 : 1	2 : 1	2 : 1
Второй	Зимняя 1942/43 г.	2—4	10—12	70—80	1—1,5	1,5—5	17—20	2—2,5 : 1	2,5—6 : 1	4 : 1
	Летне-осенняя 1943 г.	3 и более	10—15	145—200	1,5—2	3—5	15—25	2,6—4 : 1	3 : 1	8—9 : 1
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	3—4 и более	10—15	100—150	1,5—2	3—5	15—25	2,6—4 : 1	3 : 1	6—6,5 : 1
	Летне-осенняя 1944 г.	4 и более	20—25	200—250	1,5—2	4—6	20—30	3,5 : 1	4—5 : 1	7—8 : 1
	1945 г. (в Европе)	До 6	20—30	240—280	1,5—2	5—7	25—30	4 : 1	4 : 1	4 : 1

* Таблица составлена на основе материалов: Военная история, с. 297; Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 123, 125, 128, 131; Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями, с. 5, 19; ЦАМО, ф. 358, оп. 9034, д. 13, л. 40.

1 В начале Великой Отечественной войны



2 К концу первого периода войны



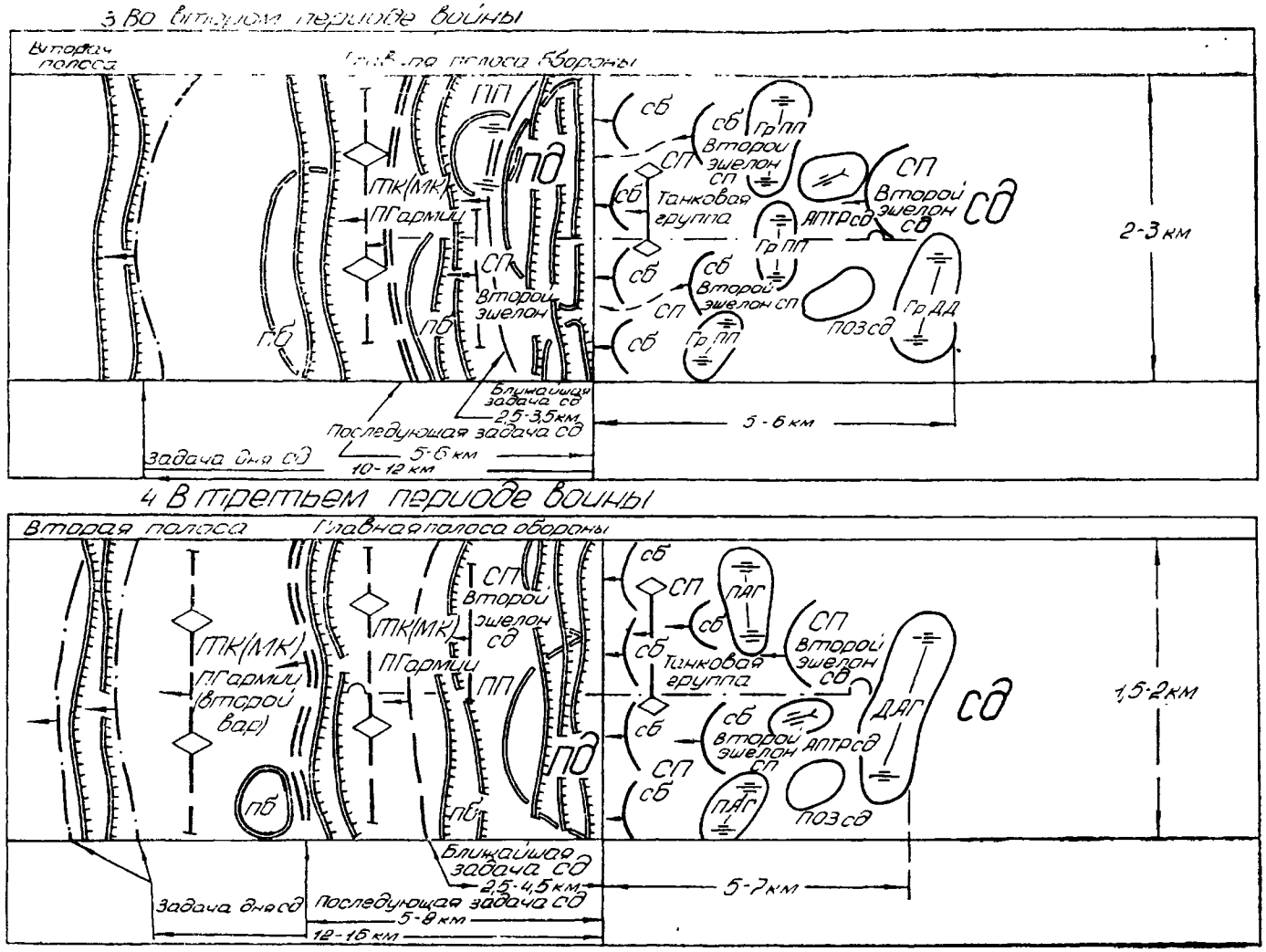


Схема 3. Некоторые показатели наступательного боя стрелковой дивизии в годы войны

кой зоны обороны противника чаще стали привлекаться танковые и механизированные корпуса.

Это, конечно, не могло не сказаться на глубине и содержании боевой задачи стрелковой дивизии. Так, глубина ближайшей задачи в контрнаступлении под Сталинградом достигла 3—4 *км*. Последующая задача заключалась не только в разгроме противника в тактической зоне обороны, но и в овладении выгодным рубежом за ее пределами. Это особенно характерно для соединений 5-й танковой и 21-й общевойсковой армий Юго-Западного фронта. Например, 47-я гв., 119, 124 и 14-я стрелковые дивизии должны были уничтожить противника на первой позиции и совместно с танковыми корпусами завершить прорыв главной полосы, в последующем овладеть рубежом на глубине 20—28 *км* [1].

В летне-осенней кампании 1943 г. условия ведения наступательного боя еще более изменились. Стрелковые дивизии были организационно объединены в стрелковые корпуса. На оснащение соединений и частей в большом количестве поступила более эффективная боевая техника. Полосы наступления дивизий обычно составляли 2—3 *км* и, как правило, совпадали с участками прорыва. В полосы дивизий, действовавших на главном направлении армии, по решению командующих армией и фронтом, сосредоточивалось большое количество дополнительных сил и средств. Все это, конечно, сказывалось на изменении тактических плотностей на 1 *км* участка прорыва и обеспечивало создание выгодного превосходства над противником.

Казалось бы, что в таких условиях глубина боевых задач стрелковым соединениям должна быть пересмотрена в сторону их увеличения. Однако этого не произошло. Основной причиной являлось изменение в обороне противника. В тактической зоне обороны врага, особенно с битвы под Курском, появляется вторая полоса. Главная полоса стала состоять обычно из трех позиций, глубина ее возросла до 6—7 *км*. Оборонительные позиции, как правило, оборудовались системой траншей и ходов сообщения и занимались войсками с большой плотностью. В этих условиях ближайшая задача дивизии заключалась в уничтожении противника на первой позиции и выходе в район основных позиций артиллерии, последующая — в разгроме вторых эшелонов полков на второй позиции. В результате выполнения задачи, поставленной на день боя, стрелковые дивизии должны были завершить уничтожение противника в пределах главной полосы и выйти ко второй полосе. Общая глубина задачи дня достигала 10—12 *км* (схема 3) и, как показал опыт, по сравнению с первым периодом была более реальной. При этом, несмотря на то, что

---

[1] ЦАМО, ф. 331, оп. 6517, д. 19, л. 4.

проект Полевого устава 1943 г. предусматривал деление боевой задачи дивизии только на ближайшую и последующую, командиры и штабы, сообразуясь с конкретными условиями, нашли более целесообразное ее расчленение — на ближайшую, последующую и задачу дня [1]. Такое деление боевых задач позволило более целенаправленно определять последовательность разгрома обороняющегося противника, способствовало лучшей организации взаимодействия и управления войсками в ходе боя.

В третьем периоде войны деление боевых задач на ближайшую, последующую и задачу дня получило более широкое распространение. Глубина задачи дня дивизии по сравнению со вторым периодом войны несколько возросла (до 16 *км* и более). Это обусловливалось ростом глубины обороны противника, дальнейшим повышением ударной и огневой мощи стрелковых соединений, накопленным опытом организации и ведения наступательного боя и во многих случаях использованием подвижных групп армий для завершения прорыва тактической зоны обороны противника. Так, глубина ближайшей задачи дивизии в среднем составляла 2,5—4,5 *км,* т. е. включала прорыв первой, а чаще первой и второй позиций противника; последующая задача заключалась в прорыве всей первой полосы вражеской обороны с выходом на глубину до 5—8 *км.* Задача дня равнялась в среднем 12—16 *км,* что обеспечивало выход ко второй полосе обороны противника или прорыв всей его тактической зоны оборны. Однако и в этот период шаблона в постановке задач не наблюдалось. В зависимости от конкретно складывавшейся обстановки они в целом ряде случаев ставились на меньшую или бóльшую глубину.

Таким образом, опыт войны показал, что содержание и глубина боевой задачи стрелковой дивизии вытекали из замысла операции, боя и зависели от условий обстановки (наличия сил и средств, характера обороны противника, условий местности и т. д.). Возросшее тактическое мастерство командиров и штабов позволило более четко конкретизировать боевые задачи по объектам обороны противника и времени их выполнения.

В годы войны отчетливо проявилась тенденция к определению боевой задачи, основанной на глубоком анализе сложившейся обстановки. Данный опыт не утратил своего значения и в современных условиях. Постановка заведомо невыполнимых задач отрицательно влияет на боеспособность войск, подрывает авторитет командира, наносит большой моральный ущерб. Последовательное сужение полос обеспечивало возможность решительного массирования сил и средств и под-

[1] Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 137.

держание превосходства над противником при осуществлении прорыва на всю тактическую глубину обороны.

Особенности боевых задач танковых и механизированных корпусов

Танковым (механизированным) корпусам в отличие от стрелковых соединений боевая задача определялась на несколько дней наступления. Это обусловливалось прежде всего предназначением танкового (механизированного) корпуса, так как основная его задача состояла в том, чтобы развить успех в в оперативной глубине обороны противника (табл. 5).

Таблица 5

Задачи танкового (механизированного) корпуса по опыту войны *

Периоды войны	Военная кампания	Содержание боевой задачи	Глубина задачи первого дня, *км*	Глубина общей задачи, *км*
Первый	Летне-осенняя 1942 г.	Развитие наступления в оперативной глубине в целях овладения важными объектами	10—12	20—50
Второй	Зимняя 1942/43 г.	Завершение прорыва тактической зоны обороны совместно со стрелковыми соединениями, развитие наступления в оперативной глубине	40—60	90—140
	Летне-осенняя 1943 г.	То же	30—40	60—100
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	»	30—40	60—100
	Летне-осенняя 1944 г.	Завершение прорыва тактической зоны обороны совместно со стрелковыми соединениями, развитие наступления в оперативной глубине. Однако ввод для развития наступления в оперативной глубине был более частым явлением	20—50	100—160
	1945 г. (в Европе)	То же	40—80	100—150

* Таблица составлена на основе материалов: Общевойсковая армия в наступлении. М., 1966, с. 42—45. 97—98; Военная история, с. 291; ЦАМО ф. 229, оп. 6509, д. 93, л. 317; ф. 331, оп. 6517, д. 19, л. 7—8; ф. 333, оп. 2356, д. 43, л. 7.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в первом периоде войны (летне-осенняя кампания 1942 г.) танковому (механизированному) корпусу задача ставилась на глубину до 50 *км*. Содержание боевой задачи заключалось в развитии наступления в глубину после прорыва тактической зоны обороны противника. Так, 21-й и 23-й танковые корпуса в Харьковской операции (май 1942 г.) должны были вводиться в бой после прорыва стрелковыми соединениями тактической зоны обороны с тем, чтобы последовательным овладением важными районами в обороне врага способствовать выполнению боевой задачи 6-й армии [1].

Однако такое использование танкового (механизированного) корпуса не всегда отвечало требованиям ведения боя и операции в тех конкретных условиях обстановки. Как показал боевой опыт, стрелковые дивизии, обладая слабой ударной силой, при недостаточном огневом подавлении противника затрачивали на прорыв его тактической зоны обороны слишком много времени. Это приводило к тому, что противник успевал подтянуть резервы и создать тем самым невыгодные условия для ввода в бой подвижных соединений (21-й и 23-й танковые корпуса в Харьковской операции в мае 1942 г.). Не лучшим образом сложились условия в Ржевско-Сычевской операции (август 1942 г.). 6-й и 8-й танковые корпуса были введены в прорыв тогда, когда противник выдвинул на это направление свои оперативные резервы [2].

В последующем, исходя из опыта первого периода войны и конкретно складывающейся обстановки, танковые (механизированные) корпуса не должны были ожидать, когда будет прорвана тактическая зона обороны противника. Наращиванием усилий стрелковых соединений они должны были способствовать завершению ее прорыва.

С завершением прорыва подготовленной обороны танковые и механизированные корпуса должны были развивать достигнутый успех и стремительно завершать окружение и уничтожение противостоящей группировки противника. Так, 26-й танковый корпус в контрнаступлении под Сталинградом должен был разгромить оперативные резервы и к исходу второго дня наступления овладеть переправами через р. Дон [3].

В отличие от стрелковых соединений полоса наступления танковому (механизированному) корпусу обычно не определялась, ему лишь указывалось направление действий. Поэтому, если стрелковая дивизия получала задачу на овладение определенным рубежом, то танковые и механизированные соединения, действуя в отрыве от стрелковых соединений,

---

[1] ЦАМО, ф. 229, оп. 6509, д. 43, с. 317.

[2] См.: *Радзиевский А. И.* Развитие теории и практики прорыва. М., ВАФ, 1977, т. 1, с. 159.

[3] ЦАМО, ф. 331, оп. 6517, д. 19, л. 7—8.

должны были занимать районы, создававшие выгодные условия для последующих действий.

В летне-осенней кампании второго периода войны существенных изменений в определении боевых задач танковым (механизированным) корпусам не произошло. Как и прежде, они нацеливались на развитие наступления в оперативной глубине обороны противника. При этом в случае низких темпов прорыва тактической зоны обороны врага танковые (механизированные) корпуса должны были совместно со стрелковыми соединениями принять участие в завершении ее прорыва и в последующем развивать успех в оперативной глубине. Однако по сравнению с контрнаступлением под Сталинградом общая глубина задач танкового (механизированного) корпуса несколько уменьшилась. Например, в Белгородско-Харьковской операции (август 1943 г.) задачи 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов заключались в том, чтобы совместно со стрелковыми дивизиями завершить прорыв тактической зоны обороны противника и в последующем выйти на глубину 90—100 *км* [1]. Некоторое сокращение глубины задачи произошло главным образом вследствие изменения характера обороны немецко-фашистских войск.

В третьем периоде войны боевым задачам танковых и механизированных корпусов были присущи новые характерные черты. Наряду с совместными действиями со стрелковыми соединениями по завершению прорыва тактической зоны обороны противника танковые (механизированные) корпуса в ряде случаев получили задачи на ввод после прорыва тактической зоны обороны для решительных действий по разгрому врага в оперативной глубине. Это обусловливалось значительным насыщением боевых порядков стрелковых соединений танками непосредственной поддержки пехоты, а также более эффективными действиями стрелковых войск по прорыву глубокоэшелонированной подготовленной обороны противника. Например, 9-й танковый корпус в Висло-Одерской операции должен был войти в прорыв после преодоления стрелковыми дивизиями второй полосы с задачей разгромить подходящие резервы противника в глубине его обороны и к исходу второго дня наступления выйти в район Вежбигда [2].

Перенацеливание танкового (механизированного) корпуса для действий преимущественно в оперативной глубине сказалось на увеличении глубины его задачи (см. табл. 5).

В отдельных операциях (Корсунь-Шевченковская, Дебреценская, Будапештская) танковые и механизированные корпуса получали задачи на прорыв тактической зоны обороны противника в составе первого эшелона армии. В этом случае бое-

---

[1] ЦАМО, ф. 333, оп. 2356, д. 43, л. 7.

[2] Там же.

вая задача по глубине значительно уменьшалась и обычно расчленялась на ближайшую, последующую и задачу дня. Содержанием ближайшей задачи являлось уничтожение противника и овладение главной полосой его обороны. Последующая задача заключалась в завершении прорыва всей тактической зоны обороны. В дальнейшем танковый (механизированный) корпус должен был овладеть районом на глубине 20—25 *км*.

Таким образом, в зависимости от замысла боя и сложившейся обстановки боевая задача танкового (механизированного) корпуса в годы войны претерпела изменения как по содержанию, так и по глубине.

2. БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ

Боевой порядок стрелковой дивизии

Довоенные уставы предусматривали эшелонирование боевых порядков, начиная со взвода и выше. Стрелковая дивизия могла быть построена в один или два эшелона[1]. Великая Отечественная война в основном подтвердила правильность предвоенных взглядов о необходимости эшелонированного в глубину построения частей и соединений. В то же время опыт боевых действий убедительно свидетельствует о том, что построение боевых порядков находится в прямой зависимости от замысла действий, решаемой боевой задачи, характера обороны противника, степени оснащенности и боеспособности войск и ряда других факторов. В силу изменения этих условий в годы войны совершенствовалось и построение боевых порядков (табл. 6).

Как видно из данных таблицы, в первом периоде войны боевой порядок стрелковой дивизии строился преимущественно в два эшелона. В отдельных случаях выделялись группа танковой поддержки (танковая группа) и общевойсковой резерв. Кроме того, в дивизиях по количеству полков первого эшелона формировались артиллерийские группы поддержки пехоты (ПП) и дивизионная группа артиллерии дальнего действия (ДД). Особенностью боевого порядка стрелковой дивизии являлось то, что стрелковые полки, батальоны и роты также эшелонировались в глубину.

Однако такое построение войск не полностью отвечало конкретно сложившейся боевой обстановке. Оборона противника в это время была очаговой, глубина ее не превышала 3—4 *км*. Это затрудняло нанесение мощного первоначального удара, так как вело к ограничению возможностей максимального привлечения огневых средств для подавления противника, а живой силы — для атаки. Например, в 338-й стрелковой

---

[1] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект. М., 1941, с. 147.

Таблица 6

Построение боевого порядка стрелковой дивизии в годы войны в наступательном бою *

Периоды войны	Военная кампания	Элементы боевого порядка							
		Первый эшелон	Второй эшелон	Общевойсковой резерв	Танковый резерв	Артиллерийская группа	Танковая группа поддержки пехоты	Артиллерийско-противотанковый резерв	Подвижный отряд заграждений
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	сп — 2	сп	—	—	Гр. ПП (1—2 адн)	—	—	—
	Зимняя 1941/42 г.	сп — 2	сп	—	тб (тр)	Гр. ПП (1—3 адн), гр. ДД (1—2 адн)	—	—	—
	Летне-осенняя 1942 г.	сп — 2	сп	сб	—	Гр. ПП (1—2 адн), гр. ДД (1—2 адн)	тб	—	—
Второй	Зимняя 1942/43 г.	сп — 3	—	сб—1—2	—	Гр. ПП (2—4 адн), гр. ДД (1—3 ап)	тб — 1—2	батр	—
	Летне-осенняя 1943 г.	сп — 2	сп	—	—	Гр. ПП (1—2 ап)	тбр	иптадн (батр)	сапр (сапв)

Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	сп — 2	сп	сб	—	Гр. ПП (1—2 ап)	тбр — 1—2	иптадн (батр)	сапр (сапв)
	Летне-осенняя 1944 г.	сп — 3	—	сб—1—2	—	ДАГ (2—3 ап)	тбр — 1—2	иптадн	сапр
	1945 г. (в Европе)	сп — 2	сп	—	—	ДАГ (2—4 ап)	тбр	ап	сапр

* Таблица составлена на основе материалов: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 139—142 Тактика. М., 1966, с. 268—280; *Сидоренко А.* Наступление. М., 1970, с. 90—108; Тактика в боевых примерах. Дивизия, с. 27—31.

дивизии в боях под Наро-Фоминском в декабре 1941 г. из 27 стрелковых рот дивизии в одновременной атаке принимало участие только восемь, остальные находились во вторых эшелонах [1].

Естественно, что сильного первоначального удара, необходимого для прорыва даже неглубокой обороны противника, не получилось. Подразделения, находившиеся во вторых эшелонах, несли неоправданные потери от артиллерийского огня и ударов авиации противника, еще не вступив в соприкосновение с ним. В ряде случаев вторые эшелоны батальонов и рот с их огневыми средствами, стремясь выйти из зоны артиллерийско-минометного огня, прижимались к первым эшелонам, что приводило к перемешиванию боевых порядков и затрудняло управление войсками.

Важным элементом боевого порядка дивизии являлась группировка артиллерии. Артиллерийские группы поддержки пехоты находились в подчинении командира дивизии. Опыт показал, что при такой группировке командир полка нередко оставался без поддерживающей артиллерии. Артиллерийская группа дальнего действия дивизии, предназначавшаяся для ведения борьбы с глубокими целями противника, также не имела возможности усилить огневую поддержку пехоты и танков, наступавших в первом эшелоне. К тому же артиллерийские группы были слабые. Например, артиллерийские группы поддержки пехоты 8-й гв. стрелковой дивизии 16-й армии в битве под Москвой состояли из одного-двух артиллерийских дивизионов. Такими же малочисленными по составу были и артиллерийские группы дальнего действия [2]. Все это отрицательно сказывалось на результатах боя. Что касается артиллерийско-противотанкового резерва, то он из-за недостатка противотанковой артиллерии создавался довольно редко и включал незначительные силы.

Во втором периоде войны боевые порядки стрелковых соединений претерпели существенные изменения. На основе обобщения опыта боевых действий был издан приказ Народного Комиссара Обороны № 306 от 8 октября 1942 г. Согласно его требованиям поэшелонное построение боевых порядков во взводе, в роте, батальоне, полку и дивизии отменялось. Стрелковые дивизии, полки, батальоны и роты строили свои боевые порядки в один эшелон, взвод — в цепь с интервалами между бойцами 6—8 шагов. В резерв стрелковой дивизии выделялся усиленный стрелковый батальон, полка — до роты, батальона — до взвода. Из 27 стрелковых рот дивизии теперь только 6 находились в составе дивизионных, полковых, батальонных резервов, остальные (более 80%) участвовали в

---

[1] См.: Тактика в боевых примерах. Дивизия, с. 28.

[2] ЦАМО, ф. 373, оп. 11350, д. 4, л. 22.

нанесении по врагу первоначального удара. В это же время в составе боевого порядка широкое распространение получили танковые группы.

В таких построениях действовали соединения и части в контрнаступлении под Сталинградом. Одноэшелонное построение боевых порядков войск нашло применение и в других наступательных боях этого периода. Такие боевые порядки сохранялись до лета 1943 г., когда противник перешел к глубокой сплошной обороне с применением системы траншей.

Вместе с тем уже в зимней кампании 1942/43 г. опыт боевых действий показал, что хотя сила первоначального удара стрелковой дивизии возросла, но в ходе прорыва второй, а иногда и первой позиции противника требовалось наращивать усилия. Отсутствие же вторых эшелонов в руках командиров полков и дивизий лишало их такой возможности. Поэтому уже при развитии наступления под Сталинградом в декабре 1942 г. некоторые командиры соединений, сообразуясь с обстановкой, выделяли во второй эшелон до стрелкового полка [1].

В летне-осенней кампании 1943 г. противник повсеместно стал переходить к глубокоэшелонированной траншейной обороне, более насыщенной огневыми средствами. Для успешного прорыва такой обороны уже недостаточно было нанести сильный первоначальный удар, хотя это оставалось важным условием. Необходимо было также наращивать усилия в глубине, только в этом случае можно было рассчитывать на высокие темпы наступления. Поэтому с лета 1943 г. боевые порядки стрелковых корпусов и дивизий, как правило, строились в два эшелона, а стрелковых полков — в два-три эшелона. При этом более сильным создавался первый эшелон (до 2/3 всех сил). Второй эшелон в отличие от резерва, имевшего многоцелевое назначение, предусматривалось использовать для развития успеха, достигнутого первым эшелоном. Постоянными элементами боевого порядка стрелковой дивизии с лета 1943 г. становятся артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждений.

Глубокое эшелонирование боевых порядков не было возвратом к старому. Боевой порядок стрелковых взводов (цепь), рот (в одну линию) оставался без изменения. Стрелковый батальон также обычно наступал в одном эшелоне, что в условиях сокращения ширины полосы наступления дивизий сохраняло силу первоначального удара.

В глубокоэшелонированных боевых порядках действовало подавляющее большинство соединений летом 1943 г. Вместе с тем довольно часто стрелковые дивизии строили боевые порядки в один эшелон. Однако в отличие от наступательных боев под Сталинградом полки в этом случае действовали в

---

[1] См.: История военного искусства, 1961, кн. 2, с. 480.

двухэшелонных и даже трехэшелонных построениях. Наличие вторых эшелонов в дивизиях или полках способствовало успешному наращиванию усилий в ходе прорыва глубокоэшелонированной обороны. В отличие от первого и начала второго периодов войны, когда в дивизиях создавались группы дальнего действия, а в полках группы поддержки пехоты, которые также находились в подчинении командира дивизии, уже в битве под Курском в некоторых соединениях стали создаваться полковые артиллерийские группы (ПАГ). Выделение в непосредственное подчинение командира полка артиллерии повышало самостоятельность части и позволяло более эффективно решать огневые задачи в течение всего хода боевых действий. Вместе с тем в ряде дивизий создавались и дивизионные артиллерийские группы (ДАГ). Основное их предназначение — усиление огнем полков, наступающих в первом эшелоне. В составе полковых и дивизионных артиллерийских групп увеличивается и количество артиллерии. В ряде случаев в полках и дивизиях на период артиллерийской подготовки создавались минометные группы и группы орудий для ведения огня прямой наводкой.

Однако окончательный переход к формированию артиллерийских групп от целевого назначения (ПП, ДД) к группам по организационно-тактическому принципу (ПАГ, ДАГ) завершился только в третьем периоде войны. Это обеспечивало более гибкое управление артиллерией, тесное взаимодействие ее с наступающей пехотой и танками, большую самостоятельность стрелковых частей и соединений в наступательном бою.

В этот же период изменения в построении боевых порядков войск были закреплены в проекте Наставления по прорыву позиционной обороны. На основе изучения и обобщения опыта предыдущих боев Наставлением предусматривалось иметь боевые порядки стрелкового корпуса в два эшелона, стрелкового полка — в один-два и три эшелона, стрелкового батальона — в один-два эшелона[1].

В ряде операций 1944 г. наиболее распространенным в стрелковых дивизиях было одноэшелонное построение боевого порядка. Так, в Белорусской операции из 44 дивизий, действовавших в первом эшелоне, 28 имели одноэшелонное построение боевого порядка[2]. При этом стрелковые полки, как правило, имели двух- и даже трехэшелонное построение, что обеспечивало последовательное наращивание усилий из глубины.

В некоторых операциях 1945 г. типичным для стрелковых дивизий был боевой порядок в два эшелона. Например, из

---

[1] См.: Наставление по прорыву позиционной обороны. Проект. М., 1944, ст. 74—78.

[2] См.: История военного искусства, 1961, кн. 3, с. 487.

77 стрелковых дивизий, принимавших участие в Берлинской операции, 60 были построены в два эшелона и лишь 17 имели одноэшелонное построение [1]. Широкое применение в третьем периоде войны нашли артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждений. Они стали более сильными по составу и высокоманевренными. Их совместные действия под прикрытием стрелковых подразделений позволяли эффективно противодействовать контратакам вражеских танков.

Таким образом, построение боевых порядков стрелковых соединений в годы Великой Отечественной войны определялось в каждом конкретном случае условиями обстановки. Вместе с тем характер изменявшейся обороны противника, качественное изменение вооружения стрелковой дивизии, а также значительное усиление ее танками, артиллерией и инженерными средствами оказали влияние на последовательное совершенствование боевого порядка. Этот процесс шел по пути наиболее приемлемого эшелонирования боевого порядка и увеличения боевых возможностей каждого из его элементов. Если в первом периоде в связи с ограниченными возможностями, чрезмерным эшелонированием и вынужденной необходимостью действовать в широких полосах наступления боевые порядки стрелковых соединений обладали слабым первоначальным ударом и низкими маневренными качествами, то в третьем периоде они не только обеспечивали нанесение мощного первоначального удара, но и позволяли осуществить наращивание усилий в ходе прорыва глубокоэшелонированной подготовленной обороны.

Опыт построения боевых порядков стрелковых соединений в годы войны учит творчески подходить в каждом конкретном случае к решению данного вопроса. Проявившиеся тенденции в годы минувшей войны — совершенствование эшелонирования боевого порядка в целях своевременного наращивания усилий из глубины в ходе выполнения поставленной задачи, наилучшее использование войск в соответствии с их боевыми свойствами с учетом характера обороны противника и местности — остаются основополагающими и в наши дни.

Особенности построения боевого порядка танкового (механизированного) корпуса

Построение боевых порядков танковых и механизированных корпусов определялось прежде всего спецификой возложенных на них задач. Но во всех случаях, как показал опыт войны, боевой порядок танкового (механизированного) корпуса при вводе в сражение строился с таким расчетом, чтобы он обеспечивал возможность нанесения мощного первоначального удара и последующего развития нас-

---

[1] ЦАМО, ф. 236, оп. 71528, д. 15, л. 17.

тупления в высоких темпах. Наиболее типичным было двухэшелонное построение (табл. 7).

Как видно из данных таблицы, в первом периоде войны (летне-осенняя кампания 1942 г.) танковые и механизированные корпуса строили свои боевые порядки таким образом, чтобы наиболее сильным был первый эшелон. Общий и другие резервы обычно не создавались; артиллерия, придаваемая корпусам, переподчинялась танковым (механизированным) и мотострелковым бригадам.

Во втором периоде войны танковые и механизированные корпуса стали применяться в большинстве случаев для завершения прорыва тактической зоны обороны противника совместно со стрелковыми дивизиями. Для решения этой задачи первый эшелон оставался достаточно сильным. Вместе с тем стал создаваться и более мощный второй эшелон в целях более стремительного развития успеха в оперативной глубине, после завершения прорыва тактической обороны противника. В танковом корпусе он стал включать обычно танковую и мотострелковую бригады, а в механизированном корпусе — до двух механизированных бригад. Так, в контрнаступлении под Сталинградом 4-й танковый корпус в первом эшелоне имел две танковые бригады (69-ю и 102-ю), во втором эшелоне — танковую и мотострелковую бригады (45-ю танковую и 4-ю мотострелковую)[1]. В таких же построениях переходили в наступление 1-й и 26-й танковые корпуса[2]. С учетом того, что в отличие от стрелковых соединений танковые (механизированные) корпуса после ввода в сражение действовали в оперативной глубине в отрыве от стрелковых соединений, помимо первого и второго эшелонов стали создавать общий резерв для решения внезапно возникающих задач, а также передовой отряд, который обычно использовался при преследовании в целях выхода в тыл противнику и захвата важных рубежей и объектов.

С лета 1943 г. в состав общего резерва преимущественно стал выделяться самоходно-артиллерийский полк. Более сильным становится передовой отряд (танковая или механизированная бригада). В боевом порядке прочно занял место подвижный отряд заграждений.

В третьем периоде войны при сохранении сильных по составу первого, второго эшелонов и резерва значительные изменения произошли в артиллерийской группировке. Наряду с усилением танковых и механизированных бригад первого эшелона стали создаваться артиллерийские группы. Например, в наступательных боях в январе 1945 г. (Висло-Одерская

---

[1] ЦАМО, ф. 375, оп. 9547, д. 23, л. 6.
[2] ЦАМО, ф. 229, оп. 6512, д. 2, л. 26.

Таблица 7

Построение боевого порядка танкового (механизированого) корпуса в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	Элементы боевого порядка и их состав					
		Первый эшелон	Второй эшелон	Общий резерв	Артиллерийская группа	Подвижный отряд заграждений	Передовой отряд
Первый	Летне-осенняя 1942 г.	тбр — 2	мсбр	—	—	—	—
Второй	Зимняя 1942/43 г.	тбр — 2 (тбр, мбр)	тбр, мсбр (мбр — 2)	тб (мсб)	—		тр (ср)
	Летне-осенняя 1943 г.	тбр — 2 (тбр, мбр)	тбр, мсбр (мбр — 2)	сап	—	сапв	тб (мсб)
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	тбр — 2 (тбр, мбр)	тбр, мсбр (мбр — 2)	сап	ап (минп)	сапр	тб (мсб)
	Летне-осенняя 1944 г.	тбр — 2 (тбр, мбр)	тбр, мсбр (мбр — 2)	тп (сап)	ап (пабр)	сапр	тбр (мбр)
	1945 г. (в Европе)	тбр — 2 (тбр, мбр)	тбр, мсбр (мбр — 2)	тп (сап)	ап (пабр)	сапр	тбр (мбр)

* Таблица составлена на основе материалов: ЦАМО, ф. 375, оп. 9547, д. 23, л. 6; ф. 229, оп. 6512, д. 2, л. 26; ф. 233, оп. 2328, д. 168, л. 61—64.

операция) корпусная артиллерийская группа 9-го танкового корпуса состояла из двух пушечных артиллерийских бригад и минометного полка [1].

В отличие от стрелковых соединений артиллерийско-противотанковый резерв в танковом (механизированном) корпусе не создавался. Функции артиллерийско-противотанкового резерва выполняли подразделения противотанковой артиллерии, выделявшиеся в состав вторых эшелонов корпусов и бригад, а также общий резерв корпуса. С ними взаимодействовал подвижный отряд заграждений. Сильными по составу продолжали оставаться передовые отряды. В тех случаях, когда танковые (механизированные) корпуса должны были прорывать оборону противника в самостоятельных полосах, в состав первого эшелона выделялось до трех бригад, что обеспечивало достижение сильного первоначального удара. Во втором эшелоне должна была действовать мотострелковая или механизированная бригада. Если корпус действовал в одноэшелонном построении, то создавался общий резерв в составе одного-двух танковых или мотострелковых батальонов. Корпусная артиллерийская группа создавалась более мощной и включала 4—5 артиллерийских полков.

Таким образом, в построении танковых и механизированных корпусов в годы войны последовательно увеличивалось количество элементов боевого порядка, а также изменялось качественное их усиление. Боевые порядки танковых и механизированных соединений по сравнению со стрелковыми соединениями обладали большей подвижностью и маневренностью, а также широким применением передовых отрядов.

3. ПЛАНИРОВАНИЕ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ РОДОВ ВОЙСК (СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОЙСК) И ЗАДАЧИ, РЕШАЕМЫЕ АВИАЦИЕЙ В ОБЩЕВОЙСКОВОМ БОЮ

В годы войны, как и накануне ее, планирование боевого применения артиллерии, танков непосредственной поддержки пехоты (НПП), инженерных войск и авиации осуществлялось в целях создания наиболее целесообразной группировки сил и средств, определения им конкретных боевых задач и достижения тесного взаимодействия в общевойсковом бою. Основу планирования составляло решение командира. При планировании учитывались огневые, ударные и маневренные возможности сил и средств, характер обороны противника, а также ряд других факторов.

---

[1] ЦАМО, ф. 233, оп. 2328, д. 168, л. 61—64.

Планирование боевого применения артиллерии, танков и инженерных войск в стрелковых соединениях

По предвоенным взглядам, на корпусную и дивизионную артиллерию возлагались задачи по подавлению и уничтожению живой силы и артиллерии противника, фланкирующих огневых точек, вражеских резервов, пунктов управления, а также созданию проходов в инженерных препятствиях. Своим огнем она должна была воспрещать контратаки противника, его организованный отход и маневр на поле боя. Начальник артиллерии стрелкового корпуса (дивизии) на основе решения командира и его указаний по организации боевых действий (по опыту учений и боевых действий в советско-финляндской войне) разрабатывал план артиллерийского обеспечения наступательного боя на период артиллерийской подготовки, а также поддержки атаки пехоты и танков. В стрелковом корпусе определялись задачи огневых средств, входивших в состав группы дальнего действия и артиллерии разрушения[1]. В плане артиллерийского обеспечения дивизии намечались огневые задачи артиллерии, входившей в состав групп поддержки пехоты. В практике проводимых в соединениях учений отрабатывались, кроме того, приказ по артиллерии, схемы ориентиров и таблицы ведения огня.

За годы войны произошли существенные изменения в условиях, методах и в содержании планирования боевого применения артиллерии.

В первом периоде Отечественной войны в дивизиях с учетом средств усиления (один-два артиллерийских полка или дивизиона) насчитывалось от 100 до 250 орудий и минометов, а в ряде случаев значительно меньше. Так, в 110-й и 201-й стрелковых дивизиях 33-й армии в контрнаступлении под Москвой их было от 50 до 70 единиц. Правда, уже тогда дивизии, действовавшие на направлении главного удара, иногда усиливались дивизионом гвардейских минометов. В связи с ликвидацией корпусного звена управления, а также с учетом того, что соединения часто наступали по разобщенным направлениям, основные задачи по планированию применения артиллерии возлагались на дивизию. Начальник артиллерии дивизии в плане артиллерийского обеспечения определял огневые задачи группам дальнего действия и поддержки пехоты, а также орудиям, предназначенным для ведения огня прямой наводкой. При наличии времени и исходных данных отрабатывались схемы огневого поражения противника на период артиллерийской подготовки.

---

[1] См.: Боевой устав артиллерии РККА. М., 1938, ч. 2; Тактика артиллерии. М., 1941; Артиллерия в основных видах боя. М., 1940, с. 120, 260.

Невысокие огневые возможности артиллерии стрелковой дивизии, отсутствие достаточного опыта планирования ее боевого применения, значительное удаление огневых позиций от рубежа перехода в атаку (в декабре 1941 г. 5—6 *км* и более), низкие маневренные характеристики орудий и минометов, ограниченный боекомплект, слабая организация разведки целей и почти полное отсутствие радиосредств для управления огнем артиллерии отрицательно влияли на результативность огневого поражения противника. Вместе с тем поиск наиболее рациональных путей применения артиллерии привел к тому, что уже зимой 1941/42 г. наметился переход от артиллерийского обеспечения наступательного боя к артиллерийскому наступлению, в результате чего повысилась эффективность огневого поражения противника. Директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 10 января 1942 г. его сущность определялась, как «боевые действия артиллерии с целью надежного подавления обороны противника и непрерывной поддержки действий войск массированным действительным огнем артиллерии и минометов в течение всего периода их наступления». Рекомендовалось также «основную массу артиллерии сосредоточивать в районе действий ударных групп войск». Артиллерийское наступление подразделялось на три периода: артиллерийская подготовка атаки, артиллерийская поддержка атаки и артиллерийское обеспечение действий пехоты и танков в глубине обороны противника (артиллерийское сопровождение). Тогда же уточнялись и задачи артиллерии. На первое место было выдвинуто требование уничтожения живой силы противника в окопах.

Важнейшими вопросами, находившими отражение в плане боевого применения артиллерии в бою, становятся расчеты продолжительности и построения артиллерийской подготовки атаки. Они определялись характером обороны противника, необходимой степенью ее подавления, а также наличием артиллерии и боеприпасов. Чаще всего предусматривалось осуществлять ее ведением массированного и сосредоточенного огня в сочетании с огнем орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой, по целям, находившимся на переднем крае вражеской обороны. Артиллерийская поддержка атаки планировалась, как правило, ведением последовательного сосредоточения огня (ПСО). Артиллерийское сопровождение осуществлялось огнем орудий сопровождения и сосредоточенным огнем артиллерийских групп.

Во втором периоде войны к планированию применения артиллерии в большей степени стали привлекаться штабы армии и фронтов. Объяснялось это необходимостью высокой степени массирования артиллерии на участке прорыва, в том числе поступившей из резерва Ставки Верховного Главноко-

мандования (в контрнаступлении под Курском впервые приняли участие артиллерийские дивизии и корпуса прорыва), изменившимся характером действий войск и совершенствованием обороны противника. Штабы стрелковых соединений конкретизировали порядок применения артиллерии в полосе предстоящих действий. Командующие артиллерией стрелковых корпусов (дивизий) привлекались для уточнения огневых задач и планировния огня орудий, предназначенных для стрельбы прямой наводкой.

Совершенствовалось планирование артиллерийского наступления.

Возросла продолжительность артиллерийской подготовки. Если в первом периоде войны намечалось проводить ее чаще всего в течение 5—20 минут, лишь иногда доводя до 40—60 минут, то в четырнадцати из восемнадцати дивизий Юго-Западного фронта в ноябре 1942 г. ее продолжительность составляла уже 70—90 минут, в битве же под Курском во всех дивизиях первого эшелона Воронежского и Степного фронтов планами предусматривалось проведение артиллерийской подготовки в течение 140—175 минут. В итоге резко увеличилась плотность огневого поражения противника, чему способствовало также решительное массирование артиллерии на участках прорыва (до 80—90% артиллерии). Вследствие улучшения тактико-технических характеристик орудий, приближения огневых позиций к переднему краю до 2—5 *км*, а также увеличившегося запаса боеприпасов глубина огневого поражения противника возросла до 3—4 *км* [1].

Новым в планировании артиллерийской поддержки стало то, что задача решалась не только методом последовательного сосредоточения огня, но и огневого вала, предусматриваемого чаще всего на глубину 500—700 *м*, как это было во всех шести дивизиях первого эшелона 11-й гв. армии в Орловской операции в июле 1943 г. Иногда огневой вал планировался и на глубину до 1 *км* (в дивизиях 5-й гв. армии, Белгородско-Харьковская операция, август 1943 г.). Для непосредственного сопровождения пехоты при бое в глубине обороны противника в это время выделяется уже до 15% орудий, т. е. в 5—7 раз больше, чем в первом периоде войны. В полосах наступления большинства стрелковых дивизий, участвовавших в контрнаступлении под Курском, предусматривалось, чтобы каждый стрелковый батальон первого эшелона усиливался одной-двумя батареями, орудия которых продвигались вместе с пехотой, имея задачу уничтожать огневые точки противника, мешавшие продвижению пехоты и танков. Был прак-

---

[1] См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1960, с. 757.

тически решен также вопрос о ликвидации разрыва по времени между концом артиллерийской подготовки и началом атаки пехоты и танков. Планом боя стало предусматриваться, чтобы пехота поднималась в атаку не в момент перенесения артиллерийского огня в глубину, а в конце последнего налета. Это позволило ей вплотную подойти к переднему краю вражеской обороны и при переносе огня артиллерии в глубину незамедлительно атаковать противника.

В третьем периоде войны количество орудий и минометов в дивизии (с учетом приданной) возросло до 300—600. Увеличились плотности войск противника в тактической глубине. Возрос объем задач. Создаются артиллерийские группы в полках, дивизиях и корпусах. Это потребовало внесения изменений в практику планирования боевого применения артиллерии в тактическом звене. Благоприятное влияние на решение этого вопроса оказали организационно-штатные изменения: создается штаб командующего артиллерий корпуса, почти в полтора раза увеличивается количество офицеров в штабах, подчиненных командующим артиллерией корпусов (дивизий). В стрелковых соединениях стали разрабатываться планы применения артиллерийских групп. Отдельными документами (планом и боевым распоряжением) определялись задачи артиллерийского обеспечения ввода соединений бронетанковых и механизированных войск. Кроме того, разрабатывались различного рода инструкции, памятки и указания. Особое внимание уделялось составлению схем целей на период артиллерийской подготовки.

Повышалась эффективность огневого воздействия на противника. При некотором сокращении продолжительности артиллерийской подготовки резко увеличилось время, планируемое на огневые налеты. Их удельный вес в 1944—1945 гг. в среднем составлял 40—60%, в ряде же случаев, например в соединениях 8-й гв. армии в Висло-Одерской, 5-й ударной армии в Берлинской операциях, он достигал 100%. Подавление и уничтожение противника планировалось на глубину всей главной полосы, а иногда и отдельных объектов, расположенных на второй полосе вражеской обороны. Стало предусматриваться к тому же несколько вариантов артиллерийской подготовки и поддержки атаки (по продолжительности, построению и т. д.) в зависимости от успеха действий передовых батальонов в ходе ведения разведки боем. Практиковался также ложный перенос огня, как это было сделано в 3-й гв. стрелковой дивизии в Крымской операции (май 1944 г.) Все большее внимание уделялось ликвидации разрыва в огне между артиллерийской подготовкой и началом артиллерийской поддержки. Проблема разрешалась чаще всего планированием перекрывающего огневого налета. При наличии в обороне противника особо прочных сооружений (Восточно-Прусская операция)

назначался предварительный период разрушения продолжительностью от одних (Выборгская операция) до четырех (штурм Кенигсберга) суток.

Основным методом ведения огня в период артиллерийской поддержки становится одинарный и двойной огневой вал (Белорусская и последующие операции) на глубину 2—2,5 *км*. В ряде случаев огневой вал планировался на глубину 3—5 *км*, например в соединениях 3-й ударной армии в Берлинской операции. При прорыве обороны Ленинграда в январе 1944 г. был применен огонь сразу по трем рубежам, что явилось подобием тройного огневого вала, а в Крымской операции на участке прорыва 51-го стрелкового корпуса велся фактически четверной огневой вал. Эффективности огня в период сопровождения пехоты и танков при бое в глубине планировалось достичь более организованной сменой огневых позиций артиллерии по заранее разработанной схеме путем увеличения процента орудий сопровождения, выделенных в подразделения. Был накоплен большой опыт массирования артиллерийского огня для поражения группировок войск противника при развитии наступления в глубине его обороны.

Следовательно, в годы войны шел непрерывный процесс поиска наиболее целесообразного планирования применения артиллерии. Опыт показал, в частности, необходимость иметь артиллерийские группы в полках, дивизиях и корпусах. Их создание позволило оперативнее реагировать на обстановку. Улучшалось управление артиллерией со стороны общевойсковых командиров. В первом периоде войны зарождается, а в последующем развивается артиллерийское наступление. Продолжительность артиллерийской подготовки на протяжении двух первых лет войны возрастает, в последующем несколько сокращается при увеличении удельного веса огневых налетов, что повысило эффективность огня. Глубина одновременного поражения противника также увеличивается. Действенность огня в период артиллерийской поддержки резко повышается как путем совершенствования методов его ведения, так и увеличения глубины поддержки. Результативность артиллерийского сопровождения достигалась организацией более тесного взаимодействия пехоты, танков и артиллерии. Этому же способствовала практика планирования значительной части артиллерии для непосредственной поддержки огнем действий пехоты и танков.

Исходя из полученного опыта боевых действий в 1939—1940 гг. на р. Халхин-Гол и Карельском перешейке в стрелковых соединениях, по предвоенным взглядам, предусматривалось иметь группу танковой поддержки пехоты. Их плотность на направлении главного удара могла достигать 50 единиц на

1 *км* [1]. Цель, с которой планировалось применение танков непосредственной поддержки пехоты заключалась в том, чтобы сломить во взаимодействии с артиллерией и авиацией систему артиллерийского и пехотного огня и проложить путь атакующей пехоте на всю глубину прорыва обороны противника. Предусматривалось также то, что при прорыве укрепленной полосы танки должны кроме отмеченных задач проделывать проходы в заграждениях, уничтожать и подавлять огневые точки противника, вести борьбу с его противотанковыми средствами [2]. Вопросы применения танков непосредственной поддержки пехоты (их распределение, определение боевых задач) в корпусе и дивизии находили отражение в боевом приказе и в плановой таблице боя.

В первом периоде войны в качестве танков непосредственной поддержки пехоты чаще всего планировалось применение танков отдельных танковых батальонов, придаваемых дивизиям. При наступлении на главном направлении их средняя плотность составляла 1—2 танка, максимальная — 10 танков на 1 *км*. Действия танков предусматривались для прорыва совместно с пехотой и артиллерией обороны противника, а также для обхода или охвата вражеской группировки в опорных пунктах. По опыту контрнаступления под Москвой, поступившие на усиление танки командиром дивизии, как правило, поротно придавались полкам первого эшелона, часть их (до роты) выделялась в резерв. Отсутствие опыта у командиров частей и подразделений в организации общевойскового боя приводило часто к плохой согласованности действий танков, артиллерии и пехоты.

Практика боевого применения танковых частей и соединений в первом периоде войны была обобщена в приказах Народного Комиссара Обороны от 22 января и 16 октября 1942 г. В свете требований этих приказов предусматривалось применять танковые части (соединения) в полном составе и в тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией. Приказывалось не допускать ввода в бой танков без предварительной разведки местности. Танки не должны были отрываться от пехоты более чем на 200—400 *м*, а пехота должна была «подавлять всей мощью своего огня, а также огнем орудий сопровождения противотанковые средства противника, разведывать и очищать минные поля... бороться с немецкими истребителями танков, решительно следовать за танками в атаку, закреплять захваченные рубежи... содействовать эвакуации аварийных танков с поля боя». Рекомендовалось шире практиковать действия автоматчиков десантом на тан-

---

[1] См.: Вопросы тактики в советских военных трудах. 1917—1940. М., 1970, с. 271.

[2] См.: Тактика танковых войск. М., 1940, с. 174.

ках. На артиллерию возлагалась задача борьбы с танками. Подчеркивалось, что «танки ведут бой с танками противника только в случае явного превосходства в силах и выгодного положения» [1].

Во втором периоде войны стрелковым дивизиям, действовавшим на направлении главного удара, придавалось от танкового батальона (20—21 танк) до танковой бригады (40—50 танков), а с лета 1943 г. — и части (подразделения) самоходно-артиллерийских установок. В результате этого в дивизии имелось 25—30, иногда и 50—60 танков и самоходно-артиллерийских установок. Это потребовало детальней планировать их задачи. Поэтому в плановых таблицах боя действия танков определялись, начиная с выхода их на рубеж атаки и далее по задачам (прорыв первой, второй позиций и т. д.). Для лучшего взаимодействия пехоты, танков и артиллерии в контрнаступлении под Сталинградом, например в 47-й, 124-й и ряде других дивизий, предусматривалось выделение орудий сопровождения танков [2]. Танковым частям и подразделениям придавались саперные подразделения. В радийные танки для корректирования огня орудий назначались командиры-артиллеристы. Так шел поиск лучших способов применения танков и их обеспечения в общевойсковом бою.

Особое внимание стало обращаться на планирование обеспечения ввода танков в бой. В одной из директив Ставки Верховного Главнокомандования того времени подчеркивалось, что «их действия должны быть смелыми и дерзкими, но наряду с этим атака может производиться только после достаточной артиллерийской и авиационной обработки оборонительной полосы противника». Более тщательно планировался выход танков и на исходные позиции. Если в 1942 г. делалось это чаще всего в ночь перед наступлением, то в последующем было найдено более рациональное решение вопроса — выход танков предусматривался в период артиллерийской и авиационной подготовки.

С лета 1943 г., учитывая, что вражеская оборона приобрела позиционный характер и оборудовалась сплошными траншеями на глубину тактической зоны, действия танков непосредственной поддержки пехоты стали планировать более конкретно — по рубежам и задачам. Изменился и боевой порядок танков непосредственной поддержки пехоты. Если раньше он состоял из двух-трех боевых линий (тяжелых, средних, легких танков), то теперь на удалении 100—200 *м* от танков, наступавших в линию, должны были продвигаться САУ, в 300—400 *м* от танков наступала пехота. Особое внимание об-

---

[1] См.: История военного искусства. М., ВАФ, 1958, т. V, с. 800.
[2] ЦАМО, ф. 331, оп. 6517, д. 5, л. 136.

ращалось на инженерное и артиллерийское обеспечение действий танков с подходом их к рубежу атаки.

Был получен также первый опыт планирования создания из танков непосредственной поддержки пехоты передовых отрядов стрелковых соединений в тактической глубине вражеской обороны. Для этого заранее назначался район сбора. Здесь танковые части усиливались стрелковыми и саперными подразделениями, а также артиллерией. Так было, например, в 37-й гв. и 60-й стрелковых дивизиях 65-й армии, в 167-й и 180-й стрелковых дивизиях 38-й армии в октябре 1943 г. (битва за Днепр).

В третьем периоде войны боевые порядки стрелковых войск насыщались танками непосредственной поддержки пехоты путем передачи их все в большем количестве в стрелковые дивизии — более 30% дивизий, действовавших в Висло-Одерской операции, на направлении главного удара имели 80—90 танков [1]. В итоге плотность танков непосредственной поддержки пехоты при ширине полосы наступления дивизии 2,5—3 *км* составила до 30 единиц на 1 *км*. В Белорусской операции в полосе 11-й гв. армии она составляла 41 единицу, в Берлинской операции в полосе 5-й ударной армии — 53,4 единицы на 1 *км*. К тому же количество средних и тяжелых танков увеличилось до 70% от общего их числа. Кроме того, в 1945 г. более 10% стрелковых дивизий имели в своем составе штатный самоходно-артиллерийский дивизион. Он насчитывал 16 СУ-76 [2]. Дивизии стали получать на усиление также огнеметно-танковые батальоны, насчитывавшие 21 танк и до роты танков-тральщиков (10 машин Т-34 с тралами). Боевой опыт, в частности, Восточно-Прусской операции показал, что танки-тральщики являются эффективным средством скоростного разминирования минных заграждений, причем не только перед передним краем обороны противника, но и в ее глубине [3].

Увеличение количества танков, приобретенный опыт, а также необходимость решения задач по прорыву траншейной обороны противника потребовали нового поиска путей совершенствования планирования боевого применения танковых частей и подразделений. Вопросы применения танков стали находить отражение не только в боевом приказе и плановой таблице боя, но и в планах артиллерийского наступления и инженерного обеспечения, на рабочих картах начальников родов войск. Штабами танковых частей и соединений составлялся расчет времени выхода танков на рубеж атаки. Оперативным отделением дивизии совместно с помощником коман-

---

[1] См.: История военного искусства. Альбом схем. М., ВАФ, 1956, т. VIII, с. 49—50.

[2] См.: Военно-исторический журнал, 1977, № 1, с. 31.

[3] См.: Журнал бронетанковых и механизированных войск, 1946, № 1, с. 18.

дира по технической части отрабатывался план комендантской службы и технического обеспечения на маршрутах выдвижения. Все это позволяло тщательнее организовывать общевойсковой бой.

В ходе третьего периода войны стала планироваться передача части танковых подразделений стрелковым полкам (Белорусская, Львовско-Сандомирская, Висло-Одерская операции) и даже ротам (Берлинская операция). При этом принцип массированного их использования не нарушался вследствие увеличившегося количества танков и одновременного сужения полос наступления стрелковых дивизий. Возросло также мастерство командиров частей и подразделений в организации взаимодействия. Следует, однако, подчеркнуть, что какого-либо шаблона в планировании боевого применения танков не было. В отдельных случаях, исходя из конкретной обстановки, танки непосредственной поддержки пехоты по-прежнему использовались централизованно, как это было сделано во всех дивизиях 27-й армии в Ясско-Кишиневской операции. Новым было и то, что в ряде случаев, например, в 96-й гв. стрелковой дивизии в Восточно-Прусской, в 47-й гв. стрелковой дивизии в Берлинской операциях, усиливались не только полки первого, но и второго эшелонов дивизии. Это позволяло оперативнее наращивать усилия, повышать темпы наступления как при прорыве вражеской обороны, так и при преследовании противника.

При определении задач стало чаще предусматриваться объединение танков непосредственной поддержки пехоты после прорыва главной полосы обороны противника в передовые отряды. В 5-м гв. стрелковом корпусе в Белорусской и в 104-м стрелковом корпусе в Ясско-Кишиневской операциях создание передовых отрядов предусматривалось для захвата с ходу второй полосы, а в 5-й ударной армии в Висло-Одерской операции — и для прорыва армейских рубежей обороны противника. Был получен также первый опыт планирования и использования в бою штатных самоходно-артиллерийских дивизионов дивизий для поддержки действий пехоты и танков и в качестве подвижного резерва (чаще в дивизиях второго эшелона) [1].

Следовательно, за годы войны наметился ряд тенденций в планировании применения танков непосредственной поддержки пехоты: был осуществлен переход к децентрализации танков непосредственной поддержки пехоты, что нашло выражение в передаче функций управления ими в бою командирам стрелковых частей и подразделений, четко прослеживался отход от взглядов на эшелонирование боевых порядков танков непосредственной поддержки пехоты, проявлялось так-

---

[1] ЦАМО, ф. 426, оп. 1443, д. 6, л. 102—103.

же стремление заранее планировать использование танков при переходе в преследование противника. Возросшее их количество, улучшение качественных характеристик, полученный опыт, а также ряд других факторов предопределили необходимость более детального планирования действий танков в общевойсковом бою. В результате этого командиры стрелковых соединений и частей стали предусматривать их совместные действия с пехотой и артиллерией по этапам боя, рубежам и задачам на всю глубину наступления. Танки непосредственной поддержки пехоты из средств поддержки превращались в решающую силу атаки при прорыве обороны.

По предвоенным взглядам, инженерным частям и подразделениям (в стрелковой дивизии — саперный батальон, в полку — саперная рота) в наступательном бою предстояло решать ряд задач: ведение инженерной разведки, разграждение местности и подготовка исходного положения, прокладка колонных путей, осуществление маскировки, устройство дорог, мостов и переправ, а также ряд других [1]. Штаб стрелкового корпуса (дивизии) и корпусной (дивизионный) инженер, по опыту учений тех лет, планировали применение инженерных войск на рабочих картах, в боевом приказе и плановой таблице боя. Совместными усилиями оперативного отдела, начальников артиллерии и инженерных войск составлялся, кроме того, план противотанковой обороны [2].

Первый период войны в основном подтвердил то место и ту роль, которые отводились инженерным войскам в теории общевойскового наступательного боя накануне войны, выявив вместе с тем определенное несоответствие наличия инженерных войск объему решаемых задач. Более того, вследствие сложившейся тяжелой обстановки саперные подразделения нередко использовались не по прямому назначению. Ставка Верховного Главнокомандования в трудные первые месяцы войны проводит ряд мероприятий по усилению инженерного обеспечения боя. В приказе от 28 ноября 1941 г. она потребовала «не допускать разбазаривания инженерных войск, использования их для пополнения других родов войск или просто в качестве пехоты»[3]. Приказывалось также применять саперные подразделения массированно на главных направлениях. Внимание общевойсковых командиров обращалось на необходимость «самим учиться и учить подчиненных инженерному делу». В результате принятых мер в контрнаступлении под Москвой планирование инженерного обеспече-

---

[1] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект. М., 1941, ст. 177.

[2] См.: Служба общевойсковых штабов в бою. М., 1940, с. 80—85, 99, 112; *Карбышев Д. М.* Инженерное обеспечение боевых действий стрелковых соединений. М., 1940; *Леошеня Е. В.* Инженерное обеспечение боя. М., 1940.

[3] ЦАМО, ф. 229, оп. 4066, д. 9, л. 113.

ния представляет уже определенную систему мероприятий. На инженерные войска возлагались задачи по обеспечению прорыва, закреплению захваченных рубежей, минированию и строительству различных сооружений.

Во втором периоде войны стрелковые дивизии и даже полки стали усиливаться более значительным количеством инженерных подразделений: 75% дивизий, прорывавших вражескую оборону в Белгородско-Харьковской операции, получили два-три саперных батальона. В ряде случаев соединения усиливались инженерными частями специального назначения. Так, 8-му гв. стрелковому корпусу, действовавшему на направлении главного удара 11-й гв. армии в Орловской операции, придавался 140-й батальон инженерных заграждений и 61-й понтонно-мостовой батальон [1]. Иногда средства инженерного усиления получали артиллерийские группы. В итоге расширились возможности по решению различных задач инженерного обеспечения общевойскового боя. Возрастает и роль штаба дивизии в планировании применения инженерных подразделений, как штатных, так и поступавших на усиление. Вырабатывается практика, когда в решении на бой командир устанавливал объем, порядок, время проведения инженерных работ и распределение средств, штаб совместно с дивизионным инженером отрабатывал планы инженерного обеспечения боя на период прорыва и преследования противника, а также форсирования водных преград. В планах, по опыту стрелковых дивизий 37-й армии в битве за Днепр в сентябре 1943 г. [2], саперным батальонам дивизий и саперным подразделениям полков, а также приданным подразделениям определялись задачи на ведение разведки, оборудование исходных районов, проделывание проходов и т. д.

Новым в организации инженерной разведки стало то, что ее ведение планировалось как перед передним краем, так и в глубине обороны противника. При подготовке к контрнаступлению под Сталинградом, например, в полосе каждой дивизии первого эшелона постоянно действовали 3—4 инженерных наблюдательных поста, на участках прорыва 14, 47 и 50-й гв. стрелковых дивизий их плотность достигала 2—3 на 1 *км*. На основе проведенных наблюдений отрабатывалась «бланковая» карта, на которой были нанесены минные поля противника, его проволочные заграждения, блиндажи и т. д. Тогда же был приобретен большой опыт по инженерному оборудованию исходных районов для наступления. Делалось это чаще всего под видом развития и усиления обороны. В общей сложности в полосе наступления дивизии войска с помощью

[1] См.: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 194.

[2] ЦАМО, ф. 341, оп. 14373, д. 4, л. 172—175; оп. 217820, д. 11, л. 144—145; оп. 74741, д. 20, л. 66—68.

инженерных специалистов отрывали от 15—18 *км* (контрнаступление под Сталинградом) до 20—25 *км* (Орловская операция) траншей и ходов сообщения [1]. Ремонтировались дороги, готовились колонные пути (до 80 *км* на дивизию). Там, где передний край обороны противника находился на удалении свыше 300 *м* от намечаемого рубежа перехода в атаку и где это позволяла местность, впереди отрывалась новая траншея или оборудовались вынесенные вперед «усы».

Значительный объем работ планировался по осуществлению разграждений и проделыванию проходов, а также по организации комендантской службы. При подготовке Орловской операции, например, саперы соединений 11-й гв. армии в течение двух ночей, предшествовавших наступлению, проделали 248 проходов (из расчета один проход на стрелковый взвод) шириной 10—20 *м*. Ширина прохода для танков достигала 50 *м*. На направлениях, где плотность танков непосредственной поддержки пехоты была свыше 30 танков на 1 *км*, минные поля снимались полностью. Места устройства проходов для пехоты определяли командиры стрелковых полков, для танков — командиры танковых бригад после согласования с командиром дивизии. Для комендантской службы в полосе дивизий первого эшелона выделялась саперная рота, командир которой назначался комендантом проходов, а командиры взводов — комендантами участков наступления полка. На проход выделялся пост в составе 3—4 человек. Этими силами обеспечивались твердый порядок при пропуске войск по проходам, их охрана и готовность к перекрытию специальными минными «шлагбаумами» (в случае перехода противника в контратаку). В плане инженерного обеспечения определялось, что в ночь на 11 июля, во время проведения разведки боем, саперы соединений и частей приступят к проделыванию проходов в минных полях противника [2].

По существу, новой задачей стало планирование инженерного обеспечения последовательного форсирования ряда водных преград с ходу. В битве за Днепр оно осуществлялось на основе решения командира, принятого при организации боевых действий и уточненного с подходом частей дивизии к реке. Организовывалась также инженерная разведка форсирования. На основе полученных данных намечались участки форсирования (при форсировании Днепра два-три на стрелковую дивизию). Планировалось распределение инженерных сил и средств для содержания переправ. Небезынтересно отметить, что в целом ряде соединений заблаговременно заготавливались подручные переправочные средства и создавались внештатные парки десантных лодок (А-3, СДЛ, ДСЛ, МДЛ),

---

[1] ЦАМО, ф. 341, оп. 8886, д. 5, л. 6—7.
[2] ЦАМО, ф. 443, оп. 9630, д. 2, л. 103.

перевозимые гужевым транспортом, а также специально подготавливались команды содержания переправ из числа специалистов инженерных войск.

В третьем периоде войны дивизии еще в большем количестве получают средства усиления — до трех инженерно-саперных батальонов. Стрелковая дивизия в 1945 г. стала иметь до 12 саперных рот. Плотность возросла до 4—6 рот на 1 *км* (Висло-Одерская операция), в 23 дивизиях из 70 1-го Белорусского фронта в Берлинской операции их плотность составляла более семи. В ряде случаев соединения усиливаются и специальными инженерными частями: инженерно-штурмовыми, переправочно-десантными, мостовыми и др. Подразделения инженерных войск оснащаются землеройной и другой техникой. Усложнившийся характер боевых действий предопределил необходимость более четкого разделения функций между различными инстанциями: подразделения дивизионного и полкового звена основные усилия стали сосредоточивать на подготовке исходного района для наступления, проделывании проходов в заграждениях и обеспечении действий войск в ходе наступления. Функции же дорожного обеспечения, организации форсирования и маскировки возлагались главным образом на корпусные, армейские и фронтовые части.

На участках прорыва стало осуществляться сплошное разминирование своих минных полей. Проходы в препятствиях противника предусматривалось проделывать чаще всего ночью перед наступлением или же в период артиллерийской подготовки, а проходы в своих заграждениях — не позднее чем за двое суток до перехода войск в атаку. Так делалось в Белорусской, Висло-Одерской и Берлинской операциях. В результате этого почти полностью исключалась возможность подрыва пехоты и танков при движении их в атаку. Вместе с тем требовался большой расход саперных подразделений. Поэтому в решении отмеченной задачи большую роль стали играть внештатные саперные команды, создаваемые из стрелковых подразделений. Особое развитие получили подвижные отряды заграждений (ПОЗ). В соответствии с планом инженерного обеспечения они решали задачи по установке минно-взрывных заграждений при отражении контратак танков противника, закреплению определенных рубежей и обеспечению открытых флангов. Если в битве под Курском планировалось создавать их в корпусах и дивизиях (саперная рота с запасом мин и взрывчатых веществ), то в последующем — и в полках. Так, в 46-м стрелковом корпусе при подготовке к прорыву обороны противника в январе 1945 г. (Восточно-Прусская операция) по решению командира создавалось девять подвижных отрядов заграждений: три в корпусе, по одному в трех дивизиях и три в полках, действовавших на направлении главного удара. Такое применение инженерных войск выра-

жало наиболее активную форму их непосредственного участия в бою. Значительное внимание было уделено также обеспечению штурма долговременных и полевых сооружений, особенно при бое в городе. Действуя в составе штурмовых групп и отрядов, саперы непосредственно участвовали в боях, используя средства инженерного вооружения.

В целом, для планирования применения инженерных войск стрелковых соединений в годы войны все более характерным становится решение задач в тесном взаимодействии со стрелковыми частями, артиллерией и танками на протяжении всего наступательного боя. Действуя в составе подвижных отрядов заграждений инженерно-штурмовых подразделений и частей, штурмовых отрядов и групп, инженерные войска выполняли и самостоятельные боевые задачи. Во взаимодействии с другими родами войск они прикрывали фланги, закрепляли захваченные рубежи, содействовали войскам в отражении контратак и контрударов противника, обеспечивали выдвижение и маневр войск. Были выработаны также целесообразные способы решения задач инженерной разведки, подготовки исходных районов, обеспечения атаки, форсирования рек. Это достигалось четким разделением функций между инженерными частями (подразделениями) различных инстанций, большим насыщением саперными подразделениями боевых порядков войск. Инженерное обеспечение, как свидетельствует опыт Великой Отечественной войны, оказывало непосредственное влияние на достижение успеха боевых действий. Это позволяет сделать вывод о его исключительно важной роли и в современном бою.

Особенности планирования артиллерии и инженерных войск в соединениях бронетанковых и механизированных войск

По опыту войны, ряд особенностей в планировании артиллерии и инженерных войск прослеживается в соединениях бронетанковых и механизированных войск. Это обусловливается как их составом, так и характером боевых действий.

Артиллерию чаще всего предусматривалось применять не в составе специально создаваемых артиллерийских, в том числе зенитно-артиллерийских, групп, как это делалось в стрелковых соединениях, а штатными артиллерийскими и зенитно-артиллерийскими частями. Это особенно было типично для первых трех лет войны вследствие того, что танковые и механизированные соединения имели ограниченное количество артиллерии, а боевые задачи решались ими на разобщенных направлениях и в отрыве от основных сил армии (фронта). По этим же причинам в большинстве случаев специальные планы применения артиллерии в корпусах и бригадах не отрабатывались. Вопросы планирования находили отражение в боевом приказе, на рабочих кар-

тах должностных лиц и в плановой таблице боя. Как исключение план составлялся тогда, когда корпусная артиллерия привлекалась для обеспечения ввода соединений в сражение в борьбе за тактическую зону обороны, как это было в 6-м танковом и 3-м механизированном корпусах (Белгородско-Харьковская операция) или же при форсировании водных преград (битва за Днепр). С лета 1943 г. корпусную и бригадную артиллерию до выхода на оперативный простор стремились вести в колоннах. До 60—70% корпусной артиллерии, по опыту Берлинской и Висло-Одерской операций, придавалось передовым отрядам.

Важнейшим направлением в совершенствовании планирования применения артиллерии в годы войны явилось более тесное согласование ее усилий с действиями танков. Немалую роль в этом сыграло получившее уже во втором периоде войны широкое распространение совместное нахождение командиров танковых и артиллерийских частей (подразделений). Опыт выявил также особую эффективность поддержки танковых частей реактивной артиллерией, отличавшейся большей маневренностью и поражающей способностью.

Главная задача, которая определялась в интересах соединений бронетанковых и механизированных войск инженерным войскам, заключалась в разминировании местности и оборудовании колонных путей в ходе ведения боевых действий. Учитывая важность решения этой задачи, при планировании действий инженерных войск в третьем периоде войны стали уделять больше внимания достижению согласованности в бою, в том числе путем придания танковым подразделениям саперных взводов (отделений), как это было сделано в Белорусской, Берлинской и ряде других операций. Исходя из особенностей боевых действий в оперативной глубине, в отрабатываемых планах конкретизировались задачи отрядам обеспечения движения (ООД) в составе: саперного взвода — в бригаде, роты — в корпусе. Они вели разведку, осуществляли разграждение и обозначение пути. Ими оборудовались обходы в разрушениях и заграждениях, а также производились дорожно-восстановительные работы. Планирование применения инженерных войск осуществлялось чаще всего на рабочих картах. Вопросы применения инженерных войск находили отражение в боевом приказе (общие задачи) и в плановой таблице боя (задачи по этапам ведения боевых действий).

Следовательно, для соединений бронетанковых и механизированных войск наиболее характерным являлись децентрализованное использование средств огневого поражения и инженерного обеспечения, а также сосредоточение усилий на решении задач непосредственной поддержки частей и подразделений на поле боя. Это объяснялось спецификой дейст-

вий войск, обладавших наибольшей подвижностью. Поэтому отмеченные тенденции и конкретный опыт решения задач заслуживают внимания и в современных условиях.

Таким образом, за годы войны возросли боевые возможности рассматриваемых родов войск. Произошли определенные и организационные их преобразования. Был приобретен богатый боевой опыт. С учетом отмеченных факторов, а также под влиянием изменений характера действий войск воюющих сторон расширялись, уточнялись и конкретизировались задачи артиллерии, танков непосредственной поддержки пехоты и инженерных войск в наступательном бою, а также способы их решения. Основные тенденции совершенствования применения родов войск нашли выражение в их массировании и создании лучших условий для использования возможностей техники в общевойсковом бою. Задача эта решалась путем перехода к созданию группировки артиллерии, а в определенной мере и танков непосредственной поддержки пехоты на основе организационно-тактического принципа. Были выработаны и претворены в жизнь взгляды на более четкое распределение задач артиллерии и инженерных войск, решаемых силами и средствами различных командных инстанций. Резко возросла роль командира и штаба соединения как непосредственных организаторов общевойскового боя. В планировании боевого применения сил и средств все большее место занимали расчеты (возможностей войск, соотношения сил и средств и др.). Прослеживается также стремление придать общевойсковым соединениям (частям, подразделениям) бóльшую самостоятельность при ведении боя, особенно при действии в оперативной глубине.

Задачи, решаемые в общевойсковом бою авиацией

В соответствии с предвоенными взглядами авиация в интересах действий Сухопутных войск должна была решать ряд задач. Важнейшими из них считались: ведение разведки, прикрытие войск и объектов тыла от ударов авиации противника, борьба за господство в воздухе и подавление вражеских резервов [1]. Особое место отводилось штурмовой авиации, на которую возлагалось «подавление ближайших резервов противника, его командных пунктов и связи, непосредственное содействие продвижению танков в пределах поля боя, атака отходящих вражеских частей, обеспечение ввода вторых эшелонов, резервов и танковых (механизированных) соединений» [2].

---

[1] См.: *Ионов П. П.* Истребительная авиация. М., 1940, с. 36—38; *Теплинский Б. Л.* Авиация в бою наземных войск. М., 1940, с. 40.

[2] *Медник А.* Тактика штурмовой авиации. М., 1937, с. 104.

В первом периоде войны из-за значительных потерь авиация решала лишь часть из отмеченных задач, главным образом по борьбе с авиацией противника в воздухе. Одновременно Ставка Верховного Главнокомандования требовала, в том числе в приказе от 11 июля 1941 г., «продуманного и организованного использования частей ВВС в разгроме танковых и механизированных войск противника... ведения непрерывной их разведки» [1]. Практически же пехота, танки и артиллерия действовали на поле боя без эффективной поддержки авиации. Это сковывало их маневр и снижало темпы наступления.

Господство противника в воздухе вынудило советскую авиацию перейти к широким действиям ночью. Удары ночных бомбардировщиков У-2 по переднему краю обороны противника уже в контрнаступлении под Москвой дали значительный эффект. Применялись и самолеты-штурмовики Ил-2. И хотя число их было ограниченным, они оказывали существенную помощь войскам, в том числе и в борьбе с вражескими танками — на полях Подмосковья было уничтожено более 600 боевых машин противника [2]. Тогда же впервые были применены ЛаГГ-3 с установленными под крыльями реактивными снарядами. Пикируя на вражеские танковые колонны с высоты 1800—2000 *м*, они выпускали снаряды на высоте 100—200 *м*, достигая тем самым высокой точности попадания.

Во втором периоде войны советской авиацией была успешно решена задача по завоеванию господства в воздухе. Развивается штурмовая авиация. Ее удельный вес возрос с 0,2% (по состоянию на 22 июня 1941 г.) до 31% (на 19 ноября 1942 г.), штурмовики были способны наносить удары по целям, удаленным от своих войск на 500—1000 *м*. В этом проявилось их преимущество перед другими родами Военно-Воздушных Сил при решении задачи поддержки действий Сухопутных войск непосредственно на поле боя. Именно поэтому в первую очередь штурмовые авиационные соединения стали выделяться в оперативное подчинение командиров танковых (механизированных) корпусов, а также стрелковых корпусов, действовавших на направлении главного удара. Так было, например, при форсировании Днепра, когда 299-я штурмовая авиационная дивизия взаимодействовала с 27-м стрелковым корпусом. Удары авиации по изготовившимся к контратаке и контратакующим частям противника обеспечили войскам захват, удержание и расширение плацдарма.

С осени 1942 г. авиация перешла к действию, основанному на принципах авиационного наступления. Ее участие ста-

---

[1] ЦАМО, ф. 288, оп. 2535, д. 8, л. 83.

[2] См.: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 61.

ло предусматриваться в подготовке атаки (авиационная подготовка проводилась до начала артподготовки или в ходе ее), а также в непрерывном сопровождении пехоты и танков в наступлении на всю глубину обороны противника. Таким способом решала задачи советская авиация во время контрнаступления под Курском и во всех последующих операциях войны. Тогда же были выработаны наиболее эффективные формы взаимодействия сухопутных войск с авиацией. Основным средством обозначения первой линии войск стали сигнальные ракеты (в первом периоде войны — полотнища). В каждой стрелковой и танковой роте, наступавшей в первом эшелоне, назначалось несколько сигнальщиков, которые обозначали передний край. В итоге удары штурмовой авиации были приближены к боевым порядкам войск (до 400 *м*), что способствовало достижению большего успеха в бою.

В третьем периоде войны совершенствование планирования боевого применения авиации шло по нескольким направлениям.

Во-первых, увеличилась степень массирования авиации на направлении сосредоточения главных усилий фронтов — с 36% в контрнаступлении под Сталинградом, 40% в битве под Курском, до 90% в Берлинской операции. На период авиационной подготовки удары стали планироваться не только по узлам сопротивления, но и по артиллерии, командным пунктам, узлам связи, более детально согласовываясь по целям с артиллерийским огнем. Продолжительность авиационной подготовки возросла в два-три раза. Плотность бомбовых ударов увеличилась с 16 *т* (в 1941—1942 гг.) до 50—100 *т* и более (в 1945 г.) на 1 *км* ^{2}. Стала предусматриваться и предварительная авиационная подготовка (в Красносельско-Ропшинской операции в полосе наступления корпусов первого эшелона 42-й армии, в Восточно-Прусской операции в полосе соединений 11-й гв. армии, действовавших на направлении главного удара).

Во-вторых, период авиационной поддержки становился все более интенсивным. Одновременно был осуществлен переход от эпизодических ударов авиации небольшими группами самолетов к непрерывным, сосредоточенным и эшелонированным ударам крупных сил авиации в тесном взаимодействии с наземными войсками. При этом предусматривался широкий маневр авиационными резервами (характерно для Белорусской, Ясско-Кишиневской и ряда других операций).

В-третьих, расширялся объем задач, решаемых авиацией в интересах Сухопутных войск. Она применялась для осуществления воздушной блокады, уничтожения окруженных группировок противника (Бобруйская операция), доставки материальных средств (Корсунь-Шевченковская, Белорусская и

другие операции). Все большее ее количество выделялось для обеспечения ввода в сражение (бой) подвижных групп: 50—70% сил в Белгородско-Харьковской, до 80% в Львовско-Сандомирской и 75% в Берлинской операциях. В оперативной глубине для поддержки и прикрытия соединений бронетанковых и механизированных войск использовалось от 30 до 50% авиации фронтов. По-прежнему широко применяется авиация в борьбе с танками противника непосредственно на поле боя.

Улучшилось взаимодействие. Во многих операциях 1944—1945 гг. представители авиации назначались в штабы не только танковых (механизированных) и стрелковых корпусов, но и стрелковых дивизий, наступавших на направлении главного удара (при штурме Кенигсберга, в Берлинской операции). Офицеры наведения авиации находились в танковых (механизированных) бригадах, а нередко и в передовых отрядах стрелковых корпусов. Это еще в большей степени способствовало согласованным действиям наземных войск и авиации на поле боя.

Следовательно, в годы Великой Отечественной войны были найдены наиболее приемлемые формы применения авиации как средства огневого поражения противника в наступательном бою. Опыт подтвердил высокую эффективность авиационной поддержки действий Сухопутных войск, выявив многообразие задач, которые способна решать авиация. Основной тенденцией, получившей наибольшее развитие, явилось то, что авиация все в большей степени оказывала непосредственное влияние на ход и исход общевойскового боя.

4. РАБОТА КОМАНДИРА И ШТАБА ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАСТУПАТЕЛЬНОГО БОЯ

В годы Великой Отечественной войны организация наступательного боя включала целую систему мероприятий, проводимых командирами и подчиненными им органами управления. Основными из них были: принятие решения, постановка боевых задач и доведение до войск, планирование боя, согласование усилий войск для достижения цели боя, всестороннее обеспечение предстоящих боевых действий, а также организация управления войсками на весь период ведения боевых действий. В ходе организации боя решались также задачи по боевой подготовке и партийно-политической работе в войсках, осуществлению контроля и оказанию помощи. Порядок и объем работы командиров, штабов и других органов управления определялся условиями обстановки, их профессиональными навыками, поставленными боевыми задачами и другими факторами.

Принятие командиром стрелковой дивизии решения и постановка задач

В предвоенные годы, исходя из опыта боев на реке Халхин-Гол и Карельском перешейке, а также проводимых учений, чаще всего отрабатывали два варианта организации наступательных действий [1].

В условиях наступления с подходом к оборонительной полосе противника командир дивизии, получив из штаба корпуса предварительное распоряжение, определял время готовности частей к выступлению и их группировку, отдавал указания штабу о подготовке необходимых данных для принятия решения и порядке постановки задач. С получением от командира корпуса боевой задачи он в течение 1—2 часов принимал решение по карте, используя имевшиеся данные. Оно объявлялось офицерам штаба, начальникам родов войск и служб, а также доводилось до командиров частей. По установлении соприкосновения с противником командир корпуса (дивизии) проводил рекогносцировку местности, уточнял решение и отдавал приказ на прорыв (наступление). После выполнения указанной работы организовывалось взаимодействие. На все это предполагалось затрачивать от 6—8 часов (при наступлении на поспешно занятую вражескую оборону) до двух суток (при организации прорыва)[2]. С переходом в наступление из непосредственного сопрокосновения с противником работа командира начиналась сразу же с принятия решения. Делалось это по карте. Затем решение уточнялось на рекогносцировке.

Во всех случаях главным в решении был замысел командира на бой, т. е. установление цели (чего командир хочет достичь в бою) и способа действий (как он будет ее добиваться). Решение доводилось до подчиненных лично командиром или через штаб боевым приказом, а также боевым распоряжением, исполненным на карте с легендой. Вопросы обеспечения боевых действий излагались в приказаниях по разведке, связи, противовоздушной, противотанковой обороне, противохимической защите, в приказе по тылу. Командиром отдавались также указания по организации взаимодействия, партийно-политической работы и другим вопросам.

Искусство организации общевойскового наступательного боя в годы Великой Отечественной войны прошло сложный и трудный путь развития.

Наиболее тяжелым был первый период войны. Боевая практика свидетельствует о том, что наступление в это время готовилось обычно в условиях непосредственного соприкосновения с противником, который владел к тому же ини-

---

[1] См.: Служба общевойсковых штабов в бою, с. 254—281.

[2] См.: Общая тактика. М., Воениздат, 1940, т. 1, с. 122.

циативой. Из-за резко менявшейся обстановки командиры получали боевые задачи нередко с большим опозданием. Сведения о противнике оказывались зачастую противоречивыми и неточными. Боевого опыта было недостаточно. Организовывать бой чаще всего приходилось в течение нескольких часов (прил. 6). Все это вынуждало работу по организации боевых действий осуществлять почти одновременно в соединениях, частях и подразделениях. Такой порядок был, например, характерен для командиров соединений 24-й армии в августе 1941 г. (Ельнинская операция), а также 10-й армии в декабре 1941 г. (контрнаступление под Москвой). Боевые действия готовились нередко и отдачей ряда последовательных указаний и распоряжений по мере поступления данных и уточнения отдельных вопросов решения. Именно так работали командиры 51, 96 и 253-й стрелковых дивизий 37-й армии в ноябре 1941 г. при подготовке контрнаступления под Ростовом. Рекогносцировки проводились крайне редко. Решение принималось, как правило, по карте. Боевые задачи чаще всего ставились частными боевыми приказами. В отличие от боевого приказа задачи в них доводились только до той части (подразделения), которому отдавался приказ или боевые распоряжения, передаваемые через офицеров связи. Нередко командир делал это устно на командных пунктах подчиненных частей или вызовом их командиров к себе.

К началу второго периода войны произошли значительные изменения в структуре органов управления стрелковых соединений. Повысилась роль общевойскового штаба, начальник которого стал первым заместителем командира [1]. Вводится должность начальника разведки — заместителя начальника штаба по разведке. Была осуществлена централизация руководства тыловым обеспечением — в общевойсковом штабе ликвидируется должность заместителя начальника штаба по тылу и упраздняется отделение тыла, одновременно вводится должность начальника тыла — заместителя командира по тылу. Несколько возрос численный состав ряда отделений начальников родов войск (специальных войск). В общевойсковом штабе дивизии вводится отделение топослужбы. Все это создавало возможности для более квалифицированного проведения анализа обстановки, оперативного и качественного сбора данных, производства необходимых расчетов, планирования боевых действий и доведения задач до подчиненных. Несколько увеличилось и время, выделяемое на организацию боя. Вместе с тем возросли требования, предъявляемые к командному составу по организации боя.

---

[1] Штаб дивизии к январю 1943 г. включал отделения: оперативное, разведывательное, связи, строевое, шифровальное, топографическое, административно-хозяйственную часть и насчитывал 18 офицеров.

В результате всего отмеченного уже в зимней кампании 1942/43 г. наиболее типичным становится такой порядок работы: уяснив задачу по карте, командир дивизии отдавал распоряжения начальнику штаба организовать разведку, отдать предварительные распоряжения и подготовить необходимые данные для принятия решения, после чего приступал к оценке обстановки. На основе данных, собранных общевойсковым штабом, он определял группировку противника, анализировал характер вражеской обороны (боевой порядок войск, инженерные сооружения, система огня, проходимость местности, возможный характер действий и т. д.), ее сильные и слабые места. Уточнялась степень укомплектованности своих частей, оценивались их боеспособность и обеспеченность материальными средствами. Все эти вопросы отрабатывались как по карте, так и на местности при проведении рекогносцировки. В итоге командир принимал решение. Он определял порядок разгрома противника, направление главного удара, построение боевого порядка, боевые задачи подчиненным, распределял средства усиления, указывал порядок и сроки смены войск. Отдельные вопросы решения при наличии времени проверялись и уточнялись на командно-штабных и войсковых учениях.

Так, командир 14-й гв. стрелковой дивизии 5-й танковой армии полковник Г. П. Слатов 16 ноября 1942 г. при подготовке к контрнаступлению под Сталинградом принял решение на бой по карте, так как местность ему была хорошо знакома. На своем командном пункте он поставил задачи командирам стрелковых и артиллерийских полков, а также командиру приданного танкового батальона. В тот же день совместно с командирами частей и средств усиления командир дивизии провел рекогносцировку. На ней были уточнены боевые задачи, намечен рубеж атаки, установлены ориентиры и сигналы, указан порядок обеспечения стыка с 47-й гв. стрелковой дивизией (сосед слева). После этого штаб приступил к разработке плановой таблицы боя [1]. При подготовке к Орловской операции командир 11-й гв. стрелковой дивизии 11-й армии генерал Н. Ф. Федюнькин, получив задачу, уяснил ее. Затем он заслушал предложения своих ближайших помощников: начальника штаба, начальников родов войск (специальных войск) — по применению родов войск. На рекогносцировке с подчиненными командирами особое внимание было уделено оценке местности. Выявлялись наилучшие направления для действий частей и подразделений, наличие труднодоступных участков, возможности наблюдения со стороны противника. В итоге были уточнены участки прорыва, боевые задачи полкам, вопросы взаимодействия. Ряд вопросов отраба-

[1] ЦАМО, ф. 331, оп. 264730, д. 1, л. 22.

тывался на показном полковом учении, учениях батальонов и рот с боевой стрельбой, на командно-штабной игре. Только после этого командиром дивизии было принято окончательное решение и доведено боевым приказом до подчиненных [1].

В третьем периоде войны принятию решения обычно предшествовал еще более широкий комплекс различного рода мероприятий. Приобретенные навыки позволяли умело сочетать разнообразные методы организации боя (последовательно, отдачей распоряжений, почти одновременно в различных командно-штабных инстанциях). Успешнее решалась и другая задача — повышение оперативности в работе. Достигалось это различными способами. Осуществлялось, например, заблаговременное ориентирование командиров соединений о предстоящем наступлении. Работа стала проводиться в точном соответствии с предусматриваемым порядком в отрабатываемых общевойсковыми штабами календарных планах, что редко делалось в предшествующие годы. Улучшилось содержание оперативно-тактической информации за счет данных, получаемых от разведывательных органов, в том числе от подвижных командных постов, как это было сделано в 180-й и 337-й стрелковых дивизиях 27-й армии (Корсунь-Шевченковская операция)[2], а также на проводимых вышестоящим штабом тактических и разведывательных ориентированиях (характерно для Белорусской и последующих операций). Организаторская деятельность совершенствовалась путем отдачи предварительных распоряжений. Тем самым достигалась цель — быстрее включить в работу по подготовке боя штабы дивизий и полков. Четче распределялись обязанности в штабах, что почти исключало параллелизм и дублирование в работе. В результате этого решалась проблема борьбы за время, улучшалось качество проводимых подготовительных мероприятий.

Опыт предшествовавших боев выявил, что постановка (доведение) задач подчиненным зависит в первую очередь от условий обстановки. Становилось очевидным, что наиболее эффективный способ постановки боевых задач в дивизии — это отдача устного боевого приказа с последующей его высылкой командирам полков в письменном виде. При этом при организации прорыва подготовленной вражеской обороны боевой приказ чаще всего отдавался командиром на местности. В этой связи маршал П. К. Кошевой, вспоминая события тех дней, подчеркивает, что в 267-й стрелковой дивизии становится правилом постановка «командирам полков задач обязательно на местности, а не на карте: местность была зримой

---

[1] ЦАМО, ф. 358, оп. 12900, д. 71, л. 22—24.
[2] ЦАМО,ф.381, оп. 8378, д. 288, л. 77.

и ощутимой реальностью»[1]. Приказы, кроме того, стали более конкретными. Отдельными пунктами формулировались задачи по противотанковой и противовоздушной обороне. Детальнее давалась оценка и возможного характера действий противника, особенно на глубину тактической зоны его обороны. Четче формулировались замысел боя и боевые задачи подчиненным.

При ограниченном времени широкое применение находили также боевые распоряжения, в том числе оформленные на карте или в виде схемы с легендой (пояснительной запиской). Их главным преимуществом была наглядность. Кроме того, подчиненные командиры затрачивали в этом случае меньше времени на уяснение задачи и принятие решения на предстоящий боя. При этом в боевом распоряжении обычно указывались краткие сведения о противнике, боевая задача той части, которой оно отдавалось, и направление дальнейшего наступления. Боевая практика свидетельствует о том, что в целом за годы войны проявлялось стремление к предельной краткости, ясности и конкретности в постановке боевых задач.

Таким образом, война предъявила повышенные требования к оперативности и качественной стороне деятельности командиров, общевойсковых штабов и других органов управления. Она потребовала углубленного подхода к учету факторов, оказывавших наиболее существенное влияние на ход вооруженной борьбы, и условий боевой обстановки. Характерно, что уяснение задачи стало осуществляться не только исходя из ее формулировки в боевом приказе старшего начальника, но и при личной с ним встрече, на проводимых рекогносцировках и учениях. Оценка обстановки производилась как по карте, так и на местности с привлечением большого круга офицеров, в том числе родов войск. Решение окончательно принималось после уточнения отдельных вопросов обстановки на местности. В формах постановки задач четкое выражение получила тенденция к личному общению. По содержанию задачи отличались большей детализаций и конкретностью. В результате этого выполнялись требования своевременности и ясности доведения решений командира до подчиненных, что в итоге приводило к лучшей согласованности действий на поле боя.

Организация взаимодействия

Накануне войны вопросам взаимодействия в бою, т. е. «производству расчета и согласования усилий всех родов войск для достиженяи общей цели — разгрома и уничтожения противостоящего противника»[2], уделялось большое внимание. Основной формой решения задач призна-

---

[1] *Кошевой П. К.* В годы военные. М., 1978, с. 183.

[2] Служба общевойсковых штабов в бою, с. 38.

валась работа командира со штабом, с начальниками родов войск (служб), командирами частей, а также с командирами средств усиления на местности [1], где уточнялись боевые задачи, устанавливались единые для пехоты, артиллерии и танков ориентиры, рубежи регулирования, сигналы взаимодействия, целеуказания и опознавания. Общевойсковой штаб, по опыту боев на реке Халхин-Гол и Карельском перешейке, отрабатывал схемы взаимодействия и таблицы сигналов.

В годы войны шли активные поиски целесообразного подхода к решению вопроса о согласовании усилий частей дивизии и средств усиления на всю глубину ведения наступательного боя. Опыт свидетельствует о том, что в первые месяцы войны командиры и штабы из-за непродолжительных сроков подготовки боевых действий и недостаточного опыта организовывали взаимодействие чаще всего лишь между стрелковыми частями, артиллерией, танками и соседями на глубину 1—3 *км*. Делалось это, как правило, по карте (прил. 7), нередко без учета условий местности и их влияния на использование родов войск. Основной формой согласования усилий в то время являлась отдача командиром указаний по организации взаимодействия. Подобная практика, будучи вынужденной в тех условиях, имела целый ряд отрицательных сторон, так как командир не мог убедиться в правильности уяснения задач подчиненными, а последние не получали навыков в организации общевойскового боя. Ставка Верховного Главнокомандования, придавая особое значение согласованным действиям различных родов войск на поле боя, принимала все возможные меры к улучшению взаимодействия. Уже в августе 1941 г. она потребовала от командиров соединений и частей, чтобы они ставили задачи на местности, вместе с артиллерийскими и танковыми командирами уточняли направления и объекты атаки, подавления и уничтожения. Начальник Генерального штаба в указаниях от 24 октября 1942 г. подчеркивал, что взаимодействие перед наступлением необходимо «тщательно отрабатывать непосредственно на местности во всех инстанциях».

К началу второго периода войны улучшились условия для деятельности командиров и штабов. Проект Полевого устава 1943 г. определил необходимость все распоряжения на прорыв отдавать из расчета, чтобы до начала наступления оставалось не менее суток, предоставлять командирам дивизий (бригад) на организацию боя не менее 12 часов, командирам батальонов — не менее 3 часов светлого времени для работы на местности. Взаимодействие стало организовываться на глубину прорыва первой полосы вражеской обороны. Так делалось в 47-й гв., 150, 151, 293, 422-й стрелковых дивизиях и

---

[1] См.: Временный Полевой устав РККА. М., 1936, ст. 122.

в других соединениях 5-й танковой, 21-й и 64-й общевойсковых армий в ноябре 1942 г. при подготовке к контрнаступлению под Сталинградом [1]. Усилия согласовывались чаще всего в пределах видимости — на местности, затем на карте. В летне-осенней кампании типичным становятся согласование усилий в период рекогносцировки и уточнение вопросов при отдаче боевого приказа.

Так, организуя взаимодействие в 83-й гв. стрелковой дивизии 11-й гв. армии летом 1943 г., наступавшей на болховском направлении (Орловская операция), командир дивизии генерал Я. С. Воробьев решил основную работу провести на трех точках. В рекогносцировочную группу были включены командиры полков, а также приданных частей (подразделений). Заслушав доклады подчиненных, он указал последовательность занятия войсками исходного положения, цель и способы действий подразделений, привлекаемых для ведения разведки боем, раскрыл вопросы согласования усилий пехоты с танками непосредственной поддержки пехоты, уточнил построение графика артиллерийской подготовки и порядок поддержки атаки. После этого на каждой из точек генерал Я. С. Воробьев разыграл с подчиненными командирами возможные варианты действий на глубину задачи дня, заслушивая их решения по обстановке. 9 июля были проведены учения стрелковых батальонов и танковых рот, на которых отрабатывались вопросы пропуска танков через боевые порядки, проделывания проходов в минных полях, отражения возможных контратак, взаимодействия с авиацией. 10 июля, т. е. за два дня до наступления, была утверждена и доведена до подчиненных плановая таблица боя [2]. Проведенный комплекс мероприятий позволил согласовать усилия по месту, цели и времени всех элементов боевого порядка между собой. Главное внимание уделялось решению проблемы надежного огневого поражения противника, быстрого использования его результатов и стремительного наступления в тактической глубине.

В третьем периоде войны определенные коррективы в работу командиров и общевойсковых штабов были внесены на основе требований Наставления по прорыву позиционной обороны. В нем предписывалось выделять командиру корпуса на организацию взаимодействия не менее двух суток, командиру дивизии — столько же, командирам полков и батальонов — не менее суток каждому. Новыми были рекомендации по разработке в дивизии плана боя (плана прорыва). Это обусловливалось главным образом изменениями в обороне противника. Содержание плана заключалось в подробной организации взаимодействия родов войск на период прорыва первых

---

[1] ЦАМО, ф. 326, оп. 65171, д. 5, л. 138—146.
[2] ЦАМО, ф. 358, оп. 264714, д. 1, л. 18—26.

двух позиций, с меньшей детализацией — на глубину задачи дня. Особое внимание обращалось на организацию взаимодействия на местности. Все бóльшая роль в достижении согласования усилий войск отводилась тактико-строевым занятиям, учениям с боевой стрельбой, командно-штабным учениям, радиотренировкам офицеров штабов, совместным занятиям командиров стрелковых, танковых, артиллерийских и авиационных частей. Так решались задачи, например, в соединениях 37-й армии при подготовке к Ясско-Кишиневской, 8-й гв. армии — при подготовке к Висло-Одерской, 65-й армии — Берлинской операций [1]. При этом по содержанию взаимодействие стало включать детальную отработку вопросов не только прорыва обороны противника, но и организации ввода в бой вторых эшелонов, форсирования рек, действий передовых отрядов (при преследовании), штурмовых отрядов и групп (при ведении боевых действий в городе). Все большее внимание уделялось согласованным действиям передовых батальонов, проводящих разведку боем, с огнем артиллерии и действиями войск. Следовательно, командиры стремились к тому, чтобы, объединяя боевые усилия частей различных родов войск и средств огневого поражения, восполнить слабые стороны и недостатки одних сил и средств за счет сторон и преимуществ других, обеспечивая тем самым достижение наибольших результатов с минимальными потерями в личном составе и боевой технике.

Итак, за годы войны в организации взаимодействия прослеживается ряд тенденций. Увеличилась глубина, на которую организовывалось взаимодействие. Расширилось содержание взаимодействия — согласовывались действия не только родов Сухопутных войск, но и последних с авиацией. Взаимодействие стало осуществляться исходя из глубокого уяснения возможностей войск и понимания характера боя с привлечением специалистов родов войск (служб). Совершенствование процесса обеспечивалось ростом оснащенности войск вооружением и боевой техникой, изменениями в их организационной структуре и характере обороны противника, обусловливалось возросшим искусством комадиров и штабов, а также увеличением времени, выделяемого на организацию взаимодействия. Опыт дает основание утверждать, что и в современном бою следует стремиться к использованию активных форм согласования усилий, и в первую очередь на местности.

---

[1] См.: *Блажей А. К.* В армейском штабе. М., 1967, с. 173—175; *Белявский В. А.* Стрелы скрестились на Шпрее. М., 1973, с. 225—230; *Воробьев Ф. Д.* и др. Последний штурм. М., 1970, с. 65—96, 259—280.

Особенности работы командиров и штабов соединений бронетанковых и механизированных войск

Особенности в работе командиров и штабов соединений бронетанковых и механизированных войск по организации боя обусловливались главным образом спецификой выполняемых ими задач, составом и характером размещения.

В районах сосредоточения, назначаемых в 30—40 *км* от переднего края, принималось решение командующим армией (фронтом) на применение танковых (механизированных) корпусов. До перехода в выжидательный район командиры корпусов с группой офицеров выезжали в штабы общевойсковых соединений, в полосе которых намечался ввод в сражение соединений бронетанковых и механизированных войск. Главная цель таким образом заключалась в установлении личных контактов с командирами стрелковых дивизий, а также в сборе данных о противнике и местности. Задача по определению начертания переднего края, расположения противотанковых средств и заграждений, изучению характера местности и путей выдвижения танков в атаку решалась также наблюдательными постами (в бригаде — один-два, в корпусе — четыре-шесть постов).

С получением боевой задачи командир корпуса (бригады) должен был принять решение на бой, определить (или уточнить на местности) исходный район и маршруты выхода до рубежа ввода. В это время штаб [1] и начальники родов войск организовывали комендантскую службу, готовили маршруты и район в инженерном отношении, организовывали проверку состояния материальной части, наличия боеприпасов и горючего, средств эвакуации и ремонта. Кроме того, согласовывался ряд вопросов со стрелковыми и авиационными соединениями, в том числе по высвобождению ими маршрутов выдвижения на рубеж ввода и порядок обеспечения ввода огнем артиллерии и ударами авиации, а также прикрытия от воздействия авиации противника.

Все это требовало высокой степени параллельности в работе различных командно-штабных инстанций. Поэтому, сохраняя в принципе порядок работы, свойственный органам управления стрелковых войск, командиры соединений бронетан-

---

[1] Штаб танкового (механизированного) корпуса к январю 1945 г. включал отделы: оперативный, разведывательный и связи; отделения: шифровальное, учета личного состава, топографическое и административно-хозяйственную часть, насчитывая 20 офицеров; штаб бригады — начальника штаба, заместителя начальника штаба по оперативной работе, помощников начальника штаба по разведке, учету личного состава и шифровальной работе, а также офицеров связи; штаб танкового полка — начальника штаба, помощников по оперативной работе, разведке, учету личного состава, начальника связи; штаб танкового батальона — старшего адъютанта, начальника связи, химика-инструктора и старшего писаря.

ковых и механизированных войск большое внимание уделяли уяснению задач, решаемых общевойсковыми соединениями, и оценке местности. Приняв предварительное решение по карте и отдав необходимые указания штабу и начальникам родов войск (служб) по подготовке данных, они, как правило, вместе с командирами бригад (частей усиления), а иногда и с командирами батальонов выезжали на передний край. Штаб тем временем собирал данные о противнике в полосе ввода (вести разведку силами корпуса запрещалось) и производил расчеты на выдвижение. Создавшаяся из офицеров штаба и отделов начальников родов войск (чаще всего во главе с заместителем командира корпуса) оперативная группа организовывала регулирование движения на маршрутах, решала задачи по их высвобождению (с началом боевых действий) и пропуску танков на переправах. Так организовывалась работа, например, в 6-м и 31-м танковых корпусах в августе 1943 г. (Белгородско-Харьковская операция).

Важной особенностью в работе командиров соединений бронетанковых и механизированных войск было и то, что принятое на рекогносцировке решение на бой являлось ориентировочным. Оно требовало конкретизации исходя из обстановки, складывающейся в ходе прорыва обороны противника стрелковыми соединениями. С учетом этого решение, точнее, отдельные его вопросы (направление главного удара, задачи соединений и др.) уточнялись, а иногда и изменялись с выходом соединений на рубеж развертывания [1]. Поэтому основным способом постановки задач уже в первом периоде войны в звене корпус — бригада, а в последующие периоды и в нижестоящих инстанциях (бригада — полк — батальон) являлась отдача распоряжений командиром циркулярно по радио с использованием ориентирных карт (карт с кодированными наименованиями местных предметов). Устанавливались при этом и основы взаимодействия в бою — каждый из командиров бригад прослушивал и уяснял задачи не только свои, но и соседей.

В методах организации взаимодействия имелось много общего с той работой, которую проводили командиры и штабы стрелковых соединений. Однако содержание ее было несколько иным. Внимание командиров корпусов (бригад) и их штабы привлекали прежде всего вопросы согласования усилий при вводе в сражение главным образом с пехотой, выходящей на рубеж развертывания, с артиллерией и авиацией, обеспечивающих ввод, и с инженерными частями, оборудующими маршруты и переправы.

---

[1] См.: Боевой устав бронетанковых и механизированных войск Красной Армии. М., 1944, ч. 4, ст. 153.

Бóльшая часть вопросов при организации боя решалась при выезде командира с группой офицеров в соединения, совместно с которыми предстояло действовать. Отчеты штабов, в частности 6-го гв. танкового корпуса в августе 1944 г. накануне Львовско-Сандомирской операции [1], свидетельствуют о том, что в интересах согласования усилий при подготовке к предстоящему бою значительное внимание уделялось проведению совместных учений со стрелковыми соединениями и артиллерийскими частями. Особое внимание уделялось организации взаимодействия с авиацией как в период ввода корпусов (бригад) в сражение, так и в оперативной глубине при их действиях в отрыве от главных сил. Для достижения единства действий устанавливались сигналы вызова авиации, опознавания и целеуказания. Они доводились до командиров подразделений, экипажей танков, расчетов постов воздушного наблюдения и оповещения. Определялись и согласовывались наиболее вероятные рубежи столкновения с противником. Намечались районы и время прикрытия корпуса истребительной авиацией, а также задачи по нанесению бомбо-штурмовых ударов. Согласовывался порядок получения данных от воздушной разведки. Делалось это чаще всего в форме розыгрыша возможного характера боевых действий на картах командиром корпуса с представителем авиационного корпуса (дивизии), который в ходе боя находился на командном пункте или в составе оперативной группы командира танкового (механизированного) корпуса. При организации взаимодействия присутствовали командиры бригад, а иногда, как это было в 4-м гв. механизированном корпусе при подготовке к Никопольско-Криворожской операции (октябрь 1943 г.), — и командиры батальонов [2].

Одной из особенностей в работе было и то, что в отличие от стрелковых соединений штабы корпусов и бригад чаще всего не отрабатывали плановой таблицы боя. Объяснялось это необходимостью предоставления широкой инициативы подчиненным, а также ограниченным временем на организацию боевых действий. По опыту восьми корпусов, участвовавших в Висло-Одерской и Берлинской операциях, основными документами являлись: боевой приказ, таблица сигналов взаимодействия, план танковой разведки (на глубину дня боя), схемы боевых порядков корпуса при вводе в прорыв, обороны противника, радиосвязи, минных полей и проходов в них, танковая карта (проходимости местности) и план материально-технического обеспечения [3].

Несколько по-иному строилась работа командира и штаба корпуса (бригады) при организации боя в короткие сроки,

[1] ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 714, л. 1—39.
[2] ЦАМО, ф. 4, гв. мк, оп. 13886, д. 4, л. 101.
[3] ЦАМО, ф. 426, оп. 144139, д. 6, л. 13—24, 98—102.

т. е. при наличии 10—12 и менее часов. В этих условиях командир сразу же после получения боевой задачи отдавал распоряжение начальнику штаба информировать должностных лиц управления и подчиненных командиров о характере задач и подготовительных мероприятиях. Решение принималось по карте. Правда, иногда командир корпуса (бригады) выезжал на местность, где намечался главный удар, особенно если это было связано с прорывом оборонительного рубежа. Задачи до командиров соединений (подразделений), действовавших на главном направлении, доводились офицерами штаба (офицерами связи), до командиров остальных соединений — нередко картой-приказом (в 11-м гв. и 31-м танковых корпусах — январь 1943 г., Житомирско-Бердичевская операция)[1]. Бóльшую часть времени командир и офицеры управления проводили в войсках, помогая подчиненным готовиться к бою и контролируя их деятельность. Командиры корпусов и бригад, например 1-го гв. танкового корпуса (Речицкая операция, ноябрь 1943 г.), 5-й гв. механизированной бригады (Березнеговато-Снигеревская операция, март 1944 г.) выезжали на местность для ориентировки, уточнения объектов атаки, установления порядка преодоления заграждений и инженерных препятствий[2].

Примерно так же строилась работа и в том случае, когда командирам и штабам корпусов приходилось практически заново организовывать бой вследствие того, что изменялся план их ввода в сражение. В этом отношении поучителен пример организации ввода в сражение 1-го танкового корпуса в январе 1945 г. (Восточно-Прусская операция). По плану корпус должен был вводиться в сражение в полосе 11-й гв. армии, но в силу изменившейся обстановки он был введен в полосе 39-й армии. На организацию боя отводилось 6 часов. С получением приказа командир и штаб немедленно выслали подвижные наблюдательные посты в полосу ввода и разведывательные группы на направление наступления. Были приняты меры по подготовке маршрутов. Отдав необходимые распоряжения, командир корпуса с группой офицеров штаба и командирами бригад выехал к командующему 39-й армией. С ним были согласованы огневое обеспечение ввода, маршруты выдвижения, порядок связи, а также действия с авиацией[3].

Следовательно, особенности работы командиров и штабов танковых и механизированных соединений обусловливались спецификой боевых действий. Это выражалось в выборе таких

---

[1] ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 174, л. 14—16.
[2] См.: Тактика в боевых примерах. Полк (бригада). М., 1975, с. 55—56.
[3] ЦАМО, ф. 1 тк, оп. 21062, д. 4, л. 2—8.

методов и форм принятия решения, постановки задач, организации взаимодействия, которые обеспечивали оперативность в работе. В этом проявляется особая ценность опыта для сегодняшнего дня, который дает и ряд конкретных примеров по достижению высокой степени параллельности работы при принятии решений, постановке задач и организации взаимодействия.

Таким образом, изменения в порядке и содержании работы командиров и штабов при организации боя в годы войны прослеживаются по ряду направлений. Оправдала себя практика принятия решения после проведения рекогносцировки на местности и умелого сочетания различных методов работы (параллельного и последовательного в каждой из инстанций) в зависимости от условий обстановки. Деятельность командиров и штабов стала регламентироваться календарными планами подготóвки боя. При организации взаимодействия превалировали формы работы на местности или на ее макетах. Специфика боевых действий соединений бронетанковых и механизированных войск обусловила необходимость повышения уровня оперативности работы командиров и штабов. Рассматривая конкретный опыт деятельности органов управления в годы войны, следует иметь в виду, что для современных условий особую ценность представляет практика командиров и штабов в решении задач по организации боя непосредственно на местности, а также моделирования предстоящих действий по различным возможным вариантам, в результате чего повышалась результативность боевых действий войск.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ ПУНКТОВ УПРАВЛЕНИЯ И СВЯЗИ

Накануне и в годы войны сущность организации управления войсками в общевойсковом бою выражалась в проведении комплекса мероприятий. Главные из них заключались в определении целесообразного состава пунктов управления (личного состава, средств связи и транспорта), организации их размещения и перемещения, охраны и обороны, а также в установлении надежной и устойчивой связи с соблюдением правил скрытого управления войсками.

Состав и размещение пунктов управления в стрелковой дивизии

По предвоенным взглядам, командир дивизии должен был управлять подчиненными через штаб, располагавшийся на направлении главного удара на удалении 4—5 *км* от передовых подразделений. На отдельные этапы боя (прорыв, форсирование) предусматривалось также оборудование командно-наблюдательных пунктов (КНП) и наблюдательных пунктов (НП). Ответственность за организацию управления возлагалась на начальника штаба. Он был обя-

зан на основе решения командира организовать связь, предусмотреть порядок и направление (ось) перемещения пункта управления [1].

Первые же дни войны выявили серьезные недочеты в комплектовании, размещении и перемещении пунктов управления. Командные пункты дивизий, как это видно из данных приложения 8, оказались удаленными от передовых подразделений на 10—12 *км*. Во многих случаях командиры дивизий и даже полков управляли войсками, не выезжая на командно-наблюдательный или наблюдательные пункты. Проявлялась и другая крайность. В приказе от 3 августа 1941 г. командующий Резервным фронтом, например, подчеркивал, что в атаку личный состав надо «вести лично командирам и комиссарам частей и соединений»[2]. Вследствие того, что командиры находились впереди войск, управление в бою фактически дезорганизовывалось, офицерский состав нес значительные потери. В целях исправления создавшегося положения Народный Комиссар Обороны в приказе № 306 от 8 октября 1942 г. определил: «...командир полка и дивизии должен быть на КП (НП), там, откуда ему удобнее управлять боем...». Это требование было закреплено положением Боевого устава пехоты 1942 г.

Уже к концу первого периода войны наметилась тенденция к эшелонированию пунктов управления в глубину. Стало предусматриваться, в частности, деление органов управления дивизий и корпусов на командный пункт (КП) и второй эшелон управления [3]. Командный пункт, являвшийся в системе пунктов управления основным, состоял из трех групп: командования, связи и обслуживания. Второй эшелон управления (довольно часто он именовался вторым эшелоном штаба) предназначался для руководства работой тыловых подразделений и учреждений. Иногда (при наступлении на широком фронте, форсировании рек) выделялись вспомогательные (временные) пункты управления (ВПУ). В соединениях на период прорыва вражеской обороны, при отражении контрударов и контратак создавались командно-наблюдательные пункты, а в частях — наблюдательные пункты. Все это способствовало повышению оперативности управления.

Пункты управления, и в первую очередь командные, командно-наблюдательные (наблюдательные), стали также приближаться к войскам, ведущим боевые действия. Особенно это было характерно для второго периода войны. Находясь на сравнительно небольшом удалении от противника (1—2 *км*), командиры соединений и частей имели возмож-

---

[1] См.: Служба общевойсковых штабов в бою, с. 51—53.

[2] ЦАМО, ф. 816, оп. 3120, д. 1, л. 22.

[3] См.: Наставление по полевой службе штабов. М., 1942, ст. 64.

ность хотя бы на главном направлении наблюдать за действиями противника, видеть боевые порядки своих войск и непрерывно управлять ими на основе личных наблюдений. Принцип нахождения командира там, где создавалась возможность для обозрения поля боя, стал главным в организации управления и в третьем периоде войны. Доказав свою целесообразность, он тем самым сохраняет свое значение и в наши дни.

Опыт первых дней войны выявил целесообразность совместного нахождения на командном пункте командиров стрелковых соединений, приданных и поддерживающих частей (артиллерийских, инженерных и других), а также представителей от авиации. В последующие годы такая практика стала типичной. Она позволяла оперативно реагировать на изменения обстановки, достигать единства действий различных сил и средств в общевойсковом бою.

Новым начиная с лета 1943 г. являлось и то, что районы расположения пунктов управления, а также направления их перемещения стали указываться старшим начальником. Это обеспечивало наибольшую устойчивость управления, четкую организацию связи и поддержание твердого управления подчиненными в ходе боевых действий. Необходимость этого диктовалась главным образом тем, что в 1941—1942 гг. весьма частой причиной потери управления являлось неорганизованное перемещение командных пунктов. Так было, например, в 322, 233 и 326-й стрелковой дивизиях 10-й армии в декабре 1941 г. в битве под Москвой [1]. В отчетах отдела связи Западного фронта за январь — апрель 1942 г. особо подчеркивалось, что не менее чем в семи случаях из десяти низкий уровень устойчивости управления был следствием отмеченного явления [2]. Поэтому в последующие годы войны стало правилом (его необходимо, по всей видимости, соблюдать и в современных условиях) маршруты и районы размещения основных пунктов управления на всю глубину наступления планировать накануне боевых действий и согласовывать с вышестоящим общевойсковым штабом.

За годы войны улучшается также организация связи при смене районов расположения командных и других пунктов управления. В боевой практике стало соблюдаться требование смены района только тогда, когда на новом месте, намеченном для развертывания пункта управления, была организована связь. Опыт войны выработал и ряд других принципов смены пунктов управления, которые не утратили своего значения и ныне: перемещения в наименее напряженные периоды боевых действий, централизованно, по единому плану,

---

[1] ЦАМО, ф. 353, оп. 66707, д. 1, л. 453.
[2] ЦАМО, ф. 71, оп. 297098, д. 13, л. 247—296.

осуществляя выдвижение в новый район по мере его подготовленности, согласовывая время с перемещением пунктов управления подчиненных.

Непременным условием устойчивости управления являлись надежная охрана и оборона пунктов управления. Объяснялось это тем, что на протяжении всей войны, особенно в первом ее периоде, противник активно воздействовал на них налетами авиации, огнем артиллерии и действиями диверсионных групп.

Устойчивость функционирования пунктов управления повышалась размещением их рассредоточенно, преимущественно в районах с естественными масками, прикрытых труднодоступными для танков противника препятствиями, оборудованием землянками, щелями, убежищами и укрытиями, своевременным обнаружением и уничтожением диверсионно-разведывательных групп противника, а также его войск, оставшихся в тылу частей и соединений. Важное значение имела продуманная организация защиты от внезапного нападения вражеских танков и авиации. Для защиты пунктов управления от прорвавшихся танков привлекались подразделения противотанковой артиллерии и резервов. Прикрытие с воздуха обеспечивалось огнем зенитной артиллерии, позиции которой оборудовались вблизи от них. Организовывалась служба наблюдения и оповещения. Нередко готовились один-два запасных района командного пункта.

Непосредственная охрана и оборона осуществлялись комендантскими подразделениями. Иногда для этой цели привлекались и боевые подразделения вторых эшелонов. Во втором и в третьем периодах войны конкретные обязанности должностных лиц пунктов управления стали отражаться в специальном плане, разрабатываемом в дивизии заместителем начальника штаба с привлечением коменданта штаба, а в частях — помощником начальника штаба. Чаще всего план составлялся в виде схемы или отрабатывался на карте (обычно масштаба 1 : 2500). В нем указывались: районы расположения группы управления, узла связи и группы обслуживания, пути подъезда и выезда; места стоянки прибывших на пункт управления машин, инженерные укрытия, авиасигнальные площадки для самолетов связи, позиции неподвижных, маршруты подвижных постов охранения, их состав, задачи и порядок смены; сигналы оповещения и порядок действий по ним; мероприятия по маскировке.

Следовательно, основными направлениями в совершенствовании организации пунктов управления за годы войны были: их эшелонирование и приближение к войскам, наиболее рациональный подход к определению места командира и перемещению пунктов управления. Значительное внимание стало уделяться их защите и обороне. Подтвердилась жизненность

практики совместного нахождения командиров различных родов войск, которые решали в общевойсковом бою общие задачи.

Организация связи в стрелковой дивизии

По предвоенным взглядам, организация связи включала распределение сил и средств по направлениям, а также установление порядка поддержания связи в бою, передачи информации, использования технических средств. Для управления боем предусматривалось создание связи командования и взаимодействия. Особое внимание уделялось организации службы делегатов связи (офицеров, используемых для доставки боевых документов) [1].

Сложность в организации связи в первые месяцы войны вызывалась рядом причин. Недоставало средств связи, особенно радиостанций. Отсутствовал опыт передачи оперативно-тактической информации в условиях помех, как технических, так и специально создаваемых противником. Существовала к тому же так называемая радиобоязнь, выражавшаяся в стремлении использовать радио в самых крайних случаях исходя из предположения, что противник с помощью технических средств засечет местоположение командного пункта. В последующие годы техническое оснащение войск связи существенно изменилось. Количество радиостанций в дивизии к 1945 г., по сравнению с зимой 1941/42 г., возросло в 8—12 раз (с 10—15 до 123). Увеличились возможности подразделений связи по установлению проводной связи (в декабре 1941 г. в дивизии было 100 *км* кабеля, в 1945 г. — 600 *км*). Их укомплектованность силами и средствами связи стала составлять 100% и более против 20—25% в 1942 г.[2].

По мере развития технических средств связи, совершенствования организационной структуры подразделений связи и в результате приобретенного опыта за годы войны происходили изменения и в организации связи в наступательном бою.

Совершенствование организации радиосвязи выражалось прежде всего в том, что росло количество радиосетей. С середины 1943 г. дополнительно создаются радиосети командующих артиллерией, командиров танковых частей (подразделений), приданных дивизии. Одна из радиостанций включалась в радиосеть оповещения армии. В третьем периоде войны радиосвязь организуется не только по сетям, но и по нескольким радионаправлениям (с командиром танковой бригады, артиллерийской группой), чего не было в 1941—1942 гг. Это резко повышало устойчивость связи. Весьма часто в стрелковые части направлялись офицеры с радиостанцией. В ряде

---

[1] Служба общевойсковых штабов в бою, с. 55—57, 62—63.

[2] См.: Очерки по истории войск связи. М., 1969, с. 14.

случаев (в Ясско-Кишиневской операции в соединения 27-й, в Берлинской операции — 8-й гв. армии и т. д.) [1], отдельное радионаправление предусматривалось и с батальонами, выполнявшими особые задачи (передовые и штурмовые отряды). В 1945 г., кроме того, на командных пунктах соединений устанавливался приемник для работы в сети воздушной разведки.

Опыт первого периода войны показал, что при темпе наступления до 15—20 *км* в сутки существовала реальная возможность иметь разветвленную сеть проводной связи с двух пунктов управления дивизии — командного и командно-наблюдательного. Осенью 1942 г. в исходном положении отдельная линия связи стала оборудоваться к танковому соединению (в дивизии) и к вспомогательному (командному) пункту управления авиационной дивизии (в корпусе). С тылами соединений связь организовывалась от второго эшелона управления постройкой отдельных кабельно-шестовых линий по направлениям. С переходом в наступление ось и линии связи по направлениям строились по маршрутам перемещения командных пунктов. Наибольшие сложности возникали в установлении связи с прибывавшими в ходе боевых действий в состав дивизии частями (подразделениями) — ограниченный резерв сил и средств связи не позволял качественно решать эту задачу на протяжении всего первого периода войны. Существовали, кроме того, трудности и в восстановлении нарушенных противником линий связи. В ряде наступательных операций второго и третьего периодов войны (битва за Днепр, Белорусская операция и др.), исходя из полученного опыта, в стрелковых соединениях и частях формировались, как правило, внештатные специальные группы, предназначенные для восстановления разрушенных противником линий связи [2].

В целом же основные изменения, происшедшие в организации проводной связи за годы войны заключались в том, что увеличивалось количество каналов проводной связи, на смену фоническому телефону пришел индукторный (с 1943 г.), позволивший улучшить устойчивость связи. Чаще оборудовались обходные линии (это было особенно характерно при ведении боев в городе). Живучесть линий проводной связи повышалась путем отрывки ровиков, более надежного крепления кабеля.

На протяжении всей войны весьма ответственная роль отводилась подвижным средствам связи. Кроме штатных средств (в дивизии — бронеавтомобили БА-64, с 1943 —

---

[1] ЦАМО, ф. 381, оп. 8378, д. 397, л. 4—8; ф. 345, оп. 5506, д. 115, л. 6—7.
[2] ЦАМО, ф. 71, оп. 12191, д. 70, л. 228—231.

БА-64Б [1] и мотоциклы) в первом периоде войны очень часто использовались конные и пешие посыльные, зимой — лыжники и посыльные на санях. Для отправки и приема корреспонденции в соединениях организовывался пункт сбора донесений (ПСД), с осени 1942 г. даже два — при командном пункте и втором эшелоне управления. Новым в 1944 г. являлось то, что нередко пункт сбора донесений создается и на командно-наблюдательном пункте стрелковой дивизии. Связь подвижными средствами чаще стала осуществляться не только по круговому маршруту, но и по направлениям. В результате этого ее устойчивость резко повысилась. Оперативность доставки боевых документов в третьем периоде войны возросла и в результате оснащения подразделений связи машинами повышенной проходимости.

Определенное развитие получили и способы организации связи с применением сигнальных средств. Особенно широкое распространение они получили в частях и подразделениях. Новым с лета 1943 г. стало то, что в дивизиях отрабатывались единые таблицы сигналов управления и целеуказания, в том числе и для приданных (поддерживающих) частей. Кроме того, как это было сделано в соединениях 5-й гв. армии в Белгородско-Харьковской операции в августе 1943 г., общевойсковые штабы нередко разрабатывали таблицы звуковых и зрительных сигналов на каждый день боя. Тем самым снижалась возможность их применения противником в целях дезинформации — особое значение это имело с точки зрения согласования усилий с авиацией, так как противник весьма часто использовал установленные сигналы в своих интересах.

За годы войны определились основные этапы в деятельности штабов по поддержанию устойчивого управления в ходе наступления и важнейшие задачи подразделений связи. При организации боя выполнялись основные работы по развитию и совершенствованию проводной сети и приведению в готовность радиосвязи. Разрабатывались документы по СУВ. Формировались узлы связи. Проводились мероприятия по радиомаскировке, а в ряде случаев (Белгородско-Харьковская операция) и по радиодемонстрации. С началом артиллерийской подготовки разрешалась работа на передачу по радио артиллерийским частям, а с переходом в атаку — без ограничения прием и передача по радио всем родам войск с применением переговорных таблиц, таблиц радиосигналов и с использованием «ориентирных» карт (карт кодовых наименований). Смена командных пунктов производилась по заранее разработанной схеме, утвержденной вышестоящим штабом. За 3—6 часов до намеченного перемещения (время зависело от

[1] Бронеавтомобиль имел противопульное бронирование, пулестойкие щиты. На нем монтировался пулемет ДТ. Вес бронеавтомобиля — 2,4 *т*, максимальная скорость — 80 *км/ч*, запас хода — до 500 *км*.

расстояния и проходимости дорог) вместе с проводным узлом связи в намеченный район выдвигался второй эшелон радиосредств. Возглавлял эту группу один из помощников начальника оперативного отделения штаба. В новом районе он же организовывал охрану и оборону пункта управления, комендантскую службу и службу регулирования, контролировал развертывание узлов связи, готовил место для пункта сбора донесений. Во время перемещения командного пункта особую нагрузку несли подвижные средства связи.

Следовательно, в годы войны в стрелковых соединениях, как учит опыт, создавалась единая система связи, основу которой составляли узлы связи пунктов управления дивизии, подчиненных и взаимодействующих частей (подразделений). Комплексное использование всех видов связи (радио-, проводных, подвижных, сигнальных), их взаимное дублирование, применение более надежных способов организации связи (по направлениям, на одну-две инстации ниже, путем направления к подчиненным офицеров с радиостанциями) значительно повышало устойчивость связи. Этот опыт заслуживает особого внимания при решении аналогичных проблем и в современных условиях.

Особенности организации управления в соединениях бронетанковых и механизированных войск

Специфика боевых задач, характера действий, более высокие маневренные возможности, лучшая обеспеченность средствами связи, особенно радио- и подвижными, предопределили ряд особенностей в организации управления в соединениях бронетанковых и механизированных войск.

В летне-осенней кампании 1941 г. управление в механизированных корпусах, как и предусматривалось предвоенными взглядами, организовывалось с командного пункта. Зимой 1941/42 г. органы управления в соединениях бронетанковых и механизированных войск стали эшелонироваться: функционировал командный пункт, второй эшелон управления, на период их ввода в сражение оборудовался командно-наблюдательный пункт.

С 1942 г. в танковых (механизированных) корпусах, например в 1-м и 26-м танковых корпусах 5-й танковой армии (контрнаступление под Сталинградом), а с лета 1943 г. и в танковых бригадах, участвовавших в Белогородско-Харьковской операции (август 1943 г.), для того чтобы сделать пункт управления, где находился командир, более подвижным, а главное, приблизить его к подразделениям, создавалась оперативная группа. Она возглавлялась командиром соединения. В ее составе находились заместитель начальника штаба (начальник оперативного отделения), командующий артиллерией, начальник разведывательного отделения, начальники

инженерных войск и связи, три-четыре офицера оперативного, разведывательного и шифровального отделений, а также представитель авиации. По опыту боевых действий более чем двадцати корпусов, действовавших в Белорусской и Висло-Одерской операциях [1], оперативная группа насчитывала 9—12 офицеров, 4—5 радиостанций, 1—2 бронемашины (бронетранспортера), 2—3 мотоцикла. Совместно с оперативной группой корпуса располагался и пункт управления авиацией (ПУА). Это был, следовательно, работоспособный и относительно маневренный орган, игравший важную роль в обеспечении непрерывности, надежности и оперативности управления войсками. Достигалось также требование Боевого устава, предъявляемое к командиру — «лично наблюдать за полем боя» [2], особенно тогда, когда необходимо быстрое влияние на ход боевых действий. В 1944—1945 гг. новым было то, что в состав оперативной группы корпуса иногда выделялись радиостанции большой мощности (РАФ, РАТ), а в ряде случаев — авиация связи (в 9-м и 11-м танковых корпусах в Берлинской операции). В результате этого командир корпуса получил возможность иметь связь с командующим армией, не выезжая на командный пункт.

С учетом характера действий соединений бронетанковых и механизированных войск в них с осени 1942 г. еще в большей степени, чем в стрелковых соединениях, проявилась тенденция к приближению пунктов управления к войскам, ведущим боевые действия. Если командный пункт механизированного корпуса, по предвоенным взглядам, располагался на удалении 7—10 *км* от командных пунктов подчиненных дивизий, то во втором периоде войны он размещался в 5—6 *км*. В третьем периоде войны командные пункты двенадцати корпусов, действовавших в Белорусской и Висло-Одерской операциях, находились в 3—5 *км* от командных пунктов бригад, а шести корпусов — в 1—2 *км* от командных пунктов бригад, наступающих на главном направлении [3].

Отличие в организации перемещения пунктов управления бронетанковых соединений от стрелковых заключалось главным образом в том, что они делали бóльшие по величине скачки (в 15—30 *км*), сменяя районы командных пунктов чаще всего одновременно в корпусе и в бригадах, входящих в его состав. Имевшиеся средства связи в принципе позволяли решать эту задачу. Однако возможности средств радиосвязи по организации управления из новых районов ог-

---

[1] ЦАМО, ф. 323, оп. 4756, д. 173, л. 260—266; ф. 315, оп. 4440, д. 18, л. 9—10; д. 20, л. 15; ф. 299, оп. 3670, д. 266, л. 1—24.

[2] Боевой устав бронетанковых и механизированных войск Красной Армии, 1944, ч. 3, с. 42.

[3] ЦАМО, ф. 315, оп. 4440, д. 20, л. 16; ф. 323, оп. 4756, д. 142, л. 13—16; ф. 236, оп. 2673, д. 1253, л. 16—19.

раничивали количество перемещений командных пунктов — не более 2—3 раз в сутки. Оперативная же группа корпуса была более мобильной. Ее перемещение не связывалось со временем смены района расположения командного пункта. Оперативная группа 9-го танкового корпуса в Висло-Одерской операции, например, делала остановку через 1,5 часа движения на 20—30 минут [1]. Этим достигалась непрерывность управления войсками.

За годы войны резко возросли возможности танковых и механизированных корпусов в организации связи по радио. К маю 1945 г. корпус имел в 5 раз больше радиостанций, чем в апреле 1942 г. (189 и 37 соответственно). Уже в 1943 г. на 50—60% стали оснащаться радиостанциями танки и САУ, а командирские машины — даже двумя радиостанциями [2]. На смену танковым радиостанциям 71-ТК и 10-Р пришли радиостанция 9-РС, питавшаяся от бортовой сети напряжением 24 В, переносные радиостанции 12-РТ, РСБ-1 (на танках командиров бригад и корпусов) с дальностью связи телефоном до 30 *км*, телеграфом — до 60 *км*. Создаются танковые переговорные устройства. В результате организация связи в соединениях бронетанковых и механизированных войск имела существенные особенности. Так, в Белгородско-Харьковской операции с 3 августа 1943 г. в соединениях 1-й танковой армии связь от корпусов с армией осуществлялась по направлению радиостанцией РАФ (дальность связи — 300—600 *км*), связь между командирами бригад — по радиосети РСБ. По отдельным сетям организовывалась связь взаимодействия со штабами бригад и с тылом. Во 2-й танковой армии в августе 1944 г. (Люблинско-Брестская операция) у командиров корпусов на наблюдательных пунктах организовывались, кроме того, радионаправление для связи с армией и вторая сеть для связи с бригадами (на РБ). У командиров же бригад на командном и наблюдательном пунктах действовали радиосети для связи с командирами батальонов и радионаправление для связи с командиром корпуса [3]. По опыту 11-го гв. танкового корпуса в Берлинской операции создавались: группа связи командного пункта (10 радиостанций, 30 телефонных аппаратов, 30 *км* полевого кабеля), группа связи оперативной группы (5 радиостанций, 10 телефонных аппаратов, 20 *км* кабеля) и резерв (3 радиостации, 30 телефонных аппаратов, 30 *км* кабеля). Разветвленная сеть обеспечивала устойчивое и быстрое прохождение оперативно-тактической информации.

Существенной особенностью организации связи в соединениях бронетанковых и механизированных войск являлось

---

[1] ЦАМО, ф. 307, оп. 4148, д. 239, л. 12.
[2] ЦАМО, ф. 33, оп. 4948, д. 442, л. 1—20.
[3] ЦАМО, ф. 307, оп. 5323, д. 1, л. 32.

также то, что в них более широко использовались каналы информации, минуя отдельные звенья управления, путем создания так называемых радиоузлов командира (РУК). В результате этого командир корпуса и штаб получали сведения об обстановке прослушиванием переговоров командиров батальонов и рот. Это позволяло повысить оперативность поступления данных и их достоверность, и в то же время несколько разгрузить каналы связи, что было очень важно в условиях ведения высокоманевренных боевых действий. Именно поэтому этот опыт заслуживает внимания и в наши дни. Весьма часто практиковались также циркулярные переговоры. В Хингано-Мукденской операции (август 1945 г.) в соединениях первого эшелона 6-й гв. танковой армии, в связи с тем, что они наступали по разобщенным направлениям, в целях повышения устойчивости управления радиосигналов для ретрансляции были применены также самолеты связи, оборудованные радиостанциями [1]. По существу, это были прообразы воздушных командных пунктов.

Следовательно, в танковых и механизированных соединениях в отличие от стрелковых радио стало основным средством связи. Проводная связь использовалась в основном на пунктах управления, в выжидательном и исходном районах, на маршрутах и рубеже ввода. В третьем периоде войны для управления все в большей степени применялись самолеты связи. Особенно часто делалось это при преследовании противника, когда войска развивали высокие темпы наступления.

Таким образом, за годы войны наметился ряд направлений в совершенствовании организации управления в наступательном бою. В определении состава и в размещении пунктов управления проявилось стремление к эшелонированию по фронту и в глубину с одновременным рассредоточением их основных элементов, а также к приближению их к войскам. Оформилась практика совместного нахождения командиров соединений (частей), решавших общие задачи. При перемещении органов управления все в большей мере стали соблюдаться принципы, обеспечивающие устойчивость управления: поэшелонно, только с разрешения старшего начальника, по заранее разработанной схеме, в наименее напряженные моменты боя. В организации связи характерным становится комплексное использование средств, и в первую очередь радио. В практике боев закрепляется положение командного пункта как ведущего пункта управления. Вместе с тем было выявлено возросшее значение оперативных групп в подвижных соединениях. Все это способствовало решению проблемы достижения непрерывности и устойчивости управления войсками.

---

[1] ЦАМО, ф. 339, оп. 5195, д. 32, л. 10.

6. ПРОРЫВ ГЛАВНОЙ ПОЛОСЫ ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА

В годы Великой Отечественной войны прорыв подготовленной обороны по праву являлся самым сложным видом наступательного боя. Особую сложность представлял прорыв главной полосы. Это было обусловлено тем, что главная полоса представляла собой наиболее подготовленный в инженерном отношении и плотно занятый войсками рубеж во всей тактической зоне обороны противника.

Условия прорыва главной полосы определялись многими факторами. В каждом конкретном случае успех прорыва зависел: от наличия сил и средств противоборствующих сторон; уровня боеспособности соединений, частей и подразделений, изготовившихся для наступления; характера обороны противника; состояния погоды, времени года и местности.

В значительной степени успех прорыва главной полосы зависел также от наличия необходимых разведывательных данных о состоянии обороны врага.

Разведка боем

По предвоенным взглядам, разведка боем выявляла и уточняла истинное начертание переднего края обороны противника, вскрывала группировку его сил, систему огня, заграждений, характер оборонительных сооружений и захватывала пленных. Она проводилась специально выделенными для этих целей частями, а в ходе боя — всеми войсками [1]. Минувшая война подтвердила правильность этих взглядов. В большинстве случаев прорыв главной полосы обороны противника начинался с разведки боем. Эффективность разведки боем обычно достигалась: выделением достаточного количества сил и средств и всесторонней их подготовкой; умелым руководством разведкой боем со стороны командиров и штабов; решительными и активными действиями войск, выделенных для разведки боем. Основные показатели разведки боем в годы войны характеризуются данными, приведенными в приложении 9. Данные приложения показывают, что в первом периоде войны разведка боем только начинала свое становление. Она проводилась, как правило, в полосах отдельных соединений и небольшими силами. В результате разведки боем в основном выявлялись истинное начертание переднего края, а иногда и характер инженерного оборудования обороны противника в полосе наступления дивизии. Крайне редкое применение перед наступлением разведки боем в первом периоде войны было обусловлено прежде всего значительным удалением исходного положения для атаки от переднего края обороны врага. Это затрудняло, а иногда и вовсе исключало скрытый подход к нему подразделений, выделен-

---

[1] См.: Временный Полевой устав РККА, 1936, ст. 19.

ных для разведки боем, а также вынуждало части и соединения вести наступление в широких полосах, что осложняло выделение из их состава необходимых сил и средств для разведки боем.

Во втором периоде войны разведка боем приобрела более широкий размах. Она вышла за рамки дивизии и стала проводиться в масштабе армии. Это обусловливалось тем, что противник, переходя к обороне под все усиливающимися ударами советских войск, стремился различными приемами скрыть истинный характер своей обороны. Он чаще стал практиковать оборудование ложного переднего края или отвод перед началом наступления наших войск своих частей с первой позиции в глубину с тем, чтобы заставить нас провести артиллерийскую подготовку по пустому месту. В этих условиях командующий армией ставил дивизиям задачи на ведение разведки боем и брал выполнение поставленных задач под свой контроль [1]. Непосредственное руководство разведкой боем возлагалось на командира дивизии. В начале периода для ведения разведки боем выделялись стрелковый батальон или усиленные стрелковые роты по одной-две от каждой дивизии. Следовательно, уже в начале второго периода войны разведка боем приобретает более конкретную направленность по добыванию необходимых данных с тем, чтобы артиллерийская подготовка не пришлась по пустому месту [2].

Вместе с тем, как видно из данных приложения 9, наблюдался значительный разрыв по времени (от двух и более суток) между разведкой боем и началом наступления главных сил [3]. С лета 1943 г. разведка боем получила дальнейшее развитие. Существенное усиление обороны противника и изменения в характере действий немецко-фашистских войск, направленные на стремление обмануть наступающего относительно истинного сосредоточения усилий в обороне, вызвали реальную необходимость с большей детализацией определять группировку врага к началу наступления. В этой связи стрелковые дивизии первого эшелона общевойсковой армии разведку боем стали проводить бо́льшими силами. Для этой цели выделялись, как правило, стрелковые батальоны, усиленные танками и самоходно-артиллерийскими установками, артиллерией и саперными подразделениями. Началу боевых действий батальонов предшествовала короткая артиллерийская подготовка по переднему краю обороны противника, а их непосредственные действия по ведению разведки боем поддерживались двумя-тремя артилерийскими дивизионами [4].

---

[1] ЦАМО, ф. 331, оп. 321114, д. 1, л. 1.
[2] Там же, оп. 264730, д. 5, л. 7.
[3] См.: Военно-исторический журнал, 1968, № 6, с. 26.
[4] ЦАМО, ф. 808, оп. 269309, д. 3, л. 7.

Выделение для ведения разведки боем значительных сил и средств, огневое подавление противника на переднем крае обороны, поддержка огнем артиллерии батальонов в ходе разведки боем в ряде случаев вводили противника в заблуждение о начале наступления наших войск и обеспечивали более высокую результативность разведки. Во многих случаях достаточно полно вскрывалась система огня, уточнялась группировка противника. В отдельных случаях батальонам даже удавалось захватить опорные пункты на переднем крае обороны [1]. Новым в разведке боем в контрнаступлении под Курском являлось проведение ее на более широком фронте и за одни-двое суток до начала общего наступления. Приближение разведки боем к началу наступления ограничивало возможность перегруппировки войск противника и позволяло командирам и штабам оперативно вносить изменения в порядок ведения наступательного боя.

В третьем периоде войны с учетом предшествующего опыта разведка боем стала проводиться более разнообразно. Батальонам, выделенным для разведки боем, задачи ставились с расчетом, что их действия должны перерасти в общее наступление [2]. В этой связи в ряде случаев они стали называться передовыми батальонами. Передовые батальоны получали больше средств усиления, и их действия обеспечивались более мощными средствами поддержки. Например, если в битве под Курском на усиление стрелковых батальонов, предназначенных для разведки боем, выделялось до взвода танков и взвода саперов, то передовой батальон, действовавший в полосе наступления 312-й стрелковой дивизии 69-й армии в январе 1945 г. в Висло-Одерской операции, имел батарею самоходно-артиллерийских установок, взвод танков, саперную роту и до артиллерийского дивизиона [3]. Для обеспечения действий передовых батальонов привлекалась артиллерия и наносила удары авиация.

В третьем периоде войны разведка боем еще больше приближается к началу общего наступления.

Значительное увеличение сил и средств для ведения разведки боем, изменение задач, решаемых передовыми батальонами, обусловили повышение результативности разведки боем. Так, в результате разведки боем передовые батальоны стрелковых дивизий 5-й армии в Белорусской операции овладели первой позицией [4]. Разведка боем в ряде случаев перерастала в общее наступление. Иногда передовые батальоны в результате разведки боем создавали дивизии условия для

---

[1] ЦАМО, ф. 1163, оп. 143539, д. 3, л. 253.
[2] ЦАМО, ф. 485, оп. 216388, д. 10, л. 55.
[3] ЦАМО, ф. 556; оп. 72431, д. 1, л. 16.
[4] См.: Общевойсковая армия в наступлении, с. 90.

улучшения исходного положения для наступления, вводили противника в заблуждение относительно истинного начала наступления, и лишь в редких случаях действия передовых батальонов ограничивались только вскрытием системы огня и подтверждением группировки противника.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны важнейшими направлениями развития разведки боем являлись: увеличение сил и средств, участвовавших в разведке боем, возрастание ее размаха и приближение непосредственно к началу наступления главных сил, повышение эффективности. В результате проведения разведки боем, как показал опыт войны, наиболее полно вскрывался характер вражеской обороны, исключалась возможность проведения артиллерийской и авиационной подготовки по ослабленным и слабозанятым позициям противника, создавались благоприятные условия для перехода в наступление главных сил.

Огневое поражение противника в период артиллерийской и авиационной подготовки

Прорыв главной полосы обороны, как правило, начинался с огневого поражения противника. По довоенным уставам, продолжительность огневого воздействия по объектам обороны в период артиллерийской подготовки предусматривалась от 1,5 до 3 часов [1]. Для подавления обороны противника считалось достаточным на 1 *км* прорыва иметь 50—100 орудий и минометов [2].

Однако в годы Великой Отечественной войны в эти расчеты в силу изменившейся обстановки были внесены серьезные поправки, особенно в плотности артиллерии (см. табл. 4). Существенные изменения претерпели также продолжительность артиллерийской подготовки и глубина ее проведения (табл. 8).

Из данных таблицы видно, что в наступательных боях первого периода войны артиллерийская подготовка была непродолжительной. Из-за недостатка артиллерии она была и малоэффективной. Так, в контрнаступлении под Москвой в полосе наступления 8-й гв. стрелковой дивизии 16-й армии артиллерийская подготовка проводилась в течение 13 минут. Это позволило подавить огневые точки лишь на северо-западной окраине населенного пункта Крюково [3]. Глубина подавления обороны противника в первом периоде войны не превышала 1,5 *км*. Естественно, что в результате такой артиллерийской подготовки не обеспечивалось подавление даже неглубокой вражеской обороны. К тому же запланированные удары авиацией в период огневого поражения противника из-

---

[1] См.: Временный Полевой устав РККА, 1936, ст. 187.
[2] См.: Тактика артиллерии, с. 228.
[3] ЦАМО, ф. 738, оп. 1, д. 6, л. 106.

Таблица 8

Некоторые показатели артиллерийской подготовки в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	Продолжительность артиллерийской подготовки, (*мин*)	Процент огневых налетов в графике артиллерийской подготовки	Глубина подавления обороны, *км*
Первый	Зимняя 1941/42 г.	5—20	10—15	1—1,5
	Летне-осенняя 1942 г.	40—60	10—20	1,5—2,5
Второй	Зимняя 1942/43 г.	70—80	15—30	2—2,5
	Летне-осенняя 1943 г.	140—175	10—20	3—4
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	40—50	20—40	5—6
	Летне-осенняя 1944 г.	70—140	40—60	6—8
	1945 г. (в Европе)	25—45	60—100	8—10

* Таблица составлена на основе материалов: Тактика в боевых примерах. Дивизия, с. 61—63; Военно-исторический журнал, 1976, № 11, с. 12—15; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 76—78.

за плохих погодных условий, как правило, не наносились. Недостатки, имевшие место в огневом поражении, обусловливались главным образом отсутствием достаточного количества артиллерии и жестким лимитом боеприпасов. В самые напряженные бои под Москвой соединения 20-й армии при прорыве вражеской обороны могли расходовать не более 0,2—0,3 *бк* боеприпасов. Были и тактические просчеты. Равномерное распределение артиллерии в полосах наступления дивизий, неоправданно большое удаление огневых позиций артиллерии от переднего края (в 331-й стрелковой дивизии в районе Красная Поляна — в 4—6 *км* от переднего края) во многом сказывались на эффективности подавления обороны.

С января 1942 г. в соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 03 командиры и штабы стали массировать артиллерию и минометы на направлении главного удара. Массирование артиллерийских средств на направлении главного удара позволило увеличить плотности артиллерии на 1 *км* прорыва. Увеличилась продолжительность артиллерийской подготовки и улучшился график ее построения. Все это уже в начале второго периода войны сказалось на повышении эффективности артиллерийской подготовки.

Так, в полосах наступления 47-й гв. и 119-й стрелковых дивизий 5-й танковой армии в контрнаступлении под Сталинградом в период артиллерийской подготовки были разрушены основные оборонительные сооружения, была полностью нарушена огневая связь между опорными пунктами на переднем крае обороны противника.

Существенные изменения в практике огневого поражения обороны противника во втором периоде войны обусловливались прежде всего массовым формированием частей и соединений артиллерии РВГК, использованием их на участках прорыва стрелковых соединений и отказом от равномерного распределения артиллерии по фронту. С увеличением плотностей артиллерии на участках прорыва и продолжительности артиллерийской подготовки принципиально изменился ее график. Например, в полосе наступления 97-й гв. стрелковой дивизии 5-й гв. армии летом 1943 г. в битве под Курском он включал: огневой налет — 5 минут, паузы — 30 минут, пристрелку и контроль — 60 минут, методическое подавление и уничтожение целей — 70 минут, залп реактивной артиллерии — 5 минут, огневой налет — 5 минут [1]. Изменение длительности проведения артиллерийской подготовки в наступательных боях летом 1943 г. непосредственно связано с появлением в обороне немецко-фашистских войск сплошных траншей и других прочных оборонительных сооружений, которые требовали для полного их разрушения продолжительного огневого воздействия. Особенно с большой плотностью подавлялись живая сила и огневые средства противника на глубину первой позиции. Немаловажную роль в этом играла артиллерия, выставленная на прямую наводку. Так, в полосе 12-й гв. стрелковой дивизии в Болховской операции плотность орудий для стрельбы прямой наводкой достигала 40 единиц на 1 *км* фронта [2]. Огнем этой артиллерии удалось уничтожить и подавить все огневые точки в первой траншее, нарушить работу наблюдательных пунктов, проделать необходимое количество проходов в заграждениях для пехоты и танков.

Повышению эффективности огневого поражения в летних наступательных боях 1943 г. способствовало привлечение в больших масштабах авиации и более тесное ее взаимодействие с артиллерией. Штурмовая и бомбардировочная авиация наносила удары по целям за пределами первой позиции, способствуя увеличению глубины поражения вражеской обороны.

Наибольшего совершенства огневое поражение достигло в третьем периоде войны. На основе предшествующего опыта было выявлено, что длительная артиллерийская подготовка положительно сказывалась на надежности подавления оборо-

---

[1] ЦАМО, ф. 328, оп. 20746, д. 7, л. 118.
[2] ЦАМО, ф. 61А, оп. 50768, д. 4, л. 2.

ны. Вместе с тем утрачивалась до некоторой степени тактическая внезапность. Противник разгадывал замысел прорыва и имел возможность сосредоточить на этом направлении дополнительные силы и средства. Чтобы избежать шаблона в ходе артиллерийской подготовки, практиковался различный порядок ее проведения. Часто планировались ложные переносы огня в целях обмана противника. Например, перед атакой частей 3-й гв. стрелковой дивизии на Перекопском перешейке в апреле 1944 г. график артиллерийской подготовки предусматривал проведение двух ложных переносов огня [1]. Артиллерийская подготовка, как правило, начиналась и заканчивалась мощными огневыми налетами.

Из данных таблицы 8 видно, что удельный вес огневых налетов в графике артиллерийской подготовки к концу войны стал преобладающим. Более того, многие дивизии начинали прорывать оборону противника после артиллерийской подготовки, проведенной одним огневым налетом с высокой плотностью подавления вражеских сил и средств. Особенно это показательно для 312-й стрелковой дивизии 69-й армии в Висло-Одерской операции в январе 1945 г. [2], 171-й стрелковой дивизии в апреле 1945 г. и других соединений. Это позволяло при сокращении продолжительности артиллерийской подготовки добиться более эффективного огневого поражения противника и внезапности перехода в наступление. Сократить время огневого подавления обороны при той же эффективности позволяло также последовательное нанесение ударов всей артиллерией по определенным объектам. Так было в полосах наступления 206-й и 180-й стрелковых дивизий 27-й армии в Ясско-Кишиневской операции в августе 1944 г. Подавление обороны оказалось настолько эффективным, что огневая система и управление противника в звене полк — батальон были полностью дезорганизованы [3].

Новым в огневом поражении противника в третьем периоде войны явилось широкое использование перекрывающего налета. Тем самым ликвидировался разрыв в огне между окончанием артиллерийской подготовки атаки и началом артиллерийской поддержки атаки, обеспечивалась большая эффективность огневого поражения противника на переднем крае и достигалось сокращение потерь в пехоте и танках с переходом их в атаку.

Таким образом, огневое поражение противника в годы войны совершенствовалось в направлении увеличения плотностей артиллерии на 1 *км* участка прорыва, определения оптимального времени продолжительности огневого воздействия по противнику в период артиллерийской подготовки, увеличе-

[1] См.: Тактика в боевых примерах. Дивизия, с. 62.
[2] ЦАМО, ф. 333, оп. 20337, д. 45, л. 92.
[3] ЦАМО, ф. 6497, оп. 256282, д. 21, л. 3.

ния глубины подавления обороны противника и в целом повышения его эффективности.

Как свидетельствует опыт войны, только в результате эффективного огневого подавления противника в период артиллерийской и авиационной подготовки создавались благоприятные условия для быстрого преодоленяи тактической зоны обороны противника. Стремление более надежно подавить оборону противника как можно на большую глубину и в короткие сроки полностью сохраняет свое значение и сегодня, хотя и решается несколько иными средствами вооруженной борьбы.

Прорыв первой позиции главной полосы обороны

С окончанием артиллерийской подготовки начиналась атака пехоты и танков. Передний край обороны противника атаковывался танками и пехотой в точно установленное время («Ч»). Начало движения пехоты и танков в атаку определялось командиром дивизии в зависимости от удаления танков и пехоты от переднего края обороны. Сигналом для подъема в атаку являлись перенос огня артиллерии в глубину обороны противника и выход танков непосредственной поддержки пехоты к рубежу атаки.

Танки, прижимаясь к линии разрывов снарядов своей артиллерии, врывались на передний край и подавляли своим огнем очаги сопротивления противника. Вместе с танками передний край обороны атаковывала пехота. После захвата переднего края пехота и танки, поддерживаемые артиллерией и авиацией, безостановочно развивали атаку в глубину. Важнейшим показателем прорыва главной полосы обороны противника являлись темпы прорыва (табл. 9).

В первом периоде войны, когда плотности танков непосредственной поддержки пехоты и артиллерии были недостаточными, прорыв первой позиции противника осуществлялся в низком темпе и с большими потерями в личном составе атакующей пехоты. Так, при прорыве обороны противника на р. Лама в январе 1942 г. стрелковые соединения преодолевали первую позицию в течение суток [1]. С низкими темпами прорывали первую позицию и стрелковые соединения в Харьковской операции в мае 1942 г.[2]. Сказались здесь и чрезмерное эшелонирование боевых порядков подразделений, и малоэффективное подавление обороны противника в период артиллерийской подготовки, и отсутствие достаточного опыта у командного состава по управлению соединениями, частями и

---

[1] См.: Тактика в боевых примерах. Полк, с. 89.

[2] ЦАМО, ф. 382, оп. 4132, д. 46, л. 3.

Таблица 9

Темпы прорыва главной полосы обороны противника в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	Темпы прорыва, *км/ч*	
		первой позиции	главной полосы
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	0,1—0,2	0,02—0,1
	Зимняя 1941/42 г.	0,1—0,2	0,05—0,1
	Летне-осенняя 1942 г.	0,2—0,3	0,1—0,15
Второй	Зимняя 1942/43 г.	1—1,5	0,4—0,5
	Летне-осенняя 1943 г.	0,5—1	0,3—0,6
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	0,7—1,2	0,3—0,6
	Летне-осенняя 1944 г.	1,4—1,6	0,9—1
	1945 г. (в Европе)	1,5—1,6	0,6—1

* Таблица составлена на основе материалов: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 222—255; Общевойсковая армия в наступлении, с. 97—98; Тактика в боевых примерах. Дивизия, с. 64—66; Военно-исторический журнал, 1968, № 2, с. 39; ЦАМО, ф. 229, оп. 6513, д. 22, л. 4; ф. 373, оп. 11350, д. 4, л. 2; ф. 382, оп. 3953, д. 2, л. 14.

подразделениями в ходе прорыва вражеской обороны.

В начале первого периода войны в должной мере не обеспечивалось и одновременное нанесение удара в полосе наступления соединений и частей. До начала атаки подразделения атакующего эшелона обычно находились на исходном рубеже для наступления на удалении 0,5—1 *км* от переднего края обороны противника. На рубеж атаки пехота выдвигалась в период артиллерийской подготовки, где окапывалась и готовилась к атаке. Остановка пехоты на необорудованном рубеже не только отрицательно сказывалась на полноте подготовки к атаке, но и приводила к значительным потерям. Более того, многие подразделения не успевали занять рубеж атаки до окончания артиллерийской подготовки и поэтому не получалось одновременности атаки во всей полосе дивизии и даже полка. Все это приводило к тому, что первоначальная атака часто не удавалась, иногда даже ее приходилось повторять несколько раз.

На темпах прорыва первой позиции сказывались также недостаточно умелые действия атакующих войск при прорыве сильных узлов сопротивления противника. Так, при наступ-

лении 331-й стрелковой дивизии 20-й армии в контрнаступлении под Москвой в декабре 1941 г. в районе Красная Поляна все три ее полка наносили фронтальные удары по таким сильным узлам сопротивления врага, как Горки, Пучки, Красная Поляна [1].

Низкие темпы прорыва первой позиции обусловливались и отсутствием надежной огневой поддержки атаки пехоты и танков. Артиллерийская поддержка осуществлялась преимущественно методом сосредоточенного огня по вызову и лишь в отдельных случаях последовательным сосредоточением огня. Эпизодическая поддержка артиллерийским огнем и отсутствие авиационной поддержки приводили к тому, что зачастую пехота была вынуждена атаковать сильные опорные пункты одна, самостоятельно, в результате чего несла неоправданные потери.

Недостаточно эффективно использовались танки непосредственной поддержки пехоты. Они часто отрывались слишком далеко от стрелковых подразделений [2] и теряли с ними огневую взаимосвязь, что в конечном счете приводило к низкой результативности атаки и значительным потерям в танках и пехоте.

Следовательно, неодновременность атаки во всей полосе, слабый первоначальный удар, отсутствие огневой поддержки атаки и недостаточно искусные действия атакующего эшелона были основной причиной низких темпов прорыва первой позиции.

Во втором периоде войны, несмотря на усиление обороны немецко-фашистских войск, темпы прорыва первой позиции существенно возросли. Так, в контрнаступлении под Сталинградом полки первого эшелона 119-й и 124-й стрелковых дивизий 5-й танковой армии Юго-Западного фронта прорывали первую позицию уже с темпом до 1,5 *км/ч* [3]. Увеличение темпов прорыва первой позиции было связано прежде всего с возрастанием силы первоначального удара атакующего эшелона. Здесь, безусловно, сказалось не только применение одноэшелонного построения боевых порядков стрелковых дивизий, но и дополнительное сосредоточение по решению командующего армией в полосе наступления стрелковой дивизии сил и средств. Достаточно сказать, что на участке прорыва 47-й гв. стрелковой дивизии помимо ее штатных средств было сосредоточено: 3-я гв. танковая бригада, 511-й огнеметный танковый батальон, 124-й и 320-й гаубично-артиллерийские полки, 534-й истребительно-противотанковый полк и другие части и подразделения [4]. Еще в большей степени сила первоначаль-

[1] ЦАМО, ф. 373, оп. 2608, д. 3, л. 130.
[2] Приказ Народного Комиссара Обороны № 325 от 16 октября 1942 г.
[3] См.: Тактика в боевых примерах. Поиск, с. 89.
[4] ЦАМО, ф. 331, оп. 6517, д. 5, л. 136—137.

ного удара по врагу увеличилась с битвы под Курском. Однако следует заметить, что благодаря резкому усилению обороны противника в инженерном отношении темпы прорыва первой позиции в контрнаступлении под Курском несколько снизились. Но в последующих операциях вследствие того, что оборона противника буквально сметалась на первой позиции артиллерийским огнем, прорыв первой позиции вновь осуществлялся безостановочно и в высоком темпе. С лета 1943 г. стрелковые подразделения начинали атаку непосредственно из исходного положения (хорошо оборудованного в инженерном отношении). Это обеспечивало лучшую подготовку атаки, внезапность удара и снижение потерь в живой силе от огня противника.

Артиллерия стала действовать в тесном взаимодействии с пехотой и танками до выполнения поставленных им задач. С началом атаки артиллерия не прекращала огня, как это было раньше, а переходила к поддержке наступающих войск. При этом метод поддержки совершенствовался. В контрнаступлении под Сталинградом при ликвидации окруженной группировки в январе 1943 г. наступление соединений 65-й армии было впервые за годы войны поддержано одинарным огневым валом на глубину до 1000 *м* [1]. С лета 1943 г. метод поддержки наступающей пехоты и танков огневым валом стал преобладающим. Его главное преимущество состояло в том, что сплошная огневая завеса последовательно перемещалась перед фронтом наступающих пехоты и танков в соответствии со скоростью их передвижения [2].

Улучшился способ ведения боевых действий. Танки непосредственной поддержки пехоты с учетом опыта боев в первом периоде войны вели за собой пехоту, не отрываясь от нее более чем на 200—400 *м*. Если пехота залегала и не могла продвигаться вперед, то танки немедленно уничтожали огневые точки, мешавшие пехоте. В свою очередь пехота в целях обеспечения действий танков подавляла всей мощью своего огня, а также огнем артиллерии сопровождения противотанковые средства противника, помогала танкам преодолевать противотанковые препятствия и заболоченные участки местности.

С лета 1943 г. эффективным средством сопровождения танков становятся самоходно-артиллерийские установки. Они наступали в 100—200 *м* за танками, уничтожали противотанковые средства, обеспечивая огнем танковую атаку. Авиация в период атаки объектов стрелковыми подразделениями наносила бомбовые и штурмовые удары, подавляя очаги сопро-

---

[1] См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 176.

[2] См.: Наставление артиллерии Красной Армии. М., 1942, с. 437.

тивления и резервы противника. Для этой цели выделялось до 50% всех самолето-вылетов [1].

Повысилась и эффективность инженерного обеспечения. В боевых порядках стрелковых подразделений, как правило, действовали саперы, которые устраняли заграждения. В том случае, когда саперные подразделения на усиление дивизии не поступали, задачи по устранению препятствий на пути наступления пехоты, танков и артиллерии выполняли специально подготовленные в стрелковых ротах и батареях отделения внештатных саперов. Следовательно, увеличение силы первоначального удара, более искусные действия атакующего эшелона и усилившаяся его огневая поддержка в ходе наступления обусловили большую результативность прорыва первой позиции.

Так, в контрнаступлении под Сталинградом 47-я гв. и 119-я стрелковые дивизии 5-й танковой армии в районе Перелазовский, начав атаку в 8.50, к 11.00 завершили прорыв первой позиции и продвинулись до 4 *км* [2] в глубину.

В наступательных боях летом 1943 г., несмотря на значительное усиление обороны [3], темпы ее прорыва оставались высокими. Так, 66-я и 97-я гв. стрелковые дивизии 5-й гв. армии в битве под Курском первую позицию глубиной до 2 *км* прорывали около 2,5 часа с темпом 0,9 *км/ч*. Вместе с тем опыт наступательных боев второго периода войны показал, что в тех случаях, когда огневое подавление обороны в период артиллерийской и авиационной подготовки было недостаточно эффективным, когда сил и средств, особенно танков непосредственной поддержки пехоты, для нанесения сильного первоначального удара было мало, прорывать первую позицию противника в высоких темпах обычно не удавалось. Например, в этих же летних наступательных боях на болховском направлении части 18-й и 11-й стрелковых дивизий 11-й гв. армии (битва под Курском) при прорыве первой позиции были вынуждены отражать многочисленные контратаки противника и продвигаться с темпом 0,2—0,3 *км/ч*.

В третьем периоде войны с учетом опыта наступательных боев лета и осени 1943 г. в вопросы огневого поражения и обеспечения сильного первоначального удара по обороне врага были внесены существенные коррективы. Повышение силы первоначального удара атакующего эшелона, как и во втором периоде войны, осуществлялось за счет еще большего усиления стрелковой дивизии танками и артиллерией. Например, 94-я стрелковая дивизия 5-й ударной армии в Берлинской операции была усилена отдельной танковой бригадой.

---

[1] См.: Военно-исторический журнал. 1968, № 2, с. 39.

[2] ЦАМО, ф. 229, оп. 6513, д. 22, л. 4.

[3] С лета 1943 г. первая позиция противника строилась глубиной от 1 до 3 *км* и имела три сплошные траншеи.

двумя батареями самоходно-артиллерийского полка, артиллерийской бригадой и двумя артиллерийскими полками [1].

Немаловажное значение в совершенствовании прорыва первой позиции имел выход в свет в 1944 г. Наставления по прорыву позиционной обороны. В соответствии с требованиями этого руководящего документа стрелковые соединения переходили в атаку, как правило, из исходного положения, удаленного на 150—250 *м* от переднего края обороны противника. Атака начиналась одновременно на всем участке прорыва. Она представляла собой единый удар танков и пехоты. Передний край атаковывался пехотой и танками в точно установленное время («Ч»). Одновременность атаки являлась одним из решающих условий ее успеха и обеспечивала большую силу удара, высокие темпы продвижения и затрудняла противнику маневр огнем и резервами. Одновременность удара танков и пехоты повышала устойчивость взаимодействия атакующего эшелона и приводила к большому успеху в ходе прорыва. На темпах прорыва положительно сказывался также отказ от эшелонирования танков непосредственной поддержки пехоты. Это обеспечивало большую силу первоначального удара и затрудняло противнику уничтожение наступающих танков по частям.

В третьем периоде войны наши подразделения весьма успешно применяли ложные атаки. Они имели целью ослабить огонь противника на главном направлении, выявить уцелевшие и ожившие после артиллерийской подготовки батареи, уточнить систему огня его обороны. Положительно на темпах прорыва в третьем периоде войны сказывалось применение перекрывающего налета артиллерии. Незаметный переход от артиллерийской подготовки к артиллерийской поддержке не позволял противнику опомниться и восстановить нарушенную систему огня, а поддержка пехоты и танков двойным огневым валом обеспечивала подавление противника огнем артиллерии в ходе прорыва первой позиции. При этом глубина огневого вала возросла. В Берлинской операции, например, артиллерийская поддержка атаки огневым валом осуществлялась на глубину до 4 *км*. Особенно это характерно для действий дивизий 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной и 4-го гв. стрелкового корпуса 8-й гв. армии [2].

На приближении ударов авиации непосредственно к наступающим войскам положительно сказалось четкое взаимодействие пехоты и танков с авиацией. Обозначение переднего края установленными сигналами с интервалами в 30—50 *м* позволяло штурмовой авиации наносить бомбоштурмовые удары по врагу, находившемуся на удалении 500—1000 *м* от

---

[1] ЦАМО, ф. 998, оп. 24456, д. 1, л. 163—166.
[2] ЦАМО, ф. 345, оп. 13559, д. 45, л. 312.

первого эшелона наших войск [1]. Подготовка исходного района для наступления войск в инженерном отношении, инженерная разведка системы обороны противника и местности в полосах наступления частей и соединений, своевременное проделывание проходов в заграждениях, закрепление захваченных рубежей в ходе прорыва — все это способствовало безостановочному продвижению наступающих войск.

Это сказалось на повышении темпов прорыва первой позиции. В целом, как показал опыт войны, повышение темпов прорыва первой позиции главной полосы обороны во многом обеспечивалось надежным огневым подавлением противника до начала атаки, решительными ударами атакующего эшелона, а также совершенствованием способов ведения боевых действий соединений, частей, подразделений всех родов войск в их тесном взаимодействии. Опыт создания наиболее оптимального варианта атакующего эшелона не утратил своего значения и в современных условиях. Характер построения обороны, занятость ее войсками, а также наличие сил и средств у наступающего в каждом конкретном случае вызовут необходимость создавать группировку атакующего эшелона с таким расчетом, чтобы противник не мог противостоять силе его первоначального удара.

Сохраняет свое значение опыт применения пехоты, танков и артиллерии при атаке переднего края обороны и в ходе прорыва всей первой позиции. Правильное их сочетание в составе атакующего эшелона, наиболее целесообразные способы совместных действий могут принести ожидаемый результат.

Завершение прорыва главной полосы обороны

Согласно предвоенным взглядам каждую образовавшуюся брешь в обороне предполагалось немедленно использовать для развития удара в глубину [2]. Это положение оставалось основополагающим и в годы минувшей войны. После прорыва первой позиции соединения и части устремлялись вперед. Успех завершения прорыва главной полосы обороны зависел от своевременного наращивания усилий, умелого отражения контратак, маневра сил и средств в ходе наступления, эффективного применения родов войск и обеспечения непрерывности наступления.

В первом периоде войны наращивание усилий в ходе завершения прорыва главной полосы обороны осуществлялось неудовлетворительно. Это объяснялось отсутствием как вторых эшелонов, так и применением способов ведения боевых действий, при которых атака проводилась с фронта главным образом сильных узлов сопротивления противника. В результате длительных ожесточенных боев при овладении этими уз-

---

[1] ЦАМО, ф. 426, оп. 157129, д. 7, л. 103.

[2] См.: Временный Полевой устав РККА, 1936, ст. 198.

лами сопротивления дивизия была вынуждена использовать все свои резервы (вторые эшелоны) уже в борьбе за опорные пункты противника, расположенные в пределах переднего края обороны.

Не совсем умело в ходе завершения прорыва главной полосы велась борьба с контратакующим противником. Контратаки отражались преимущественно с места всеми имевшимися силами, что, естественно, длительное время сдерживало части дивизии на том или ином рубеже. Маневр в ходе наступления применялся редко. Ночные действия в целях обеспечения непрерывности наступления осуществлялись слабо и малыми силами.

Все это приводило к тому, что прорыв неглубокой (3—4 *км*) [1] оборонительной полосы завершался лишь на второй — третий день наступления. Так, в битве под Москвой 8-я гв. стрелковая дивизия 16-й армии завершила прорыв главной полосы только к исходу второго дня наступления [2]. Столько же времени на завершение прорыва потребовалось 331-й стрелковой дивизии 20-й армии [3]. С низкими темпами наступления завершали прорыв главной полосы обороны соединения 6-й и 28-й армий летом 1942 г. в районе Харькова [4]. В начале второго периода войны принципиально по-новому стал решаться вопрос о наращивании усилий в связи с отсутствием корпусного звена и переходом к одноэшелонному построению боевых порядков соединений, частей и подразделний. Эта проблема переросла тактические рамки и стала мероприятием главным образом оперативного командования. Особенно это прослеживается в контрнаступлении под Сталинградом, где стрелковые соединения прорывали оборону противника в одноэшелонном построении. С прорывом первой позиции в бой вводились танковые и механизированные соединения. Их ввод обеспечивал завершение прорыва главной полосы обороны в более короткие сроки. Например, в полосах наступления 76-й и 293-й стрелковых дивизий 21-й армии нарастили усилия соответственно 102-я и 45-я танковые бригады 4-го танкового корпуса [5]. В полосах наступления 119-й и 124-й стрелковых дивизий 5-й танковой армии наращивали усилия танковые бригады 26-го танкового корпуса [6].

В наступательных боях летом 1943 г. были восстановлены стрелковые корпуса. Стрелковые дивизии и полки преимущественно стали прорывать оборону противника в двухэше-

[1] См.: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 223.

[2] ЦАМО, ф. 183, оп. 10268, д. 5, л. 22.

[3] ЦАМО, ф. 373, оп. 11350, д. 4, л. 2.

[4] ЦАМО, ф. 382, оп. 3953, д. 2, л. 14.

[5] См.: Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями, с. 30.

[6] ЦАМО, ф. 331, оп. 6517, д. 19, л. 7—8.

лонном построении. Вместе с тем значительное усиление главной полосы обороны противника (в ее составе появляется третья позиция) обусловило ожесточенное сопротивление противника за вторую и особенно за третью позицию. В этой связи для завершения прорыва главной полосы вводились в бой вторые эшелоны. Кроме того, для наращивания усилий при завершении прорыва главной полосы довольно часто привлекались также армейские и даже фронтовые подвижные группы [1].

Однако использование армейских и фронтовых средств для наращивания усилий в наступательных боях летом 1943 г. было вынужденной мерой. Это обусловливалось, с одной стороны, недостаточными плотностями танков непосредственной поддержки пехоты и неглубоким подавлением живой силы и огневых средств противника в период артиллерийской подготовки, а с другой — необходимостью прорыва главной полосы обороны в более высоких темпах.

Во втором периоде войны после прорыва первой позиции стрелковым полкам, дивизиям и корпусам часто приходилось отражать сильные контратаки противника. Например, в контрнаступлении под Курском стрелковые дивизии 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов 11-й армии при завершении прорыва главной полосы обороны отразили по две контратаки, 36-го гв. корпуса 1-й армии — три контратаки, 33-го корпуса 5-й гв. армии — четыре контратаки, а 9-го гв. корпуса 61-й армии — свыше двадцати контратак [2].

В этой связи успех завершения прорыва главной полосы обороны определялся умением соединений, частей и подразделений вести борьбу с контрнаступающим противником. В отличие от первого периода войны к отражению контратак привлекалось большее количество сил и средств, особенно танков, артиллерии и авиации. Ввиду того, что противник обычно контратаковал крупными силами, контратаки отражались преимущественно огнем с места.

При завершении прорыва главной полосы нередко начатое днем наступление продолжалось ночью. Особенно часто стали практиковаться ночные атаки в целях овладения важными объектами в обороне противника для продолжения наступления с рассветом, как это требовали руководящие документы [3]. Многие ночные боевые действия, если они всесторонне и качественно готовились, приносили успех. Так, в летних боях 1943 г. при ликвидации Запорожского плацдарма подразделения и части 39-й стрелковой дивизии 8-й гв. армии

---

[1] ЦАМО,ф. 300, оп. 51348, д. 14, л. 5.

[2] См.: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 238.

[3] См.: Боевой устав Красной Армии. М., 1942, ст. 501.

ночной атакой сломили сопротивление врага, завершив этим прорыв главной полосы обороны [1].

В третьем периоде войны возрастание глубины и эффективности поражения противника в период артиллерийской подготовки, увеличение плотностей танков непосредственной поддержки пехоты, непрерывное сопровождение пехоты и танков артиллерийским огнем и ударами авиации позволили в ряде случаев прорыв главной полосы завершать силами стрелковой дивизии с приданными ей танками и артиллерией.

Однако нередко из-за слабого подавления обороны, недостаточного количества танков непосредственной поддержки пехоты, упорного сопротивления противника сначала на второй, а затем и на третьей позициях завершить прорыв главной полосы обороны без привлечения танковых и механизированных корпусов не удавалось.

Успеху завершения прорыва главной полосы обороны противника в дивизиях первого эшелона способствовал более смелый и решительный маневр силами и средствами в ходе наступления. Соединения, части и подразделения, как правило, уклонялись от лобовых атак. Для уничтожения противника широко использовались полоса наступления соседней дивизии или же промежутки, открытые фланги и другие слабые места в его обороне. Это позволяло завершать разгром противника в более короткие сроки и с меньшими потерями. Так, части 180-й стрелковой дивизии 27-й армии в августе 1944 г. в Ясско-Кишиневской операции, используя успех соседа справа, обходным маневром овладели важной в обороне противника высотой, завершив прорыв главной полосы [2].

Более совершенными стали способы отражения контратак противника. Если в первом периоде войны из-за недостатка сил и средств и отсутствия опыта у командиров тактического звена контратаки преимущественно отражались с места и недостаточно результативно, то к концу войны этот недочет в основном был устранен. На угрожаемом направлении заранее сосредоточивались силы и средства, особенно противотанковая артиллерия и инженерные подразделения. Командиры стремились действовать активно, нанося частью сил удары по флангу и угрожая выходу в тыл контратакующему противнику. В отдельных случаях контратакующий противник уничтожался даже с ходу. Так, части 50-й стрелковой дивизии 52-й армии в Берлинской операции при завершении прорыва главной полосы обороны разгромили контратакующего противника с ходу [3]. В том случае, когда противник проводил

[1] ЦАМО, ф. 345, оп. 34558, д. 10, л. 547.

[2] См.: Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями, с. 186.

[3] Тактика в боевых примерах. Дивизия, с. 79.

контратаку крупными силами, наступающие части стрелковой дивизии занимали выгодный для боя рубеж, встречали контратакующего противника огнем артиллерии и ударами авиации, наносили ему максимальные потери, а затем ударом во фланг и тыл завершали его уничтожение [1]. Примерорм может служить отражение контратакующего противника 144-й стрелковой дивизией 65-й армии в Восточно-Прусской операции в январе 1945 г. Заняв выгодный рубеж, дивизия огнем всех средств отразила крупные контратакующие силы врага с места с последующим завершением его уничтожения ударом во фланг.

При завершении прорыва главной полосы более широко стали применяться ночные боевые действия. При этом в дивизиях заблаговременно выделялись силы (до полка, батальона) и проводилась их подготовка. Ночные действия заранее подготовленными силами обеспечивали непрерывность наступления и более высокие темпы прорыва. Так, в Восточно-Прусской операции выделенный батальон 128-го гв. стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии 65-й армии (схема 4) после 15-минутного огневого налета по противнику ночной атакой успешно завершил прорыв главной полосы и создал условия для стремительного выхода ко второй полосе [2].

Таким образом, повышению темпов прорыва главной полосы обороны противника во многом способствовали: своевременное наращивание усилий в ходе наступления; умение соединений, частей и подразделений вести борьбу с контратакующим противником; решительный отказ от лобовых атак, стремление к маневру силами и средствами и уничтожению противника применением обходов и охватов; непрерывность наступления как днем, так и ночью.

Отмеченные выше условия, обеспечившие повышение темпов прорыва главной полосы обороны противника в годы войны, не утратили своего значения и сегодня. Они остаются основополагающими для достижения высоких темпов прорыва обороны независимо от качественного и количественного изменения средств ведения боевых действий.

Особенности боевых действий танкового (механизированного) корпуса при прорыве главной полосы обороны

По предвоенным взглядам, привлечение механизированных корпусов для завершения прорыва главной полосы обороны не предусматривалось. Более целесообразным считалось их применение в оперативной глубине обороны противника для самостоятельных действий в отрыве от стрелковых войск [3]. В годы Великой Отечественной войны правильность этой теории в основном

[1] ЦАМО, ф. 144, оп. 524389, д. 6, л. 24.
[2] ЦАМО, ф. 44 гв. сд., оп. 2, д. 84, л. 95.
[3] Временный полевой устав РККА, 1936, с. 7.

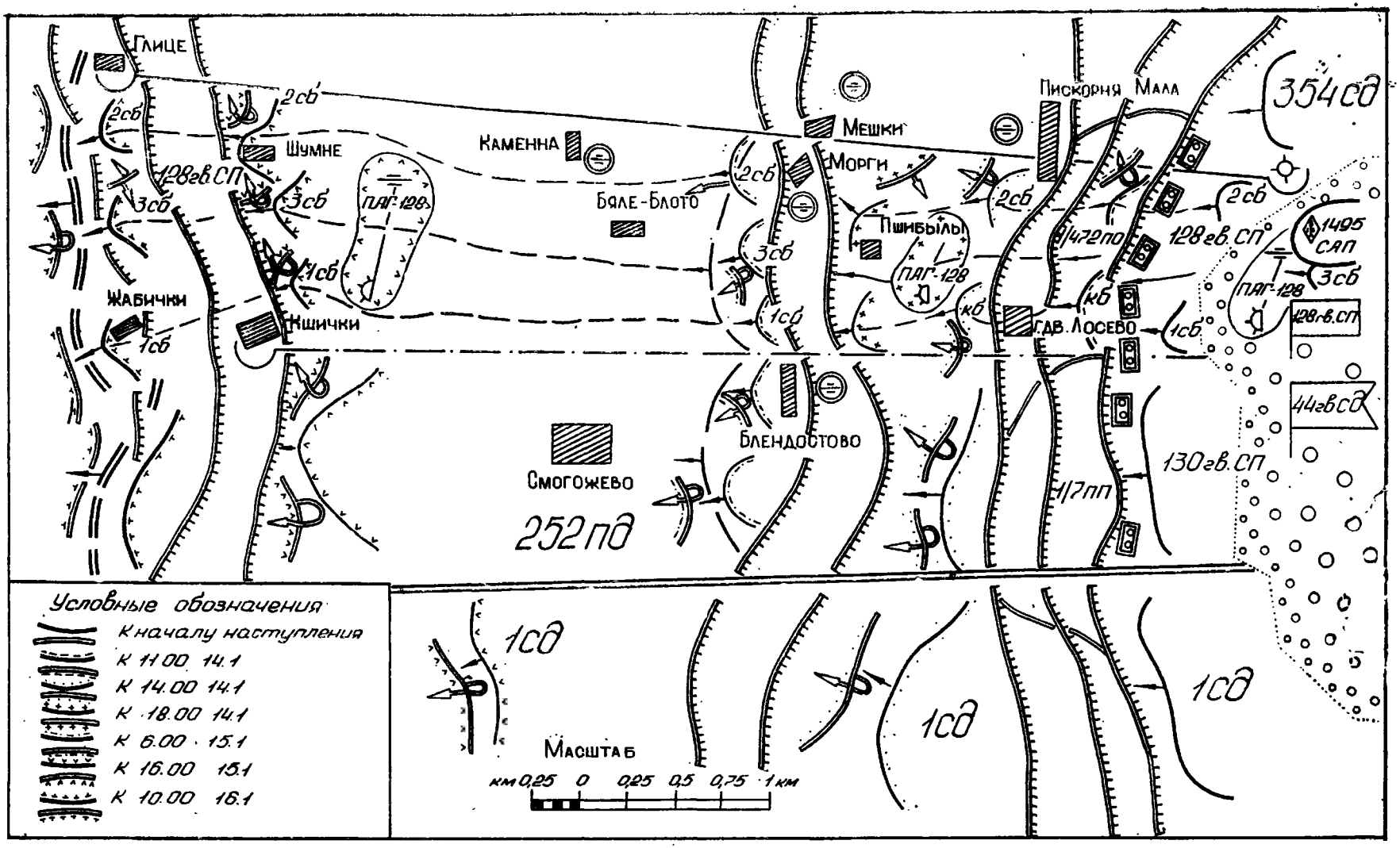


Схема 4. Прорыв главной полосы обороны противника 128-м гв. стрелковым полком в Восточно-Прусской операции (январь 1945 г.)

подтвердилась. Танковые (механизированные) корпуса, введенные в бой после прорыва тактической зоны обороны противника, смело отрывались от стрелковых войск. Это способствовало завершению окружения и разгрому врага в более короткие сроки.

Вместе с тем опыт минувшей войны дает немало примеров, когда танковые (механизированные) корпуса совместно со стрелковыми соединениями завершали прорыв главной полосы и тем самым способствовали повышению темпов прорыва тактической зоны обороны противника. Более того, при недостаточно прочной обороне, особенно в противотанковом отношении, танковые (механизированные) корпуса в ряде случаев прорывали главную полосу обороны самостоятельно.

Успех действий танковых (механизированных) корпусов при завершении прорыва главной полосы во многом определялся: составом сил и средств, привлекаемых от корпусов для действий в пределах главной полосы; своевременным выходом корпусов на рубеж ввода в прорыв и всесторонним обеспечением ввода; временем начала действий танкового (механизированного) корпуса относительно перехода в атаку стрелковых соединений (прил. 10).

В первом периоде войны танковые (механизированные) корпуса к завершению прорыва главной полосы обороны обычно не привлекались. Это объясняется прежде всего влиянием предвоенных взглядов на использование крупных механизированных соединений, а также характером построения обороны противника. Считалось, что подготовленная оборона, включавшая, как правило, только главную полосу глубиной 3—4 *км*, будет быстро прорвана стрелковыми соединениями во взаимодействии с танками непосредственной поддержки пехоты, артиллерией и авиацией.

Однако, как показал опыт войны, недостаточная плотность танков непосредственной поддержки пехоты и слабое огневое поражение обороны противника не позволяли прорывать оборону противника в высоких темпах только стрелковыми соединениями. Поэтому во втором периоде войны для завершения прорыва главной полосы обороны противника, как правило, привлекались танковые (механизированные) корпуса, составлявшие подвижую группу армии. Выдвижение корпуса на рубеж ввода начиналось после прорыва стрелковыми дивизиями первой позиции противника и подавления системы его противотанковой обороны. В целях организованного выхода на указанный рубеж каждому корпусу назначались 2—4 маршрута выдвижения. Так, в контрнаступлении под Сталинградом 1-й танковый корпус выдвигался по двум маршрутам. 26-му танковому корпусу было выделено четыре маршрута. Наиболее типичной глубиной ввода танкового (механизиро-

ванного) корпуса в прорыв в это время была глубина 2—3 *км*[1], т. е. после прорыва первой позиции главной полосы обороны противника. Ввод соединений корпуса осуществлялся обычно в такой последовательности. При подходе к намеченному рубежу первыми обгоняли боевые порядки стрелковых соединений органы разведки. Под их прикрытием развертывались и приступали к работе отряды обеспечения движения. Подразделения бригад первого эшелона корпуса по мере приближения к рубежу ввода последовательно расчленялись в ротные и во взводные колонны. При подходе к атакующим батальонам стрелковых войск танковые и механизированные части развертывались в боевой порядок и переходили в атаку. Атака, как правило, проводилась стремительно, удары наносились по наиболее уязвимым местам в обороне противника. Например, 117-я и 89-я танковые бригады первого танкового корпуса 5-й танковой армии в контрнаступлении под Сталинградом обогнали пехоту и, используя разрывы в обороне врага, быстро продвинулись до 4 *км* в глубину. В последующем во взаимодействии с 159-й и 157-й танковыми бригадами они ударом во фланг завершили уничтожение противостоящего противника[2]. Атака была настолько неожиданной, что некоторые орудия противника не успели сделать по танкам ни одного выстрела.

С лета 1943 г. в практике применения танковых (механизированных) корпусов произошли некоторые изменения. В связи с появлением в составе главной полосы обороны третьей позиции и возросшей силой первоначального удара стрелковых соединений изменилось удаление рубежа ввода корпуса в прорыв (4—6 *км*, т. е. перед третьей позицией главной полосы). Более того, наметилось стремление использовать для завершения прорыва главной полосы лишь часть сил и средств корпуса. Так, в Белгородско-Харьковской операции на богодуховском направлении для завершения прорыва главной полосы были использованы передовые бригады 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов[3]. В этой же операции использовались также передовые бригады 1-го механизированного корпуса. При этом время ввода танкового (механизированного) корпуса определялось всегда творчески в зависимости от условий обстановки. Если передовые бригады 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов были введены в прорыв через 4 часа после начала наступления стрелковых войск, то 5-й танковый корпус вводился лишь через 9 часов[4].

---

[1] См.: Военная мысль, 1961, № 9, с. 61.

[2] ЦАМО, ф. 658, оп. 44582, д. 5, л. 23.

[3] См.: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 239.

[4] См.: Бронетанковые войска Советской Армии в боях за Родину. М., 1965, с. 613.

Действия подразделений танковых и механизированных корпусов в ходе завершения прорыва главной полосы обычно были высокоактивными. Во взаимодействии со стрелковыми дивизиями им приходилось отражать многочисленные контратаки противника.

В третьем периоде войны характер боевых действий танковых и механизированных корпусов принципиально не изменился. Стремление действовать в пределах главной полосы небольшими силами, сохраняя остальные для решительного удара в глубине обороны противника, осталось. За некоторыми исключениями глубина и время ввода танкового (механизированного) корпуса также оставались прежними. Для выдвижения танкового (механизированного) корпуса назначались обычно два маршрута, и лишь в отдельных случаях их количество увеличивалось до трех-четырех.

Вместе с тем значительное совершенствование получили все стороны, связанные с вводом корпуса в прорыв. Уже в период артиллерийской подготовки и при прорыве обороны пехотой все инженерные части и подразделения находились в боевых порядках и за боевыми порядками пехоты, готовя маршруты для ввода танкового (механизированного) корпуса в прорыв. Принимались меры к тому, чтобы подготовленные маршруты были своевременно освобождены частями и подразделениями впереди действующих соединений. Артиллерия и авиация своевременно перенацеливались на обеспечение ввода корпуса в прорыв и поддержку его в ходе наступления.

Следует заметить, что для поддержки наступления корпуса выделялись значительные силы артиллерии и авиации. Например, при вводе в прорыв 1-го гв. танкового корпуса 65-й армии в Бобруйской операции 1-го Белорусского фронта огневое подавление противника осуществляли армейская артиллерийская, корпусные и дивизионные артиллерийские группы и часть авиации 16-й воздушной армии. При завершении прорыва главной полосы каждую танковую (механизированную) бригаду поддерживала артиллерийская бригада [1].

Прорыв главной полосы танковым (механизированным) корпусом при использовании его в составе первого эшелона танковой армии имел много общего с теми действиями, которые рассмотрены при прорыве главной полосы стрелковой дивизии. Вместе с тем способы прорыва обороны противника танковым (механизированным) корпусом имели и свои особенности (табл. 10).

---

[1] ЦАМО, ф. 659, оп. 81131, д. 127, л. 80.

Таблица 10

Некоторые показатели прорыва главной полосы обороны танковыми (механизированными) корпусами *

Операция, соединение	Ширина полосы наступления, *км*	Тактические плотности на 1 *км*		Продолжительность артиллерийской подготовки, *мин*	Глубина подавления обороны, *км*	Темпы прорыва, *км/ч*	
		танков	стрелковых батальонов			первой позиции	главной полосы
Корсунь-Шевченковская, 5-й механизированный корпус	4,2	63	2,4	35	2,5	0,5	0,5
Дебреценская, 7-й механизированный корпус	5	32	2	10	2	2,5	1,6
Будапештская: 5-й гв. танковый корпус	6	50	3	10	0,5	2,1	1,6
9-й гв. механизированный корпус	6	45	3,5	10	0,5	2,3	1,4

* Таблица составлена на основе материалов: ЦАМО, ф. 339, оп. 77282, д. 1, л. 7; ф. 32, оп. 11318, д. 16, л. 2—28; ф. 327, оп. 4999, д. 171, л. 114—118; ф. 339, оп. 120070, д. 74, л. 2; ф. 240, оп. 16636, д. 10, л. 70—80.

Разведка боем в полосах прорыва танковых (механизированных) корпусов проводилась преимущественно силами оборонявшихся войск. Так, в Корсунь-Шевченковской операции (январь 1944 г.) в полосе наступления 5-го механизированного корпуса разведка боем проводилась передовыми батальонами 58-й и 359-й стрелковых дивизий 40-й армии. Это объясняется прежде всего тем, что привлечение сил и средств корпуса для ведения разведки боем могло раскрыть намерения наших войск относительно направления главного удара и начала наступления. В тех случаях, когда танковые и механизированные корпуса были вынуждены добывать разведывательные сведения своими силами, они обычно в интересах разведки действовали довольно осторожно и небольшими силами. Например, 15-й мотоциклетный батальон, выделенный для ведения разведки боем в полосе 5-го гв. танкового корпуса (Будапештская операция, декабрь 1944 г.) ограничился лишь действиями небольших разведывательных групп [1]. Ре-

[1] ЦАМО, ф. 339, оп. 14400, д. 6, л. 130.

зультативность разведки была в этом случае недостаточно высокой. Было уточнено начертание переднего края, установлена степень укрепления опорных пунктов. Однако выявить в полном объеме группировку противника и систему его огня не удалось.

Огневое подавление в полосах наступления танковых (механизированных) корпусов противника, как показывают данные приложения 10, имело свои характерные особенности. Плотности артиллерии на 1 *км* прорыва создавались низкие. Продолжительность огневого воздействия по противнику была короткой. Это обусловливалось прежде всего недостаточной глубиной и прочностью обороны противника, а также наличием артиллерийских средств в составе корпуса. Так, в Будапештской операции (декабрь 1944 г.) 9-й механизированный корпус 6-й гв. танковой армии насчитывал всего 132 единицы орудий и минометов [1]. Плотность артиллерии на 1 *км* участка прорыва составляла около 25 стволов. Все же это позволило нанесением огневых налетов подавить важнейшие объекты в обороне противника и создать условия для значительных действий танковых подразделений, частей и соединений. Темпы прорыва первой позиции и завершения прорыва главной полосы по сравнению со стрелковыми соединениями были более высокими. Важнейшим фактором сравнительно высоких темпов прорыва главной полосы обороны противника являлось нанесение сильного первоначального удара по врагу путем использования большого количества танков в составе первого эшелона. Здесь, безусловно, сказывался решительный маневр силами и средствами на направлении главного удара. Атака переднего края осуществлялась преимущественно на танках и лишь в том случае, когда огневые средства в обороне противника оказывались слабоподавленными, пехота спешивалась и во взаимодействии с танками врывалась на передний край.

Сочетание сильного первоначального удара с маневренными и решительными действиями подразделений в ходе наступления (фланговые удары, атака на высоких скоростях, четкое взаимодействие) позволяло прорывать первую позицию с темпом до 2,5 *км/ч*. Так было, например, при прорыве главной полосы обороны подразделениями 9-го гв. механизированного корпуса 6-й гв. танковой армии в Будапештской операции в декабре 1944 г.[2]. Не менее успешно при прорыве первой позиции действовала 20-я гв. танковая бригада 5-го гв. танкового корпуса этой же армии. Нанося мощный удар на переднем крае, батальоны бригады завершили прорыв позиции с темпом свыше 2 *км/ч* [2].

---

[1] ЦАМО, ф. 617, оп. 14550, д. 3, л. 211.
[2] ЦАМО, ф. 339, оп. 77282, д. 1, л. 9.
[3] Там же, оп. 49520, д. 6, л. 33.

Завершение прорыва главной полосы обороны также осуществлялось в более высоких темпах, чем стрелковыми соединениями. Успеху прежде всего способствовало своевременное наращивание усилий в ходе наступления. При этом, если механизированный (танковый) корпус не располагал своими средствами, то усилия могли наращиваться даже за счет вторых эшелонов танковой армии. Например, в Корсунь-Шевченковской операции в январе 1944 г. с учетом того, что после прорыва первой позиции темпы продвижения 5-го механизированного корпуса резко снизились, командующий 6-й танковой армией нарастил усилия вводом в прорыв 5-го гв. танкового корпуса [1]. Но обычно завершение прорыва главной полосы танковый (механизированный) корпус осуществлял своими силами. Так, усилия 20-й гв. танковой бригады 5-го гв. танкового корпуса в Будапештской операции (декабрь 1944 г.) нарастили батальоны 22-й танковой бригады из второго эшелона корпуса. Сопротивление противника было сломлено [2].

В успешном прорыве главной полосы немаловажное значение имели высокие маневренные возможности танковых и механизированных корпусов. С прорывом первой позиции танковые и механизированные корпуса не ввязывались в затяжные бои с противником, оказывавшим сопротивление, а смело обходили опорные пункты, оставляя для блокирования противника часть сил и средств. Более эффективно отражались и контратаки противника. Характерной особенностью было то, что танковые и механизированные соединения, как правило, уничтожали контратакующего противника лишь частью сил, в то время как главные силы стремительно продвигались вперед. Примером тому могут служить действия 9-го гв. механизированного корпуса в Будапештской операции. В то время, как 30-я гв. механизированная бригада отражала контратаку противника с места, 18-я и 31-я механизированные бригады продолжали продвигаться вперед [3], выходя на тылы контратакующей группировки противника.

Таким образом, в отличие от предвоенных взглядов танковые и механизированные корпуса при прорыве главной полосы обороны противника нашли самое широкое применение. Они во многих операциях наращивали силу удара стрелковых дивизий, значительно повышая темпы прорыва главной полосы. В ряде случаев, когда это требовала обстановка, а оборона противника была слабой в противотанковом отношении, танковые (механизированные) корпуса успешно прорывали главную полосу.

Боевые действия танковых и механизированных корпусов, обладавших большей мобильностью и подвижностью по срав-

[1] ЦАМО, ф. 339, оп. 772282, д. 1, л. 9.
[2] Там же, оп. 49520, д. 6, л. 33.
[3] Там же, оп. 5185, д. 2, л. 696—699.

нению со стрелковыми соединениями при завершении прорыва главной полосы, отличались маневренностью и активностью. Особого внимания заслуживает опыт ввода в прорыв танкового (механизированного) корпуса. Последовательное развертывание в предбоевые и боевые порядки, стремительное проникновение в глубину через слабозанятые участки обороны и нанесение поражения врагу фланговыми ударами представляют определенный интерес и в современных условиях. Прорыв главной полосы обороны противника танковыми (механизированными) корпусами осуществлялся в более высоких темпах, чем стрелковыми дивизиями. Это обусловливалось тем, что танковые и механизированные соединения привлекались для наступления в составе первого эшелона, обычно на оборону, слабоподготовленную в инженерном и противотанковом отношении, а также более маневренными возможностями этих соединений. В связи с полной моторизацией войск, насыщением их танками, более высокими возможностями подавления обороны противника огневыми средствами боевой опыт прорыва главной полосы обороны танковыми и механизированными корпусами в годы минувшей войны приобретает в современных условиях особую ценность.

7. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОРЫВА ТАКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА

Прорыв второй полосы обороны противника стрелковыми соединениями

Перед Великой Отечественной войной советская военная теория, исходя из анализа тенденций развития обороны немецко-фашистских войск, выработала принципиальные взгляды на завершение прорыва тактической обороны, состоящей из двух оборонительных полос. Овладеть второй оборонительной полосой считалось необходимым и возможным, прежде чем противник сумеет организовать на ней оборону. Если противник успел заблаговременно занять вторую полосу и она к тому же недостаточно разведана, то прорыв ее предусматривался после необходимой перегруппировки [1].

Следует подчеркнуть, что накануне войны, учитывая боевые возможности соединений, признавалось необходимым осуществлять прорыв тактической глубины обороны противника в первый же день операции [2].

В начале Великой Отечественной войны тактическая зона обороны противника состояла из одной главной полосы, что

---

[1] См.: Общая тактика, 1940, т. 1, с. 133.

[2] См.: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 103.

в условиях общего превосходства немецко-фашистских войск в силах и средствах обеспечивало ее достаточную устойчивость. Однако уже зимнее (1941/42 г.) наступление советских войск вынудило противника увеличивать тактические плотности, сужать полосы обороны пехотных соединений, что явилось предпосылкой для создания второй полосы обороны в корпусах первого эшелона на некоторых, наиболее важных направлениях. Поэтому уже начиная с летне-осенней кампании 1942 г. советским войскам приходилось решать проблему завершения прорыва тактической зоны обороны противника, т. е. организовывать прорыв или захват второй полосы его обороны.

Во втором и в третьем периодах войны прорыв глубокой тактической зоны (до 16 *км*) обороны противника стал обычным явлением. Основным требованием советских уставов попрежнему оставалось стремление захватить вторую полосу передовыми отрядами корпусов с ходу немедленно после прорыва главной полосы обороны. Вместе с тем, учитывая опыт боевых действий, в ходе войны в Полевой устав 1943 г. (проект) и другие руководящие документы были включены и положения о прорыве второй полосы с подготовкой в ограниченные сроки, а в дальнейшем и с планомерной подготовкой.

«Наступление противника, отходящего на подготовленный оборонительный рубеж, уже занятый резервами (хотя бы развернутыми на широком фронте), требует более тщательной подготовки. В зависимости от характера обороны наступление ведется или способами, приближающимися к наступлению на подготовленную оборону в полевых условиях, или способами атаки противника, остановившегося на неподготовленном к обороне рубеже. Во всех случаях подготовка наступления не должна занимать более одних суток» [1]. «Прорыв второй полосы обороны, когда она заблаговременно занята сильными резервами противника, производится с планомерной подготовкой, но в максимально сжатые сроки (1—2 дня)» [2].

Изменились также взгляды на роль подвижных войск при прорыве тактической зоны обороны противника. Признавалась необходимость их участия в завершении прорыва второй полосы обороны.

Таким образом, в годы войны советская военная теория предусматривала три способа прорыва второй полосы обороны противника: с ходу, с подготовкой в ограниченные сроки и с планомерной подготовкой.

Решение проблемы завершения прорыва тактической зоны обороны противника шло по пути совершенствования спосо-

---

[1] Полевой устав Красной Армии. Проект, 1944, ст. 330.

[2] Наставление по прорыву позиционной обороны, ст. 277.

бов прорыва второй полосы обороны: от прорыва с планомерной подготовкой к прорыву с подготовкой в ограниченные сроки и к прорыву полосы обороны с ходу. Следует также подчеркнуть, что оно было самым тесным образом связано с решением проблемы прорыва главной полосы обороны. Чем дольше прорывалась главная полоса, тем, как правило, большие усилия требовались и для прорыва второй полосы обороны. Существенное влияние оказывало также применение для прорыва тактической зоны обороны бронетанковых и механизированных войск из состава подвижных групп армий или фронтов.

Конечно, развитие способов прорыва второй полосы обороны противника не являлось в годы войны процессом необратимым и поступательным. В зависимости от наличия сил и средств, местности, военного искусства сторон и других условий в тех или иных операциях все три способа завершения прорыва тактической зоны обороны противника имели место в различные периоды войны. И тем не менее это развитие в годы войны довольно определенно выявляется как тенденция.

К прорыву второй полосы обороны противника с планомерной подготовкой наши войска были вынуждены прибегать в тех случаях, когда противник подходящими резервами и отходящими войсками успевал занять и подготовить вторую полосу обороны до выхода к ней передовых отрядов наших войск, а наступающие советские части и соединения были значительно ослаблены в ходе боев по проыву главной полосы обороны. Чаще всего это происходило на тех направлениях, где стрелковые войска прорывали главную полосу обороны своими силами, без привлечения подвижных групп армий и фронтов и где, как правило, эта полоса прорывалась в течение двух и более дней. Такое развитие событий было наиболее характерно для наступательных операций летне-осенней кампании второго периода войны, а для фронтов северо-западного направления — и в третьем периоде войны.

Следует сказать, что на выбор способов прорыва второй полосы обороны противника существенное влияние оказывали действия войск при выходе к ней. Так, 30-й гв. стрелковый корпус 21-й армии в Выборгской операции прорвал главную полосу обороны в первый день операции (10 июня 1944 г.), а затем в течение трех дней преодолевал сопротивление противника между первой и второй полосами, что позволило противнику занять вторую полосу оперативными резервами. В результате этого прорыв второй полосы обороны также продолжался три дня.

Наконец, вторую полосу приходилось прорывать с планомерной подготовкой в тех случаях, когда противник заблаговременно отводил свои главные силы с первой полосы и сос-

редоточивал основные усилия на удержании второй, а также соединениям, наступающим на второстепенных направлениях, где прорыв тактической зоны обороны противника завершался фактически с началом отхода противника под влиянием действий войск на главных направлениях.

Следует отметить, что прорыв второй полосы обороны противника с планомерной подготовкой при подготовке наступательных операций практически не планировался, к нему вынужденно прибегали уже в ходе боевых действий. При выходе войск ко второй полосе делались, как правило, попытки прорвать ее с ходу; при неуспехе атаки повторялись после некоторой подготовки до тех пор, пока их нецелесообразность не становилась очевидной и наступление на вторую полосу откладывалось. Это допускалось только по решению старшего начальника. Им же устанавливалось и время на подготовку наступления.

В период планомерной подготовки к прорыву второй полосы обороны проводилась такая же работа, как и при подготовке прорыва заблаговременно подготовленной обороны противника, только в более короткие сроки. Важнейшей задачей являлось вскрытие группировки противника, системы его огня и заграждений. В тех случаях, когда подготовке наступления предшествовали безуспешные атаки второй полосы с ходу, они в значительной степени играли роль разведки боем.

Другой важной задачей являлось создание новой группировки войск. Это вызывалось следующими причинами:

— уже в ходе прорыва главной полосы, стремясь прорвать вторую полосу обороны противника с ходу, командиры соединений использовали свои резервы и вторые эшелоны, поэтому при подготовке нового наступления необходимо было их восстановить;

— группировка артиллерии с выходом ко второй полосе часто была ослаблена тем, что некоторая часть артиллерии, привлекаемая только к артиллерийской подготовке, в прорыве второй полосы обороны уже не участвовала, часть артиллерии отставала, не успевала перемещаться в новые районы, а полосы наступления расширялись и, таким образом, плотность артиллерии уменьшалась;

— с выходом ко второй полосе обороны значительно снижалась плотность танков непосредственной поддержки пехоты. Поэтому при подготовке прорыва второй полосы обороны требовалось усиливать стрелковые соединения танками непосредственной поддержки пехоты либо привлекать подвижные группы.

Третьей важной задачей при подготовке прорыва второй полосы являлась организация всестороннего обеспечения наступления. В связи с возрастанием объема задач, изменениями в группировке войск и общим ходом боевых действий глав-

ное внимание уделялось уточнению организации разведки и материального обеспечения.

Боевые действия при прорыве второй полосы обороны после планомерной подготовки велись так же, как и при прорыве главной полосы обороны.

Так, в ходе Смоленской наступательной операции Западного фронта (август 1943 г.) 247-я стрелковая дивизия 10-й армии севернее г. Кирова, перейдя с утра 10 августа в наступление, в течение первого дня прорвала главную полосу обороны, но на другой день была остановлена перед второй полосой.

Недостаточная плотность артиллерии и недостаток боеприпасов (расход на второй день планировался 0,5 *бк*, тогда как на первый день 1,6 *бк*), а также потери, понесенные при прорыве главной полосы обороны, не позволили дивизии развить успех, и она в течение двух дней готовила новое наступление. В течение 11 и 12 августа командир дивизии организовал перемещение артиллерии и поставил ей задачи, уточнил задачи полкам, а 12 августа организовал взаимодействие с командиром механизированной бригады 5-го механизированного корпуса, перегруппированной по приказу командующего армией в полосу дивизии.

Однако и противник за это время значительно усилил свою оборону на второй полосе, и 247-я стрелковая дивизия эту полосу прорывала в течение трех дней [1].

Конечно, такой способ действий при завершении прорыва тактической зоны обороны противника не обеспечивал решительного его разгрома, а приводил лишь к «выталкиванию» противника. Поэтому советское командование принимало меры к повышению темпов прорыва тактической зоны обороны. Это достигалось как всемерным усилением стрелковых соединений, так и главным образом привлечением к прорыву тактической зоны обороны противника подвижных групп армий и фронтов.

Прорыв второй полосы обороны противника с подготовкой в ограниченные сроки, как показал опыт, являлся основным в годы войны. Он применялся, как правило, тогда, когда на прорыв главной полосы обороны войска затрачивали не более суток. В этих случаях противник, хотя и успевал отвести часть сил из главной полосы обороны на вторую, однако достаточного времени на организацию обороны не имел и, кроме того, зачастую не успевал подводить ко второй полосе свои резервы. Этот способ был наиболее характерен для тех операций, в которых для завершения прорыва главной полосы обороны привлекались подвижные группы армий или даже фронтов либо эти группы вводились для прорыва второй полосы обороны противника.

---

[1] См.: *Истомин В. П.* Смоленская наступательная опрация. М., Воениздат. 1975, с. 92—94.

Прорыв второй полосы обороны с подготовкой в ограниченные сроки так же, как и прорыв ее с планомерной подготовкой, при планировании боевых действий редко предусматривался как основной способ действий. Решения командиров всех степеней пронизывало стремление завершить прорыв тактической зоны обороны противника с ходу. Поэтому при определении задач стрелковым соединениям задачей первого дня боя стрелковой дивизии во втором и третьем периодах войны и последующей задачей стрелкового корпуса в третьем периоде войны ставилось прорвать тактическую зону обороны противника. Вместе с тем возможность прорыва второй полосы не с ходу, а с кратковременной подготовкой с учетом боевого опыта предусматривалась как вариант действий. Фактически в ходе боевых действий этот вариант, как правило, и становился основным.

При подготовке прорыва второй полосы в короткие сроки необходимо было решить те же основные задачи, что и при планомерной подготовке: вскрыть группировку противника, создать необходимую группировку своих войск, обеспечить боевые действия материально. Недостаток времени затруднял решение этих вопросов. Однако и противник не успевал подготовить устойчивую оборону и значительно чаще допускал ошибки и просчеты в условиях, когда инициатива находилась в руках советских войск.

Борьба за вторую полосу обороны осуществлялась следующим образом. После прорыва главной полосы обороны противник стремился отвести свои войска на вторую полосу. В этот период предусматривалось выделять от корпуса первого эшелона один-два передовых отряда «из моторизованной пехоты, танков, артиллерии и саперов»[1]. Фактически в годы войны по распоряжению командиров корпусов передовые отряды выделялись по одному от дивизий первого эшелона. В состав передовых отрядов включались: до батальона пехоты на автомобилях, батарея или дивизион артиллерии на мехтяге, саперные подразделения. Эти передовые отряды стремились, не ввязываясь в бой с отходящими частями противника, а обходя их, выдвигаться ко второй полосе, с ходу врываться в нее и удерживать захваченные участки до подхода главных сил дивизии. Подразделения и части первого эшелона дивизии продвигались вслед за передовыми отрядами в готовности развить успех их наступления. Если передовым отрядам не удавалось захватить участок на второй полосе, то части первого эшелона дивизии после подхода к ней немедленно начинали наступление совместно с передовыми отрядами. Если и в этом случае не достигался прорыв второй полосы, то атака ее готовилась и осуществлялась уже с утра второго дня боя.

---

[1] Полевой устав Красной Армии. Проект. М., 1943, ст. 234.

Командиры соединений и частей в течение ночи ставили боевые задачи войскам, уточняли группировку противника, подтягивали артиллерию, вторые эшелоны, резервы и в отдельных случаях проводили частичную перегруппировку. С утра второго дня наступления после 20—30-минутной артиллерийской и авиационной подготовки начиналась атака противника, оборонявшегося на второй полосе. При прорыве этой полосы стрелковые дивизии строили свои боевые порядки в один или в два эшелона. При одноэшелонном построении дивизий боевые порядки полков были двухэшелонными. Вторая полоса, как и первая, требовала обычно последовательного овладения ею. Однако прорыв ее на всю глубину являлся в большинстве случаев ближайшей задачей дивизий (а не корпусов). Вторые эшелоны корпусов получали задачу на развитие прорыва и расширение его в стороны флангов в целях окружения и уничтожения основной группировки противника.

Управление артиллерией при прорыве второй полосы обороны централизовалось в масштабе дивизий и корпусов. В тех случаях, когда прорыв второй полосы обороны осуществлялся стрелковыми соединениями совместно с подвижными группами армий, взаимодействие между ними заключалось либо в совместной атаке позиций противника, либо в замене наступающих соединений бронетанковых войск стрелковыми частями и соединениями. При этом часть сил танкового (механизированного) корпуса привлекалась для поддержки пехоты, а основные силы находились в готовности развить успех наступления.

Характерным примером боя за вторую полосу является бой 8-го гв. стрелкового корпуса 11-й гв. армии в Орловской наступательной операции в июле 1943 г. (схема 5) [1].

В первый день боя (12.7 1943 г.) 11-я и 83-я гв. стрелковые дивизии — первый эшелон корпуса во взаимодействии с 5-м танковым корпусом — подвижной группой 11-й гв. армии прорвали главную полосу обороны противника и вышли ко второй оборонительной полосе. Ширина полосы наступления корпуса увеличилась с 4 до 6 *км*. Однако второй эшелон корпуса (26-я гв. стрелковая дивизия) в бой не вводился ввиду того, что стрелковые полки дивизий первого эшелона, начавшие наступление в трехэшелонном построении, вводом в бой вторых и третьих эшелонов были в состоянии поддерживать необходимую плотность войск. 43-я гв. танковая бригада, введенная в бой за третью позицию главной полосы обороны противника, действовала с 11-й гв. стрелковой дивизией, а 2-й гв. танковый полк прорыва — с 83-й гв. стрелковой дивизией. В течение ночи было уточнено взаимодействие между

---

[1] См.: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 240—241.

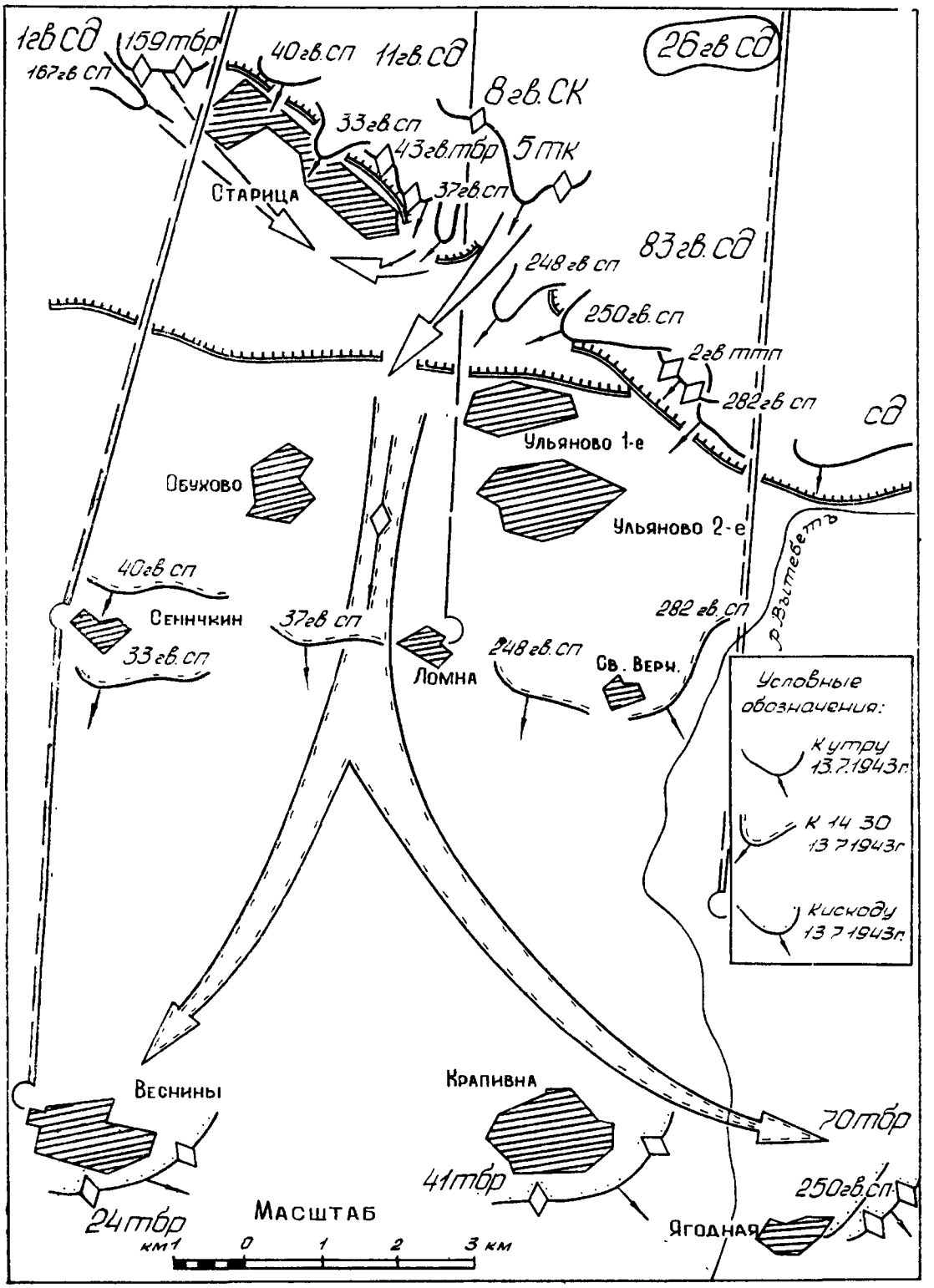


Схема 5. Прорыв второй полосы обороны противника 8-м гв. стрелковым корпусом в Орловской операции (июль 1943 г.)

8-м гв. стрелковым и 5-м танковым корпусами, действовавшими в одной полосе, и с утра 13.7 1943 г. после 10-минутного огневого налета началась атака.

40-й и 33-й гв. стрелковые полки 11-й гв. стрелковой дивизии, взаимодействуя с частями 1-й гв. стрелковой дивизии 16-го гв. стрелкового корпуса, вели наступление на сев. окраину Старицы. 37-й гв. стрелковый полк с 43-й гв. танковой бригадой обходил Старицу с юго-востока. В обход Старицы с юго-запада наступал 167-й гв. стрелковый полк 1-й гв. стрелковой дивизии с 159-й танковой бригадой 1-го танкового корпуса. Этот удачный и своевременный маневр привел к полному разгрому противника в сильном узле сопротивления.

Одновременно 83-я гв. стрелковая дивизия, взаимодействуя с 11-й гв. стрелковой дивизией, обходом с запада разгромила противника в районе Ульяново 1-е. После этого 5-й танковый корпус с передовым отрядом 8-го гв. стрелкового корпуса (250-й гв. стрелковый полк 83-й гв. стрелковой дивизии) стремительно стал продвигаться на юг. Таким образом, к исходу второго дня вторая полоса обороны была прорвана. При этом 24-я танковая бригада 5-го танкового корпуса овладела районом Веснины, 41-я танковая бригада — районом Крапивна, а 70-я танковая бригада с 250-м гв. стрелковым полком форсировала реку Вытебеть и овладела районом Ягодная.

В Львовско-Сандомирской операции (май 1944 г.) 322-я стрелковая дивизия 15-го стрелкового корпуса 60-й армии прорвала вторую полосу обороны совместно с 69-й механизированной бригадой 9-го механизированного корпуса 3-й гв. танковой армии. Организация взаимодействия этих соединений осуществлялась штабом 60-й армии и заключалась: в определении рубежа ввода бригады в бой в полосе дивизии; организации подавления артиллерией дивизии противотанковых средств и артиллерии противника в интересах бригады; обеспечении саперами дивизии преодоления танками минных заграждений; установлении времени, сигналов и порядка одновременной атаки противника. В результате согласования усилий дивизия совместно с механизированной бригадой прорвала полосу оборону и продолжала развивать наступление [1].

Приведенные примеры показывают, что прорыв второй полосы обороны противника с подготовкой в ограниченные сроки обеспечивал более выгодные условия для дальнейшего наступления войск, создавал лучшие условия для гибкого маневра на поле боя, после него войска обычно переходили в преследование.

Завершение прорыва тактической зоны обороны противника с ходу являлось наиболее

---

[1] ЦАМО, ф. 315, оп. 4440, д. 329, л. 18.

эффективным способом действий войск. Уставами он предусматривался как основной способ прорыва второй полосы обороны противника. Однако в практике боевых действий войск в годы войны такой способ применялся значительно реже, чем прорыв с подготовкой в ограниченные сроки. Тем не менее с возрастанием боевой мощи соединений и объединений Вооруженных Сил, с ростом воинского мастерства советских командиров все сильнее проявлялась тенденция к постоянному увеличению числа случаев прорыва второй полосы обороны с ходу. Наиболее характерным это было для летне-осенней кампании 1944 г. и кампании 1945 г. в Европе, причем в подавляющем большинстве таких случаев в завершении прорыва главной полосы обороны принимали участие подвижные группы армий.

Вместе с тем опыт наступательных боев и операций третьего периода войны дает примеры завершения прорыва тактической зоны обороны противника с ходу силами только стрелковых соединений. Так, в Ясско-Кишиневской наступательной операции 35-й гв. и 104-й стрелковые корпуса 27-й армии, прорвав главную полосу обороны, к 11.00 20 августа успешно развивали наступление и к 14.00 этого же дня с ходу прорвали вторую полосу обороны. Быстрое завершение прорыва тактической зоны обороны противника позволило ввести 6-ю танковую армию — подвижную групу фронта в так называемый «чистый прорыв», т. е. практически подтвердить возможность выполнения тех требований, которые ставила в это время наша советская военная теория.

Своими силами в первый день операции прорвали тактическую зону обороны противника и соединения 5-го гв. стрелкового корпуса 39-й армии в Белорусской операции (23.6.1944 г.). И хотя таких примеров в годы войны насчитывалось немного, именно они отражали то новое, передовое, к чему шло развитие искусства прорыва тактической зоны обороны противника.

Опыт боевых действий соединений, с ходу завершивших прорыв тактической зоны обороны противника самостоятельно или во взаимодействии с подвижными войсками, свидетельствует о том, что успех прорыва второй полосы решающим образом зависел от успеха действий соединений при прорыве главной полосы обороны. Быстрый прорыв главной полосы обороны создавал условия для упреждения отходящего противника в выходе на вторую полосу обороны. Немаловажную роль играли и действия частей и соединений после прорыва главной полосы. Как показал опыт, успешному решению этой задачи способствовали: своевременная высылка и решительные действия передовых отрядов, назначенных для захвата участков второй полосы обороны; создание необходимой группировки войск, и прежде всего перемещение артиллерии;

организация огневого подавления противника, воспрещение ему организованного перехода к обороне; организация и поддержание взаимодействия стрелковых соединений; поддержание непрерывного и твердого управления войсками. Прорыв второй полосы обороны противника с ходу, как правило, обеспечивал войскам переход в преследование и успешный прорыв третьей (армейской) оборонительной полосы.

Так, в 35-м гв. стрелковом корпусе 27-й армии в Ясско-Кишиневской операции (схема 6) уже в ходе прорыва главной полосы обороны как только обозначился успех был выслан передовой отряд от 3-й гв. воздушно-десантной дивизии в составе 2-го гв. стрелкового полка. Кроме того, 27-я танковая бригада, действовавшая при прорыве первой и второй позиций главной полосы обороны в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, была теперь использована в качестве передового отряда корпуса. Стремительные действия передовых отрядов обеспечили захват переправы на реке Бахлуй, по южному берегу которой проходила вторая оборонительная полоса, а затем и прорыв второй полосы обороны. К 14.00 20 августа 3-я гв. воздушно-десантная дивизия завершила прорыв тактической обороны противника и способствовала прорыву второй полосы обороны соседней, 180-й стрелковой дивизией. Таким образом, 35-й гв. стрелковый корпус своими силами без привлечения подвижных войск армии или фронта в первый день боя прорвал тактическую зону обороны и обеспечил ввод в сражение соединений 6-й танковой армии. Существенную роль сыграло своевременное перемещение штатной, приданной и поддерживающей артиллерии. Так, в ходе боя батальонная и полковая артиллерия перемещалась в боевых порядках пехоты, а дивизионная артиллерия с выходом главных сил дивизий к реке Бахлуй уже сумела огневым налетом обеспечить атаку второй полосы [1].

Особенности прорыва второй полосы обороны противника соединениями бронетанковых и механизированных войск

Как уже отмечалось, танковые и механизированные корпуса планировалось вводить для завершения прорыва главной полосы обороны противника либо за вторую полосу. Однако во всех случаях для них предусматривался прорыв второй полосы обороны противника с ходу. На практике это не всегда удавалось, и тогда вторая полоса прорывалась с подготовкой в ограниченные сроки, как правило, с утра следующего дня наступления.

Во втором периоде войны богатый опыт применения танковых и механизированных корпусов для завершения прорыва

---

[1] См.: Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями, с. 185—186.

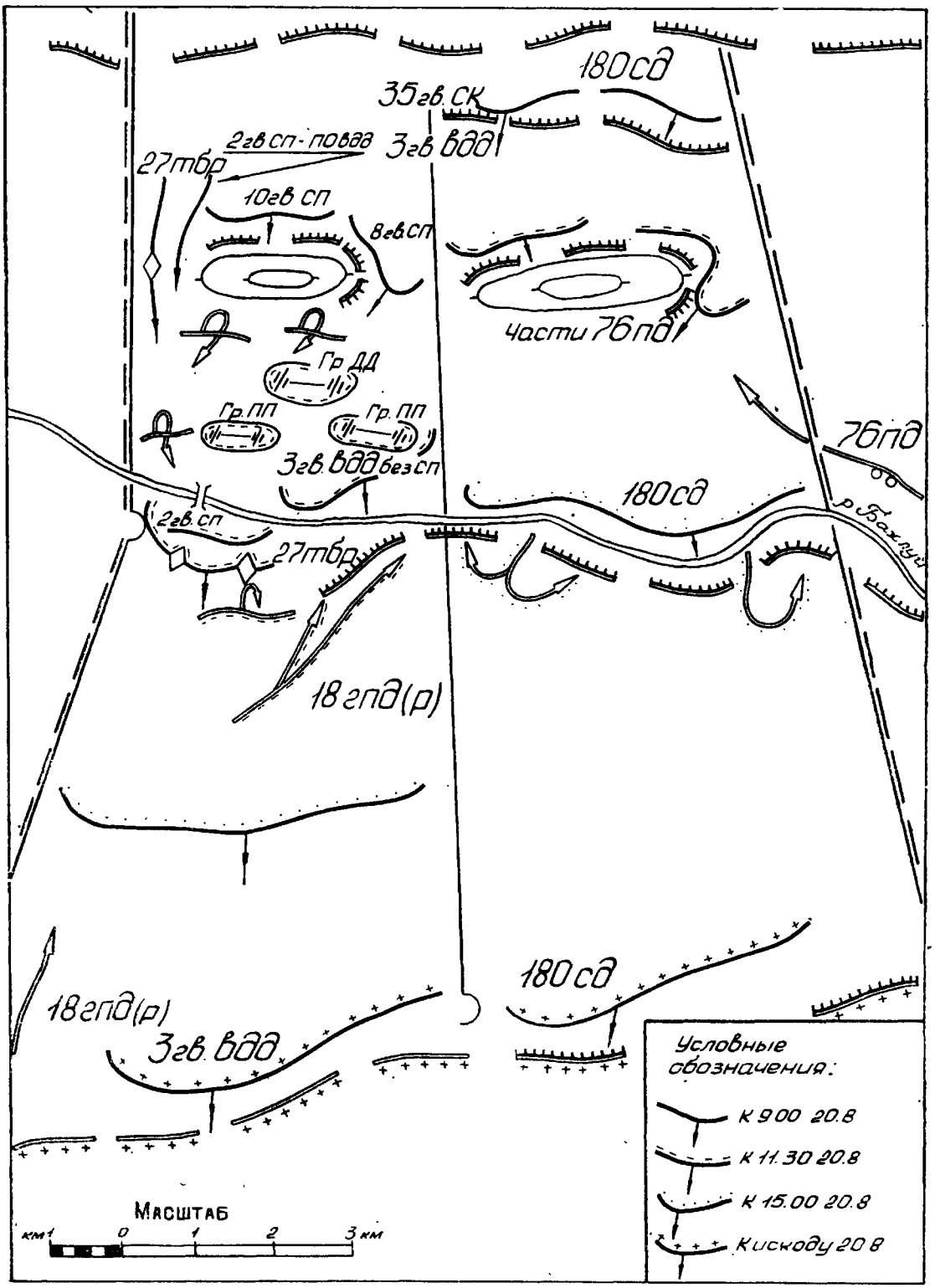


Схема 6. Прорыв второй полосы обороны противника 35-м гв. стрелковым корпусом в Ясско-Кишиневской операции (август 1944 г.)

тактической зоны обороны противника был получен в Орловской и Белгородско-Харьковской, а также частично в Смоленской, Киевской и Донбасской наступательных операциях.

Как показал опыт этих операций, подвижные группы армий были введены в прорыв почти во всех армиях при бое за третью позицию главной полосы обороны в первый же день боевых действий. Это способствовало успешному завершению прорыва главной полосы обороны противника, после чего советские войска к исходу первого дня или в течение ночи выходили ко второй полосе и готовили ее прорыв в ограниченные сроки. При этом в завершении прорыва второй полосы принимала участие только часть сил танкового (механизированного) корпуса. Главные силы нередко выводились из боя и имели задачу развить успех стрелковых соединений после прорыва второй полосы, как это видно из уже приведенного примера с 5-м танковым корпусом 11-й гв. армии (схема 5).

Однако в ряде случаев танковые (механизированные) корпуса вводились в бой за вторую полосу всеми главными силами, как правило, действуя совместно со стрелковыми соединениями.

В наступательных операциях третьего периода войны применение танковых и механизированных корпусов для завершения прорыва тактической зоны обороны получило дальнейшее развитие. Его основными направлениями являлись: все более широкое и умелое применение передовых отрядов; повышение маневренности корпусов, изменение направлений ударов в ходе операции в зависимости от обороны противника; улучшение взаимодействия со стрелковыми соединениями и авиацией.

Передовые отряды от танковых (механизированных) корпусов высылались, как правило, в составе усиленной танковой (механизированной) бригады. В качестве усиления этим бригадам придавались до тяжелого танкового полка, одна-две зенитные батареи, одна-две саперные роты. Задачами передовых отрядов являлось участие вместе со стрелковыми соединениями в завершении прорыва главной полосы обороны и обеспечение развертывания главных сил корпусов для прорыва второй полосы обороны. Передовые отряды должны были вдвигаться непосредственно за пехотой на удалении 1—2,5 *км*, имея впереди в боевых порядках пехоты офицеров-наблюдателей на танках, и поддерживать в случае необходимости стрелковые части, действуя в качестве танков непосредственной поддержки пехоты. После прорыва главной полосы они стремительно выдвигались ко второй полосе, захватывали указанные рубежи или плацдармы, обеспечивали ввод корпусов в сражение. Такие действия были характерны, в частности, для 4-го гв., 31-го и 25-го танковых корпусов — подвижных групп 5-й и 3-й гв. армий в Висло-Одерской операции, что по-

зволило им уже в ночь на второй день операции преодолеть вторую полосу обороны.

Большое значение имело своевременное использование обозначившегося успеха на других направлениях, а также промежутков в обороне противника.

Так, 11-й танковый корпус 69-й армии 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской операции, введенный в сражение в первый день, к 16.00 14 января 1945 г. во взаимодействии с соединениями 61-го стрелкового корпуса завершил прорыв главной полосы обороны противника. Противник оказал сопротивление лишь в отдельных населенных пунктах. В этих условиях необходимо было использовать образовавшиеся промежутки в обороне врага для обхода его опорных пунктов и развития наступления ко второй полосе. Командир корпуса приказал первому эшелону корпуса (20-я и 65-я танковые бригады) не ввязываться в бой с подразделениями прикрытия и как можно быстрее выходить ко второй полосе. В результате умелого маневра танковые бригады к 21.00 прорвали вторую полосу обороны противника на фронте 8—9 *км,* овладев важным узлом сопротивления г. Зволень [1].

Широко практиковался маневр танковыми соединениями и в других операциях. Например, командир 9-го танкового корпуса 3-й ударной армии в Берлинской операции в ходе боевых действий перегруппировал в полосу 150-й стрелковой дивизии, 79-го стрелкового корпуса, где обозначился успех при прорыве главной полосы обороны, кроме действовавшей там 23-й танковой бригады и остальные бригады корпуса (95-ю и 108-ю танковые, 8-ю мотострелковую) и на новом направлении осуществил прорыв второй полосы обороны.

Нередко в ходе наступательных операций советским войскам приходилось прорывать вторую полосу обороны, расположенную за водной преградой. В этих условиях в применении танковых и механизированных корпусов появлялись дополнительные трудности. Танковые части и подразделения, выйдя ко второй полосе, не могли форсировать водную преграду с ходу. Как правило, танки, заняв огневые рубежи на своем берегу реки, огнем с места обеспечивали форсирование водной преграды подразделениями мотострелковых (механизированных) бригад или стрелковыми соединениями, а затем, после захвата плацдарма и наводки мостов, переправлялись на противоположный берег.

В целом в наступательных операциях Великой Отечественной войны были практически проверены основные принципы применения соединений бронетанковых и механизированных войск для завершения прорыва тактической зоны обороны противника. Ввод танковых и механизированных корпусов в

---

[1] ЦАМО, ф. 476, оп. 67389, д. 1, л. 21.

сражение для решения этой задачи в конкретных условиях складывавшейся в годы войны обстановки, когда стрелковые соединения с выходом их ко второй полосе нуждались в усилении их танками непосредственной поддержки пехоты и другими средствами подавления противника, подтвердил целесообразность подобного их использования. Это значительно повышало темпы наступления и создавало благоприятные условия для быстрого выдвижения подвижных групп в оперативную глубину.

Таким образом, совершенствование искусства советских войск по завершению прорыва тактической зоны обороны противника выражалось в изыскании различных способов и сокращении сроков прорыва второй полосы обороны противника.

Прорыв второй полосы обороны осуществлялся с планомерной подготовкой или с подготовкой в ограниченные сроки, а также с ходу как силами только стрелковых соединений, так и во взаимодействии их с танковыми (механизированными) корпусами. Иногда подвижные соединения прорывали вторую позицию самостоятельно. Основным наиболее часто применявшимся способом прорыва в годы минувшей войны являлся прорыв с подготовкой в ограниченные сроки, когда войска прорывали главную полосу обороны в течение первого дня, а вторую полосу — с утра второго дня боя. Завершить преодоление тактической зоны обороны с ходу, несмотря на постоянное стремление к этому командиров всех степеней, удавалось значительно реже. Это объяснялось: сравнительно низкими темпами прорыва главной полосы обороны противника; недостаточно надежным подавлением противника на второй полосе до выхода к ней главных сил наступающих войск; ограниченными возможностями средств и органов разведки для своевременного выявления группировки противника на второй полосе; низкой подвижностью стрелковых войск. Все эти вопросы были учтены в практике подготовки войск в последующие годы и нашли свое решение как в изменениях их организационно-штатной структуры, так и в дальнейшем развитии теории ведения наступательного боя.

8. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОПЕРАТИВНОЙ ГЛУБИНЕ

По предвоенным взглядам, войска, наступавшие в оперативной глубине вражеской обороны, должны были решать ряд задач, в том числе вести преследование противника, борьбу с его резервами, занимавшими оборону на промежуточных рубежах или наносившими контрудары (контратаки), осуществлять форсирование водных преград. Опыт Великой Отечественной войны подтвердил правильность этих положений. Он

показал, что наиболее характерным при ведении боевых действий в глубине вражеской обороны были сочетание различных форм разгрома группировок противника и нередко быстрая их смена в зависимости от условий обстановки.

Преследование противника

В годы войны условия для преследования противника в целях завершения его разгрома, т. е. наступление на отходящего противника, чаще всего возникали после прорыва тактической зоны обороны или армейского рубежа, когда противник, понеся большие потери и не имея сил для удержания занимаемых рубежей, был вынужден отходить. Примерами таких условий перехода в преследование являются действия стрелковых соединений и соединений бронетанковых и механизированных войск в августе — ноябре 1943 г. (битва за Днепр), а также в целом ряде других операций второго и третьего периодов войны. Иногда оборонявшийся противник отводил свои войска преднамеренно, ведя сдерживающие боевые действия. Так было в районе Ржева и Демянска в феврале — марте, на Северном Кавказе в январе — апреле, в Орловской операции в июле 1943 г. В этих условиях боевые действия противника были основаны на принципе ведения маневренной «эластичной» в его терминологии) обороны. Главные силы отводились скачками на расстояние 25—30 *км*. Противник прикрывался сильными арьергардами, усиливая промежуточные рубежи инженерными заграждениями и препятствиями. Чаще всего отход главных сил начинался с наступлением темноты. Во второй половине ночи отводились отряды прикрытия. Последующие боевые действия противник вел на промежуточных рубежах арьергардами или главными силами. В ряде случаев результатом перехода в преследование был благоприятный для советских войск исход встречных сражений и боев с подошедшими резервами противника. Это было наиболе типичным для операций третьего периода войны (Висло-Одерская и другие операции), когда противник оперативными и оперативно-стратегическими резервами наносил контрудары, пытаясь восстановить свою оборону.

Следовательно, условия возникновения преследования отличались большим разнообразием. Общим же было то, что оно должно было развиваться в высоких темпах. Только в этом случае создавалась реальная возможность упреждать противника в его стремлении закрепиться на выгодных естественных или же заранее подготовленных в инженерном отношении рубежах. Наиболее результативно задачи преследования решались соединениями бронетанковых и механизированных войск, действовавшими в тесном взаимодействии с другими родами войск и при активной поддержке авиации. Об этом свидетельствуют данные приложения 11. Именно поэтому приоб-

ретенный ими боевой опыт представляет наибольший интерес и для современных условий вооруженной борьбы.

Организация преследования зимой 1941/42 г. командирами и штабами соединений бронетанковых и механизированных войск осуществлялась, как правило, непосредственно в ходе боя с момента обнаружения отхода противника. Командирам армейских подвижных групп, в составе которых действовали соединения бронетанковых и механизированных войск, указывались направления действий, иногда способы разгрома противника. На основе полученных задач и оценки обстановки командиры соединений принимали решения, штабы отдавали необходимые распоряжения по радио (в 145-й танковой бригаде 16-й армии в декабре 1941 г.) или через офицеров связи (в 1-й гв. и 17-й танковых бригадах 16-й армии) [1]. Взаимодействие организовывалось при постановке задач подчиненным. Тогда же выделялись передовые отряды, которые немедленно приступали к ведению преследования противника, как правило, на одном из направлений действий бригад.

Во втором периоде войны задачи соединениям бронетанковых и механизированных войск на преследование стали определяться накануне перехода в наступление при организации боевых действий. В ходе прорыва вражеской обороны они лишь уточнялись. Заранее готовились передовые отряды. Состав их (см. прил. 11) значительно изменился, в результате чего повысились огневые, ударные и маневренные возможности. Кроме того, для удержания узлов дорог, переправ и других важных объектов на путях отхода противника стали чаще выделяться боковые отряды и заслоны силой от усиленной роты до батальона [2]. Большее внимание уделялось организации разведки. Эту задачу в танковых и механизированных корпусах решали разведывательные отряды (мотоциклетный батальон, усиленный артиллерией), разведывательные группы (один-два взвода мотоциклистов и отделение саперов) и разведывательные дозоры в составе взвода танков, двух-трех бронемашин, отделений автоматчиков и саперов. Следовательно, проводилась более качественная подготовка войск к предстоящим действиям, что резко сокращало затраты времени на переход в преследование и повышало его эффективность.

В третьем периоде войны новым было то, что наряду с определением корпусам и бригадам общей задачи на 3—5 суток она стала конкретизироваться по дням с указанием рубежей или объектов овладения на каждые сутки боя, как это было, например, в 11-м танковом корпусе в ходе Висло-Одерской операции [3]. В решении на преследование командир кор-

[1] ЦАМО, ф. 373, оп. 11850, д. 4, л. 16—19.
[2] ЦАМО, ф. 307, оп. 4148, д. 410, л. 660.
[3] ЦАМО, ф. 675, оп. 81151, д. 1, л. 18.

пуса определял замысел действий, боевой порядок, задачи бригад, порядок взаимодействия, основы организации управления и материально-технического обеспечения. Еще большее внимание уделяется организации разведки в целях своевременного обнаружения отхода противника. Делалось это не только наземными средствами, но и постановкой задач авиации, оперативно переподчиняемой соединениям. С большей тщательностью готовились к преследованию войска и штабы в подготовительный период операции.

Преследование велось различными способами.

Зимой 1941/42 г. наиболее характерным было фронтальное преследование. Объяснялось это недостаточным опытом, а главное, отсутствием соединений, обладавших значительными огневыми, маневренными и ударными возможностями. Определенное влияние на характер ведения преследования оказывали и условия многоснежной зимы. Очень редко к тому же практиковалось выделение передовых отрядов. Если же они и создавались, то их состав был такой, что не позволял оказывать существенное влияние на ход боевых действий. Так решались задачи в декабре 1941 г. 8-й и 21-й танковыми бригадами 30-й и 1-й ударной армий на клинском направлении, 24-й и 31-й танковыми бригадами 20-й армии, наступавшими на Солнечногорск, 112-й танковой бригадой 50-й армии в Калужской операции [1]. Подобные действия приводили чаще всего к выталкиванию противника. Последовательно закрепляясь на промежуточных рубежах, вражеские части и подразделения оказывали постоянное сопротивление советским войскам, резко снижая темпы преследования.

Во втором периоде войны шире практиковалось параллельное преследование. Особенно это было характерно для соединений, участвовавших в битве за Днепр (август — декабрь 1943 г.). Наибольшего развития отмеченный способ получил при ведении боевых действий в третьем периоде войны. Тогда же во взаимодействии со стрелковыми войсками танковые (механизированные) корпуса решали задачи преследования комбинированным способом. Так было, например, при ведении боевых действий соединениями 11-го танкового корпуса и стрелковыми дивизиями 69-й армии в Висло-Одерской операции [2]. В ряде случаев в операциях третьего периода войны танковые (механизированные) корпуса переходили в преследование с рубежа ввода в сражение, т. е. после того, как стрелковые соединения завершали прорыв всей тактической зоны обороны противника. В этих условиях на рубеж ввода они выдвигались обычно из выжидательных районов, имея впереди себя передовые отряды бригад, а иногда и корпусной передовой отряд. Главные силы продвигались в походных

[1] Советские танковые войска 1941—1945 гг. М., 1973, с. 47—50.

[2] ЦАМО, ф. 233, оп. 20811, д. 3, л. 94—95.

колоннах, обгоняли пехоту и устремлялись в оперативную глубину. Соединения бронетанковых и механизированных войск, входившие в состав танковых армий, переходили в преследование чаще всего после прорыва армейской оборонительной полосы (в 30 случаях из 45 известных по опыту важнейших операций). Полоса преследования для корпусов составляла 8—15 *км*. Это создавало относительно благоприятные условия для осуществления маневра силами и средствами, обхода узлов сопротивления, выхода на фланги и в тылы группировки противника.

Изучение опыта войны показывает, что высокие темпы преследования в значительной степени зависели от умелых, смелых и решительных действий передовых отрядов. Довольно сильный их состав: наличие танков, мотопехоты, артиллерии, инженерных войск, зенитных средств и относительно подвижного тыла позволяло им действовать длительное время в отрыве от главных сил, решая весьма разнообразные задачи. Они выходили на пути отхода противника, упреждая его в занятии промежуточных рубежей, захватывали переправы, мосты, плацдармы, узлы дорог, населенные пункты и аэродромы. Их удаление от главных сил корпуса в ходе преследования составляло 30—50 *км*, а иногда и до 80—100 *км*.

С учетом условий обстановки передовые отряды в ряде случаев создавались и в бригадах первого эшелона (танковый или механизированный батальон со средствами усиления), как это было, например, в 8-м гв. танковом корпусе на отдельных этапах Восточно-Прусской операции. Опыт свидетельствует о том, что выделение бригадных передовых отрядов вместо одного корпусного при наличии в первом эшелоне нескольких бригад, а также хороших дорог и отсутствии крупных резервов противника вполне себя оправдывало. Большой стремительностью отличались, например, действия передового отряда 8-й гв. механизированной бригады 3-го гв. механизированного корпуса в Шауляйской операции. Корпус за двое суток прошел с боями более 100 *км* и в 4.00 26 июля завязал бои на северной окраине Шауляя. В последующем, совершив 100-километровый ночной марш, он с ходу ворвался в Тукумс [1].

В операциях третьего периода войны резко возросли непрерывность преследования и его эффективность. Этому в немалой степени способствовала периодическая подмена передовых отрядов для пополнения, отдыха, восстановления поврежденной техники. В ходе Висло-Одерской операции 90% передовых отрядов соединений бронетанковых и механизиро-

[1] Отряд включал танковый батальон (17 танков), самоходно-артиллерийский полк, мотострелковый батальон, две артиллерийские батареи, минометную роту, зенитную батарею и два пулеметных взвода. ЦАМО, ф. 235, оп. 265120, д. 3, л. 29.

ванных войск осуществляли смену пять-семь раз через одни-четверо суток [1]. Задача решалась также активными ночными действиями, что требовало заблаговременной подготовки войск. К основным мероприятиям, как свидетельствует опыт, относились: своевременное принятие решения и доведние задач до подчиненных еще в светлое время, специальная подготовка войск и боевой техники, обеспечение осветительными и светосигнальными средствами, разработка и доведение до подразделений световых сигналов взаимного опознавания, обозначение путей выдвижения, маневра и эвакуации.

Характерно, что при организации ночных действий по решению командира корпуса (бригады) создавался более сильный резерв (не менее одной трети сил и средств). Особенно тщательно отрабатывались вопросы взаимодействия. На танки выделялись десанты в составе отделения автоматчиков, в том числе с задачей охраны машин от вражеских истребителей и обеспечения целеуказания. Для лучшего опознавания танки и САУ имели на люках и бортах нанесенные белой краской знаки. Целеуказание осуществлялось трассирующими пулями и снарядами. Важная задача стояла перед органами управления в организации перехода от ночных действий к дневным. Для этого штабы осуществляли мероприятия по усилению разведки, а также по сбору и обобщению данных о положении и состоянии подчиненных соединений (частей). Командиры уточняли задачи всем элементам боевого порядка. Особое внимание обращалось на обеспечение флангов и поддержание взаимодействия, пополнение соединений боеприпасами, горючим и другими материальными средствами. В течение ночи организовывалась эвакуация раненых и больных. В целях наращивания усилий и достижения непрерывности боевых действий в дневное время, как правило, с наступлением рассвета осуществлялся ввод в бой вторых эшелонов и резервов.

Для современных условий значительный интерес представляет опыт осуществления управления в ходе преследования. Как следует из боевой практики, наиболее характерным в работе командиров становятся принятие решений по карте, отдача чаще всего коротких боевых распоряжений, реже — боевого приказа. С точки зрения оперативности постановки боевых задач хорошо зарекомендовали себя отрабатываемые штабом корпуса (бригады) карты-приказы. Весьма интенсивно использовалась радиосвязь с применением кодированных карт.

В оргаизации управления типичным стало выделение из состава командных пунктов оперативных групп, возглавляемых командирами, а иногда (в 3-м механизированном корпусе в Шауляйской операции) его заместителем. Обладая боль-

[1] ЦАМО, ф. 307, оп. 4148, д. 308, л. 291.

шей по сравнению с командным пунктом маневренностью, они позволяли командиру управлять войсками, наблюдая складывающуюся обстановку. Командные же пункты, как правило, выдвигались за бригадами (батальонами) первого эшелона. Использовались (в основном в 1945 г.) и промежуточные пункты управления («оперативные подгруппы» по терминологии того времени), возглавляемые офицером оперативного отдела. Имея радиостанции средней мощности, они решали задачи по приему и передаче оперативно-тактической информации в период размещения оперативных групп. Широкое распространение в практике организации связи получили радиоузлы командиров (РУК). В 1944—1945 гг. они создавались в абсолютном большинстве корпусов и бригад. С их помощью прослушивалась информация и отдавались (при необходимости) указания, минуя одну-две командные инстанции. Для связи с передовым отрядом практиковалась также высылка промежуточного поста радиосвязи (радийный танк).

Непрерывность и высокие темпы ведения боевых действий в оперативной глубине во многом зависели от материально-технического обеспечения, так как корпуса удалялись от баз снабжения до 300 *км* и более. Поэтому командиры стремились эшелонировать запасы. Решение этой проблемы по опыту 28 корпусов в 1944—1945 гг. показано в таблице 11.

Таблица 11

Эшелонирование материальных средств в танковом (механизированном) корпусе в третьем периоде войны

Наименование материальных средств	В боевых машинах	В транспорте			Всего
		батальона	бригады	корпуса	
Боеприпасы, *бк*	1	0,25	0,25	0,25—0,5	1,75—2
Горючее, *запр.*	1	0,5	0,5	1—2	3—4
Продовольствие, *с/д*	5 (НЗ)	2—3	3—4	4—5	9—12 (без НЗ)

Данные таблицы свидетельствуют о том, что такое наличие материальных средств позволяло вести боевые действия (по запасам горючего для средних танков) на глубину до 600 *км* (с учетом коэффициента маневра 1,5). Опыт подтверждает эти расчеты: танковые (механизированные) соединения вели боевые действия без подвоза горючего в течение 5—6 суток. Трудности снабжения частично локализировались созданием дополнительных запасов. Их грузили на танки (в 9-м и 11-м гв. танковых корпусах в Висло-Одерской операции

по две бочки дизельного топлива) [1], САУ, артиллерийские тягачи и строевые автомобили. Иногда создавались подвижные автолетучки (в корпусах, входящих в танковые армии), которые двигались за тылом корпуса, имея при себе 0,5 *запр.* ГСМ и 0,25 *бк* боеприпасов.

Особенности организации и ведения преследования в стрелковых соединениях обусловливались рядом факторов, в том числе их невысокой маневренностью. Они обладали, кроме того, меньшими, чем бронетанковые войска, огневыми и ударными возможностями. Поэтому чаще всего результаты действий стрелковых соединений зависели от эффективности наступления армейских и фронтовых подвижных групп, вслед за которыми они развивали успех.

В этих условиях наибольшее внимание командиров сосредоточивалось на реализации требований Боевого устава пехоты (БУП-42), который вменял в обязанность командиров при обнаружении отхода противника «подготовить свой резерв (отряд преследования) для выброски вперед»[2], направить в тыл автоматчиков. Характерно, что в первом периоде войны делалось это чаще всего после или в ходе прорыва тактической зоны (Торопецко-Холмская и другие операции). Во втором периоде войны отряды преследования (по терминологии тех лет) готовились уже накануне перехода в наступление. В приказе командующего 8-й армией, например, (октябрь 1943 г.) подчеркивалось, что «в дивизиях должны быть специально подготовленные передовые отряды, которые, как только наметился отход противника, должны немедленно выдвигаться вперед»[3]. При подготовке к Восточно-Прусской операции (декабрь 1944 г.) в дивизиях 11-й гв. армии с передовыми отрядами проводилось уже не менее пяти учений и большое количество тактико-строевых занятий. Стрелковые подразделения тренировались в быстром развертывании и свертывании в боевой порядок, действии на автомашинах, танкисты — в ведении огня на ходу и с коротких остановок, артиллеристы — в быстром открытии прицельного огня [4].

Преследование противника стрелковыми соединениями чаще, чем в бронетанковых войсках, велось с фронта. Лишь передовые отряды в ряде случаев осуществляли параллельное преследование. Зимой 1941/42 г. темп преследования не превышал 12—15 *км/сут.* Объяснялось это прежде всего слабым составом передовых отрядов: чаще всего это были лыжные батальоны (в 334-й стрелковой дивизии 4-й ударной ар-

---

[1] ЦАМО, ф. 30, оп. 4146, д. 349, л. 79—80.

[2] Боевой устав Красной Армии (батальон — полк). М., Воениздат, 1942, ч. 2, ст. 582.

[3] ЦАМО, ф. 344, оп. 9430, д. 15, л. 4.

[4] ЦАМО, ф. 405, оп. 4227, д. 34, л. 2—3.

мии, в 30-й стрелковой дивизии 10-й армии) или же кавалерийские подразделения (в 18-й стрелковой дивизии 16-й армии). Лишь с 1943 г. основу передовых отрядов стрелковых корпусов и дивизий стали составлять танковые батальоны или танковые полки [1] (в 23 соединениях в битве за Днепр). Своеобразие действий передовых отрядов выражалось и в том, что они больше затрачивали времени, чем передовые отряды танковых корпусов, на удержание захваченного рубежа до подхода главных сил, которые действовали в невысоких темпах (3—4 *км/ч*). Поэтому нередко передовой отряд вел бой на захваченном рубеже от 3—5 часов до суток. Такие действия были характерны, например, для передового отряда 40-й гв. стрелковой дивизии 5-й ударной армии 23 сентября 1943 г. (Мелитопольская операция).

Одна из особенностей действий стрелковых соединений выражалась в том, что их главные силы вели преследование, как правило, в сравнительно узких полосах. Дивизии решали задачи в полосе 2—3 *км* (1943 г.) и до 3—4 *км* (1945 г.), стрелковые корпуса — в полосе 5—7 *км* (1943 г.) и до 15 *км* (1944—1945 гг.), что ограничивало возможность совершения обходов и охватов вражеских группировок. Лишь как исключение стрелковый корпус получал полосу преследования в пределах 30—40 *км* (63-й стрелковый корпус в Крымской, 35-й гв. стрелковый корпус в Ясско-Кишиневской операциях). Другая особенность выражалась в том, что почти во всех случаях при ведении преследования в колоннах от стрелковых частей выделялись авангарды (усиленный стрелковый батальон). Они продвигались в 4—6 *км* от главных сил, решая задачи по воспрещению внезапного нападения противника на главные силы, созданию благоприятных условий для их развертывания и уничтожения небольших групп противника. Особенно часто выделялись авангарды в битве за Днепр в предвидении необходимости форсирования водных преград.

В решении задач по разгрому противника в ходе преследования значительная роль отводилась артиллерии, инженерным войскам и авиации.

С переходом в преследование артиллерия танковых и механизированных корпусов применялась обычно децентрализованно. Бóльшая ее часть, в том числе и реактивная, находилась в танковых (механизированных) бригадах первого эшелона, обеспечивая им большую самостоятельность при ведении боевых действий в оперативной глубине. Передовой отряд корпуса нередко усиливался самоходно-артиллерийским полком, батареей (дивизионом) реактивной артиллерии. Бригады первого эшелона чаще всего получали артиллерийский и

[1] В отдельных танковых батальонах насчитывалось от 21 до 36 легких и средних танков, в отдельных танковых полках (с февраля 1944 г.) — 35 танков Т-34.

легкий самоходно-артиллерийский полки (21 СУ-76). Самоходно-артиллерийский полк средних самоходных установок (16 СУ-122) довольно часто включался в противотанковый резерв корпуса. Артиллерия стрелковых соединений применялась также децентрализованно, причем бо́льшая ее часть придавалась на усиление передовых отрядов и авангардов.

Артиллерия с началом преследования своим огнем по отходящим колоннам и скоплениям противника в узлах дорог, теснинах, на мостах и переправах затрудняла ему отход, наносила существенные потери, не допускала свертывание его в колонны, а также препятствовала занятию обороны на промежуточных рубежах и выходу на эти рубежи резервов. Отдельные орудия и батареи смело выдвигались вперед и расстреливали в упор отходящего противника. По очагам сопротивления, препятствующим продвижению, проводились огневые налеты.

Инженерные войска в ходе преследования решали ряд важных задач. Действуя в составе отрядов обеспечения движения, подвижных отрядов заграждений, передовых отрядов, авангардов и главных сил, они вели инженерную разведку, разминировали и ремонтировали дороги, участвовали в отражении контратак и контрударов противника, обеспечивая постановку минно-взрывных заграждений и разминирование местности, а также устройство различного рода завалов.

Результативность ведения преследования в значительной степени зависела от эффективности действий поддерживающей авиации. Тяжелые условия первого периода войны не всегда позволяли успешно решать эту задачу. Во втором периоде войны зарождается практика переподчинения части авиации танковым (механизированным) корпусам. В результате этого стало достигаться более тесное взаимодействие сухопутных войск с авиацией. Кроме того, повысилась достоверность сведений, увеличился объем данных о действиях противника и его группировке, так как авиация вела разведку на большую глубину, а наблюдение за полем боя осуществляла на глубину 10—15 *км*.

Повышению эффективности преследования способствовало то, что с лета 1943 г. на командных пунктах танковых и механизированных корпусов стали находиться представители от авиационных дивизий, которые держали связь со своими штабами, аэродромами и самолетами в воздухе. Они ориентировали экипажи об обстановке на земле и в воздухе, перенацеливали их, если изменялась обстановка, а также собирали разведывательные данные. Важную роль играли офицеры наведения авиации, которые высылались в передовые отряды. Они на месте уточняли цели, препятствовавшие продвижению пехоты и танков, принимали от командира передового отряда запросы и передавали их авиационному командованию.

Наиболее существенным отличием в управлении авиацией в стрелковых соединениях по сравнению с бронетанковыми и механизированными войсками было то, что в 1941—1943 гг. в большинстве случаев командиры стрелковых соединений осуществляли вызов ее ударов с помощью заявок, которые передавались через штаб армии. Это значительно удлиняло сроки появления авиации над полем боя. Новым в третьем периоде войны являлось нахождение в стрелковых корпусах, а нередко и в передовых отрядах офицеров наведения авиации, а также создание на командных пунктах стрелковых корпусов, а иногда и дивизий (например, в Висло-Одерской операции) сети воздушной разведки. В результате этого командиры и штабы стрелковых соединений стали располагать более достоверной оперативно-тактической информацией, на основе которой решались вопросы осуществления преследования отходящего противника.

Преодоление промежуточных оборонительных рубежей

В оперативной глубине обороны промежуточные рубежи противника преодолевались различными способами.

Для соединений бронетанковых и механизированных войск с осени 1942 г. основным способом становится преодоление вражеских рубежей с ходу, благодаря чему экономилось время и не снижался темп продвижения. При этом принятие решения, постановка задач, организация взаимодействия, создание необходимой группировки сил и средств производились чаще всего в ходе подхода войск к промежуточному рубежу. Тогда же уточнялись задачи передовым отрядам. Основные усилия разведки сосредоточивались на выявлении слабых (наиболее уязвимых) мест во вражеской обороне.

Примерами успешного прорыва с ходу промежуточных рубежей обороны противника являются действия 1-го гв. и 9-го танковых корпусов в Белорусской, 18-го танкового корпуса в Будапештской, 9-го танкового корпуса в Висло-Одерской, 2-го и 8-го гв. танковых корпусов в Восточно-Прусской операциях. Весьма поучительны также действия 44-й гв. танковой бригады — передового отряда 11-го гв. танкового корпуса в ходе Висло-Одерской операции, который к 20.00 29 января 1945 г. подошел к Хохвальде — опорному пункту Мезеритцкого укрепленного района. Проведя разведку и обнаружив проходы в укреплениях противника, командир бригады решил, не дожидаясь подхода главных сил, с ходу преодолеть этот рубеж и выйти на р. Одер. Отряд стремительным броском без потерь преодолел укрепленный район и, не встретив серьезного сопротивления противника, к 3.00 30 января вышел в район Мальсова. Отбив все атаки противника в ночь на 2 февраля,

бригада форсировала р. Одер, захватила плацдарм на западном берегу и удерживала его до подхода главных сил.

Следует подчеркнуть особое значение умелого использования главными силами успеха передовых отрядов. Опыт учит, что в противном случае резко снижались темпы наступления.

В рассмотренном примере главные силы корпуса вышли к месту прорыва 44-й гв. танковой бригады со значительным опозданием. Момент внезапности был упущен. Этот район был уже занят противником [1]. В результате этого попытка соединений корпуса преодолеть его с ходу не увенчалась успехом. Лишь с подходом главных сил 1-й гв. танковой, 8-й гв., 69-й и 33-й армий после ожесточенных двухдневных боев к исходу 31 января удалось решить эту задачу, причем прорыв укрепленного района был осуществлен после проведения сильной артиллерийской подготовки, при широком применении штурмовых отрядов и групп. Следовательно, малейшая задержка в развитии успеха, как учит опыт, приводила к затяжным боям. Возникала необходимость в проведении дополнительных мероприятий, и в первую очередь в организации артиллерийской подготовки атаки танков и пехоты. На это затрачивалось от нескольких часов до суток и более.

Характерным в действиях соединений бронетанковых и механизированных войск при прорыве промежуточных оборонительных рубежей противника с подготовкой в короткие сроки было то, что задача эта решалась в относительно широких полосах (8—10 *км)* и нередко нанесением ударов на двух-трех участках. Одновременный прорыв обороны противника на нескольких участках оказывался весьма эффективным. Такой способ наступления не позволял противнику маневрировать своими силами и средствами, затруднял выявление направления главного удара корпуса. Снижались также потери от авиации противника. Другой характерной чертой прорыва промежуточных оборонительных рубежей, особенно в 1945 г., являлось то, что в ряде случаев эти оборонительные рубежи опирались на систему подготовленных к обороне населенных пунктов. Если обойти их не удавалось, то соединения бронетанковых и механизированных войск были выуждены штурмовать города. В этих случаях они обычно усиливались стрелковыми частями (соединениями) и артиллерией. Для ведения боев внутри города создавались штурмовые отряды и группы.

На решение задач преодоления промежуточных оборонительных рубежей стрелковыми соединениями наиболее существенное влияние, особенно в первом периоде войны, оказывали недостаточное количество дальнобойных средств поражения противника и ограниченная их маневренность, что резко снижало эффективность боевых действий. Кроме того, с лета 1943 г. промежуточные оборонительные

[1] ЦАМО, ф. 318, оп. 4119, д. 67, л. 16—17.

рубежи противника, в том числе и армейский, стали, как правило, заранее готовиться в инженерном отношении (Орловская, Смоленская операции), а нередко и заниматься войсками (Донбасская операция). Отдельные оборонительные рубежи (Висло-Одерская, Восточно-Прусская операции) представляли собой систему укрепленных районов. В отмеченных условиях наступавшие стрелковые соединения были вынуждены решать задачу их прорыва чаще всего с подготовкой в короткие сроки (до суток) и с планомерной подготовкой. Организация прорыва и ведение боевых действий имели много общего с тем, как это делалось при прорыве тактической зоны обороны. Особое внимание обращалось на организацию огневого поражения противника и согласование действий всех родов войск и специальных войск. Нередко для прорыва промежуточных рубежей использовались ночь и условия ограниченной видимости (туман, снегопад).

Одной из особенностей артиллерии при прорыве промежуточных рубежей противника с ходу являлось ее децентрализованное использование. При прорыве вражеской обороны с подготовкой в ограниченные сроки по мере подхода артиллерия объединялась в артиллерийские группы. К лету 1943 г. в этих условиях в целях ускорения подготовки данных для открытия огня практиковалось выделять группы артиллерийской разведки и наблюдения в состав разведывательных органов стрелковых и танковых (механизированных) соединений. Широко применялось также ведение огня прямой наводкой, для чего использовалось значительное количество орудий, в том числе крупного калибра. При организации прорыва с планомерной подготовкой основным становился принцип массирования артиллерии и централизация ее огня на участках прорыва.

Инженерные войска при преодолении (прорыве) промежуточных оборонительных рубежей противника решали присущие им задачи, но в более короткие сроки. Очень часто для этого их усилия наращивались за счет инженерных резервов.

Авиация нередко являлась одним из важнейших средств огневого подавления противника при преодолении промежуточных рубежей, особенно соединениями бронетанковых и механизированных войск, действовавшими в значительном отрыве от основных сил общевойсковых армий. Этим и определялась ее роль в решении задач. Достаточно отметить, что с 1943 г. на борьбу с подходящими вражескими резервами для занятия промежуточных рубежей она затрачивала в среднем 4—6% самолето-вылетов, а в Донбасской и Ясско-Кишиневской операциях — 8—9% [1]. Кроме того, авиация при-

[1] См.: *Тимохович И. В.* Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976, с. 165.

нимала активное участие в подавлении опорных пунктов противника непосредственно на промежуточных рубежах.

Форсирование водных преград

В первом периоде войны при ведении боевых действий зимой 1941/42 г. такие реки, как Лама, Руза, Ока, преодолевались наступавшими войсками как обычные промежуточные оборонительные рубежи (они были покрыты прочным ледяным покровом и не являлись серьезной преградой).

Значительный опыт был приобретен в операциях последующих лет войны. Он доказал возможность преодоления водных преград как с ходу, так и с подготовкой в различные сроки. Новым явлением в военном искусстве явилась практика последовательного преодоления водных преград. Так, 8-й гв. механизированный корпус только в Висло-Одерской операции форсировал 20 рек, в том числе 16 узких, 3 средних и одну широкую. В среднем в наступательных операциях минувшей войны бронетанковые и механизированные войска форсировали реку тактического значения через 25—30 *км*, оперативного значения — через 150—200 *км* [1]. Форсирование осуществлялось в начале операций, в ходе их и на завершающих этапах.

Соединения бронетанковых и механизированных войск стремились осуществить форсирование рек, как правило, с ходу.

Опыт первых месяцев войны показал, что успех в решении этой задачи зависел от тщательной организации разведки водной преграды и обороны противника на ней, стремительных действий передовых отрядов и главных сил корпусов, направленных на упреждение в выходе к реке как отходящих сил противника, так и его подходящих резервов. Сложность форсирования наряду с объективными трудностями объяснялась и тем, что танки и САУ не имели оборудования для преодоления рек глубиной свыше 1,3 *м* и под водой, а также не располагали средствами для преодоления их на плаву. В частях, бригадах и корпусах отсутствовали штатные понтонно-переправочные средства. Не было табельных переправочных средств и для мотопехоты. Поэтому существенное влияние на результаты форсирования оказывало наличие и умелое использование подручных (местных) переправочных средств (паромы, рыбацкие лодки, бревна, бочки, плоты и т. д.). С учетом отмеченного подготовку к форсированию с лета 1943 г. стали проводить за 1—2 суток до подхода соединений к реке. Тогда принималось решение (как правило, по карте), ставились боевые задачи (чаще всего по радио), организовывалось взаимодействие (нередко отдачей указаний

---

[1] См.: Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М., 1979, с. 184.

циркулярно по радио). Штаб иногда отрабатывал боевой приказ, чаще — частные боевые приказы или боевые распоряжения. Практиковался также выезд командиров и их заместителей с группой офицеров в те соединения (части), которым в первую очередь предстояло форсировать реку. При этом нередко использовались самолеты связи.

Подход к реке корпуса осуществляли в том боевом порядке, в котором они вели преследование. В большинстве случаев реки форсировались в двухэшелонном построении. В первом эшелоне действовали механизированные (мотострелковые) бригады. Исключительно важные задачи решались передовыми отрядами. Имевшаяся в их составе мотопехота, используя местные переправочные средства и подручные материалы, захватывала плацдармы, которые удерживались до подхода главных сил. Так действовали передовые отряды от 51-й гв. танковой бригады (усиленный батальон), от 7-го гв. механизированного корпуса (24-я гв. механизированная бригада) в битве за Днепр, от 44-й гв. танковой бригады (усиленный стрелковый батальон) при форсировании р. Висла в июле 1944 г.[1]. Вслед за передовыми отрядами переправлялись главные силы корпусов и бригад, а с подходом переправочных средств — их тылы.

Нередко захватывались исправные мостовые переправы. Хорошо известны действия передового отряда 26-го танкового корпуса под командованием подполковника Г. Н. Филиппова (командира 14-й мотострелковой бригады) в ходе контрнаступления под Сталинградом в ноябре 1942 г. Поучительными также являются действия 61-й гв. танковой бригады 10-го гв. танкового корпуса при захвате моста на реке Варта в январе 1945 г. Используя внезапность, танкисты батальона капитана В. Г. Скрынько с десантом автоматчиков и саперов на большой скорости прошли по мосту, обезвредили его от взрывчатых веществ и уничтожили охрану. В результате этого подошедшие главные силы бригады, преодолев реку по мосту, стремительно атаковали противника в городе Буженин [2].

В ряде случаев, когда передовые отряды не успевали до подхода главных сил корпусов захватить переправы, их командиры стремились форсировать водную преграду на широком фронте (10—20 *км*), сосредоточивая усилия на том направлении, где намечался успех. Так было, в частности, при преодолении реки Западный Буг 11-м танковым корпусом в Люблинско-Брестской операции в ночь на 20 июля 1944 г. Корпус форсировал реку в полосе 18 *км* по пяти бродам [3]. Ино-

---

[1] См.: Советские танковые войска 1941—1945 гг., с. 146, 149, 211.
[2] ЦАМО, ф. 323, оп. 4758, д. 78, л. 69—70.
[3] ЦАМО, ф. 675, оп. 382895, д. 1, л. 11—12.

гда форсирование осуществлялось по льду, например 6-м гв. танковым корпусом рек Нида и Пилица в январе 1945 г.

Совершенствование искусства форсирования выражалось и в том, что участились случаи преодоления водных преград танками по дну (глубокому броду). Первый такой опыт был получен на реке Десне (глубина реки — 1,8—2 *м*) в октябре 1943 г., когда более 60 танков, в том числе 50 Т-34, 5-го гв. танкового корпуса успешно решили эту задачу [1]. Примерами подобных действий является также форсирование Южного Буга в марте 1944 г. 25-м танковым полком. Полк (схема 7), усиленный пехотой, саперами, артиллерией, был выделен в передовой отряд 52-й армии с задачей к утру 13 марта 1944 г. форсировать Южный Буг (ширина — 90 *м*, глубина — до 2 *м*) в районе деревни Шумилово. В 10.00 12 марта к реке вышли передовые подразделения отряда и с ходу форсировали ее пехотой совместно с саперами на подручных средствах. В ходе боя за плацдарм саперы установили, что глубина реки в связи с весенним паводком достигла 2—3 *м*, а ширина — 100—110 *м*. При таких условиях переправа танков и артиллерии вброд была невозможной. Небольшой плацдарм, захваченный передовыми подразделениями, не позволял навести переправу. Неоднократные попытки стрелковых подразделений расширить плацдарм без поддержки танков успеха не имели. Тогда в ночь на 13 марта была проведена подготовка танков к преодолению реки по дну. Перед рассветом 13 марта танки под покровом темноты и прикытием огня артиллерии, заглушавшей шум моторов, начали переправу. К 9.00 13 марта четыре танка Т-34 успешно перешли реку и вместе с пехотой внезапно атаковали противника. Плацдарм был расширен, саперы получили возможность навести переправу для главных сил полка [2].

Преодоление рек по дну требовало проведения значительного объема подготовительных работ. Люки и жалюзи танков задраивались паклей с солидолом и промасленными брезентовыми ковриками, трасса обозначалась вехами. Организовывалась эвакоспасательная служба. Осуществлялось инженерное оборудование переправ (устройство съездов, отрывка укрытий и т. д.). Штабы организовывали комендантскую службу, охрану и оборону исходных районов и переправ. Аналогично организовывалась служба при форсировании на подготовленных заранее плавсредствах (92-*м* танковым полком в Петрозаводской операции летом 1944 г.).

В целом опыт операций, особенно третьего периода войны, показал, что основную массу танков и САУ целесообразно переправлять на десантных средствах. Однако недостаточное

---

[1] См.: Общевойсковая армия в наступлении, с. 152.

[2] ЦАМО, ф. 510, оп. 91691, д. 3, л. 50.

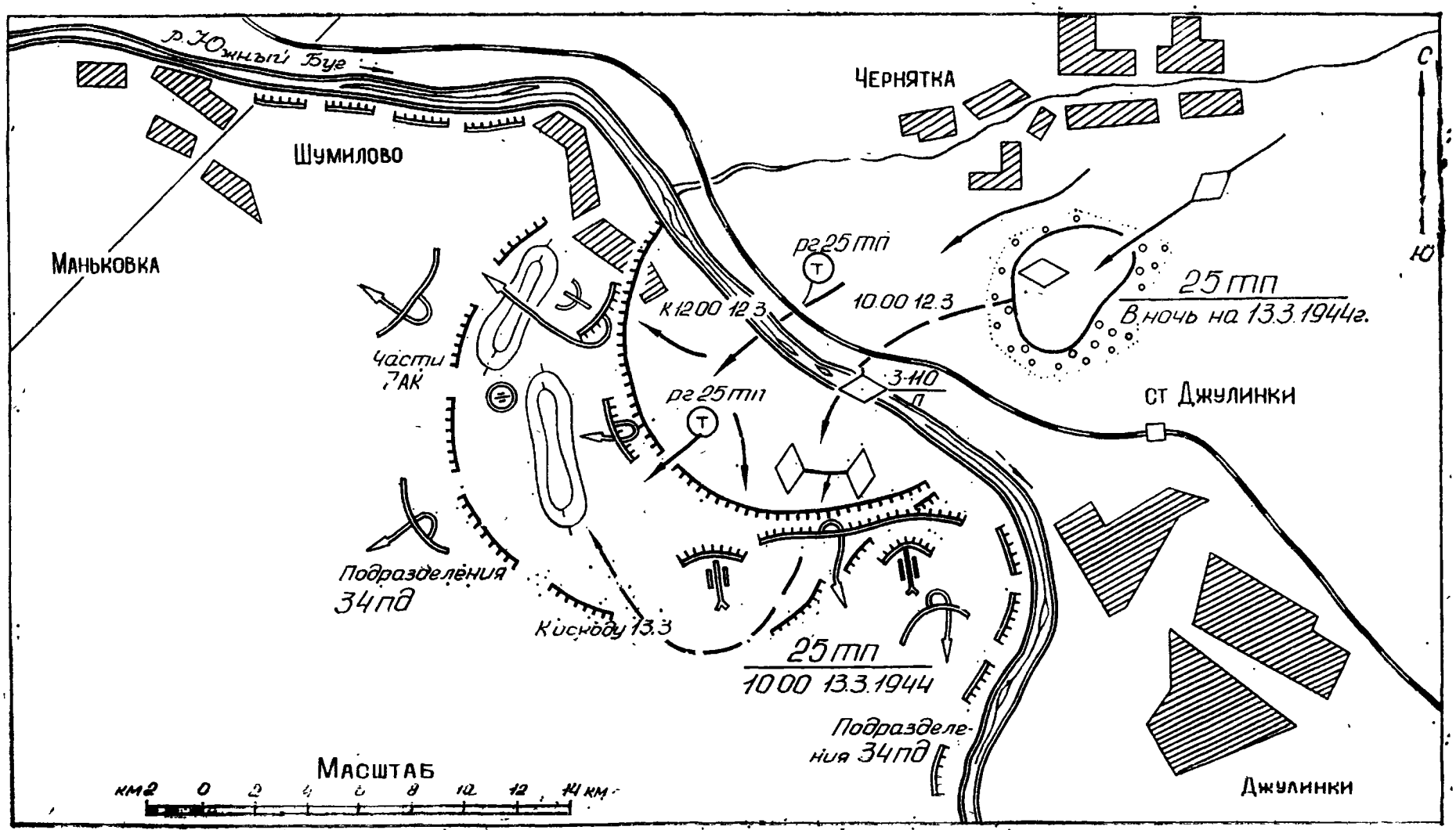


Схема 7. Форсирование р. Южный Буг 25-м танковым полком (март 1944 г)

количество табельного имущества, частое запаздывание выхода специальных (переправочно-десантных и мостовых) инженерных частей к реке резко ограничивали их применение первыми эшелонами наступавших соединений. В итоге переправа боевой техники длилась от одних до нескольких суток.

Специфика форсирования рек стрелковыми соединениями выражалась главным образом в том, что задачи ими решались как с ходу, так и после планомерной подготовки войск к форсированию.

При форсировании водных преград с ходу особо важные задачи решали передовые отряды. Они стремительно выдвигались к реке, захватывали небольшие плацдармы, не давая возможности противнику закрепиться на водной преграде. Передовой отряд 42-й стрелковой дивизии, например, в ночь на 25 июня 1944 г. прорвался через боевые порядки противника, форсировал реку Днепр 20 *км* севернее Могилева и захватил плацдарм до 3 *км* по фронту и в глубину. Сюда немедленно был направлен понтонно-мостовой батальон. Через 4 часа он навел мост грузоподъемностью 30 *т*. По нему переправились главные силы трех корпусов 49-й армии. В третьем периоде войны действия передовых отрядов нередко обеспечивались мощным огнем артиллерии, как это было в 42-м стрелковом корпусе при форсировании реки Нарев. Выделенный передовой отряд, основу которого составлял стрелковый полк, имел наряду с пехотой 30 танков и САУ, 34 орудия и 60 минометов [1]. В ряде случаев форсирование с ходу достигалось стремительностью действий войск. Так, с выходом к Днестру 93-й стрелковой дивизии 57-й армии (апрель 1944 г.) разведкой было установлено, что противника на противоположном берегу нет. Командир 266-го стрелкового полка выслал вперед усиленную стрелковую роту, которая десантом на лодках переправилась на западный берег. В населенном пункте (1 *км* от берега) рота, развернувшись в цепь, уничтожила боевое охранение противника. На захваченный плацдарм переправились подразделения 266-го стрелкового полка, а за ним — и 51-й стрелковый корпус.

При планомерной подготовке форсирования в деятельности командиров и штабов важное место занимала рекогносцировка участков форсирования. Общевойсковой штаб отрабатывал распоряжение на рекогносцировку и план ее проведения. В ней указывались место сбора привлекаемых к рекогносцировке офицеров, время и другие вопросы. Проводилась рекогносцировка, как правило, на нескольких точках, после чего отрабатывались боевой приказ, план форсирования (иногда график), плановая таблица боя. Командиры, штабы и дру-

---

[1] ЦАМО, ф. 535, оп. 92431, д. 7, л. 279.

гие органы управления значительное внимание уделяли подготовке переправочных средств: табельных (лодок, понтонов) и подручных (плотов, бочек и т. д.). По опыту соединений 37-й армии, в сентябре 1943 г. оборудовались дивизионные (паром, 5—6 десантных лодок) и корпусные (1—2 парома, 5—6 лодок, 2—3 пары пристаней) пункты переправ [1]. В ходе битвы за Днепр нередко форсирование осуществлялось совместно с действиями партизанских отрядов, иногда и с воздушными десантами, находившимися в тылу противника, как это было в полосе 73-го стрелкового корпуса 52-й армии в районе Черкасс (ноябрь 1943 г.).

При форсировании водных преград максимально использовалась внезапность. Достигалась она разными путями. Часто форсирование проводилось под покровом темноты (72-я гв. стрелковая дивизия 7-й армии в сентябре 1943 г., река Днепр; соединения 13-й армии в январе 1945 г., р. Одер) и под прикрытием дымов (соединения 65-й армии, реки Десна и Днепр). В ряде случаев форсирование осуществлялось без проведения артиллерийской подготовки, что давало возможность незаметно для противника переправить небольшие по составу подразделения (до батальона в дивизиях 4-й гв. армии при форсировании реки Днепр в октябре 1943 г.). Применялась и военная хитрость. В полосе 37-го гв. стрелкового корпуса, например, при форсировании реки Свирь оборудовалась ложная переправа. Утром 21 июня 1944 г. за час до окончания артиллерийской подготовки специально выделенные группы бойцов демонстрировали переправу чучелами, посаженными на плоты и лодки. Противник своим огнем обнаружил себя и попал под мощный огонь нашей артиллерии. За несколько минут до окончания артиллерийской подготовки на плавающих автомобилях форсировали реку Свирь передовые отряды, захватившие плацдарм.

Ряд особенностей в рассматриваемых условиях прослеживается в организации пунктов управления. Они в большей степени эшелонировались по фронту и в глубину, приближались к реке. Создавалось значительное количество оперативных групп различного предназначения. При форсировании Днепра, например, в 50—60% стрелковых корпусов из состава штаба выделялись оперативные группы переправ. На них возлагались ответственность за поддержание порядка на переправах, внесение коррективов в план переправы, а также организация их обороны. Им подчинялись коменданты участков (офицеры инженерных войск), которые руководили переправой войск и службой регулирования. Создавались также инженерные оперативные группы для поддержания порядка на переправах. Большой разветвленностью характеризова-

[1] ЦАМО, ф. 243, оп. 35939, д. 2, л. 284.

лась система наблюдательных пунктов артиллерийских частей.

Отличия в организации проводной связи заключались главным образом в том, что дополнительно оборудовались линии связи с переправами и с комендантом переправы, а также с оперативными группами инженерных войск. Через реку проводная связь прокладывалась двумя способами: над водой путем подвески на столбах и под водой с применением грузил. Оборудовались также обходные линии, например в 93-й и 113-й стрелковых дивизиях 57-й армии в апреле 1944 г. (форсирование Днестра), что повышало устойчивость связи. Радиосвязь с началом боевых действий на противоположном берегу становилась основной. Особенно эффективно использовались маломощные переносные радиостанции. Они переправлялись на противоположный берег в составе передовых отрядов, как это было сделано в дивизиях 13-й армии в январе 1945 г. при форсировании реки Одер.

Ряд особенностей при форсировании водных преград прослеживается в применении артиллерии. Артиллерийская подготовка чаще всего ограничивалась коротким огневым налетом. Плотность артиллерии была невысокой (20—30 орудий и минометов на 1 *км* участка форсирования в большинстве дивизий при форсировании Днепра в сентябре — октябре 1943 г., 32—72 орудия и минометов в дивизиях 8-й гв. армии при форсировании Вислы в августе 1944 г.). Для более эффективного подавления противника в этих условиях для стрельбы прямой наводкой выставлялись вся батальонная и полковая артиллерия, часть дивизионной и бóльшая часть истребительно-противотанковой артиллерии. Обычно она располагалась на берегу непосредственно в районе переправ с учетом возможности ведения прицельного огня. Процент орудий, привлекаемых для ведения огня прямой наводкой, был очень высок: 72% артиллерии 18-го стрелкового корпуса 65-й армии, 92% артиллерии 166-й стрелковой дивизии 38-й армии (битва за Днепр, сентябрь 1943 г.) Для ослепления противника широкое применение находила стрельба дымовыми снарядами и минами.

Артиллерийская поддержка велась в основном сосредоточенным огнем. Артиллерия создавала огневое окаймление района высадки. Иногда берег противника «прочесывался» минометным и артиллерийским огнем, который велся скачками через 50—100 *м*.

Управление действиями артиллерии в ходе форсирования во втором периоде войны, в частности в битве за Днепр, чаще всего осуществляли начальники артиллерии полков (группами орудий прямой наводки и 82-*мм* минометов) и дивизий (группами артиллерии поддержки пехоты и подвижным противотанковым резервом). В 1944—1945 гг. при форсирова-

нии рек чаще, чем в предшествующие годы, создавались дивизионные и корпусные артиллерийские группы. Это позволяло централизованно управлять огнем артиллерии с закрытых огневых позиций, массируя его при поддержке войск, занимавших плацдармы.

При форсировании водных преград инженерные войска решали задачи по разведке мест форсирования и оборудованию переправ, выделению подручных средств, готовили переправочные средства к моменту выхода к реке соединений. Например, в 13-й армии при подходе ее к Днепру было собрано 42 рыбачьи лодки, 9 лодок А-3 и 25 плотов из бочек и бревен [1]. При подготовке к Висло-Одерской операции для форсирования рек Нида, Пилица и Варна силами корпусных саперных батальонов были заготовлены сборные конструкции для 60-тонных деревянных мостов [2].

В третьем периоде войны стали создаваться самостоятельные инженерные разведывательные органы — подвижные отряды разведки дивизии (корпуса). Формировались также группы захвата и удержания мостов (усиленный автоматчиками саперный взвод в составе передовых отрядов). Их действиями были предотвращены взрывы мостов в районах Полоцка и Браслава (Белорусская операция), а также в последующих операциях войны.

Авиация при подходе войск к реке оказывала поддержку передовым отрядам в захвате плацдармов, осуществляла авиационное прикрытие соединений сухопутных войск, выдвигавшихся к реке и в исходном положении для форсирования, а также переправ, наносила удары по резервам противника, затрудняла ведение оборонительных работ. Особое значение приобретала воздушная разведка. Широкое применение нашла также транспортная авиация: летчики в период битвы за Днепр доставили к линии фронта более 40 тыс. человек, около 10 тыс. *т* груза, эвакуировали в тыл более 21 тыс. раненых [3].

Успех форсирования рек в значительной мере зависел от высокого наступательного порыва. Поэтому всеми командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями проводилась морально-психологическая подготовка личного состава для решения столь трудных задач. Основополагающим документом в этой работе явилась директива Ставки Верховного Главнокомандования от 9 декабря 1943 г. Каждый раз, когда соединениям и частям предстояло форсировать крупную водную преграду, до всех воинов доводилось ее содержание с призывом проявить героизм и мужест-

---

[1] ЦАМО, ф. 361, оп. 19754, д. 4, л. 385—387.
[2] ЦАМО, ф. 315, оп. 4440, д. 644, л. 148.
[3] См.: Гражданская авиация, 1968, № 8, с. 4.

во. Эту же задачу решали обращения к воинам военных советов фронтов и армий.

Таким образом, анализ решения задач по ведению боевых действий в оперативной глубине в годы Великой Отечественной войны позволяет отметить ряд важных для современности положений. Наступление в этих условиях характеризовалось сочетанием различных способов действий войск. Особое место занимало преследование противника и преодоление (прорыв) его промежуточных рубежей, в том числе на водных преградах. Решающая роль в этом принадлежала соединениям бронетанковых и механизированных войск, а также передовым отрядам стрелковых соединений, действовавшим при поддержке авиации.

Проблема повышения темпов наступления разрешалась организацией непрерывных боевых действий, т. е. как днем, так и ночью, преодолением рубежей обороны противника с ходу. Наметилась тенденция к переходу от фронтального преследования к комбинированному, в результате чего возрастала и результативность боевых действий. Этому способствовали тщательное согласование усилий всех родов войск и авиации, а также возросшее воинское мастерство, искусство применения сил и средств и управления ими в общевойсковом бою. Действия войск характеризовались проявлением широкой инициативы и решительности.

Опыт дает немало поучительного для наших дней и в организации наступления в оперативной глубине, особенно с точки зрения подготовки передовых отрядов и ночных действий. Он свидетельствует о необходимости быстрого и умелого использования инициативных и решительных действий подразделений и частей в решении боевых задач. Выявилась перспективность таких приемов ведения боевых действий, как ведение преследования сильными периодически сменяемыми передовыми отрядами на широком фронте, форсирование танками рек по дну. В качестве проблемных определились вопросы обеспечения войск табельными переправочными средствами, повышения маневренности стрелковых войск и артиллерии.

* *
*

В годы Великой Отечественной войны в основном подтвердилась правильность предвоенных взглядов на организацию и ведение наступательного боя. Полностью подтвердилось положение о том, что успех в бою достигается совместными усилиями всех родов войск и авиации.

Вместе с тем по мере совершенствования вооружения и боевой техники, изменения характера обороны противника и накопления боевого опыта командирами и штабами всех звень-

ев в практике организации и ведения наступательного боя проявились характерные тенденции.

В определении боевых задач отчетливо проявилась тенденция тщательного учета условий обстановки исходя прежде всего из наличия сил и средств и характера обороны противника.

Большое значение в организации наступательного боя имело целесообразное построение боевых порядков войск. Боевой опыт со всей убедительностью подтвердил, что построение боевого порядка не может быть шаблонным. В ходе войны отчетливо прослеживается, что количественное и качественное изменение боевой техники и вооружения вело к дальнейшему совершенствованию боевых порядков соединений, частей и подразделений.

В применении родов войск прослеживаются следующие тенденции. В применении артиллерии определилась наиболее приемлемая группировка артиллерии по организационно-тактическому принципу; в использовании танков непосредственной поддержки пехоты — массированное их использование на направлении главного удара в тесном взаимодействии со стрелковыми подразделениями, артиллерией и авиацией; в применении авиации, особенно штурмовой, четко наметилась тенденция к согласованным действиям с наземными войсками; в использовании инженерных войск утвердилась практика создания подвижных отрядов заграждений, что определило проявление активной формы участия инженерных войск в бою.

Боевая практика подтвердила правильность довоенных взглядов на работу командира и штаба по организации наступательного боя. Война предъявила повышенные требования к оперативности в их работе и всестороннему учету реально складывающейся обстановки.

В годы войны большое внимание в наступательном бою уделялось проблеме прорыва глубокоэшелонированной и плотно занятой войсками обороны противника. Повышение плотности и эффективности огневого поражения в период артиллерийской подготовки, достижение одновременности атаки переднего края обороны противника, широкое использование маневра силами и средствами в ходе прорыва главной полосы, четкое взаимодействие войск в ходе наступления — вот те основные тенденции, которые наиболее четко проявились в этом виде наступательного боя стрелковых и танковых (механизированных) соединений, частей и подразделений.

В годы войны нашел широкое применение прорыв второй полосы с ходу или в ограниченные сроки. При этом имелось в виду, что особая роль должна была отводиться активным и решительным действиям передовых отрядов.

В практике форсирования водных преград наиболее целесообразным способом признано форсирование с ходу. Опыт войны показал необходимость заблаговременного выдвижения к реке передовых отрядов и инженерных средств, умелого выбора участков форсирования, решительности действий передовых отрядов и своевременного наращивания усилий на противоположном берегу.

По мере повышения подвижности войск меняются способы преследования. Для повышения темпов преследования начиная со второго периода войны создаются передовые отряды.

В целом стрелковые и танковые (механизированные) соединения, части и подразделения в годы Великой Отечественной войны приобрели богатый боевой опыт организации и ведения наступательного боя. Этот опыт во многом не утратил своего значения и в современных условиях и может быть использован в практике войск и штабов.

Глава третья

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ БОЙ

В годы войны оборонительный бой занимал важное место в общей системе боевых действий войск. Общевойсковые соединения переходили к обороне в различных условиях с целью удержать занимаемые позиции, отразить наступление превосходящих сил противника, нанести ему значительные потери и тем самым создать благоприятные условия для перехода в наступление.

Для успешного достижения этой цели важное значение имели умелое построение обороны, стойкость и упорство войск, проведение решительных контратак.

1. УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К ОБОРОНЕ

Анализ боевых действий более 70 дивизий на различных этапах войны свидетельствует о том, что чаще всего они переходили к обороне в непосредственном соприкосновении с противником.

Переход стрелковой дивизии к обороне в непосредственном соприкосновении с противником имел место при отходе (под ударом превосходящих сил противника), отражении контрударов и контратак, неудачном исходе встречного боя, захвате и удержании плацдармов на водных рубежах до подхода главных сил, закреплении достигнутых рубежей на завершающих этапах наступательных операций.

В этих условиях стрелковым дивизиям одновременно с организацией обороны приходилось вести напряженные боевые

действия. Например, такой переход к обороне был характерен для стрелковых дивизий 3-й и 4-й армий Западного и большинства соединений 5-й армии Юго-Западного фронтов уже в первые дни войны. Все это затрудняло создание устойчивой глубокоэшелонированной обороны, сильной в противотанковом и противовоздушном отношении.

По мере нарастания сопротивления продвижения противника замедлялось, а на отдельных участках он был вынужден переходить к обороне. Чтобы возобновить наступление, гитлеровцам требовалось от 7—10, а в некоторых случаях (Смоленское сражение) — до 30 суток. Это время командиры использовали для совершенствования своей обороны. В последующих оборонительных операциях тенденция увеличения времени на организацию боя в непосредственном соприкосновении с противником сохраняется, что оказало определенное влияние на создание более устойчивой обороны.

Во втором и в третьем периодах войны, несмотря на улучшение общей оперативно-стратегической обстановки, боевые действия войск при переходе их к обороне в условиях непосредственного соприкосновения с противником по-прежнему носили напряженный характер. Особенно это было характерным при закреплении захваченных плацдармов на крупных водных преградах (реки Днепр, Висла и др.). Существенных изменений в условиях перехода соединений к обороне не произошло также и в тех боях, где приходилось отражать контрудары превосходящих сил противника. Тем не менее по сравнению с первым периодом войны выявилась тенденция к сокращению времени активных действий противника, а также к уменьшению глубины отхода наших войск, увеличению времени на организацию обороны. Все это наряду с возросшим опытом и мастерством наших войск создавало лучшие условия для подготовки устойчивой обороны в соединениях и частях. Об этом говорит опыт организации обороны на внешнем фронте окружения под Сталинградом, в Корсунь-Шевченковской и Будапештской операциях, при отражении контрударов под Харьковом и в Донбассе в 1943 г., в районе Яссы и Шауляя в 1944 г., удержании плацдармов на Днепре, Днестре, Висле, Неманс, Одере в 1943—1945 гг.

Переход к обороне в непосредственном соприкосновении с противником происходил в целом ряде случаев при отсутствии сплошного фронта, в неясной обстановке, при наличии у противника выгодных районов местности, что вынуждало наши войска вести упорную борьбу за улучшение своего положения.

Чтобы снизить влияние этих негативных условий, советские войска уже в первом периоде войны стали прибегать к созданию ложного переднего края или позиции боевого охранения с тем, чтобы расположить войска на более выгодном

рубеже, четко определить свой передний край и создать необходимые условия для инженерного оборудования местности по линии соприкосновения сторон.

Переход стрелковой дивизии к обороне вне соприкосновения с противником осуществлялся в целях восстановления в глубине фронта обороны, при организации обороны во втором эшелоне или в резерве армии (корпуса), при отходе и выполнении других задач. В этих условиях войска, переходившие к обороне на значительном удалении от линии соприкосновения сторон, располагали бóльшим временем на ее организацию и подготовку, чем соединения, находившиеся в непосредственном соприкосновении с противником. Это позволяло более тщательно решать вопросы построения обороны, организации системы огня, инженерного оборудования местности, подготовки контратак и др.

Во втором и в третьем периодах войны, когда противнику удавалось прорывать лишь тактическую и реже оперативную оборону, стрелковые дивизии выдвигались из резерва (второго эшелона) армии (фронта) на угрожаемое направление и занимали оборону в глубине самостоятельно или в составе корпуса.

Переход стрелковых дивизий к обороне вне соприкосновения с противником осуществлялся также в период их нахождения во вторых эшелонах и в резерве. В отдельных случаях стрелковые дивизии преднамеренно переходили к обороне, не имея соприкосновения с немецко-фашистскими войсками. Это имело место главным образом на вспомогательных направлениях в целях закрепления достигнутого успеха или прикрытия флангов, а также в предвидении вражеских контрударов. Следует отметить, что во втором и особенно в третьем периодах войны несколько снизилась интенсивность огневого воздействия противника по глубине нашей обороны. Крайне редко немецко-фашистским войскам удавалось прорваться в глубину расположения советских войск. Все это вместе взятое упрощало и облегчало подготовку оборонительного боя и в конечном счете вело к повышению устойчивости тактической и оперативной обороны.

Однако следует заметить, что уже в годы Великой Отечественной войны в связи с увеличением дальнобойности артиллерии и широким применением авиации отмечались существенные затруднения при переходе войск к обороне в глубине вне соприкосновения с противником. В настоящее время с принятием на вооружение армий ракетно-ядерного оружия и других новейших средств поражения значительно возросла возможность не допустить планомерной организации обороны не только в непосредственном соприкосновении, но и в глубине.

Существенными особенностями отличался переход к обороне танковых (механизированных) соедине-

ний, действовавших в отрыве от главных сил армии. Опыт войны показал, что в ходе проведения армейских и фронтовых наступательных операций для отражения контрударов противника или закрепления достигнутых рубежей танковые и механизированные соединения довольно часто были вынуждены переходить к обороне, как правило, в непосредственном соприкосновении с противником.

Переход к обороне соединений бронетанковых и механизированных войск на завершающем этапе наступательной операции (31-й танковый корпус в Белгородско-Харьковской операции, август 1943 г., 9-й танковый корпус в Киевской операции, ноябрь 1943 г., 3-й и 8-й гв. танковые корпуса в Люблинско-Брестской операциях, август 1944 г., 9-й и 7-й гвардейские танковые корпуса в Львовско-Сандомирской операции, август 1944 г., 29-й и 10-й танковые корпуса в Восточно-Прусской операции, январь 1945 г.) осуществлялся в условиях значительного превосходства немецко-фашистских войск в силах и средствах, и прежде всего в танках и авиации. Из других условий следует отметить следующие: постоянное воздействие наземного и воздушного противника; наличие открытых флангов; ограниченные сроки на организацию обороны, растянутые пути подвоза и эвакуации, переход к обороне в тех боевых порядках, в которых велось наступление. Все эти условия оказывали существенное влияние на порядок и способы организации и ведения оборонительного боя соединениями бронетанковых и механизированных войск.

2. БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ

Содержание боевых задач стрелковых дивизий

Боевая задача дивизии первого эшелона в обороне состояла в отражении наступления противника и удержании занимаемой полосы и позиций. Эта общая задача в приказах командующих армиями и командиров корпусов дополнялась и конкретизировалась целым рядом указаний. В частности, по предвоенным взглядам, дивизии первого эшелона определялась: полоса обороны, главная позиция сопротивления и ее передний край, порядок инженерного оборудования местности (противотанковые районы, отсечные позиции и промежуточные рубежи), сроки занятия оборонительной полосы и готовности обороны, задачи артиллерии, танков, поддерживающей авиации, резервов, задачи по контрподготовке, а также меры боевого обеспечения [1].

В сложных условиях начала войны очень часто дивизиям указывался лишь рубеж (полоса), который требовалось удер-

---

[1] Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, с. 396.

жать. Но уже к концу летне-осенней кампании 1941 г. содержание боевой задачи в основном стало определяться в соответствии с требованиями предвоенных уставов. Так, 316-й стрелковой дивизии 16-й армии были указаны: полоса, которую следовало упорно оборонять; передний край; средства усиления, место противотанкового района; на обеспечение какого фланга обратить особое внимание; разграничительные линии; сроки готовности инженерного оборудования местности [1].

В летне-осенней кампании 1942 г., особенно в битве под Сталинградом, стрелковым дивизиям определялись также направления, где они должны были сосредоточить основные усилия. Следовательно, исходя из общего замысла оборонительной операции, соединениям четко определялись их место и роль в осуществлении плана замысла оборонительного боя (операции).

Во втором периоде войны наметилась тенденция к конкретизации содержания боевой задачи, что нашло отражение как в проекте Полевого устава 1943 г., так и в боевой практике войск. В приказе командующего армией (командира корпуса) во всех случаях стали определяться мероприятия по обороне стыков и ответственные за них командиры, районы и направления сосредоточения основных усилий, позиции боевого охранения, порядок инженерного оборудования местности. Наиболее ярко это прослеживается при организации обороны стрелковыми дивизиями 13-й, 6-й гв. и 7-й гв. армий в оборонительном сражении на Курской дуге.

В третьем периоде войны дивизиям, как правило, дополнительно указывалось, какую иметь систему противотанковой обороны, где расположить командный пункт. Очень часто в боевых приказах определялись порядок и способы ведения оборонительных действий [2].

Важным элементом боевой задачи являлось четкое определение ширины полосы обороны и ее глубины в стрелковых соединениях (табл. 12).

Как видно из данных таблицы, общей тенденцией было сокращение ширины полосы обороны дивизии и увеличение ее глубины. Некоторые отклонения от общих норм говорят, во-первых, о том, что командующие армиями (командиры корпусов) при определении задачи исходили из конкретной обстановки и роли дивизии. Во-вторых, в целом ряде случаев боевая задача на оборону ставилась в ходе выполнения предыдущей задачи. Поэтому часто сохранялись те парамет-

[1] См.: Характерные особенности боевых действий войск в битве под Москвой на примерах 16-й и 10-й армий Западного фронта. М., ВАФ, 1961, с. 35—37.

[2] ЦАМО, ф. 1512, оп. 1, д. 47, л. 41.

Таблица 12

Ширина и глубина полосы обороны стрелковых дивизий, действовавших на направлениях активных действий противника в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	Ширина полосы обороны, *км*	Глубина полосы обороны, *км*
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	14—20	3—4
	Зимняя 1941/42 г.	10—15	4—5
	Летне-осенняя 1942 г.	12—14	4—6
Второй	Зимняя 1942/43 г.	10—14	4—5
	Летне-осенняя 1943 г.	6—14	6—8
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	8—10	5—7
	Летне-осенняя 1944 г. и 1945 г. (в Европе)	6—12	6—8

* Таблица составлена на основе материалов: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., 1958; Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (краткий военно-исторический очерк). М., Воениздат, 1958, т. 1, 2; История войн и военного искусства. Альбом схем. М., Воениздат, 1970; Совстскос военное искусство в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1962, т. 1, 2.

ры полосы обороны дивизии, которые сложились к началу оборонительного боя. В целом же уменьшение ширины полосы обороны способствовало повышению плотности сил и средств и увеличению глубины построения обороны в дивизиях.

Таким образом, определяя задачи дивизиям первого эшелона при их переходе к обороне, командующие армиями (командиры корпусов) на основе принятого решения и замысла операции указывали: передний край главной полосы обороны, границы полосы обеспечения, начертание переднего края и позиций главной полосы обороны; районы сосредоточения основных усилий; порядок, сроки инженерного оборудования местности и готовность обороны в целом; мероприятия по обеспечению стыков и ответственных за них командиров; позиции боевого охранения и выделяемые для их обороны силы; меры по боевому обеспечению (ПТО, ПВО и др.); места пунктов управления.

Содержание задач стрелковых дивизий, составляющих резерв или второй эшелон

армии (корпуса) претерпело меньшие изменения. Накануне войны предполагалось, что свой резерв командующий армией должен применять в целях ликвидации вклинившегося противника путем нанесения контрудара. Однако претворить данное положение в жизнь с началом войны не всегда представлялось возможным. Отсутствие необходимого количества войск, широкие полосы обороны стрелковых соединений вынуждали командующих армиями иметь одноэшелонное построение при наличии небольшого резерва. На резерв обычно возлагалась задача по удержанию части армейской полосы обороны на наиболее опасном направлении или усилению соединений первого эшелона. Но по мере роста боевого состава и возможностей объединений создавались более сильные резервы и вторые эшелоны. Так, в оборонительных операциях под Москвой (октябрь 1941 г.) 16-я армия имела в резерве 126-ю стрелковую, 53-ю кавалерийскую дивизии и 1-ю гв. танковую бригаду [1]. Под Ленинградом в 42-й армии (сентябрь 1941 г.) был создан второй эшелон в составе 21-й стрелковой дивизии [2], а под Сталинградом (июль 1942 г.) в 62-й армии — в составе 184-й стрелковой дивизии. Располагаясь на армейской полосе обороны, эти соединения получали задачу: прочно оборонять занимаемую полосу шириной 10—15 *км* и быть в готовности к нанесению контрудара в двух-трех направлениях.

Во втором периоде войны (начиная с обороны под Курском) стрелковые дивизии, составлявшие вторые эшелоны корпусов, получали задачи на оборону второй полосы тактической зоны обороны и подготовку контратак по нескольким направлениям. Например, 307-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся во втором эшелоне 29-го стрелкового корпуса 13-й армии, наряду с прочным удержанием второй полосы обороны (ширина — 10 *км*) получила задачу на проведение контратак по трем возможным направлениям вклинения противника. Подобные задачи имели 74-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся во втором эшелоне 15-го стрелкового корпуса этой же армии, а также 90-я стрелковая дивизия 22-го гв. и 51-я гв. стрелковая дивизия 23-го гв. стрелковых корпусов 6-й гв. армии.

В третьем периоде войны в большинстве случаев переход к обороне осуществлялся на заключительном этапе наступательных операций. К этому времени обычно вторые эшелоны уже оказывались задействованными. Поэтому иметь вторые эшелоны корпусов, как правило, не представлялось возможным. Так, из пятнадцати стрелковых корпусов, переходивших

---

[1] ЦАМО, ф. 367, оп. 14466, д. 1, л. 98—100.

[2] См.: Боевые действия 42-й армии под Ленинградом. М., ВАФ, 1975, с. 20.

к обороне западнее Шауляя (август 1944 г.), западнее Будапешта (январь 1945 г.) и в районе озера Балатон (март 1945 г.), одиннадцать имели боевой порядок в один эшелон [1]. Но и при двухэшелонном построении на стрелковые дивизии вторых эшелонов корпусов в связи с понесенными потерями в ходе предшествовавшего наступления возлагались более ограниченные задачи, чем это имело место, например, в обороне под Курском. Из-за недостатка сил и средств контратаки в масштабе стрелкового корпуса в большинстве случаев не планировались. Поэтому содержанием боевых задач стрелковых дивизий в подобных условиях являлось прочное удержание занимаемых полос в целях воспрещения прорыва вражеских войск к наиболее важным объектам, захваченным в ходе наступления (городам, мостам, крупным водным преградам при обороне плацдармов и т. д.). Так, 16-й стрелковой дивизии — второму эшелону 54-го стрелкового корпуса 2-й гв. армии в Шауляйской оборонительной операции (август 1944 г.) была поставлена задача оборонять вторую полосу (ширина — 17 км) и не допустить прорыва противника в Шауляй и Груджей [2]. Аналогичным образом определялись задачи соединениям, находившимся во втором эшелоне 20-го гв. стрелкового корпуса 4-й гв. армии в Будапештской операции (январь 1945 г.), 135-го и 104-го стрелковых корпусов 26-й армии в обороне под озером Балатон (март 1945 г.)[3].

Как правило, соединениям второго эшелона командующие армиями (командиры корпусов) указывали полосы обороны и способы выполнения боевых задач. Последние в зависимости от обстановки (прежде всего от боевых возможностей второго эшелона) были различными. В большинстве случаев они заключались в том, чтобы прочно удерживать занимаемый рубеж обороны и быть в готовности к проведению контратак или маневру в нескольких направлениях.

Боевые задачи соединений бронетанковых и механизированных войск

По предвоенным взглядам, танковые и механизированные соединения могли переходить к обороне в самостоятельных полосах в исключительных случаях [4]. Основной их задачей являлись подготовка и проведение контратак (контрударов) в глубине обороны.

В соответствии с этими взглядами и ставились задачи танковым (механизированным) соединениям в первом периоде войны. Так, при подготовке обороны на волоколамском на-

---

[1] ЦАМО, ф. 345, оп. 5487, д. 5, л. 10—12.

[2] ЦАМО, ф. 522, оп. 142007, д. 1, л. 57—58.

[3] В соответствии с указаниями командующего 3-м Украинским фронтом контрудары наносить запрещалось, а контратаки разрешалось проводить только в исключительных случаях.

[4] Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, с. 431.

правлении (октябрь 1941 г.) командующий 16-й армией приказал 1-й гв. танковой бригаде сосредоточиться в районе Чесмены и подготовить контратаки в трех направлениях; одновременно силами бригады создать противотанковый район для уничтожения вражеских танков. Подобные задачи были определены 27-й и 28-й танковым бригадам этой же армии [1].

В последующие годы требования о необходимости привлечения танковых (механизированных) соединений для проведения контратак и контрударов были закреплены в руководящих документах и уставах, в частности в приказе Народного Комиссара Обороны № 325 от 16 октября 1942 г. и в проекте Полевого устава 1943 г. Эти требования широко претворялись в жизнь в боевой практике. Например, 13-й танковый и 4-й механизированный корпуса 13 декабря 1942 г. получили задачу от командующего Сталинградским фронтом нанести контрудар по группировке противника, пытавшегося деблокировать свои окруженные под Сталинградом войска. 16-й и 19-й танковые корпуса 2-й танковой армии Центрального фронта в обороне под Курском также предназначались для нанесения контрударов.

Однако в годы войны, как показал опыт, командующие фронтами, не отказываясь в принципе от этого активного способа борьбы с прорвавшимися группировками противника, в конкретно складывавшейся обстановке ставили задачу танковым (механизированным) корпусам на отражение наступления вражеских войск путем перехода их к обороне в самостоятельных полосах или совместно со стрелковыми соединениями. Характерным примером подобного применения танковых (механизированных) корпусов являлась 1-я танковая армия в обороне под Курском (июль 1943 г.). Соединения этой армии (31-й танковый и 3-й механизированный корпуса), а также 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса получили задачу обороняться во второй полосе и уничтожать наступавшего противника огнем с места. Такие же задачи ставились 23-му, 18-му танковым, 1-му гв. механизированному корпусам 3-го Украинского фронта в обороне у озера Балатон (март 1945 г.)[2]. Ширина полосы обороны танковых (механизированных) корпусов в том и другом случае составляла до 12 *км*.

В условиях, когда танковые (механизированные) корпуса переходили к обороне в ходе наступательных операций, ширина фронта обороны обычно совпадала с полосой наступления корпусов и составляла 4—10 *км*. Примером перехода к обороне в таких полосах являются 31-й танковый и 3-й механизированный корпуса 1-й гв. танковой армии в Белгород-

---

[1] ЦАМО, ф. 367, оп. 14466, д. 1, л. 98—100.
[2] ЦАМО, ф. 243, оп. 2912, д. 139, л. 347—348.

ско-Харьковской операции (август 1943 г.). Оба корпуса, прочно обороняясь в отведенной им полосе, должны были не допустить прорыва противника в направлении г. Богодухова. Наряду с этим командующий армией определил им необходимый объем работ по инженерному оборудованию местности и срок готовности обороны [1]. Аналогичные задачи получали соединения 5-й гв. танковой армии, переходившие к обороне в той же операции.

Если на создание обороны имелось необходимое время (свыше суток) и танковые соединения усиливались стрелковыми дивизиями, то ширина их полос составляла 25 *км* и более, а задачи определялись более детально. Так, 5-му гв. танковому корпусу 6-й танковой армии в Корсунь-Шевченковской операции (январь 1944 г.) не только указывались полоса обороны (ширина — 27 *км*), передний край, направление сосредоточения основных усилий, но и определялась отдельно задача приданной корпусу 2-й гв. воздушно-десантной дивизии и 6-й мотострелковой бригаде на создание главной полосы обороны, а танковым бригадам, выделявшимся в резерв, — задача на проведение контратак на двух вероятных направлениях наступления противника [2].

Наибольшую специфику имели задачи при переходе танковых (механизированных) соединений к обороне в значительном отрыве от стрелковых войск. Например, на завершающем этапе Люблинско-Брестской операции (под Варшавой в августе 1944 г.) соединения 2-й танковой армии были вынуждены отражать удары противника с фронта и тыла. Учитывая сложившуюся обстановку, командующий армией поставил 3-му танковому корпусу задачу на создание круговой обороны, ее инженерное оборудование, определив ширину и глубину полосы по 10 *км*. Одновременно корпусу было приказано иметь боевое охранение на удалении 2—4 *км* от переднего края и танковые засады на стыке с 8-м гв. танковым корпусом [3].

Таким образом, специфика перехода к обороне в отрыве от стрелковых соединений требовала, чтобы соединениям бронетанковых и механизированных войск более подробно указывались способы создания обороны, места танковых засад и особенности инженерного оборудования местности.

В целом, как показал опыт Великой Отечественной войны, для отражения наступления или контрударов противника танковые и механизированные корпуса могли занимать оборону самостоятельно или совместно с общевойсковыми соединениями как в ходе наступательных, так и в ходе оборонитель-

---

[1] ЦАМО, ф. 300, оп. 7508, д. 3, л. 93.
[2] ЦАМО, ф. 339, оп. 12854, д. 1, л. 133, 139—141.
[3] ЦАМО, ф. 307, оп. 4118, д. 196, л. 46—47.

ных операций. В этих случаях основной их задачей являлось упорное удержание выгодных рубежей или подготовленных позиций.

Тактические плотности

Стрелковая дивизия довоенной штатной организации, обороняясь в полосе шириной 8 *км*, могла иметь на 1 *км* фронта более одного стрелкового батальона, 18 орудий и минометов (без 50-*мм*) и 6—9 противотанковых орудий, эшелонированных по рубежам на глубину 2—3 *км*. С учетом средств усиления (два-три дивизиона артиллерии и один-два танковых батальона) плотности по орудиям и минометам могли подняться до 22—25, а танков — 3—6 единиц на 1 *км* полосы обороны.

В ходе оборонительных боев летом 1941 г. при увеличении ширины полос обороны и уменьшении численности стрелковых дивизий тактические плотности резко уменьшились — до 0,3—0,6 стрелкового батальона, 2—3 орудий и минометов, 2—3 противотанковых орудий. Наличие у обороняющихся таких плотностей не позволяло им противостоять наступлению противника, который на направлениях главного удара сосредоточивал до двух пехотных батальонов, 60—100 орудий и минометов, 10—15, а иногда и до 50—70 единиц танков на 1 *км* фронта наступления [1], чем добивался значительного превосходства над нашими войсками.

Но уже в оборонительных боях под Москвой, Ленинградом и на других направлениях четко вырисовывалась тенденция к увеличению тактических плотностей (табл. 13).

В последующем, как это видно из данных таблицы, идет неуклонное повышение тактических плотностей, в основе роста которых лежало увеличение количества придаваемых дивизиям средств усиления и сокращение ширины полос обороны. Например, 52-я гв. стрелковая дивизия 6-й гв. армии Воронежского фронта, обороняясь в полосе шириной 14 *км*, получила на усиление два полка истребительно-противотанковой артиллерии, танковый полк, батальон противотанковых ружей, две роты фугасных огнеметов, пушечный артиллерийский полк, два дивизиона гвардейских минометов и зенитно-артиллерийский полк [2].

В третьем периоде войны плотности увеличились в 1,5 раза по стрелковым батальонам и в 2—3 раза по артиллерии. Однако следует отметить, что существенного роста тактических плотностей танков и САУ в годы войны не произошло. Это объясняется как общей нехваткой танков и САУ, так и недостаточным усилением ими дивизий, оборонявшихся в пер-

---

[1] См.: *Багрее А. Д.* Военное искусство капиталистических государств. М., Воениздат, 1960, с. 89.

[2] ЦАМО, ф. 872, оп. 224711, д. 3, л. 10.

Таблица 13

Тактические плотности в обороне стрелковых дивизий в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	Плотность на 1 *км* фронта обороны			
		стрелковых батальонов	орудий и минометов (без 50-*мм*)	орудий ПТО	танков и САУ
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	0,3—0,6	2—3	2—3	—
	Зимняя 1941/42 гг.	0,6—0,7	7—9	2—3	1—2
	Летне-осенняя 1942 г.	До 0,8	10—15	3—4	1—2
Второй	Зимняя 1942/43 г.	0,6—0,8	12—18	3—4	2—2,5
	Летне-осенняя 1943 г.	До 1	До 25	5—6	2—3
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	0,8—1	15—20	5—8	До 2
	Летне-осенняя 1944 г.	0,9—1,1	До 25	6—7	1—2
	1945 г. (в Европе)	1—1,5	До 30	7—8	1—2

* Таблица составлена на основе материалов: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.; Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (краткий военно-исторический очерк); История войн и военного искусства; Советское военное искусство в Великой Отечественной войне, т. 1, 2.

вом эшелоне. Кроме того, в отличие от других средств усиления танковые (самоходно-артиллерийские) части и соединения до начала оборонительного сражения находились в руках командующих армиями и придавались стрелковым дивизиям в ходе оборонительного боя. Так, до начала оборонительных боев 81-я стрелковая дивизия 13-й армии (Курская битва) не имела ни одного танка и САУ. Но уже в первый день боя дивизия была усилена танковым полком, а в полосу ее обороны были выдвинуты танковая бригада и самоходно-артиллерийский полк [1]. В результате этого плотности танков и САУ увеличились до девяти на 1 *км* фронта обороны.

Таким образом, сокращение в ходе войны полос обороны, совершенствование организационно-штатной структуры стрелковых соединений, непрерывно возрастающее усиление дивизий силами и средствами вышестоящих инстанций привели к

[1] ЦАМО, ф. 888, оп. 22057, д. 7, л. 3.

значительному повышению тактических плотностей, которые превзошли довоенные. Возрастание тактических плотностей объективно увеличивало возможности дивизий по созданию устойчивой и активной обороны.

Тактические плотности в соединениях бронетанковых и механизированных войск в основном изменялись под воздействием тех же факторов, что и в стрелковых дивизиях. Однако существенное влияние на их различие оказывала специфика перехода танковых (механизированных) соединений, к обороне, которым в большинстве случаев в ходе наступления приходилось занимать ее, имея значительные потери в силах и средствах. Например, при переходе к обороне 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии под Богодуховом в августе 1943 г. плотности по танкам составляли 6, по орудиям и минометам—20, а по мотострелковым батальонам—0,4 единицы на 1 км фронта [1]. В третьем периоде войны тактические плотности несколько увеличились, особенно по танкам и САУ. Так, в обороне под Варшавой (Люблинско-Брестская операция, август 1944 г.) соединения 2-й танковой армии (3-й и 8-й гв. танковые корпуса) имели соответственно 19 и 20 танков на 1 *км* фронта [2]. В целом же плотности к концу войны составляли 5—20 танков и САУ, 7—20 орудий и минометов, 0,4—0,9 мотострелкового батальона на 1 *км* фронта обороны.

3. ПОСТРОЕНИЕ ОБОРОНЫ

Соединения и части, переходя к обороне, создавали определенную группировку сил и средств, готовили систему огня, производили инженерное оборудование местности, организовывали противотанковую оборону, а также проводили ряд других мероприятий по совершенствованию обороны. Все эти мероприятия составляли единое целое и осуществлялись одновременно на основе решаемых задач, оперативно-тактической обстановки, боевых возможностей войск, положений предвоенной теории и использования накопленного боевого опыта. Полевые уставы требовали, чтобы оборона была противоартиллерийской, противотанковой, противовоздушной, глубокоэшелонированной и при ее построении искусно использовалась местность и отсутствовал шаблон [3].

---

[1] ЦАМО, ф. 203, оп. 52360, д. 60, л. 221.

[2] ЦАМО, ф. 307, оп. 4148, д. 196, л. 46—47.

[3] См.: Полевой устав Красной Армии, 1941, ст. 364; Полевой устав Красной Армии. Проект, 1943, ст. 7, 475, 476.

Боевые порядки

Для успешного ведения оборонительного боя силы и средства стрелковых соединений группировались в соответствии с замыслом командиров. Это соответствие достигалось сосредоточением главных сил в тех районах местности, от удержания которых зависела устойчивость всей обороны.

По предвоенным взглядам, боевой порядок стрелковых соединений включал боевые эшелоны, артиллерийские группы, общий, танковый и противотанковый резервы. Стрелковый корпус обычно строил боевой порядок в один эшелон, а стрелковые дивизии, как правило, — в два эшелона (схема 8).

Первый эшелон предназначался для прочного удержания главной полосы, уничтожения огнем и контратаками наступавшего противника перед передним краем и при вклинении его в оборону, второй эшелон — для уничтожения противника, прорвавшегося в глубину обороны. Артиллерийские группы, как и в наступлении, создавались по характеру решаемых задач. Это были: группы поддержки пехоты (ПП); группы дальнего действия (ДД); зенитно-артиллерийские группы (ЗАГ). Общий резерв выделялся в корпусе, а в дивизии — при построении ее боевого порядка в один эшелон. Дивизионный резерв располагался не далее 6 *км* от переднего края. Считалось обязательным выделение артиллерийского противотанкового резерва, а при усилении соединений танками — и танкового резерва.

В условиях внезапного нападения фашистской Германии части и соединения, имея большой некомплект в личном составе и боевой технике, были вынуждены переходить к обороне, как правило, на широком фронте. Глубокое построение их боевых порядков не соответствовало реальным боевым возможностям. Поэтому уже в ходе летне-осенней кампании 1941 г. командиры соединений стали отказываться от расчленения боевого порядка по глубине. Имея один эшелон и небольшие резервы, стрелковые дивизии могли использовать до 80—85% огневых средств в борьбе за передний край и первую позицию. В состав резерва выделялся обычно стрелковый батальон. Недостаток артиллерии привел к уменьшению числа групп поддержки пехоты и ослаблению их состава. Такой боевой порядок в битве под Москвой в октябре — ноябре 1941 г. имели до 70—75% всех дивизий.

Все увеличивавшийся состав действующей армии и учет опыта боев 1941 г. позволили в летне-осенней кампании 1942 г. на главных направлениях и на стабилизировавшихся участках фронта боевые порядки вновь эшелонировать в глубину. Примером такого построения могут служить 33-я гв. и 181-я стрелковые дивизии 62-й армии Сталинградского фронта в ию-

ле 1942 г., 13-я и 189-я стрелковые дивизии 42-й армии Ленинградского фронта в июне 1942 г. Их боевой порядок состоял из двух эшелонов с выделением общего, танкового и противотанкового резервов [1]. Такое построение повысило устойчивость и активность обороны в тактическом звене.

Во втором периоде войны в связи с возросшим сопротивлением советских войск противник перешел к еще большему массированию танков на направлении главного удара. Это вызвало дальнейшее развитие боевых порядков стрелковых соединений. Так, в обороне под Курском стрелковые корпуса, занимавшие оборону на важнейших направлениях, в отличие от предвоенных взглядов стали строиться в два эшелона [2]. В стрелковой дивизии создаются более мощные по своему составу артиллерийские группы дальнего действия и поддержки пехоты. Выделяется общий резерв даже при наличии второго эшелона; как правило, создается артиллерийский противотанковый резерв, а при усилении танками — и танковый резерв. Обязательным элементом боевого порядка становится подвижный отряд заграждений, который создавался в целях быстрой установки минных заграждений на путях движения прорвавшихся танков противника.

Развитие боевых порядков соединений в глубину не было простым возвращением к пройденному. Если по довоенным взглядам наращивание усилий в обороне достигалось созданием в корпусе общего резерва, то теперь — за счет второго эшелона, который по своему составу был примерно в три раза больше, чем резерв. Наличие в стрелковых дивизиях мощных артиллерийских групп, более сильных резервов и подвижного отряда заграждений сделали оборону еще более устойчивой и активной.

С завершением коренного перелома в войне преимущественным видом вооруженной борьбы стало наступление. Однако построение обороны продолжало оставаться глубокоэшелонированным, а элементы боевых порядков совершенствовались. Так, с осени 1944 г. вместо групп поддержки пехоты и дальнего действия, как и в наступательном бою, в каждой части и соединении стали создавать по одной артиллерийской груп-

---

[1] В 62-й армии каждая из стрелковых дивизий получила по одному истребительно-противотанковому артиллерийскому полку (пятибатарейного состава), который использовался в качестве ее артиллерийско-противотанкового резерва (Истребительно-противотанковая артиллерия в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1957, с. 62—64). Однако в целом, выделение артиллерийско-противотанкового резерва в стрелковых дивизиях в это время было все еще сравнительно редким явлением.

[2] Следует отметить, что корпусное звено управления в армиях было воссоздано после того, как оборона под Курском была уже построена. Поэтому корпусные группы ДД и АПТР в боевом порядке отсутствовали. Все средства усиления были переданы в стрелковые дивизии или включены в армейские резервы.

ле: полковой (ПАГ), дивизионной (ДАГ) и корпусной (КАГ)[1].

В состав противотанкового резерва соединения в ряде случаев включаются самоходно-артиллерийские установки, в том числе крупного калибра, для борьбы с тяжелыми танками противника. В связи с переводом артиллерии на механичскую тягу и появлением новых противотанковых орудий АПТР становятся более мощными и подвижными.

С началом войны Сухопутные войска испытывали острый недостаток в зенитных средствах. Поэтому на практике в первом периоде войны зенитная артиллерийская группа в тактическом звене не создавалась. Начиная с битвы под Курском, созданные в конце первого периода зенитные артиллерийские дивизии РВГК стали решать не только оперативные, но и тактические задачи. В ряде случаев из них создавались корпусные зенитно-артиллерийские группы, например в 29-м и 15-м стрелковых корпусах 13-й армии (июль 1943 г.).

Таким образом, развитие боевых порядков стрелковых соединений в оборонительных боях Великой Отечественной войны шло по линии: эшелонирования в глубину; появления новых элементов, количественного и качественного усиления всех элементов за исключением дивизионной зенитной группы, которая из-за отсутствия средств не создавалась. Вместе с тем опыт войны показывает, что построение боевого порядка соединений и частей не было шаблонным. Оно зависело от условий обстановки и боевых возможностей. Эта зависимость сохраняется и в настоящее время.

Особенности боевых порядков танковых (механизированных) корпусов при организации обороны на самостоятельных направлениях были обусловлены их такими сравнительно высокими боевыми качествами, как подвижность, мощный огонь, большая сила удара и броневая защита. Поэтому в отличие от стрелковых соединений они имели меньшее число элементов: обычно два эшелона и лишь в отдельных случаях резерв, артиллерийскую группу и подвижный отряд заграждений. При этом в первый эшелон выделялись, как правило, мотопехота, а во второй эшелон и в резерв — танковые части.

В начальном периоде войны соединения танковых войск, получая самостоятельные полосы для прикрытия отхода общевойсковых армий на новые рубежи, часто переходили к обороне при наличии открытых флангов и высокой активности противника. Такие условия и широкие полосы обороны заставляли командиров соединений применять одноэшелонные боевые порядки, создавать сильный резерв и артиллерий-

[1] См.: Военно-исторический журнал, 1974, № 3, с. 70.

скую группу, а также выделять до пяти-семи танковых засад на флангах и в глубине обороны. Так строили свои боевые порядки 8-я танковая дивизия юго-восточнее Винницы, 10-я танковая дивизия западнее Броды, 28-я танковая дивизия на северном берегу реки Западная Двина в июле 1941 г.

Опыт создания танковых засад был широко использован в битве под Москвой. Например, 4-я танковая бригада, обороняя самостоятельную полосу вдоль шоссе Орел — Мценск в начале октября 1941 г., имела боевой порядок в два эшелона. Между ними располагались танковые засады, которые перекрывали все дороги и одновременно обеспечивали фланги. В первом эшелоне находился мотострелковый батальон, усиленный танками, во втором — танковый полк, которому было назначено два направления для контратак.

В конце первого периода войны специальный приказ Народного Комиссара Обороны от 16 октября 1942 г. запретил использовать танковые полки, бригады и корпуса для обороны самостоятельных участков и полос. Однако боевая практика второго периода войны вновь подтвердила необходимость в определенных условиях обстановки назначать соединениям бронетанковых и механизированных войск самостоятельные полосы для прочного их удержания в обороне, а также в целях отражения контрударов противника в ходе развития успеха в оперативной глубине или для закрепления захваченного рубежа, плацдарма в конце наступательной операции. Поэтому новый устав бронетанковых и механизированных войск, вышедший в 1944 г., закрепил полученный боевой опыт и определил, в каких полосах могут обороняться танковые и механизированные соединения. Боевой порядок их предусматривалось иметь в один-два эшелона с выделением артиллерийской группы, артиллерийско-противотанкового резерва, подвижного отряда заграждений и резервов специальных войск. При этом в танковом корпусе в первый эшелон выделялись, как правило, две танковые и мотострелковая бригады, усиленные артиллерией, самоходно-артиллерийскими установками, а иногда и саперными подразделениями. В механизированном корпусе первый эшелон обычно состоял из трех механизированных бригад, танковая бригада составляла второй эшелон.

В ходе наступательных операций танковые и механизированные корпуса, действуя в качестве подвижных групп общевойсковых оперативных объединений, иногда были вынуждены переходить к обороне для отражения контрударов противника. Например, в такой обстановке переходили к обороне 6-й и 31-й танковые корпуса в районе Богодухова (август 1943 г.), 9-й танковый корпус в районе Титовки (июнь 1944 г.), 7-й и 4-й гв. механизированные корпуса в районе реки Прут (август 1944 г.). При наличии открытых флангов и значительных разрывов между соединениями и частями

оборона преимущественно создавалась круговой, а боевой порядок строился в один эшелон с выделением сильных резервов, особенно артиллерийско-противотанкового.

Инженерное оборудование местности в обороне стрелковых соединений

Согласно предвоенной теории оборона стрелкового корпуса включала: предполье (полосу обеспечения), главную (основную) и вторую оборонительные полосы. Расстояние от переднего края предполья до тыловой границы второй полосы составляло тактическую зону обороны. Глубина ее была 30—36 *км* [1].

Полоса обеспечения создавалась при заблаговременной подготовке обороны с целью задержать и измотать наступающего противника. Глубина ее определялась в 10—15 *км*.

За тыловой границей предполья предусматривалось создавать позицию боевого охранения глубиной 1—3 *км*, а на важнейших направлениях — передовую позицию. При наличии последней позиция боевого охранения не строилась.

Главная (основная) полоса обороны глубиной 8—10 *км* оборудовалась с расчетом, что «в бою за нее наступающий противник будет остановлен и разбит»[2]. Она состояла из трех позиций: главной позиции сопротивления и позиций вторых эшелонов стрелковых полков и дивизии [3]. В первой полосе располагались стрелковые дивизии и вся корпусная артиллерия. Полоса в наибольшей степени усиливалась огневыми средствами, противопехотными и противотанковыми препятствиями, особенно перед ее передним краем.

Вторая полоса обороны глубиной 4—6 *км* создавалась по распоряжению командира корпуса с целью остановить наступление прорвавшегося противника и создать условия своим войскам для контратаки из глубины. Она проходила в 10—15 *км* от переднего края главной полосы. Как показали расчеты, такое удаление исключало возможность непосредственной атаки второй полосы в случае прорыва главной полосы, так как вынуждало противника производить перегруппировку войск и перемещать всю артиллерию.

Основное внимание в ходе строительства полос и позиций уделялось созданию сильно укрепленных, насыщенных огнем ротных и батальонных районов обороны. Считалось, что удачное приспособление мелких огневых групп к местности и их огневое взаимодействие дадут наибольший эффект в борьбе с танками противника. В этой связи произошел отказ от системы вытянутых в одну линию позиций и сплошных траншей, широко применявшихся в годы первой мировой войны.

---

[1] См.: Общая тактика, 1940, т. 1, с. 220—234; Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 369—378.

[2] Полевой устав Красной Армии. Проект, 1940, ст. 214.

[3] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 374—376.

В целом оборона перед войной создавалась достаточно глубокой, но имела очаговый характер.

Однако в годы Великой Отечественной войны в обороне произошли существенные изменения. Организация обороны большей частью в непосредственном соприкосновении с противником, в широких полосах, при недостатке сил и средств, ликвидации корпусного звена управления вынуждала наши войска в летне-осенней кампании 1941 г. строить тактическую оборону, включавшую, как правило, лишь главную полосу глубиной 3—4 *км*, которая в инженерном отношении представляла собой одну позицию, оборудованную окопами на стрелковое отделение в системе взводных, ротных и батальонных районов обороны (схема 9). В ряде случаев подобное оборудование местности в инженерном отношении осуществлялось и в районах расположения вторых эшелонов полков и дивизий (53-я стрелковая дивизия 43-й армии в битве под Москвой в октябре 1941 г., 70, 125 и 90-я стрелковые дивизии под Ленинградом в октябре 1941 г., соединения Приморской армии под Севастополем и т. д.). Этим самым складывался прообраз будущих оборонительных позиций в глубине главной полосы.

При переходе к обороне при отсутствии непосредственного соприкосновения с противником стрелковые дивизии иногда создавали полосу обеспечения. Такие случаи имели место, например, при отходе войск (32-я стрелковая дивизия 5-й армии в обороне под Москвой, октябрь 1941 г.); 168-я стрелковая дивизия 55-й армии под Ленинградом, сентябрь 1941 г. и др.), при создании фронта обороны на новом рубеже в глубине (90-я стрелковая дивизия Лужской оперативной группы войск, июль 1941 г.; 153-я дивизия 20-й армии в Смоленском оборонительном сражении; 33-я гв. дивизия 62-й армии в обороне под Сталинградом, июль 1942 г. и др.), а также при закреплении достигнутого рубежа на заключительном этапе наступательных операций (121-я гв. дивизия 13-й армии в Житомирско-Бердичевской операции, январь 1944 г.; 33-я и 2-я гвардейские дивизии 2-й гв. армии под Шауляем, август 1944 г. и др.). Глубина полос обеспечения в первом периоде достигла 40—45 *км*, при общей тенденции к ее сокращению в конце войны.

Отсутствие в обороне сплошных траншей и ходов сообщения затрудняло проведение маневра и обеспечение скрытого расположения войск, а также сохранение их от поражения огнем артиллерии, минометов и ударов авиации. Лишь в битве под Москвой войска начали соединять отдельные стрелковые окопы траншеями по фронту сначала в границах взводных, а затем ротных и батальонных районов обороны. В результате этого на переднем крае стала создаваться сплошная

траншея (50-я и 32-я стрелковые дивизии, 82-я и 1-я гв. мотострелковые дивизии, ноябрь 1941 г.).

В летне-осенней кампании 1942 г. вторые эшелоны полков и дивизий значительно чаще готовили батальонные районы обороны. Тенденция к оборудованию в главной полосе кроме основной еще двух других позиций получила дальнейшее развитие. Совершенствовалась система противотанковых заграждений особенно на направлениях, где противник был остановлен и фронт стабилизировался. Однако в целом и к концу первого периода инженерное оборудование местности в обороне еще не полностью удовлетворяло требованиям, предъявляемым к ней.

В последующие годы на основе учета предшествовавшего опыта и восстановления корпусных управлений глубина тактической зоны обороны увеличилась с 4—6 *км* (1942 г.) до 15—20 *км* (1943—1945 гг.) путем создания второй полосы. Каждая полоса в ней стала состоять из двух-трех позиций[1], оборудованных системой траншей и ходов сообщения. Глубина каждой позиции составляла 1,5—2 *км*.

Первая позиция являлась важнейшей в составе главной полосы обороны. Она предназначалась для нанесения противнику решительного поражения с целью не допустить прорыва им переднего края этой полосы. Стрелковые батальоны, оборонявшие позиции, готовили не менее трех траншей.

Первая траншея служила передним краем главной полосы обороны. В этой траншее и в прилегающих к ней ходах сообщения располагались два стрелковых взвода рот первого эшелона с приданными им пулеметами.

Вторая траншея предназначалась для расположения в ней остальных взводов рот первого эшелона батальона, ротных и приданных роте станковых пулеметов. Все огневые средства ее должны были поражать атаковавшего противника действительным огнем перед первой траншеей, а взводы иметь возможность быстро выдвигаться в первую траншею и изготавливаться к бою до того, как пехота противника подойдет к ней на расстояние броска ручной гранаты. Вражеская артиллерия и минометы не должны были поражать огнем, ведущимся на одном прицеле, одновременно две траншеи. В целях удовлетворения этим требованиям вторая траншея располагалась в 150—300 *м* от первой.

Третья траншея служила для размещения в ней роты второго эшелона батальона и приданных ей станковых пулеметов. Удаление третьей траншеи от второй (600—800 *м*) опре-

---

[1] Основной, промежуточной и запасной. К концу войны они получили наименование первой, второй и третьей, так как прежние названия уже не отражали характера задач, выполняемых войсками на этих позициях. На второй полосе наиболее полно в инженерном отношении оборудовалась первая позиция.

делялось необходимостью простреливать всю местность между ними действительным огнем пулеметов, быстро выдвигать подразделения во вторую траншею для отражения атаки или контратаки противника, исключить возможность наблюдения за ней с наземных наблюдательных пунктов противника.

Появление траншей не являлось простым возвращением к старому. В отличие от опыта первой мировой войны они имели более сложную конфигурацию — на каждые 100 *м* 3—4 излома и оборудовались для внешней и внутренней обороны не отдельными «центрами сопротивления», как ранее, а по всему периметру. Для обеспечения внешней обороны в траншеях устраивали выносные и врезные ячейки, универсальные и выносные площадки для автоматчиков, ручных (станковых) и зенитных пулеметов, противотанковых ружей и ротных минометов. Траншеи имели приспособления для обороны входов в землянки и убежища, отражения ручных гранат противника, а также для метания гранат и бутылок. Траншеи для внутренней обороны обеспечивались специальными гнездами для стрелков, рогатками, земляными мешками для заграждения, управляемыми фугасами, гранатами и минами.

Первая и вторая траншеи связывались между собой ходами сообщения — по одному на каждый взвод, располагавшийся в первой траншее, а вторая и третья траншеи — по одному на каждую роту первого эшелона батальона. Создававшаяся из траншей и ходов сообщения сетка обеспечивала круговую оборону батальонных и ротных районов, быстрый и скрытый маневр войск по фронту и глубине и затрудняла противнику вскрытие расположения боевого порядка и системы огня в обороне.

Траншеи и ходы сообщения не являлись единственными инженерными сооружениями в обороне дивизии. В зависимости от наличия времени и условий обстановки в каждом батальонном районе возводились огневые сооружения (железобетонные, стальные или броневые колпаки, капониры или полукапониры), отрывались укрытия (подбрустверные блиндажи, крытые щели) и огневые позиции для орудий и минометов; оборудовались командные и наблюдательные пункты, районы огневых позиций артиллерийских групп, районы расположения резервов, рубежи развертывания и направления контратак; готовилась система заграждений по всей глубине обороны стрелковой дивизии (противотанковые и противопехотные минные поля, противотанковые рвы), проводились маскировочные и другие мероприятия. Такое инженерное оборудование местности, значительно увеличивая устойчивость обороны в противотанковом, противоартиллерийском и противовоздушном отношении, требовало проведения большого объема работ. Некоторое представление об этом дают данные таблицы 14.

Таблица 14

Протяженность и плотность траншей и ходов сообщения в обороне стрелковой дивизии *

Периоды войны	Дивизия, армия, время, операция	Ширина полосы обороны, *км*	Общая протяженность открытых траншей и ходов сообщения, *км*	Плотность траншей и ходов сообщения (на 1 *км* фронта), *км*
Первый	1 гв. мсд 33 А, ноябрь 1941 г., битва под Москвой	11	1,8	0,16
	13 сд 42 А, июль 1942 г., битва под Ленинградом	6,5	14,9	2,3
Второй	8 сд 13 А, июль 1943 г., битва под Курском	6	71	11,8
	81 сд 13 А, июль 1943 г., битва под Курском	12	110	9,1
	15 сд 13 А, июль 1943 г., битва под Курском	11	80	7,2
Третий	253 сд 3 гв. А, август 1944 г., оборона Сандомирского плацдарма	10	102	10,2

* Таблица составлена на основе материалов: ЦАМО, ф. 388, оп. 1, д. 123, л. 2—18, д. 4, л. 80—127; ф. 397, оп. 2901 сс, д. 33, л. 2—9.

Из данных таблицы видно, что во втором и третьем периодах войны объем работ при отрывке траншей и ходов сообщения возрос в 40—60 раз по сравнению с объемом работ в конце летне-осенней кампании 1941 г. Выполнить такую работу вручную можно было лишь при самом широком привлечении личного состава стрелковых войск. Опыт показал, что для производства всего объема работ по строительству траншей и ходов сообщения в полосе обороны дивизии при норме 6 *пог. м* траншей полного профиля на человека в сутки при выделении 75—80% пехоты от общего количества необходимой рабочей силы требовалось затратить 18—20 суток против 4—5 суток, предусмотренных довоенными нормативами [1]. В целях неко-

[1] Расчеты произведены по материалам: Общая тактика. 1940, т. 1, с. 245—246; 1941, т. 3, с. 50—51, 128—136.

торого сокращения этих сроков в третьем периоде войны саперы использовали взрывчатые вещества, в том числе трофейный порох [1].

Вторая и третья позиции предназначались для того, чтобы остановить и уничтожить противника, прорвавшегося через первую позицию или полковые участки. Их инженерное оборудование к концу войны стало в целом соответствовать оборудованию первой позиции.

Основная масса артиллерийских позиций создавалась в пределах от первой траншеи второй позиции до переднего края третьей цозиции. Глубже располагалась дальнобойная артиллерия. Такое расположение создавало благоприятные условия для поражения противника действительным огнем перед передним краем главной полосы обороны и вклинения его в глубину полковых участков. В то же время артиллерия надежно прикрывалась войсками, занимавшими подготовленные позиции.

Дивизия второго эшелона корпуса, занимавшая вторую полосу, обычно имела боевой порядок в один эшелон и нуждалась лишь в двух позициях. Поэтому глубина этой полосы не превышала 5 *км*.

Таким образом, инженерное оборудование местности в обороне стрелковых соединений постоянно совершенствовалось. Оно осуществлялось в соответствии с создаваемой группировкой войск и требованиями более успешного выполнения поставленных задач подразделениями, частями, соединениями, каждым элементом боевого порядка. В ходе войны войска перешли от оборудования опорных пунктов и районов обороны отдельными окопами к созданию системы траншей и ходов сообщения с оснащением их приспособлениями для внешней и внутренней обороны, с подготовкой исходных рубежей для контратак, созданием ложных и запасных оборонительных сооружений, укрытий, маскировкой позиции и т. д. Система заграждений стала организовываться прежде всего в целях борьбы с танками противника. Поэтому ее основу составляли минно-взрывные противотанковые заграждения. Рассмотренный опыт создания фортификационных сооружений и системы инженерных заграждений представляет определенный интерес и для современных условий.

Инженерное оборудование местности в обороне соединений бронетанковых и механизированных войск имело целый ряд особенностей. В первом периоде войны, когда соединения бронетанковых и механизированных войск были вынуждены вести оборонительные действия с отходом на большую глубину, они чаще применяли маневрен-

---

[1] См.: *Бирюков П. И.* и др. Инженерные войска Советской Армии. М., ВИКА, 1962, с. 263.

ную, чем позиционную оборону. Недостаток сил, средств, времени и широкие полосы обороны не позволяли производить необходимое оборудование местности в инженерном отношении. Главным в этих условиях было умелое использование ее защитных свойств. Оборонительные рубежи выбирались по возможности за естественными препятствиями, которые в значительной степени затрудняли действия противника, особенно его танков. Вместе с тем рубежи выбирались с таким расчетом, чтобы местность перед ними позволяла вести сосредоточенный и прицельный огонь артиллерией и танками. Одновременно предусматривалось, чтобы тыл оборонительных рубежей был по возможности закрыт от наземного и воздушного противника и обеспечивал частям и соединениям проведение скрытого маневра резервами и отвод войск на следующий рубеж. Основные усилия в обороне сосредоточивались на наиболее важных направлениях, главным образом на удержании узлов дорог, населенных пунктов, мест удобных для форсирования рек.

В последующем ходе войны была получена достаточная практика инженерного оборудования местности танковыми и механизированными корпусами при обороне самостоятельных полос. Своеобразие этого опыта заключалось в следующем. Танковый корпус в зависимости от условий перехода к обороне готовил одну-две полосы глубиной от 6—8 *км* (16-й танковый корпус 2-й танковой армии, 6-й танковый корпус 1-й танковой армии в обороне под Курском, июль 1943 г.) до 15—20 км (1-й танковый корпус в районе Шауляя, август 1944 г.). Позиции танковых соединений были не сплошными, а прерывчатыми. Их основой являлись районы обороны танковых батальонов, которые обычно включали два ротных района, опорный пункт (огневые позиции) резерва и позиции засад. Иногда создавался ложный передний край для маскировки организованных в системе обороны огневых «мешков». Приданная каждому батальону мотопехота самостоятельного района для обороны не получала, а располагалась в районах обороны танковых рот в 100—200 *м* впереди расположения танков, а также на стыках и флангах для непосредственной защиты машин в бою от вражеских истребителей танков, а также для несения службы в боевом охранении.

Ротный район включал взводные опорные пункты (огневые позиции танков). Интервалы между танками по фронту составляли примерно 100 *м*, дистанции — до 200 *м*. Для каждого танка готовились два окопа — основной и запасный. Создавались противотанковые заграждения (минные поля, завалы), расчищались места, мешающие обзору и обстрелу, подготавливались направления контратак резерва. Танковые соединения получили большой опыт в создании танковых засад. Место для них выбиралось с таким расчетом, чтобы наиболее

полно использовать препятствия со стороны противника, образовать огневые мешки, иметь возможность скрытно отойти после выполнения задачи или провести решительную контратаку. Для этого позиции готовились на обратных скатах высот, на опушках лесов, рощ и в других местах, обеспечивающих скрытое расположение танков и удобство ведения огня. Особое внимание обращалось на маскировку не только машин, но и оставленных ими следов. Прекращалось всякое движение личного состава.

Механизированные корпуса чаще всего готовили одну полосу. Ее первая позиция занималась мотопехотой (мотострелковыми батальонами механизированных бригад), вторая — танковыми полками (резерв механизированных бригад) и третья танковой бригадой (резерв механизированного корпуса). По такому принципу создавалась оборона, например, 9-м механизированным корпусом при отражении контрудара противника в районе Казатина (ноябрь 1943 г.), 1-м гв. механизированным корпусом в районе озера Балатон (март 1945 г.). Инженерное оборудование местности осуществлялось на основе положений, рассмотренных для стрелковых соединений.

Система огня

Система огня в обороне — это организованное по единому плану стрелкового соединения сочетание огня всех видов оружия для поражения противника.

В предвоенные годы основу системы огня стрелковых соединений составлял огонь стрелкового оружия всех видов, дополняемый огнем артиллерии. Считалось, что пехота создает непреодолимый огонь, когда на 1 *пог. м* фронта в минуту падает не менее 5 пуль.

Оборонительные бои первого периода войны вскрыли слабые стороны в организации системы огня. Плотность огня стрелкового оружия была в 3—4 раза ниже довоенных нормативов, а общая глубина системы огня стрелковых соединений значительно уменьшилась (табл. 15).

Таблица 15

Некоторые показатели системы огня в обороне стрелковой дивизии в годы войны [1]

Показатели	Довоенные взгляды	Периоды войны		
		Первый	Второй	Третий
Плотность орудий и минометов на 1 *км*	14—18	5—18	15—37	20—60

[1] Таблица составлена по материалам: ЦАМО, ф. 811, оп. 42455, д. 10, л. 3—50; ф. 9607, оп. 15393, д. 6, л. 25; ф. 475, оп. 8891, д. 7, л. 37; ф. 475, оп. 76/18, д. 478, л. 204; Общая тактика, 1940, т. 1, с. 234—237; Боевой устав пехоты. М., 1940, ч. 2, ст. 210—211, 610—613, 1069—1073; Боевой устав пехоты, 1942, ч. 2, ст. 144, 610—615.

Продолжение таблицы 15

Показатели	Довоенные взгляды	Периоды войны		
		Первый	Второй	Третий
Возможности артиллерии стрелковой дивизии по постановке:				
НЗО, *м*	6660	2320	6570	7400
ПЗО, *м*	1500	600	800	1000
Глубина системы огня, *км:*				
стрелковой дивизии	6—8	3—5	6—7	6—8
стрелкового корпуса	12—15	—	10—15	15—20
Максимальная дальность использования стрелкового оружия, *м*	От 1000 до 3000 (станковые пулеметы)		400—1000	400—1000
Глубина зоны сплошного огня стрелкового оружия, *м*	400	400	400	200—400
Максимальная плотность огня стрелкового оружия (число пуль в мин) на 1 *пог. м* фронта	5	1,2—1,6	До 10	9—12

Как видно из данных таблицы, в ходе войны плотность артиллерии в обороне непрерывно повышалась. В третьем периоде войны по сравнению с первым периодом более чем в три раза возросли возможности стрелковой дивизии по постановке неподвижного и подвижного заградительного огня своей штатной артиллерией. В 7—8 раз увеличились максимальные плотности огня стрелкового оружия. Это обстоятельство, а также учет боевого опыта сделали огонь орудий, минометов и пулеметов в сочетании с инженерными заграждениями основой системы огня дивизии.

Система огня создавалась с целью: задержать подход противника дальними огневыми нападениями артиллерии; нанести поражение противнику при его сосредоточении и развертывании для наступления массированным и сосредоточенным огнем; отразить атаку противника сплошным многослойным огнем всех видов оружия перед передним краем обороны; уничтожить противника, вклинившегося в глубину обороны; поддержать контратаки вторых эшелонов и резервов.

Для артиллерии в системе огня стали планироваться участки сосредоточенного огня и районы массированного огня для поражения артиллерийских средств противника, его танков и мотопехоты при их выдвижении и развертывании для наступления, рубежи заградительного огня и огонь орудий прямой наводкой для отражения атак противника перед передним краем обороны. Для поражения противника, вклинившегося в оборону, обеспечения стыков, флангов и промежутков, а также для поддержки контратак подготавливались массированный, сосредоточенный и заградительный огонь. Противотанковый огонь включал в основном огонь противотанковых орудий, самоходно-артиллерийских установок, танков, выделенных на усиление обороны подразделений, противотанковых ружей. Для стрелкового оружия в системе огня предусматривалось создание зон сплошного пулеметно-автоматического огня перед передним краем обороны и в глубине обороны перед второй и третьей позициями главной полосы, перед второй полосой обороны. На флангах и стыках система огня организовывалась таким образом, чтобы можно было отразить атаки противника в условиях ночи, тумана, снегопада и при искусственном задымлении. Вместе с тем к концу войны глубина зоны сплошного огня стрелкового оружия несколько уменьшилась (с 400 до 200 *м*), поскольку она стала обеспечиваться в основном огнем пистолетов-пулеметов; сосредоточенный огонь пулеметов на дистанцию 1000 *м* и более в связи со слабой эффективностью стрельбы на такое расстояние и ростом плотности артиллерии больше не планировался.

Таким образом, система огня в годы войны развивалась в направлении объединения огня всех видов оружия при тесном их взаимодействии в целях поражения противника, начиная с дальних подступов к обороне, наращивания мощи огня по мере подхода противника к переднему краю, его массирования в районах сосредоточения главных усилий и широкого маневра для поражения противника на тех направлениях (участках), где он пытался атаковать, а также для прикрытия заграждений в целях срыва попыток противника проделать в них проходы. Такой подход к созданию системы огня полностью применим и в современных условиях.

Особенности системы огня танковых (механизированных) корпусов вытекали из того, что ее основой являлся огонь танков и САУ в сочетании с заграждениями и огнем артиллерии, минометов, стрелкового оружия мотопехоты. Система огня строилась с таким расчетом, чтобы обеспечивалось поражение танков и пехоты противника перед передним краем, уничтожение прорвавшихся танков и САУ противника в тактической глубине обороны и создание зон сплошного противотанкового огня на танкоопасных направлениях.

Противотанковая оборона

В предвоенные годы противотанковая оборона основывалась на использовании естественных препятствий, усиливаемых заграждениями, огня всех видов и маневра противотанковыми средствами. Противотанковая оборона являлась одним из видов боевого обеспечения.

В начале войны противотанковая оборона состояла из противотанковых рубежей, противотанковых районов (пторов) и противотанковых опорных пунктов (птопов) [1]. Основным средством борьбы с танками противника считалась противотанковая артиллерия. Кроме нее в систему противотанкового огня включался огонь полковой артиллерии и огонь групп поддержки пехоты и дальнего действия [2].

Недостатками противотанковой обороны являлись: неглубокое ее построение и относительно равномерное расположение противотанковых орудий по фронту (по рубежам, а не по направлениям), сравнительно невысокие плотности противотанковой артиллерии (6—9 орудий на 1 *км* фронта), размещение огневых позиций артиллерии (групп ДД, ПП, ЗАГ) и противотанковых районов на труднодоступных для танков участках местности [3], а не на танкоопасных направлениях.

Указанные недостатки, а также неблагоприятная для советских войск обстановка начала войны, острая нехватка противотанковых средств и отсутствие необходимого боевого опыта являлись основными причинами того, что летом 1941 г. не всегда удавалось организовывать достаточно устойчивую в противотанковом отношении оборону. Основу противотанковой обороны в это время обычно составлял огонь отдельных противотанковых орудий, расположенных на глубине 2—3 *км* от переднего края (схема 10). Плотность их не превышала 1—4 орудий на 1 *км* фронта. При этом отдельные командиры распределяли орудия равномерно по всему фронту, без достаточного учета танкоопасных направлений, не всегда привлекали артиллерию групп поддержки пехоты и дальнего действия, зенитные средства для борьбы с танками огнем прямой наводкой, недооценивали важность инженерных заграждений и т. д.

---

[1] По предвоенной терминологии: «противотанковый рубеж» — сплошная полоса из различного рода противотанковых препятствий, которая прикрывает танкодоступные участки как на переднем крае, так и в глубине; «противотанковый район» — участок труднодоступной для танков местности в глубине обороны (лес, овраг, река и т. д.), усиленный инженерными заграждениями; оборонялся подразделениями противотанковой артиллерии и ударной группой (вторым эшелоном) стрелковой дивизии (полков); «противотанковый опорный пункт» отличался от противотанкового района тем, что в нем располагались только подразделения противотанковой артиллерии.

[2] См.: Боевой устав артиллерии РККА, 1938, ч. 2, ст. 228—234.

[3] См.: Временный Полевой устав РККА, 1936, ст. 71; Полевой устав Красной Армии. Проект, 1940, ст. 149.

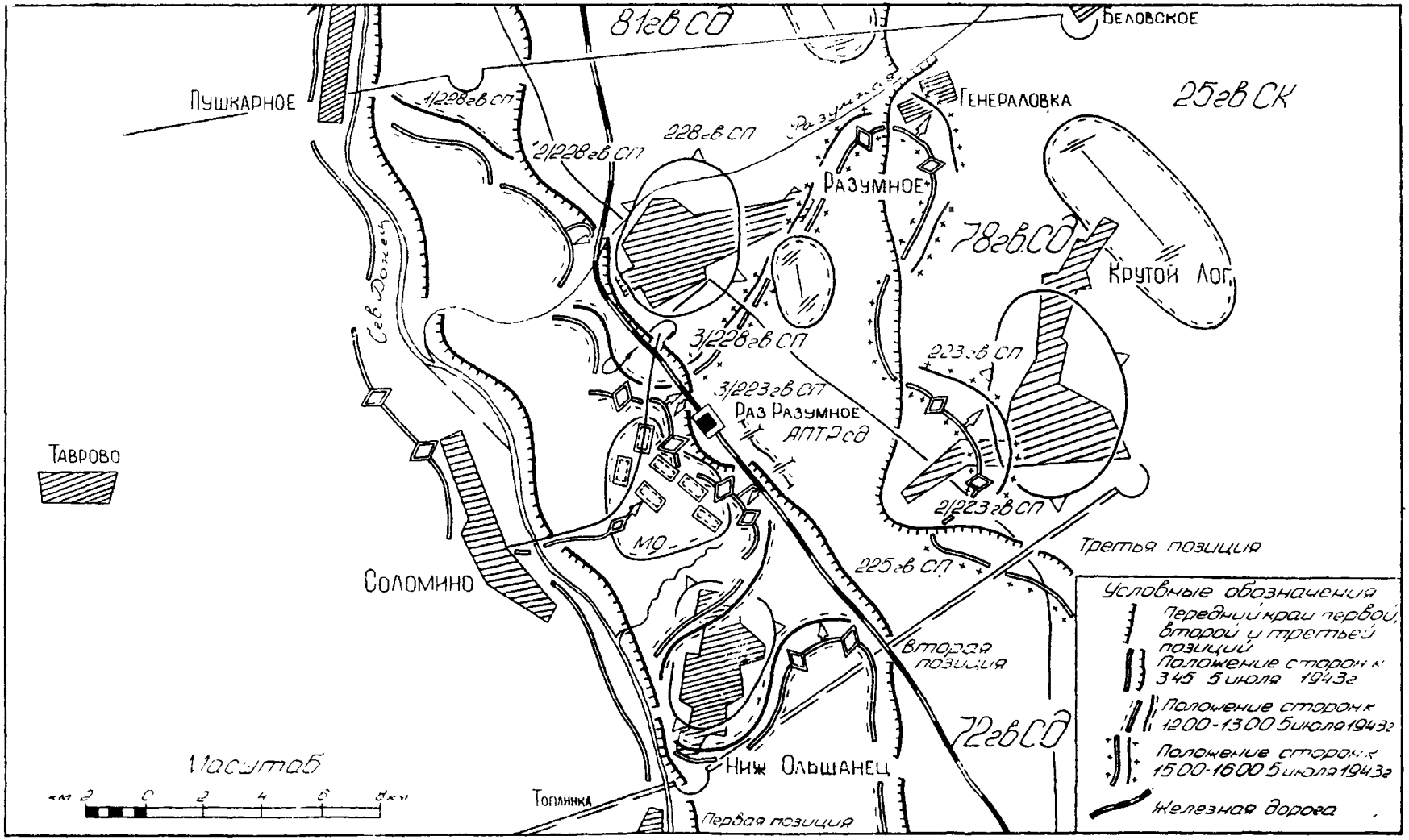


Схема 10. Оборонительный бой 78-й стрелковой дивизии южнее Белгорода (5 июля 1943 г.)

Советское командование, учитывая опыт первых месяцев войны, направило в войска «Указания по организации системы артиллерийского огня при обороне» [1], которые потребовали: противопоставить массированному удару танков противника массированное применение противотанковых средств, и прежде всего артиллерии; вместо неоправдавших себя противотанковых рубежей перейти к созданию на важнейших танкоопасных направлениях противотанковых опорных пунктов (районов) с включением в их состав пушечной, дивизионной, корпусной и зенитной артиллерии; привлекать для борьбы с танками всю артиллерию, стоящую на закрытых огневых позициях; иметь в тактической и оперативной глубине противотанковые резервы [2].

Противотанковая оборона, основу которой составляли эшелонированные в глубину и находившиеся в огневой связи противотанковые опорные пункты, оказались устойчивей, чем в начале войны. Этому способствовало также более широкое применение специально подготовленных групп истребителей танков. В дивизии обычно создавались 2—3 группы (в составе 15—20 солдат и одного офицера каждая), имевшие на вооружении по нескольку противотанковых ружей, 200—300 противотанковых гранат и 100—150 бутылок с жидкостью «КС». Группа обеспечивалась грузовой машиной, что делало ее подвижной. Однако, несмотря на определенные усилия, противотанковая оборона оставалась слабой. Неудовлетворительно велась разведка, недостаточно маскировались огневые позиции артиллерии, противотанковые опорные пункты не всегда совмещались с элементами боевых порядков стрелковых подразделений и частей. Поэтому взаимодействие артиллерии с пехотой было слабым. В стрелковых дивизиях крайне редко создавались артиллерийские противотанковые резервы.

В июле 1942 г. Генеральный штаб разработал для войск Инструкцию по противотанковой обороне. Ее основные требования состояли в том, чтобы совмещать противотанковые опорные пункты с ротными районами обороны и подчинять их командирам стрелковых рот, в дивизиях и полках выделять противотанковые резервы из состава подразделений артиллерии и подразделений противотанковых ружей; надежно прикрывать противотанковыми заграждениями все танкодоступные участки местности как перед передним краем, так и в глубине главной полосы. Принципы организации и ведения

---

[1] Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 11. М., 1950, с. 46—50.

[2] Указания не делали различия между противотанковым опорным пунктом и районом. Поэтому в боевой практике войск в первом периоде войны под этими терминами понимали одно и то же. Уточнение и разграничение их произошло в последующих периодах войны.

противотанковой обороны, сложившейся к концу первого периода войны, были закреплены в уставе [1].

Во втором и в третьем периодах войны противотанковая оборона еще более совершенствуется. Она стала создаваться на всю тактическую глубину, перекрывая все танкоопасные направления. Плотность противотанковых средств на 1 *км* фронта достигала 5—15 орудий и 2200—2700 противотанковых мин. Значительно усилились противотанковые опорные пункты включением в их состав орудий более крупного калибра. Например, в четырех противотанковых опорных пунктах 78-й гв. стрелковой дивизии в Курской битве (5 июля 1943 г.) имелось 12 122-*мм* гаубиц [2]. Ротные противотанковые опорные пункты, как правило, стали объединяться в батальонные противотанковые узлы (БПТУ) [3]. Кроме противотанковых опорных пунктов в ротах и батальонных противотанковых узлов на танкоопасных направлениях в глубине обороны по распоряжению командиров полков, дивизии и корпуса создавались противотанковые районы. В их состав помимо истребительно-противотанковой артиллерии включались орудия более мощных систем, а иногда и танки, самоходная артиллерия и другие средства борьбы с танками. Так, противотанковый район 81-й гв. стрелковой дивизии 7-й гв. армии в июне 1944 г. (в районе северо-западнее Ясс) имел около 50 орудий, из них четыре 152-*мм* и три 122-*мм* гаубицы [4]. В 155-й стрелковой дивизии 38-й армии в Житомирско-Бердичевской операции (январь 1944 г.) в противотанковом районе кроме истребительно-противотанковой артиллерии имелось пять самоходно-артиллерийских установок [5]. Таким образом было достигнуто размещение противотанковых опорных пунктов, узлов и районов непосредственно в боевых порядках подразделений, частей и соединений. Ответственным за противотанковую оборону становится общевойсковой командир.

Значительно повышаются мощь и подвижность артиллерийско-противотанкового резерва в связи с переводом артиллерии на механическую тягу и появлением новых противотанковых орудий.

Прочное место в боевом порядке соединений и частей занял подвижный отряд заграждений, что значительно повышало возможности по совершению быстрого маневра инженер-

---

[1] См.: Боевой устав пехоты Красной Армии. М., 1942, ч. 2, ст. 613.

[2] ЦАМО, ф. 878, оп. 14390, д. 9, л. 68.

[3] БПТУ — участок местности, на котором располагалась основная группировка противотанковых средств батальона. БПТУ состоял из ротных противотанковых опорных пунктов и противотанковых средств, находившихся в непосредственном подчинении командира батальона, объединенных общей системой противотанкового огня и противотанковых заграждений.

[4] ЦАМО, ф. 1232, оп. 1, д. 11, л. 54.

[5] ЦАМО, ф. 853, оп. 38206, д. 2, л. 61.

ными противотанковыми средствами в ходе боя. В состав этого отряда обычно включались один-два саперных взвода на автомобилях с запасом противотанковых и противопехотных мин (табл. 16).

Таблица 16

Состав элементов противотанковой обороны стрелковой дивизии в годы войны *

Элементы противотанковой обороны	Предвоенные взгляды	Периоды войны		
		Первый	Второй	Третий
Противотанковый опорный пункт	2—4 противотанковых орудия	2—4 орудия	4—6 орудий; 9—18 ПТР; несколько танков и САУ; пулеметы	3—5 орудий; 9—18 ПТР; 3 миномета, несколько танков и САУ
Батальонный противотанковый узел	—	—	6—20 орудий	12—24 орудия; до 36 ПТР
Противотанковые районы	4—6 противотанковых орудий; сб (или сп)	8—20 орудий; 3—18 ПТР	15—30 орудий; до 36 ПТР	15—30 орудий; 5—10 САУ
Артиллерийский противотанковый резерв	18 противотанковых орудий, саперы с минами	4—8 орудий; до 36 ПТР; до двух стрелковых и саперных отделений с минами	4—12 орудий; 9—18 ПТР	8—20 орудий; 3—10 САУ
Подвижный отряд заграждений	—	—	1—2 саперных взвода с запасом ПТМ	1—2 саперных взвода с запасом ПТМ

* Таблица составлена по материалам: Противотанковая оборона в основных видах боя. М., 1940, с. 41; Военно-исторический журнал, 1971, № 3, с. 44; Полевой устав Красной Армии. Проект, 1943, ст. 197.

В целом совершенствование противотанковой обороны в годы войны проходило в направлениях: от линейного, равномерного распределения сил и средств противотанковой обороны вдоль фронта к массированию их на решающих танкоопасных направлениях и широкому маневру ими; создания широкой сети противотанковых опорных пунктов, узлов и районов, улучшения их качественного состава и совмещения с районами (участками) обороны подразделений (частей), что

улучшало взаимодействие и управление всеми средствами при борьбе с танками противника; повышения плотности противотанковых орудий и противотанковых заграждений. К ведению противотанковой обороны стали привлекаться все рода войск (артиллерия, танки, пехота, инженерные и другие войска).

К концу войны сложилась стройная система противотанковой обороны, основу которой составляли: противотанковый огонь, в первую очередь артиллерии, самоходно-артиллерийских установок и танков перед передним краем главной полосы обороны и в ее глубине; противотанковые заграждения и естественные препятствия, увязанные с системой противотанкового огня; огонь артиллерии и авиации по танкам противника на подступах к обороне; подготовленный и своевременный маневр артиллерийско-противотанковыми, танковыми резервами и подвижными отрядами заграждений. Противотанковая оборона стала основой обороны советских войск. Необходимость организации противотанковой обороны на всю глубину обороны, и прежде всего на танкоопасных направлениях, опыт создания противотанковых опорных пунктов, танковых засад, противотанковых резервов, практика использования артиллерии, расположенной на танкоопасных направлениях и установки минных полей в ходе боя на направлениях наступления противника полностью сохраняют свое значение и в современных условиях.

Особенности противотанковой обороны соединений бронетанковых и механизированных войск вытекали из того, что они, обладая высокой маневренностью и мощным огнем, создавали противотанковую оборону в более короткие сроки, чем стрелковые войска. Система противотанковой обороны включала: противотанковые районы танковых полков, бригад и корпусов, которые состояли из танков и САУ и усиливались батареями противотанковой артиллерии и подразделениями мотопехоты; артиллерийские противотанковые резервы, создаваемые до 1944 г. в составе двух-трех противотанковых батарей, а затем главным образом за счет самоходных орудий типа СУ-100, СУ-122, СУ-152; подвижные отряды заграждений танкового корпуса (саперная рота) и танковых бригад (один-два саперных взвода) с минно-взрывными заграждениями. В систему противотанковой обороны включался огонь артиллерии, расположенной на закрытых огневых позициях, предусматривалось также использование танкового резерва.

Противовоздушная оборона

Предвоенные уставы Советской Армии предусматривали, что оборона стрелковых соединений должна быть «противосамолетной, способной противостоять сильному авиационному воздействию наступающего» [1].

[1] Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 364.

Однако это теоретическое положение в тактическом звене было слабо подкреплено организационными мероприятиями. Так, стрелковая дивизия, по существу, в течение всей войны не имела штатной зенитной артиллерии. Борьбу с воздушным противником организовывали в оперативном масштабе. При этом соединения и части Сухопутных войск от ударов с воздуха должны были прикрываться истребительной авиацией фронта, а впоследствии и средствами армейских зенитных артиллерийских групп (АЗАГ).

Истребительная авиация при малой глубине обнаружения воздушного противника службой наблюдения, использовавшей визуальные методы разведки, имела возможность перехватывать вражеские самолеты в пределах зоны армейского тыла, т. е. на глубине 50—60 *км* и более от линии фронта. Усилия АЗАГ сосредоточивались обычно на обороне наиболее важных объектов армии. Вследствие этого стрелковые дивизии первого эшелона часто оказывались весьма слабо прикрытыми общей системой ПВО армии и фронта. Однако опыт войны показал, что независимо от наличия специальных средств ПВО умелое применение огня стрелкового оружия в соединениях и частях наносило серьезный урон воздушному противнику, заставляя его действовать с больших высот. Например, в 39-й армии Калининского фронта каждый стрелковый батальон (полк) имел отделение (взвод) специально обученных бойцов для отражения налетов низколетящих самолетов противника. Из общего числа сбитых в июле 1942 г. в полосе армии вражеских самолетов 13% приходилось на ружейно-пулеметный огонь [1].

Противовоздушная оборона стрелковых дивизий и полков во втором и в третьем периодах войны включала:

— организацию воздушного наблюдения и оповещения;

— огонь стрелкового оружия и 76-*мм* дивизионных пушек для уничтожения низколетящих целей;

— маскировку, инженерные укрытия, меры противопожарной защиты, медицинскую помощь.

Служба воздушного наблюдения, оповещения, связи (ВНОС) включала полковые наблюдательные посты, располагавшиеся на командных пунктах полков, и главный пост ВНОС — на узле связи стрелковой дивизии. В батальонах выставляли наблюдателей за воздухом для оповещения личного состава о воздушной опасности. Все посты обычно были нештатными. Они организовывались за счет специально назначенных и обученных бойцов.

Для стрельбы по самолетам противника подразделения приспосабливали станковые и ручные пулеметы, противотан-

---

[1] См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 3, (ноябрь — декабрь 1942 г.). М., Воениздат, 1943, с. 111—112.

ковые ружья и 76-*мм* дивизионные пушки на специально оборудованных площадках. У этих огневых средств устанавливалось постоянное дневное боевое дежурство для немедленного обстрела появившейся воздушной цели.

Широкая сеть траншей обеспечивала более надежную защиту личного состава и техники от ударов с воздуха. Тщательная маскировка и создание ложных объектов затрудняли противнику ведение воздушной разведки и, следовательно, снижали эффективность налетов его авиации.

Стрелковые корпуса, оборонявшие важнейшие направления, с битвы под Курском иногда получали на усиление до зенитной артиллерийской дивизии РВГК. Она в таких случаях составляла, по существу, корпусную зенитную артиллерийскую группу (15-й и 29-й стрелковые корпуса 13-й армии, июль 1943 г.). Это обеспечивало большую эффективность зенитного прикрытия войск.

Таким образом, опыт войны подтвердил необходимость организации противовоздушной обороны войск не только в оперативном, но и в тактическом масштабе с выделением необходимых сил и средств ПВО для соединения частей.

Особенности противовоздушной обороны соединений бронетанковых и механизированных войск обусловливались тем, что они в отличие от стрелковых дивизий располагали штатными зенитными средствами. Например, каждая танковая и мотострелковая бригада имела зенитную пулеметную роту, механизированная бригада — зенитный дивизион, танковый (механизированный) корпус — зенитный артиллерийский полк. Эти подразделения и части позволяли создавать плотности: при обороне танкового корпуса (в полосе шириной 8 *км*) — 3 зенитных орудия и 4,5 зенитного пулемета, а средства механизированного корпуса (в полосе шириной 10 *км*) — 6 зенитных орудий и 1 зенитный пулемет на 1 *км* фронта.

За счет этих и приданных зенитных частей и подразделений обычно создавали корпусную зенитную артиллерийскую группу. В ее состав включали от половины до двух третей зенитных средств корпуса. При обороне на широком фронте они чаще всего распределялись по бригадам. Как правило, в первую очередь организовывалось прикрытие огневых позиций артиллерии и командных пунктов бригад и корпуса.

В остальном принципы организации противовоздушной обороны танковых (механизированных) корпусов не отличались от тех, что использовались в стрелковых соединениях.

4. ПЛАНИРОВАНИЕ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ АРТИЛЛЕРИИ, ТАНКОВ И ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

Артиллерия

В стрелковых соединениях, по предвоенным уставам, командир дивизии, организуя оборонительный бой, должен был произвести: распределение штатной и приданной артиллерии для создания групп поддержки пехоты и дальнего действия, определить их позиционные районы и задачи по подготовке дальнего огневого нападения (ДОН), подвижного (неподвижного) заградительного, сосредоточенного огня на важнейших направлениях перед передним краем для отражения атак пехоты и танков и по обеспечению контратак, срок готовности артиллерии к открытию огня, состав и задачи артиллерийской противотанковой группы и артиллерийско-противотанкового резерва [1].

Эти положения были проверены опытом оборонительных боев в первом периоде войны и в целом подтвердили свою обоснованность.

Однако отсутствие достаточного количества артиллерии, боеприпасов и опыта в начале войны приводило к тому, что при создании группировки артиллерии дивизий крайне слабо выражалось стремление к ее массированию на вероятных направлениях главных ударов противника. Так, в оборонительных боях первого периода войны обычно создавали только группы поддержки пехоты по числу полков первого эшелона дивизии в составе от одной-двух батарей до артиллерийского дивизиона. В последующем по мере усиления стрелковых дивизий приданной артиллерией (во втором периоде войны до 4—7, а в третьем — до 6—9 артиллерийских дивизионов) и сокращения ширины полос обороны в дивизиях кроме групп поддержки пехоты стали создаваться артиллерийские группы дальнего действия для борьбы с артиллерией противника и поражения глубоко расположенных целей.

В третьем периоде войны группировка артиллерии, так же как и в наступлении, стала создаваться по организационно-тактическому принципу. Вместо групп дальнего действия создавались дивизионные артиллерийские группы. Они предназначались для маневра массированным огнем в целях усиления полковых артиллерийских групп, борьбы с минометами противника, поддержки контратак и обеспечения флангов и стыков. В дивизионную артиллерийскую группу включалось от артиллерийского (минометного) полка до бригады, в полковую — два-три дивизиона, а иногда и полковые батареи 120-*мм* минометов. Однако опыт показал нецелесообразность включения последних в состав полковых артиллерийских групп.

[1] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 396.

Такой подход к созданию группировки артиллерии в обороне обеспечивал наиболее благоприятные условия для организации взаимодействия артиллерии с пехотой и облегчал маневр артиллерийским огнем.

Планируя боевое применение артиллерии, штаб начальника (с марта 1942 г.— командующего) артиллерии дивизии готовил систему огня по районам сосредоточения и вероятным рубежам развертывания войск противика, а с конца первого периода войны — и в глубине своей обороны.

Планы артиллерийского огня обычно предусматривали подготовку дальних огневых нападений (ДОН), подвижного заградительного, неподвижного заградительного и сосредоточенного огня. При этом дальние огневые нападения и подвижный заградительный огонь на практике из-за недостатка корректировочной авиации и средств артиллерийской инструментальной разведки широкого распространения не получили.

По вероятным участкам расположения танков и пехоты противника обычно подготавливался массированный огонь большей части артиллерии стрелковых соединений (от 6 до 12 артиллерийских и минометных дивизионов). Общая площадь районов массирования огня достигала 70 *га* и более. Количество таких районов перед фронтом стрелковой дивизии было от 3—5 до 10, а их удаление от переднего края обороны составляло 6—7 *км*.

Применение противником крупных масс танков требовало строить оборону в первую очередь как противотанковую. Ее организация рассмотрена в предыдущем разделе.

В оборонительном бою чрезвычайно важным являлось планирование огня в целях обеспечения стыков и флангов. Оно достигалось: созданием на стыках батальонных противотанковых узлов, большей плотностью огня, подготовкой неподвижного заградительного и сосредоточенного огня непосредственно по стыку и примыкающим к нему участкам местности, увязкой системы огня своей дивизии с системой огня смежных частей, соединений и другими мероприятиями.

Одной из главных задач обороняющихся войск являлся срыв готовящегося наступления противника путем проведения артиллерийской контрподготовки.

В начале войны организатором контрподготовки был командир стрелкового корпуса [1]. С ликвидацией корпусного звена управления эти функции перешли к командующему общевойсковой армией, а затем и фронтом. Они определяли объекты подавления, время проведения, плотность артиллерии, расход боеприпасов, продолжительность контрподготовки и другие вопросы. Стрелковые корпуса и дивизии получали гото-

---

[1] См.: Боевой устав артиллерии РККА. 1938, ч. 2, ст. 243; Временный полевой устав РККА, ст. 242.

вые планы, и работа их штабов артиллерии заключалась в уточнении намеченных участков подавления и в распределении участков между артиллерией дивизии и корпуса. При этом в боевой практике в отличие от предвоенных взлядов, требовавших располагать артиллерию для контрподготовки на запасных позициях, контрподготовка, как правило, планировалась и проводилась с основных огневых позиций. Причина заключалась в отсутствии достаточного времени на перегруппировку артиллерии с момента установления разведкой действий противника по подготовке наступления и до его начала.

Поддержание огнем артиллерии контратак в летне-осенней кампании 1941 г. штабами артиллерии дивизий не планировалась. В результате этого контратаки обычно редко достигали своей цели. Начиная с лета 1942г. и до конца войны планирование поддержки контратак стало обязательным при организации оборонительного боя. При этом артиллерия решала задачи по обеспечению удержания рубежа, назначенного для контратаки, воспрещению подхода резервов противника из глубины и подавлению артиллерии противника, воздействующей на контратакующие подразделения и части. Поскольку заранее не было известно, где противник нанесет свой удар, то готовились различные варианты поддержки. Для этого привлекалась вся артиллерия дивизии (корпуса). Массирование огня достигалось в основном путем маневра огнем. Плотность артиллерии составляла от 50 до 70 орудий и минометов на 1 *км* фронта. Артиллерийская подготовка контратаки планировалась в виде огневого налета продолжительностью от 5 до 20 минут, поддержка контратаки пехоты и танков — последовательным сосредоточением огня, а затем — сосредоточенным огнем по отдельным целям.

Таким образом, планирование боевого применения артиллерии в оборонительном бою развивалось по следующим направлениям: совершенствование создаваемой группировки артиллерии и ее массирование на решающих направлениях; изыскание наиболее целесообразных способов планирования огня артиллерии перед передним краем и в глубине обороны в целях улучшения обеспечения флангов и стыков, а также проведения артиллерийской контрподготовки; повышение эффективности артиллерийской поддержки контратак пехоты и танков. Эти направления во многом сохраняют свою актуальность.

Особенности планирования боевого применения артиллерии в соединениях бронетанковых и механизированных войск для ведения обороны вытекали из более высоких огневых и ударных возможностей танковых (механизированных) корпусов по сравнению с возможностями стрелковых дивизий. Они также определялись ростом бое-

вого и количественного состава корпусной артиллерии в годы войны, местом и ролью соединений бронетанковых и механизированных войск в оборонительных операциях армий (фронтов), накопленным боевым опытом и другими факторами.

Изменение количества артиллерии танковых (механизированных) корпусов по сравнению с артиллерией стрелковых дивизий показано в таблице 17.

Таблица 17

Изменение количества артиллерии танковых и механизированных корпусов по сравнению с артиллерией стрелковых дивизий

Наименование соединений	Периоды войны	Количество стволов (по штату)			Соотношение артиллерийских средств тк (мк) и сд	
		орудий, минометов и САУ	танковых пушек	всего	без танковых пушек	с танковыми пушками
Танковый корпус	Первый	186	100—168	286—344	0,8 : 1	1,4 : 1
	Второй	261—289	209	470—498	1,2 : 1	1,9—2 : 1
	Третий	259	207	466	1 : 1	1,9 : 1
Механизированный корпус	Первый	348	175	523	1,4 : 1	2,2 : 1
	Второй	371—399	197	568—596	1,5—1,6 : 1	2,2—2,3 : 1
	Третий	291	183	474	1,2 : 1	1,9 : 1

Примечания:

1. В таблице не учтены 8 установок М-13 гвардейского минометного дивизиона танкового (механизированного) корпуса и зенитные средства бригад.

2. В стрелковой дивизии насчитывалось 242, 252 и 247 орудий и минометов соответственно в первом, во втором и в третьем периодах войны.

Из данных таблицы видно, что количество орудий и минометов танкового корпуса в первом периоде войны по сравнению с количеством артиллерийских средств стрелковой дивизии было в 0,8 раза, а механизированных корпусов — в 1,4 раза больше. К концу войны это соотношение примерно уравнялось. Однако танковые и механизированные корпуса продолжали сохранять преимущество перед стрелковой дивизией за счет своих танковых пушек — мощного огневого средства

по уничтожению наступающего противника. Поэтому, планируя боевое применение артиллерии в оборонительном бою и строя систему огня, командиры танковых соединений учитывали и танковые пушки. Например, танки выделялись в состав артиллерийской группы мотострелковой бригады (2-й танковый корпус в Воронежской оборонительной операции, июль 1942 г.); придавались мотострелковым батальонам для использования в качестве неподвижных огневых точек или в засадах (13-й механизированный корпус при отражении деблокирующих ударов противника под Сталинградом, декабрь 1942 г.; 5-й танковый корпус в обороне под Курском, июль 1943 г.); готовили рубежи для стрельбы с места и т. д. Такое использование танков резко усиливало систему огня и повышало устойчивость обороны корпусов.

Самоходные артиллерийские части обычно придавались танковым и механизированным бригадам и, кроме того, включались в состав резерва. Например, командир 18-го танкового корпуса в Балатонской оборонительной операции (март 1945 г.) по одному полку самоходной артиллерии придал 181-й и 170-й танковым бригадам, а один полк держал в резерве. В бригадах самоходная артиллерия часто использовалась в качестве неподвижных огневых точек, а основная ее часть — как подвижный артиллерийско-противотанковый резерв.

Гвардейские минометные части, как правило, применялись централизованно в руках командира корпуса.

Управление артиллерией определялось видом обороны, условиями местности и размерами полосы обороны. При действиях на закрытой местности и широком фронте управление децентрализовывалось. Основная масса орудий и минометов придавалась бригадам и приближалась к переднему краю; частично они выделялись в резерв. При обороне в обычных условиях управление артиллерий, как правило, было централизованным. В корпусе из приданной артиллерии и штатных минометов создавалась корпусная артиллерийская группа, в бригаде первого эшелона — группа поддержки пехоты, которая в третьем периоде войны стала называться бригадной артиллерийской группой (БАГ). Группы поддержки пехоты (БАГ) создавались из штатных и приданных орудий и минометов. Корпусная артиллерийская группа своим огнем должна была усиливать артиллерийские группы бригад, главным образом на наиболее важных направлениях.

В отличие от стрелковых дивизий, где в планах артиллерийского огня предусматривалось до четырех его видов (ДОН, ПЗО, НЗО, СО), в соединениях бронетанковых и механизированных войск, как правило, планировались дальние огневые нападения (на колонны и скопления войск противника) и сосредоточенный огонь (для поражения танков в районах сос-

редоточения и исходных районах, ослепления наблюдательных пунктов и подавления артиллерии противника) [1]. Подвижный заградительный и неподвижный заградительный огонь, требовавший большого расхода боеприпасов, обычно не применялся.

В остальном артиллерия танковых и механизированных корпусов использовалась так же, как и в обороне стрелковых соединений. Опыт планирования огня танков и самоходной артиллерии в целях усиления системы артиллерийского огня заслуживает определенного внимания и в современных условиях.

Танки, приданные стрелковой дивизии

По предвоенной теории, танки, приданные стрелковой дивизии, должны были составлять ее танковый резерв и воздействовать на ход оборонительного боя контратаками как самостоятельно, так и совместно со вторым эшелоном дивизии.

Использование танковой части в обороне планировалось на основе решения командира дивизии. В плане обычно отражались такие вопросы, как вероятные объекты и направления контратак танков, распределение танков (если возникала необходимость), районы выжидательных и исходных позиций и время их занятия, сигналы выхода танков из района выжидательных или исходных позиций; меры по поддержке контратакующих танков пехотой, артиллерией и противотанковым резервом, инженерное оборудование направлений, районов и позиций, опознавательные знаки своих танков и другие вопросы [2].

Однако эти в целом правильные и обоснованные теоретические положения не всегда удавалось осуществить в боевой практике. Так, в начале войны большинство оборонявшихся стрелковых дивизий действовали без танков. Если же они придавались дивизиями, то из-за отсутствия опыта в использовании танков было много недостатков. Многие командиры не признавали других форм действий танков в обороне кроме контратак. При этом танковые части и подразделения необоснованно дробились на мелкие группы, контратаковали противника с ходу без необходимой разведки и нередко фронтально. Взаимодействие их с пехотой и артиллерией организовывалось плохо. Такие действия чаще всего не давали желаемых результатов.

Критически учитывая накопленный опыт применения танков в обороне, советское командование уже в первом периоде войны стало запрещать проводить контратаки танками с

---

[1] См.: Боевой устав бронетанковых и механизированных войск Красной Армии, 1944, ч. 2, ст. 281.

[2] См.: Общая тактика, 1941, т. 3, с. 126—127; Тактика танковых войск, с. 157—158.

ходу, без разведки и организации взаимодействия с пехотой и артиллерией, а также дробить танковые части на мелкие группы. Главные силы танковых подразделений и частей оно требовало сосредоточивать на поддержке пехоты огнем из засад и проведении контратак, обеспечении флангов и стыков стрелковых дивизий, а также на усилении противотанковой обороны дивизий первого эшелона.

На танкоопасных направлениях танки стали применяться в пределах первой позиции главной полосы и в глубине для усиления противотанковых опорных пунктов и районов обороны, что повышало ее устойчивость.

Все это обусловило увеличение объема работы командиров и штабов стрелковых соединений по планированию боевого применения танков в оборонительном бою. При этом в планировании боевого применения танков выявились две тенденции: первая — использование танков централизованно в руках командира дивизии (обычно в качестве танкового резерва); вторая — децентрализованное применение танков путем передачи их командирам частей и подразделений для организации засад, включения в состав противотанковых районов, противотанковых опорных пунктов и использования в качестве подвижных и неподвижных огневых точек.

В третьем периоде войны заблаговременное планирование и проведение широкого маневра танковыми соединениями и частями в ходе боя на угрожаемые направления стало обычным явлением. Это способствовало быстрому созданию выгодного соотношения сил в пользу обороняющихся войск.

Таким образом, отдельные танковые бригады, полки и батальоны, придаваемые стрелковым дивизиям в годы войны, в большинстве случаев планировалось использовать централизованно в руках командиров дивизий в качестве танкового резерва для проведения контратак в ходе оборонительного боя. Наряду с этим танки стали широко использоваться для организации засад, в качестве подвижных и неподвижных огневых точек, а также для усиления противотанковых опорных пунктов и районов. Этот опыт не утратил своего значения и для современных условий.

Инженерные войска

В предвоенные годы при планировании боевого применения инженерных войск в стрелковых соединениях на них возлагалось устройство наиболее сложных фортификационных сооружений (противотанковых и взрывных препятствий, дотов из бетона и брони, важных командных и наблюдательных пунктов и т. д.) и руководство работами по созданию оборонительных полос и позиций.

Боевая практика в целом подтвердила правильность этих теоретических положений. Вместе с тем уже в ходе летне-осенней кампании 1941 г. выявились и крупные недостатки в

планировании боевого применения саперных подразделений. Их часто использовали в качестве пехоты или для выполнения несущественных работ.

В устранении указанных недостатков большую роль сыграл приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0450 от 28 ноября 1941 г. Приказ запретил использовать саперов для пополнения других родов войск или в качестве пехоты и наметил мероприятия по совершенствованию инженерного обеспечения боя. В последующем, базируясь на требованиях этого приказа, инженерные войска сосредоточивали свое внимание на решении таких задач, как подготовка системы заграждений, возведение наиболее сложных оборонительных сооружений и тяжелых укрытий, подготовка путей маневра, производство сложных работ по маскировке, а также наращивание заграждений в ходе боя на направлении выявившегося главного удара противника.

Планирование боевого применения инженерных войск в стрелковой дивизии в первом периоде войны осуществлялось на основе указаний командира дивизии. Он распределял инженерные подразделения по полкам, определял характер заграждений перед передним краем, указывал, по чьему распоряжению и какими средствами ставятся заграждения, время начала и окончания их устройства, устанавливал места основных противотанковых районов, степень фортификационного развития полковых участков и сроки окончания работ первой очереди. Кроме того, командир дивизии давал указания начальнику инженерной службы дивизии по вопросам обеспечения всех работ, дорожно-мостовых работ, времени оборудования командных и наблюдательных пунктов, мер маскировки и очередности работ.

На основе этих указаний штабы дивизии и полков разрабатывали планы инженерного обеспечения обороны, плановую таблицу инженерных работ и соответствующие распоряжения. В этих документах формулировались задачи для стрелковых войск, артиллерии, инженерных войск, указывался материал, инструмент, кто и какие работы выполняет, продолжительность работы и другие вопросы инженерного обеспечения.

Такое планирование в целом обеспечивало решение поставленных задач. Вместе с тем, как показал опыт боевых действий в первом периоде войны, командиры соединений и частей уделяли мало внимания расположению минных полей на местности (они устанавливались преимущественно перед передним краем и не увязывались с системой огня). Стыки и фланги плохо обеспечивались заграждениями. Не предусматривалось выделение резерва инженерных средств для постановки заграждений на путях прорвавшихся танков противника.

Извлекая уроки из этих недостатков и творчески применяя накопленный опыт, а также учитывая увеличившееся поступление в войска инженерных средств заграждений, командиры соединений и частей в последующих периодах войны значительно улучшили планирование боевого применения инженерных войск. Прежде всего возросли плотности минирования (табл. 18). Заграждения стали устанавливаться по

Таблица 18

Плотности и эшелонирование заграждений в обороне стрелковой дивизии в годы войны *

Периоды войны	Наименование инженерных средств	Плотность заграждений (на 1 *км* фронта)	Эшелонирование инженерных средств по глубине главной полосы обороны, %			
			Позиции			Резерв инженерных средств
			первая	вторая	третья	
Начальный Первый	ПТМ *(шт.)*	50—100	100	—	—	—
	ПТМ *(шт.)*	540—800	99	—	—	0,5—1
	ППМ *(шт.)*	250—650	99	—	—	0,5—1
	Проволочные заграждения *(км)*	0,4—0,5	100	—	—	—
	Противотанковые рвы, эскарпы *(км)*	0,14	100	—	—	—
Второй	ПТМ *(шт.)*	2200	50—55	15	20	3—5
	ППМ *(шт.)*	2600	60—70	10—20	10—20	—
	Проволочные заграждения *(км)*	1,1—2,6	50	20—30	20—30	—
	Противотанковые рвы, эскарпы *(км)*	1,5—2	40—50	50—60	—	—
Третий	ПТМ *(шт.)*	2700	50—60	10—20	10—20	10—20
	ППМ *(шт.)*	1000	90—100	—	—	До 10
	Проволочные заграждения *(км)*	0,5	50	50	—	—
	Противотанковые рвы, эскарпы *(км)*	0,2	—	100	—	—

* Таблица составлена по материалам: Инженерные войска Советской Армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны. М., Воениздат, 1958.

всей глубине главной полосы, а в дальнейшем — и в пределах второй полосы обороны. От равномерного прикрытия всей полосы, что имело место в первом периоде войны, перешли к планированию массированного использования минно-взрывных заграждений на наиболее опасных направлениях. При этом 50—60% противотанковых мин устанавливалось перед передним краем и в пределах первой позиции, 20—30% — в глубине главной полосы и 10—20% выделялось в резерв для маневра в ходе боя. Противопехотные мины почти полностью устанавливались на переднем крае. Планирование работ по устройству заграждений начиналось немедленно при переходе дивизии к обороне и осуществлялось в такой последовательности: от фронта в тыл, от важных направлений к второстепенным, от простых заграждений к сложным.

Количество инженерных средств, выделяемых в резерв во втором периоде войны по сравнению с концом первого периода возросло в 5 раз, в третьем периоде — в 10—20 раз. Развитая в глубину система заграждений и сеть траншей и ходов сообщения, в свою очередь, потребовали более тщательного планирования проведения контратак путем инженерного обеспечения их направлений (проходы в заграждениях, переходы через траншеи, обозначение этих направлений, оборудование колонных путей и т. д.).

Таким образом, планирование боевого применения инженерных войск в обороне стрелковых соединений в годы войны развивалось в направлении повышения эффективности их использования и главным образом по своему прямому назначению — возведение наиболее сложных оборонительных сооружений, тяжелых укрытий, производство сложных маскировочных работ и постановка инженерно-взрывных заграждений. При этом заграждения стали увязываться с системой огня и естественными препятствиями, использоваться для обеспечения флангов и стыков, массироваться на наиболее опасных направлениях и устанавливаться на всю глубину тактической зоны обороны. Для постановки заграждений на путях прорвавшихся танков и пехоты противника состав резерва мин значительно увеличился. Полученный опыт планирования использования инженерных войск в обороне полностью сохраняет свое значение и в современных условиях.

Планирование боевого применения инженерных войск в соединениях бронетанковых и механизированных войск имело некоторые особенности. В общем объеме боевых действий этих соединений оборонительные бои занимали гораздо меньше места, чем наступательные. Оборонительные действия их проходили при большом насыщении боевых порядков танками и самоходной артиллерией. Эти факторы и предопределили некоторые особенности планирования инженерного обеспечения боя.

Так, в плане инженерного обеспечения обороны, как правило, был не только перечень создаваемых оборонительных сооружений и укрытий (окопов, траншей, капониров, щелей, огневых позиций и т. д.), но и расчет личного состава для усиления инженерных подразделений, а также танковых рот и батальонов, выполнявших эти работы.

Инженерные заграждения, заблаговременно устанавливаемые перед передним краем и в глубине, планировались обычно меньшей плотности, чем в стрелковых дивизиях. Однако в резерв инженерных средств их, как правило, выделялось больше (около 30%). Такое эшелонирование обеспечивало возможность быстрой постановки минных заграждений в ходе боя на направлениях прорвавшихся танков противника.

В связи с тем, что танковые (механизированные) корпуса в обороне в отличие от стрелковых соединений должны были всегда находиться в готовности к проведению контратак (контрударов) в целях разгрома противника, внутри оборонительной полосы обязательно планировалась заблаговременная подготовка направлений для контратак с выделением саперных подразделений для быстрого освобождения маршрутов от заграждений. В некоторых случаях планировалось эти направления вообще оставлять свободными от заграждений.

В остальном планирование инженерных войск в танковых (механизированных) корпусах мало чем отличалось от планирования в стрелковых соединениях.

В целом в годы Великой Отечественной войны соединения и части стрелковых, бронетанковых и механизированных войск накопили значительный опыт в построении обороны. На основе учета характера действий противника, роста боевых возможностей своих войск, совершенствования их организационной структуры, сужения полос обороны шло развитие боевых порядков соединений и частей. Был осуществлен также переход от неглубокой, состоящей из одной полосы с оборудованием в ней преимущественно только одной позиции к глубокой обороне, состоящей из двух полос, построенных по системе позиций и развитой сети траншей и ходов сообщения. Организация артиллерийского, минометного, противотанкового и ружейно-пулеметного огня в единой системе обеспечивала непрерывное повышение плотности огня не только перед передним краем, но и во всей глубине обороны. Сложилась стройная система противотанковой обороны, которая стала основой обороны советских войск. Развивались способы боевого применения артиллерии, танков (приданных стрелковой дивизии) и инженерных войск. Все эти факторы оказывали прямое воздействие на характер ведения оборонительного боя, повышали устойчивость тактической обороны и способствовали росту ее активности.

5. РАБОТА КОМАНДИРА И ШТАБА ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОБОРОНЫ

По предвоенным теоретическим взглядам, опыту учений, проведенных в 1939—1941 гг., а также по опыту боевых действий советских войск на реке Халхин-Гол и Карельском перешейке, организация оборонительного боя заключалась главным образом в принятии решения, постановке боевых задач, планировании боевых действий и согласовании усилий войск. Штаб, кроме того, решал задачи по размещению пунктов управления, организовывал связь, а при необходимости комендантскую службу. Командир дивизии (корпуса) уяснял полученную задачу, штаб готовил командиру нужные данные для оценки обстановки и принятия предварительного решения по карте. На его основе штаб отрабатывал и рассылал частям приказания на выдвижение в оборонительную полосу или закрепление на достигнутых рубежах. Тогда же составлялся план рекогносцировки, которую проводил командир дивизии (корпуса) с командирами подчиненных и поддерживающих частей (подразделений). Считалось, что «совокупность предварительного решения, принятого по карте, а также указаний, отданных командиром на рекогносцировке составляет содержание его окончательного решения на оборону»[1]. Последующая работа по организации предстоящих действий войск сводилась к отработке боевого приказа, приказаний по противовоздушной, противотанковой обороне, противохимической защите, разведке, связи и организации тыла, осуществлению контроля и оказанию помощи войскам, проведению партийно-политической работы.

В годы Великой Отечественной войны в организации боевых действий, особенно в методах принятия решения и согласования усилий войск, произошли существенные изменения. Они обусловливались рядом факторов. Важнейшими из них были: условия перехода к обороне, характер действий своих войск и противника, полученный боевой опыт.

Принятие решения и постановка задач

Методы работы по организации боя стрелковых соединений в первом периоде войны обусловливались прежде всего ограниченным временем, которым они располагали на организацию оборонительных действий войск, сложностью, а иногда и неясностью обстановки, в которой принималось решение. Командиры соединений и частей 19-й армии, например, в Смоленском сражении (июль 1941 г.) это делали по карте после краткого обмена мнениями с начальником штаба, начальником артиллерии, дивизионным инженером и другими долж-

[1] Служба общевойсковых штабов в бою, с. 33.

ностными лицами управления дивизии. Если же обстановка позволяла, то принятию решения предшествовал значительный объем работы командиров и штабов по оценке обстановки.

Так, в июле 1941 г. на мурманском направлении, получив от командира 42-го стрелкового корпуса задачу на переход к обороне в полосе до 30 *км* и уяснив, что на организацию боя до подхода противника имеется 15—18 часов, командир 122-й стрелковой дивизии произвел расчет времени, отдал предварительные распоряжения на выдвижение в полосу действий командирам полков, оценил по карте характер местности с точки зрения возможного направления удара противника, принял решение (определил полосу обороны, боевой порядок дивизии, боевые задачи стрелковым полкам и артиллерии), после чего через офицеров связи довел боевые задачи до подчиненных. Отдав необходимые указания начальнику штаба, он выехал с группой офицеров на передний край, где в каждом из стрелковых полков провел рекогносцировку. В ходе ее им были уточнены на местности отдельные вопросы решения (передний край обороны, участки огня артиллерии, рубежи и направления и т. д.), организовано взаимодействие пехоты, артиллерии и инженерных подразделений по отражению атак противника и ведению боя в глубине [1]. Примерно также работали командиры соединений 42-й армии, организуя оборону в районе Пулковских высот (под Ленинградом) в сентябре 1941 г., а также 1-го гв. стрелкового корпуса западнее Орла в битве под Москвой.

Дефицит времени предопределял необходимость постановки боевых задач ближайшими помощниками командира (заместителями, начальником штаба). Очень часто задачи доводились и через делегатов связи, которым выделялись бронеавтомобили, мотоциклы и другие средства передвижения. Так, был решен вопрос в соединениях 16-й армии при переходе к обороне на рубеже Холм, Ярцево 10 сентября 1941 г.[2].

Следовательно, с первых дней войны командиры соединений, принимая решение, стремились выполнить требования предвоенных уставов — организовать бой на местности, лично поставить задачи подчиненным. Однако условия обстановки не всегда позволяли это сделать.

Во втором периоде войны для работы командиров и штабов становится характерным то, что принятию решения предшествовала более тщательная оценка обстановки, особенно противника (в первую очередь с точки зрения применения им танков), характера местности и ее влияния на построение обороны. Значительное внимание уделялось также расчету возможностей артиллерии по огневому поражению противни-

---

[1] ЦАМО, ф. 104, оп. 1, д. 11, л. 5—8.
[2] ЦАМО, ф. 367, оп. 27, д. 5, л. 66.

ка и борьбе с его танками. В большей степени учитывались и возможности частей (подразделений) инженерных войск. Эти задачи решались штабом под руководством командира совместно с начальниками родов войск (специальных войск) при подготовке предложений по решению, а также на проводимых рекогносцировках.

Содержание принимаемых командирами решений охватывало все больший круг вопросов. Исходя из условий местности, строилась оборона дивизии, в том числе определялось местонахождение боевого охранения, как это было в 52-й гв. и 67-й стрелковых дивизиях 6-й гв. армии в битве под Курском. На основе имевшихся данных с учетом возможностей артиллерии ей ставились задачи на участие в контрподготовке, поражение противника на дальних и ближних подступах к обороне, при отражении вражеских атак и проведение контратак оборонявшимися войсками. В решении командиров стали определяться также задачи и сроки инженерного оборудования местности, состав и задачи противотанковых опорных пунктов, артиллерийских противотанковых резервов и подвижных отрядов заграждений. По опыту боевых действий соединений 13-й армии в битве под Курском, в решении значительное место стало занимать обеспечение стыков и флангов с указанием привлекаемых сил и средств и конкретных задач.

Главной особенностью доведения боевых задач до подчиненных стало то, что командир дивизии почти всегда ставил их лично командирам частей, причем, если позволяла обстановка, на местности. Более того, в большинстве случаев он проверял уяснение задач подчиненными на проводимых рекогносцировках, командно-штабных учениях и при организации взаимодействия. Юридическое закрепление боевые задачи находили в боевом приказе или в боевом распоряжении, которые доводились подчиненным под расписку с указанием времени их получения. Отдельные вопросы конкретизировались в приказаниях по видам обеспечения. Нередко задачи ставились и по телефону (при переходе к обороне в ходе наступления). Правда, и в этих условиях командиры дивизий чаще всего стремились подтвердить и конкретизировать задачи письменными распоряжениями, направляемыми с офицерами связи. Иногда это делалось в форме боевого распоряжения, исполненного на карте с пояснительной запиской (легендой). В частях и подразделениях широко использовались формализованные бланки из блокнота командира, являющегося неотъемлемой частью его снаряжения.

Полученный боевой опыт позволил в третьем периоде войны применять различные методы принятия решения исходя из конкретных условий обстановки и стиля работы командира. В целом же наиболее типичными стали два из них. Первый

заключался в том, что командир принимал решение после заслушивания предложений своих заместителей и начальников родов войск (специальных войск). Принятию решения, как правило, предшествовала рекогносцировка. Суть второго метода выражалась в том, что командир, получив боевую задачу, уяснял ее, исходя из известных ему сведений, оценивал обстановку и принимал решение, где находили отражение три основных вопроса: рубеж перехода к обороне, боевой порядок и задачи подчиненным. В последующем, по мере выяснения обстановки и получения новых данных, решение детализировалось и конкретизировалось. Боевая практика соединений 5-й гв. и 13-й армий в августе 1944 г. на сандомирском направлении, 4-й гв. армии южнее Будапешта в декабре 1944 г., 28-й армии юго-восточнее Берлина в апреле 1945 г. свидетельствует о том, что основными вопросами, по которым уточнялось решение были: состав группировки, направление сосредоточения основных усилий, совершенствование обороны в противотанковом отношении и с точки зрения ее инженерного оборудования. Создавались дополнительные элементы боевого порядка — артиллерийско-противотанковые резервы, подвижные отряды заграждений и др.

Каждый из отмеченных методов имел свои преимущества и недостатки. В первом случае на принятие решения затрачивалось, как правило, не менее 8—10 часов. Вместе с тем решение характеризовалось относительной обоснованностью, в нем выражался коллективный разум. На его основе подчиненным командирам сравнительно просто было организовывать бой. Во втором случае решение могло быть принято весьма быстро, нередко в течение считанных минут. Однако его целесообразность в значительной степени зависела от знаний, интуиции и опыта командира. Вносимые в последующем уточнения иногда существенно меняли содержание решения, усложняя организацию боя в подчиненных инстанциях.

При использовании танковых бригад, полков и батальонов совместно со стрелковыми соединениями организация оборонительного боя проводилась общевойсковым командиром и его штабом. Некоторые же особенности в методах принятия решения на оборону и постановки боевых задач для командиров и штабов соединений бронетанковых и механизированных войск определялись совокупностью факторов. Главный из них выражался в том, что переход к обороне чаще всего осуществлялся с марша в ходе ведения наступательных операций и, как правило, под воздействием крупных танковых группировок противника. Исходя из отмеченного, в первом периоде войны, по опыту, например, 4-й и 11-й танковых бригад в октябре 1941 г. в районе Мценска, командир чаще всего принимал решения немедленно с получением боевой задачи, определяя в нем лишь главные вопросы

(боевой порядок и задачи подчиненным). В последующем стал предусматриваться вариант решения перехода к обороне и заранее, т. е. при организации и ведении наступления. Примером этого является решение командира 3-го механизированного корпуса на участие в Белгородско-Харьковской операции (август 1943 г.). В результате переход к обороне осуществлялся по установленному сигналу.

В отличие от стрелковых соединений задачи в бронетанковых войсках чаще всего ставились по радио. Это было характерно даже для первого периода войны. Примером может служить опыт постановки задач в 4-й танковой бригаде при переходе ее к обороне в районе Мценска в октябре 1941 г., где оборона создавалась в крайне сжатые сроки, на самостоятельном направлении, в отрыве от стрелковых частей. [1]. Еще в большей степени такая форма становится типичной для последующих лет. Новым же было то, что командиры соединений стали делать это циркулярно, в результате чего ускорялся процесс постановки боевых задач [2]. Чаще, чем в стрелковых дивизиях, использовались боевые распоряжения, исполненные на картах, доставляемые офицерами связи, в том числе и с применением самолетов авиазвена связи танковых (механизированных) корпусов. Очень часто после постановки задач по радио командиры соединений выезжали к подчиненным, где на месте организовывали бой. Так работал, например, командир 6-го танкового корпуса при переходе к обороне 11 августа 1943 г. в районе Богодухова [3].

В тех случаях, когда соединениям бронетанковых и механизированных войск ставились задачи на организацию обороны в самостоятельных полосах заблаговременно (8-й танковой дивизии 4-го механизированного корпуса в июле 1941 г., ряду танковых и механизированных корпусов в оборонительном сражении под Курском), в работе командиров и штабов бронетанковых и механизированных войск было много общего с работой командиров и штабов стрелковых соединений. Существенной особенностью было то, что командиры соединений бронетанковых и механизированных войск в решении на оборону весьма часто предусматривали вариант нанесения контрудара самостоятельно или во взаимодействии с соседними соединениями. Поэтому значительное внимание командиров и штабов сосредоточивалось на согласовании их действий.

---

[1] ЦАМО, ф. 369, оп. 369976, д. 1, л. 2—4.
[2] ЦАМО, ф. 330, оп. 440736, д. 1, л. 22—23.
[3] ЦАМО, ф. 300, оп. 7598, д. 2, л. 36.

Организация взаимодействия

За годы войны произошел ряд изменений в содержании вопросов, по которым согласовывались усилия в оборонительном бою, и в методах работы командиров и штабов по организации взаимодействия.

В оборонительных боях стрелковых соединений первого периода войны взаимодействие обычно организовывалось по рубежам и объектам. В 32-й и 50-й стрелковых дивизиях в боях под Москвой, например, усилия пехоты и артиллерии, а также танков подразделений 12-го танкового полка согласовывались на период поддержки боя охранения, боя за передний край, удержания населенных пунктов и т. д. Основной формой работы являлась отдача командиром указаний по согласованию усилий после постановки подчиненным боевых задач. Вопросы взаимодействия отражались и в плане оборонительного боя. Опыт свидетельствует о том, что одним из главных недостатков организации взаимодействия в оборонительных операциях 1941—1942 гг. было не всегда продуманное обеспечение стыков и флангов, что и использовал противник. Особенно это было типично для дивизий 62-й и 64-й армий в июле 1942 г., действовавших на сталинградском направлении. Командиры к тому же очень редко согласовывали усилия подчиненных и приданных средств на местности — лишь в трех дивизиях из двенадцати двух армий (62-й и 64-й) была проведена рекогносцировка, причем только в звене дивизия — полк [1]. В результате этого рода войск, в частности танки, артиллерия, нередко применялись без учета их боевых и маневренных возможностей. Весьма слабо отрабатывались и вопросы совместных действий при борьбе с противником, вклинившимся в оборону.

Боевая практика того времени выявила целесообразность организации взаимодействия по вариантам ведения оборонительного боя, определенных решением командира, по задачам, выполняемым войсками, и по направлениям действий противника. Уже во втором периоде войны работа стала осуществляться чаще всего на местности, причем во всех командных инстанциях. Такой подход стал основным в работе командиров и штабов. Об этом свидетельствует, в частности, опыт организации обороны во многих соединениях в Курской битве [2]. Эффективности взаимодействия способствовала практика привлечения к рекогносцировке, проводимой командиром дивизии, командиров не только полков, но и батальонов. Такой подход был основным для абсолютного большинства соединений при организации обороны на Днепре в конце 1943 г.

---

[1] ЦАМО, ф. 220, оп. 5426, д. 1, л. 112.

[2] См.: *Колтунов Г. А., Соловьев Б.* Г. Курская битва. М., 1970, с. 80—81.

Он нашел свое отражение в виде требования, изложенного в проекте Полевого устава 1943 г. (ст. 510). Существенные изменения произошли и в содержании плана боя — основного документа по согласованию действий войск. В нем, по опыту соединений 6-й и 7-й гв. армий в июле 1943 г. [1], отражался не только порядок действий стрелковых полков, артиллерии и инженерных войск, что было характерно и для предшествовавших лет войны, но и задачи авиации, действия всех видов резервов, подвижных отрядов заграждений, причем как при отражении атаки противника перед передним краем, так и при бое за удержание главной и второй полос обороны. Отрабатывались также единые ориентирные карты, схемы противотанковой обороны, боевые распоряжения по ее организации. Все большее место в решении задач по согласованию усилий занимали проводимые с этой целью учения войск и штабов, а также тактико-строевые занятия, совместные сборы, радиотренировки и т. д. На занятиях офицерского состава широко использовались макеты местности (в 52-й гв. и 67-й стрелковых дивизиях в июне 1943 г.).

В третьем периоде войны методы организации взаимодействия в основном оставались прежними. Однако объем работы командиров и штабов увеличился и усложнился, так как возросло количество привлекаемых сил и средств, произошли изменения в характере действий противника. Обязательными вопросами согласования усилий, по опыту организации обороны 74-й и 233-й стрелковых дивизий у озера Балатон, стали разведка местности на направлениях подготавливаемых контратак, исходного положения и районов сбора после их проведения. Более детально отрабатывался вопрос обеспечения стыков и флангов. В 135-й стрелковой дивизии, например, при переходе ее к обороне в районе Фриденау (март 1945 г.) для удержания плацдарма на западном берегу реки Одер создавалась даже комиссия, которая отрабатывала вопросы обеспечения стыка с 245-й стрелковой дивизией [2]. Исключительное значение стало придаваться контролю за деятельностью войск исходя из требования Полевого устава — обязательной «проверки всеми командирами правильности занятия обороны, выполнения оборонительных работ, организации огня и маскировки»[3].

Некоторые особенности в работе по согласованию усилий были в соединениях бронетанковых и механизированных войск. В главном они сводились к тому, что командиры и штабы уделяли большое внимание отработке вопросов взаимодействия с авиацией, особенно на период на-

[1] См.: Боевые действия дивизии. Сборник боевых примеров. М., 1958, с. 264—267.

[2] ЦАМО, ф. 344, оп. 5117, д. 44, л. 5.

[3] Полевой устав Красной Армии. Проект, ст. 514.

несения контрударов (контратак), а также с инженерными подразделениями, оборудовавшими маршруты выхода на рубеж развертывания при проведении контратак. Наличие ограниченного времени вынуждало командиров организовывать взаимодействие (особенно в первом периоде войны) отдачей указаний. Делалось это, правда, на местности. В 4-й танковой бригаде, например, в октябре 1941 г. (битва под Москвой) этот вопрос при наличии 4 часов времени на организацию боя решался определением единых сигналов взаимодействия и указанием направлений вероятных контратак противника, рубежей и времени развертывания второго эшелона на каждом из них. Указания отдавались при выезде командира к подчиненным [1]. По опыту Курского сражения, основной формой работы стал розыгрыш вариантов возможных действий: с командирами и штабами — на командно-штабных учениях, с личным составом — «пешим по-танковому» на тактико-строевых занятиях и учениях, а также при отработке практических стрельб. Такая более активная форма организации взаимодействия позволяла выработать единые взгляды на применение сил и средств. Офицеры учились управлять подчиненными, приобретали опыт анализа обстановки. Важно подчеркнуть также, что во втором периоде войны, и особенно часто в третьем, стало характерным явлением то, что на командных пунктах не только корпусов, но и бригад находились представители авиации. Эта практика вследствие ее целесообразности получила юридическое закрепление в уставах послевоенных лет.

В условиях ограниченного времени (это было типично для соединений бронетанковых и механизированных войск) наиболее общей чертой согласования усилий было опять-таки последовательное решение задачи: первоначально закладывались основы взаимодействия (задачи подчиненным; кто с кем, где, когда, как и для чего взаимодействует; разграничительные линии, характер маневра в ходе боя), в дальнейшем вопросы взаимодействия детализировались и конкретизировались.

Основными документами штабов корпусов и бригад, в которых находили отражение вопросы взаимодействия, стали: план обороны, боевой приказ, планы разведки, инженерного обеспечения, организации связи, тылового и технического обеспечения. В полках, батальонах и ротах важнейшим документом была схема обороны, где отражались вопросы согласования усилий на различных этапах оборонительного боя.

Таким образом, как показывает опыт Великой Отечественной войны, творческий поиск наиболее целесообразных методов работы командиров и штабов шел по пути повышения как

---

[1] См.: Тактика в боевых примерах. Полк (бригада), с. 240.

результативности мероприятий по организации боя, так и оперативности их проведения. Во-первых, задачи стали уясняться не только исходя из сведений, отраженных в боевом приказе старшего начальника, но и путем проработки вопросов при личном общении. Оценка обстановки производится не только на карте, но и на местности, на основе более конкретной оперативно-тактической информации, получаемой из различных источников. Во-вторых, с осени 1942 г. принятию решения предшествовала рекогносцировка, где отдавались конкретные указания по взаимодействию. В-третьих, постановка боевых задач стала осуществляться не только отдачей частных боевых приказов через офицеров связи, но и лично командиром. В-четвертых, был осуществлен переход к согласованию усилий во всех инстанциях по задачам и вариантам действий на местности или ее макетах. Выявились некоторые особенности в деятельности командиров и штабов соединений бронетанковых и механизированных войск: постановка задач чаще всего производилась с использованием технических средств связи, взаимодействие организовывалось, как правило, на местности и в первую очередь с поддерживающей авиацией. Процесс совершенствования организации боя осуществлялся в результате приобретенного боевого опыта, возросшего мастерства командиров и штабов. Он был следствием изменений, происходивших в материальных основах боя, тактике действий советских войск и противника.

6. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПУНКТОВ УПРАВЛЕНИЯ И СВЯЗИ

По предвоенным взглядам, при организации пунктов управления и системы связи в обороне предусматривалось оборудование командного пункта и в отличие от наступательного боя не менее двух запасных пунктов управления. Один назначался в непосредственной близости от основного, другой — в тылу оборонительной полосы [1]. Особенность организации управления заключалась и в том, что важнейшим средством управления в бою считалась проводная связь. Рекомендовалось также широко использовать подвижные средства связи. Передача распоряжений по радио ограничивалась [2].

В начальный период войны командиры стрелковых соединений управляли подчиненными частями чаще всего с единого командного пункта, как это делалось во всех стрелковых дивизиях 4-й и 5-й армий при ведении приграничных сражений в июне — июле 1941 г. Однако уже в августе 1941 г. органы управления стали эшелонироваться в глубину — создавались командный пункт и второй эшелон уп-

[1] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 337.
[2] См.: Служба общевойсковых штабов в бою, с. 345.

равления. Во втором периоде войны более разветвленной становится система командно-наблюдательных пунктов. По опыту Курского оборонительного сражения (июль 1943 г.), в стрелковых корпусах и дивизиях их создавалось один-два, в полках и батальонах — по одному. На командных (командно-наблюдательных) пунктах стали располагаться представители от взаимодействующих частей, а также офицеры наведения авиации. Так было в 13-й армии в июле 1943 г. (Курская битва), во всех дивизиях 3-й гв. армии в апреле 1945 г. при ведении оборонительных действий в районе Губена (Берлинская операция) [1]. Это позволяло командиру оперативнее и конкретнее влиять на изменения обстановки и иметь более устойчивую связь.

По сравнению с предвоенными взглядами создаваемые в годы войны пункты управления были значительно приближены к переднему краю (табл. 19). Это повышало гибкость управления, но требовало надежной их защиты от воздействия про-

Таблица 19

Удаление пунктов управления стрелковой дивизии в обороне в годы войны *

Наименование пунктов управления	Удаление пунктов управления (*км*) от переднего края			
	по предвоенным взглядам	в годы войны		
		первый период	второй период	третий период
Командный пункт	4—5	4—6	2—3	1—4
Второй эшелон управления	—	5—7	3—5	4—6
Наблюдательный пункт	1—2	1—2	До 1	До 1
Запасный командный пункт	3—5	—	3—4	1—3

* Таблица составлена по данным основных оборонительных операций войны.

тивника и тщательного инженерного оборудования. Поэтому при организации обороны под Курском, например, в тактическом звене из более тысячи оборудованных командных и наблюдательных пунктов 60% имели мощные деревоземляные перекрытия. Начиная со второго периода войны значительно

[1] ЦАМО, ф. 9614, оп. 183526, д. 4, л. 208—209.

больше внимания уделяется также организации совместной работы командиров взаимодействующих частей, а также службы на пунктах управления. «Командиры артиллерийских батарей живут и работают на КП командиров рот (батальонов), командиры артдивизионов — на НП командиров батальонов (полков),— отмечалось в указаниях командующего 6-й армией при организации обороны на Сандомирском плацдарме в 1944 г. — Рабочее место командиров частей и подразделений — их НП. Передовых наблюдателей иметь в первой траншее. Службу НП организовать по единой системе (стереотруба, перископ, бинокль, телефон, схема ориентиров, журнал наблюдения). На КП командиров корпусов и дивизий должно быть установлено круглосуточное дежурство» [1].

Ряд изменений произошел и в принципах организации связи. В 1941 г. основным способом организации проводной связи в дивизии являлась ось, с осени 1942 г. она прокладывалась и по направлениям, что повышало надежность и оперативность прохождения данных. Новым в оборонительных боях под Курском, в частности в 15-м стрелковом корпусе, стало создание системы связи по постоянным воздушным, шестовым и кабельным линиям, причем по одному-двум и более проводам, как телефоном, так и телеграфом. Заблаговременная прокладка линий, их маскировка, создание обходных путей и внештатных восстановительных команд обеспечивали относительно высокую устойчивость проводных средств — в соединениях 13-й армии в июле 1943 г. перерыва в работе более чем на 15—20 минут не отмечалось [2]. Лучшее оснащение подразделений связи радиостанциями позволило с лета 1943 г. иметь довольно разветвленную сеть радио, организуемую через систему командных, наблюдательных и запасных пунктов управления. Она использовалась с началом боевых действий, неся особую нагрузку при вводе в бой вторых эшелонов и резервов (до 70% переданных распоряжений, по опыту соединений Воронежского фронта, июль 1943 г.)[3], а также при ведении боя в окружении и перемещении пунктов управления. В 1943—1945 гг. подвижные средства связи стали применяться не только по круговому маршруту, но и по направлениям. На протяжении всей войны в обороне широко использовались зрительные и звуковые сигнальные средства, в том числе и табельные.

Характерно, что при ведении оборонительных действий в июле 1941 г. в тринадцати дивизиях из пятнадцати, входивших в состав 20-й и 22-й армий, связь организовывалась только с помощью подвижных средств. Аналогичным образом

---

[1] Сборник документов Великой Отсчественной войны. М., Воениздат, 1956, с. 100.

[2] ЦАМО, ф. 361, оп. 440736, д. 1, л. 16—18.

[3] ЦАМО, ф. 236, оп. 466507, д. 1, л. 14—15.

организовывалась связь и в соединениях 3-й армии в октябре 1941 г.[1]. Под Москвой (октябрь—ноябрь 1942 г.) в двадцати из тридцати пяти дивизий Западного фронта связь осуществлялась по проводам, в четырнадцати—с помощью подвижных средств, лишь в 100-й стрелковой дивизии — одновременно по радио и телефону[2]. В оборонительных сражениях под Сталинградом все дивизии 62-й армии имели проводную связь с командным пунктом армии и командными пунктами частей, причем 60% из них — по двум линиям, а 181-я стрелковая дивизия — телефонную и телеграфную[3]. В битве под Курском все тридцать семь дивизий первого эшелона поддерживали связь с подчиненными по двум-трем линиям проводной связи, а также по радио[4]. Следовательно, в годы войны наметилась тенденция к комплексному использованию средств связи, в значительной степени — радио. «Радио, — отмечалось в Полевом уставе 1943 г., — с началом боя является основным средством управления. Особое значение радиосвязь приобретает при бое в глубине обороны»[5].

Главной отличительной чертой организации пунктов управления в соединениях бронетанковых и механизированных войск являлось прежде всего то, что они располагались ближе к войскам, чем в стрелковых соединениях. В обороне под Курском 80% командных пунктов танковых корпусов находилось от переднего края обороны на удалении не свыше 2 *км*, бригад — до 1 *км*[6]. Это обусловливалось необходимостью более оперативно осуществлять руководство ходом боевых действий, ведя наблюдение. Кроме того, уже в обороне под Сталинградом, а также в последующих операциях войны в танковых (механизированных) корпусах, а иногда и в бригадах создавались оперативные группы командиров соединений, способные быстро перемещаться с одного направления на другое.

Особенности организации связи в соединениях заключались в том, что бронетанковые и механизированные войска имели, как правило, постоянную связь по радио в звене корпус — бригада — батальон, а с 1943 г. — до роты включительно, причем в ряде случаев даже по двум-трем каналам, например в 32-м танковом корпусе с переходом его к обороне в августе 1943 г.[7]. В качестве подвижных средств использовались также легкие танки и бронеавтомобили, а для связи с армией — и авиация.

---

[1] ЦАМО, ф. 219, оп. 679, д. 16, л. 2; ф. 208, оп. 2513, д. 82, л. 330—339.

[2] ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 82, л. 330—339.

[3] ЦАМО, ф. 345, оп. 5506, д. 2, л. 21—23.

[4] ЦАМО, ф. 201, оп. 418, д. 29, л. 196—198.

[5] Полевой устав Красной Армии. Проект, ст. 519.

[6] ЦАМО, ф. 201, оп. 418, д. 29, л. 309—312.

[7] ЦАМО, ф. 330, оп. 440736, д. 1, л. 16—18.

Таким образом, в совершенствовании организации управления войсками в оборонительном бою за годы войны прослеживается ряд направлений: пункты управления все более эшелонировались по фронту и в глубину, приближались к переднему краю, давая возможность командиру наблюдать за полем боя, лучше оборудовались в инженерном отношении, тщательно организовывались их охрана и оборона, комендантская служба, что в итоге способствовало устойчивости управления войсками. Наметился переход к комплексному использованию средств связи, свидетельствуя о перспективности такого подхода и в современных условиях.

7. БОРЬБА ЗА ТАКТИЧЕСКУЮ ЗОНУ ОБОРОНЫ

Боевые действия за удержание главной полосы обороны

По довоенным взглядам, оборонительный бой с наступающим противником должен был начинаться на дальних подступах к главной полосе обороны [1]. На подходе противник подвергался ударам авиации и артиллерии. В полосе обеспечения выделенные войска должны были задерживать противника, изматывать его силы и наносить ему возможно большие потери [2].

В годы Великой Отечественной войны боевые действия в полосе обеспечения не получили существенного развития. В целом они не сыграли той роли, которая определялась им предвоенными уставами: передовые отряды не могли длительное время противостоять удару главных сил противника. Кроме того, редко удавалось определить основную группировку противника и направление ее действий. Вместе с тем опыт войны дал целый ряд поучительных примеров ведения боевых действий в полосе обеспечения.

В первом периоде войны при наличии полосы обеспечения передовые отряды соединений упорными боями на избранных рубежах сдерживали наступление авангардных частей противника, изматывали их силы и наносили им значительные потери. Например, в ходе оборонительных действий советских войск на северо-западном направлении в июле 1941 г. в полосе обеспечения Лужской оперативной группы, глубина которой достигала 40—45 *км,* передовые отряды 10-го механизированного корпуса, 177-й и 90-й стрелковых дивизий, применяя заграждения и разрушая мосты, около 10 дней сдерживали продвижение противника[3]. Для преодоления этой полосы враг был вынужден ввести соединения из состава главных

---

[1] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 413.
[2] См.: Там же.
[3] ЦАМО, ф. 1253, оп. 1, д. 42, л. 6—9, 17—28; д. 40, л. 13, 23.

сил. С 17 по 22 июля 1942 г. передовые отряды 192-й, 33-й гв., 181-й и 147-й стрелковых дивизий 62-й армии отражали атаки авангардных частей, а со второй половины 22 июня — и главных сил 6-й немецко-фашистской армии в большой излучине Дона (глубина полосы обеспечения — до 45 *км*)[1].

В последнем случае стойкость и героизм советских воинов поколебали уверенность врага в том, что он сможет легко и быстро прорваться к Сталинграду. Противник был вынужден преждевременно развернуть часть главных сил 6-й армии. Советскому командованию удалось вскрыть ее группировку и определить, что основные усилия этой армии направлены на овладение районом города Калач. Благодаря мужественному сопротивлению передовых отрядов темп продвижения врага составлял 12—15 *км/сут.*, в то время как в предшествующие дни (с 12 по 17 июля) он равнялся 30 *км/сут.*[2]. Таким образом, наши соединения получили время для совершенствования обороны.

Во втором и в третьем периодах войны полоса обеспечения создавалась редко. Чаще всего при переходе к обороне в сторону противника от стрелковой дивизии высылались один-два передовых отряда. При закреплении рубежей они зачастую выполняли функции охранения. Под их прикрытием главные силы вели подготовку к новому наступлению. Так, при закреплении рубежа войсками 13-й и 60-й армий 1-го Украинского фронта на заключительном этапе Житомирско-Бердичевской операции от каждой из десяти стрелковых дивизий, находившихся в первом эшелоне, на удалении от 5 до 30 *км* было выслано один-два передовых отряда (всего 15 отрядов) силой от роты до батальона. Передовые отряды сыграли важную роль в создании выгодных условий для подготовки Ровно-Луцкой операции[3].

В других случаях передовые отряды, перекрывая наиболее вероятные направления наступления противника, на какой-то срок задерживали его, выявляли направление главного удара, а главное, не позволяли нанести внезапный удар по нашим главным силам.

Уменьшение по сравнению с первым периодом войны глубины полосы обеспечения позволило более эффективно поддерживать передовые отряды артиллерийским огнем с главной полосы обороны, улучшились также условия управления их боевыми действиями. Значительно большее развитие в годы войны получили боевые действия боевого охране-

---

[1] ЦАМО, ф. 1120, оп. 1, д. 42, л. 21—26.

[2] См.: История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1975, т. 5, с. 159—160.

[3] См.: Разгром немецко-фашистских войск на Правобережной Украине. М., ВАГШ, 1957, кн. 1, с. 134—137.

Таблица 20

Состав, удаление и время боевых действий боевого охранения стрелковых дивизий в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	Состав подразделений, выделяемых в боевое охранение	Количество подразделений в стрелковой дивизии	Удаление подразделений от переднего края, *км*	Время боя за позицию боевого охранения, *ч*
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	От стрелкового взвода до стрелкового батальона	1—4	0,5—2,5	0,5—1,5
	Зимняя 1941/42 г.	От стрелкового взвода до стрелковой роты	2—3	1.0—1,5	1—2
	Летне-осенняя 1942 г.	То же	3—5	0,4—3	0,5—1
Второй	Зимняя 1942/43 г.	Стрелковый взвод	3—4	1—1,5	0,5—1,5
	Летне-осенняя 1943 г.	От стрелкового взвода до стрелкового батальона	10	0,3—5	От 1—5 до 30—36
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	От стрелкового взвода до стрелковой роты	2—5	0,3—2	0,5—1,5
	Летне-осенняя 1944 г.	То же	3—8	0,2—1,5	1—1,5
	1945 г. (в Европе)	»	2—4	0,5—1	0,5—5

* Таблица составлена на основании обобщения опыта оборонительных действий 108 стрелковых дивизий в Смоленской оборонительной операции, битвах под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, за Днепр, в операциях на Правобережной Украине, в Ясской оборонительной операции, в боях на вислинских плацдармах, в Шауляйской оборонительной операции и в операции у озера Балатон, а также в других операциях Великой Отечественной войны.

н и я, которое выставлялось в абсолютном большинстве переходивших к обороне дивизий.

В первом периоде войны, как видно из данных таблицы 20, количество подразделений, выделяемых в боевое охранение, их состав и удаление от переднего края обычно не выходили за рамки уставных требований. Боевое охранение выделялось от батальонов первого эшелона силой взвод — рота на удаление от 0,4 до 3 *км* от переднего края обороны. Его состав зависел от наличия сил и средств, удаления первой позиции от противника и других условий обстановки. При обороне дивизии в широких полосах часто не удавалось создать позицию боевого охранения, как этого требовали довоенные уставы [1]. В силу этого опорные пункты, которые оборонялись боевым охранением, не имели взаимной огневой связи, и противник часто выходил к переднему краю обороны дивизии, минуя боевое охранение.

В этих условиях не всегда удавалось предупредить внезапное нападение противника, затруднить ему ведение наземной разведки и скрыть истинный передний край. Вражеские войска имели возможность обходить опорные пункты боевого охранения и атаковать их во фланг и тыл. Поэтому продолжительность боя боевого охранения, как правило, не превышала 1,5—2 часов. Иногда выставлялось усиленное боевое охранение силой до стрелкового батальона (32-я стрелковая дивизия в битве под Москвой). В этих случаях позиция боевого охранения играла роль передовой.

Во втором периоде войны, особенно в Курской битве, количество сил и средств, выделяемых в боевое охранение, значительно увеличилось. Были примеры, когда на важнейших подступах к переднему краю выставлялось усиленное боевое охранение силой до стрелкового батальона. Это привело к созданию достаточно устойчивой позиции боевого охранения, которая, располагаясь в 1—5 *км* от переднего края, выполняла роль передовой позиции и удерживалась продолжительное время (от 1—5 часов до 1,5 суток). Так, боевое охранение соединений 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов 6-й гв. армии в Курской битве 4 и 5 июля удерживало свои позиции в течение 2,5—7 часов, отражая неоднократные атаки превосходящих сил противника на направлении его главного удара [2]. Там, где наступление врага велось ограниченными силами, боевое охранение обороняло свои позиции более длительное время. Например, позиция боевого охранения 67-й гв. стрелковой дивизии на участке обороны 201-го гв.

---

[1] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 371.

[2] ЦАМО, ф. 869, оп. 9164, д. 2, л. 150—151; ф. 872, оп. 41720, д. 1, л. 28.

стрелкового полка в районе Драгунского (южный фас Курской дуги) удерживалась 4 и 5 июля — около 1,5 суток[1].

Боевые действия за опорные пункты боевого охранения 71-й гв., 67-й гв., 52-й гв., 375-й стрелковых дивизий 6-й гв. армии не только сорвали расчет противника на внезапность удара, но и затруднили ему ведение наземой разведки и организацию артиллерийского наблюдения. Они создавали нашей артиллерии благоприятные условия для проведения контрподготовки. Значительное количество гитлеровских войск не успело оборудовать и занять исходное положение для наступления, вследствие чего удар артиллерии 6-й гв. армии в период контрподготовки пришелся по открытой живой силе и технике врага.

В третьем периоде войны в большинстве случаев наши войска переходили к обороне под воздействием противника в непосредственной близости от него. В этой обстановке боевое охранение либо высылалось на небольшое расстояние от переднего края (200—500 *м*), либо выделялось лишь на тех участках, где это было **можно** сделать. Там, где боевого охранения не было, его функции выполнялись путем усиленного наблюдения с переднего края, дежурства расчетов огневых средств, а иногда и путем высылки вперед секретов.

Внимание, которое уделялось в годы войны боевым действиям боевого охранения, объясняется важностью решаемых им задач, возможностью эффективно поддерживать его бой артиллерийско-минометным огнем с первой позиции, удобством управления. В ходе боевых действий с боевым охранением противник, выйдя к первой позиции главной полосы, был вынужден занимать исходное положение для наступленяи на необорудованной в инженерном отношении местности, что создавало лучшие условия для проведения нашими войсками артиллерийской контрподготовки.

Проведение артиллерийской контрподготовки предусматривалось предвоенными уставами в целях срыва готовящейся атаки противника[2]. Однако в начале войны в силу сложившейся тяжелой обстановки решить эту задачу было весьма трудно. Так, 24 сентября 1941 г. в соответствии с планом оборонительной операции 42-й армии в районе Пулково в полосе 13-й стрелковой дивизии была проведена артиллерийская контрподготовка на участке 8 *км*. В ней принимало участие 130 орудий различного калибра, в том числе 44 орудия из состава соседних стрелковых дивизий. В течение 15 минут было израсходовано 326 снарядов[3]. Артиллерийская контрподготовка по плану 20-й армии прово-

[1] ЦАМО, ф. 1199, оп. 1, д. 35, л. 4—5.

[2] См.: Боевой устав артиллерии РККА. М., 1938, ч. 2, с. 243.

[3] См.: Боевые действия 42-й армии и оборона путей сообщения в битве за Ленинград. М., ВАФ, 1975, с. 14, 26.

дилась 30 сентября 1941 г. на отдельных участках в полосах 144-й и 129-й стрелковых дивизий. При ширине полос обороны дивизий 16 и 23 *км* она осуществлялась соответственно на участке 4 и 5 *км*. От 144-й дивизии привлекалось 72 орудия и миномета, от 129-й стрелковой дивизии — 104[1]. Контрподготовка продолжалась 10 минут с расходом 0,3 *бк* боеприпасов[2].

Следовательно, уже в сентябре 1941 г. артиллерия стрелковых дивизий привлекалась к контрподготовке, которая проводилась в масштабе общевойсковых армий на отдельных направлениях, Однако, вследствие недостаточного количества привлекаемых сил и средств (орудий, минометов и боеприпасов) и ограниченного времени, решительные цели не были достигнуты. Тем не менее проведение артиллерийской контрподготовки способствовало значительному ослаблению силы первоначального удара противника.

Опыт, полученный в начале войны, способствовал дальнейшему совершенствованию артиллерийской контрподготовки, особенно в оборонительных боях под Сталинградом. Так, противник, готовясь к наступлению, 24 и 25 сентября в районе авиагородка и севернее его сосредоточил до трех пехотных дивизий в целях нанесения удара с утра 26 сентября в направлении Мамаев Курган — овраг Долгий. О районе сосредоточения противника и времени перехода его в наступление нашему командованию стало известно вечером 25 сентября. Командующий 62-й армией решил проведением контрподготовки сорвать готовящееся наступление. К участию в контрподготовке помимо армейской артиллерии привлекалась и артиллерия 95, 112, 284 и 113-й стрелковых дивизий, которые имели в своем составе по 36—60 орудий и минометов. Всего на направлении главного удара противника (2 *км*) было сосредоточено более 200 орудий и минометов с расходом 25 снарядов на орудие. В результате 60-минутной контрподготовки противнику были нанесены значительные потери в живой силе и боевой технике, и его атаки в течение 26 сентября успешно отражались силами малочисленных обескровленных 95-й и 112-й стрелковых дивизий[3].

Контрподготовка, в которой принимала участие артиллерия частей и соединений и армейская артиллерия 62-й армии, проводилась и в последующие дни боев за Сталинград. Так, в первых числах октября на участке завода «Селикат» и поселок «СТЗ» наша разведка установила сосредоточение до двух стрелковых дивизий противника с танками, которые име-

---

[1] ЦАМО, ф. 208, оп. 3038, д. 59, л. 27—33.

[2] См.: Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. М., 1958, кн. 1, с. 50.

[3] См.: Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны, кн. 1, с. 391—392.

ли цель прорвать оборону наших войск на фронте 3 *км* и выйти к Волге между тракторным заводом и заводом «Баррикады».

Из примера следует, что на подготовку огня артиллерии имелось ограниченное время — 5 часов, что определило некоторые особенности в ее организации. Командующий артиллерией армии после получения указаний от командующего немедленно вызвал в свой штаб начальников штабов артиллерийских полков усиления, привлекаемых к контрподготовке, и лично поставил им огневые задачи. При постановке задач артиллерии дивизий около 1/3 ее огневых возможностей было специально зарезервировано для выполнения задач, которые могли быть поставлены командирами дивизий.

К контрподготовке командование армии привлекло артиллерию пяти стрелковых дивизий и двух бригад, трех истребительно-противотанковых артиллерийских полков, пяти полков полевой реактивной артиллерии и четырех пушечных полков фронтовой артиллерийской группы, что составило более 300 орудий и минометов. В результате контрподготовки, продолжавшейся 40 минут, противник понес значительные потери и сумел возобновить наступление на этом направлении только через 5 дней, предварительно пополнив и перегруппировав свои силы [1].

Во втором периоде войны наши соединения и части уже имели опыт проведения артиллерийской контрподготовки. К тому же они, особенно в битве под Курском, располагали большим количеством сил и средств и достаточным временем на подготовку, что позволило заблаговременно спланировать действия артиллерии в масштабе фронтовых объединений. На Центральном фронте в 32-километровой полосе 13-й армии помимо фронтовых и армейских средств в контрподготовке принимали участие артиллерийские полки четырех стрелковых дивизий (8, 15, 81 и 148-й), а также 30% 120-*мм* и 82-*мм* минометов стрелковых полков первого эшелона (табл. 21).

Из 967 орудий и минометов, привлекаемых к контрподготовке в 13-й армии, 220 (22%) принадлежало дивизиям, а 460 (47%) — стрелковым полкам.

В полосе 6-й гв. армии Воронежского фронта к контрподготовке привлекались армейская артиллерия, четыре артиллерийских полка стрелковых дивизий первого эшелона армии, а также полковая артиллерия и минометы стрелковых полков этих дивизий. Из общего количества артиллерии дивизионная составляла 11% (76 орудий), полковая — 59% (407 орудий и минометов).

5 июля в полосе Центрального фронта артиллерийская контрподготовка была проведена дважды по 30 минут каж-

[1] См.: Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны, кн. 1, с. 392—393.

Таблица 21

Количество артиллерии, привлеченной к контрподготовке в полосах обороны 13-й и 6-й гв. армий *

Армии	Фронт контрподготовки, *км*	45-*мм* пушки	76-*мм* полковые пушки	76-*мм* дивизионные пушки	122-*мм* гаубицы	122-*мм* пушки	152-*мм* гаубицы-пушки	120-*мм* минометы	82-*мм* минометы	Реактивные установки	Всего	Средняя плотность на 1 *км* фронта
13-я	32	—	—	220	207	39	41	321	139	—	967	30
6-я гв.	19	36	24	76	31	30	47	117	230	95	686	35

* Таблица составлена на основе данных: Сборник материалов по изучению опыта войны за 1943 г., № 9 (ноябрь— декабрь 1943 г.). М., Воениздат, 1944, с. 49—52.

дая с основных позиций, было израсходовано 0,5 *бк* боеприпасов, подавлено 90 батарей и 60 наблюдательных пунктов, взорвано 6 складов с боеприпасами и ГСМ, уничтожено значительное количество огневых средств и живой силы противника. Это задержало наступление немецко-фашистских войск на 2,5—3 часа [1].

По условиям обстановки, сложившейся в полосе Воронежского фронта, контрподготовка проводилась в 22.30 4 июля по районам сосредоточения танков и пехоты противника 5-минутным огневым налетом. 5 июля с 3.00 контрподготовка была продолжена огневыми налетами в течение 30 минут с расходом 0,5 *бк* боеприпасов. В ней был использован также ружейно-пулеметный огонь пехоты и огонь танков. В результате контрподготовки противник понес значительные потери и перед фронтом 7-й армии был вынужден отказаться от наступления с плацдарма на Сев. Донце в районе Михай-

[1] Советская военная энциклопедия, 1977, т. 4, с. 537—538.

ловки. В полосе 6-й гв. армии он мог начать наступление только в 6.00 [1].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны контрподготовка становится составной частью общей системы огня в обороне [2]. Возрастают ее масштабы, увеличивается количество артиллерии, боеприпасов, а также продолжительность проведения. Основным организатором котрподготовки в отличие от предвоенных взглядов становится оперативное звено (командующий армией, фронтом). Выявилась тенденция к одновременному поражению противника в ходе котрподготовки на возможно большую глубину, особенно его артиллерии, пунктов управления, а также пехоты и танков, изготовившихся для наступления. Творческое использование опыта войны для проведения контрподготовки в современных условиях при наличии ядерного оружия может привести к полному срыву готовящегося удара противника и создать благоприятные условия для перехода войск от обороны к решительному наступлению.

Опыт войны показал, что наиболее упорные оборонительные бои велись за первую позицию главной полосы обороны.

В начале войны наши войска, отражая атаки противника, пытались действовать в соответствии с предвоенными взглядами. Артиллерия сосредоточивала огонь по танкам противника, стремясь отделить от них атакующую пехоту. При подходе танков к переднему краю по ним открывали огонь противотанковые орудия. Прорвавшиеся танки уничтожались в глубине артиллерией и противотанковыми средствами пехоты. Атака вражеской пехоты отражалась огнем стрелкового оружия и минометов. Однако из-за многократного превосходства противника и достигнутой им внезапности большинство стрелковых дивизий оказалось не в состоянии отразить или хотя бы задержать на продолжительное время наступление вражеских войск на границе. Из 36 стрелковых дивизий, которые находились в первом эшелоне армий прикрытия Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, 17 оказались на направлениях массированных атак в пять-десять раз превосходившего их противника [3]. С первых же часов их оборона оказалась прорванной на всю глубину (прил. 12).

В оборонительных боях на Лужском оборонительном рубеже (июль — август 1941 г.) и под Ленинградом осенью

---

[1] Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 224—225.

[2] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект, 1943, ст. 491.

[3] См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1958, т. 1, с. 117—146.

1941 г., в Смоленской оборонительной операции (июль 1941 г.) и в битве под Москвой (ноябрь — декабрь 1941 г.), в боевых действиях у стен Одессы, Киева, Севастополя летом и осенью 1941 г., а также в последующих оборонительных боях первого периода войны, несмотря на значительное превосходство противника в танках и авиации, устойчивость обороны стрелковых дивизий значительно повысилась. Бой за первую позицию главной полосы обороны длился в целом ряде случаев до 3—4 часов.

Во втором периоде войны борьба за передний край и первую позицию велась более длительное время. Стрелковые соединения, используя всю силу огня артиллерии, минометов и пулеметов, а также систему заграждений, в течение нескольких часов отражали атаки противника перед передним краем, а затем в течение 1,5—5 часов удерживали первую позицию (71-я, 52-я 67-я гв., 375-я стрелковые дивизии 6-й гв. армии; 81-я и 78-я гв. стрелковые дивизии 7-й гв. армии; 81-я стрелковая дивизия 13-й армии в Курской битве). В 9.30 5 июля враг перешел в наступление силами пехотного полка и 70 танков в направлении правого фланга 67-й гв. стрелковой дивизии 6-й гв. армии. К 11.00 он смог подойти непосредственно к переднему краю и лишь к 14.00, введя дополнительно пехотный полк и 30 танков, овладеть двумя линиями траншей [1].

В том, что ударная группировка врага не смогла быстро прорвать передний край и первую позицию, существенную роль сыграли возросшая по сравнению с первым периодом войны плотность противотанкового огня, а также умелое сочетание его с различными препятствиями, своевременный маневр огнем внутри батальонных районов обороны, высокая стойкость и активность командиров и солдат, использование разнообразных средств и способов борьбы с атакующими танками и пехотой противника, сохранение боеспособности подразделений благодаря наличию траншей, ходов сообщения и укрытий различного типа. Большое значение имело надежное обеспечение стыков и своевременное сосредоточение командирами частей, соединений и объединений артиллерийского огня и ударов авиации по наступающему противнику.

К середине второго периода войны, особенно это проявилось в Курской битве, были выработаны и нашли практическое применение определенные приемы ведения оборонительного боя за первую позицию. С началом артиллерийской и авиационной подготовки личный состав обороняющихся подразделений находился в блиндажах и убежищах в готовности занять свои позиции в траншеях и вести огонь по перешедшему в атаку противнику. Непрерывное наблюдение за врагом

---

[1] ЦАМО, ф. 869, оп. 9164, д. 2, л. 151.

вели лишь наблюдатели и дежурные расчеты у станковых пулеметов, орудий и минометов. В это время артиллерия групп поддержки пехоты и дальнего действия открывала ответный огонь по артиллерийским и минометным батареям и районам сосредоточения танков и пехоты противника, стремясь не допустить организованного перехода их в наступление. С началом атаки все силы подразделений направлялись на уничтожение перешедшего в наступление противника, и в первую очередь его танков, перед передним краем и в пределах первой позиции. Если атаку удавалось отразить, то враг уже не мог в первоначальной группировке продолжать наступление и был вынужден закрепляться на достигнутых рубежах и производить перегруппировку сил и средств.

Борьбу с танками начинала, как правило, артиллерия. Массированным и сосредоточенным огнем она наносила им поражение еще до подхода к переднему краю, обычно в 2—4 *км* от него, расстраивала боевые порядки, стремясь сорвать атаку или ослабить силу удара. С подходом танков врага к переднему краю открывали огонь орудия из противотанковых опорных пунктов и другая артиллерия, выдвинутая для стрельбы прямой наводкой. Их огонь был наиболее эффективным. Например, в первый день боя (5 июля 1943 г.) огнем этих орудий в полосе обороны 52-й гв. стрелковой дивизии 6-й гв. армии Воронежского фронта было выведено из строя около 60 вражеских танков [1]. Одновременно по вызову командиров полков и дивизий артиллерия вела подвижный заградительный огонь по вторым и последующим эшелонам танков до подхода их к переднему краю.

Атакующая пехота врага отсекалась от танков огнем стрелковых подразделений. Прорвавшиеся танки противника уничтожались огнем артиллерии, противотанковых ружей, а также противотанковыми гранатам, бутылками с зажигательной смесью и минами.

Большую помощь частям и подразделениям, принявшим на себя главный удар противника, оказывали артиллерия и другие огневые средства соседей. Так, 5 июля 1943 г. артиллерийская группа дальнего действия 8-й стрелковой дивизии 13-й армии, в полосе которой немецко-фашистские войска не проявляли активности, до 13.00 поддерживала огнем 148-ю стрелковую дивизию, отражавшую сильные атаки пехоты и танков врага. Это позволило увеличить плотность артиллерии в полосе этой дивизии и довести ее до 80—85 орудий и минометов на 1 *км* фронта обороны [2].

При вклинении пехоты и танков противника на первую позицию обороняющиеся части и подразделения стремились

---

[1] ЦАМО, ф. 869, оп. 9164, д. 2, л. 151.
[2] ЦАМО, ф. 846, оп. 81658, д. 1, л. 1.

уничтожить их в пределах этой позиции, одновременно воспретить подход к району вклинения вторых эшелонов и резервов. Обычно в этот период в борьбу с вражескими танками включались артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждений стрелковых полков и дивизий.

В третьем периоде войны тенденция к повышению устойчивости первой позиции сохраняется. Стрелковые дивизии стали чаще останавливать противника в пределах первой позиции. Однако в основном наступление противника захлебывалось при прорыве первой полосы обороны. Так было в ходе оборонительного боя 32-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов 5-й гв. армии в августе 1944 г. на сандомирском плацдарме [1], а также при обороне плацдармов на реке Нарев 4—9 октября 1944 г. дивизиями 105-го стрелкового корпуса 65-й армии [2] и в оборонительных боях 64-го стрелкового корпуса 37-й армии 6—9 марта 1945 г. в районе озера Балатон [3].

Несмотря на сильные танковые удары, противнику не удавалось с первых атак прорвать первую позицию. Понеся потери, танки и бронетранспортеры врага отходили на исходные позиции, а пехота обычно залегала. Лишь после повторных атак противнику удавалось вклиниться в нашу оборону. Значительную роль в отражении атак противника играл сосредоточенный огонь большей части орудий и минометов по атакующей, как правило, на узком участке фронта группировке противника. Не меняя огневых позиций, артиллерийские группы могли переносить огонь с одного направления на другое, поддерживая бой какого-либо из полков. Например, 6 марта 1945 г. противник силами 41 танка, 23 бронетранспортеров и до двух батальонов пехоты нанес удар в стык 572-го и 734-го стрелковых полков 233-й стрелковой дивизии (Балатонская оборонительная операция). Артиллерия дивизии открыла огонь по заранее спланированным участкам сосредоточенного огня (№ 151, 153, 155, 156, 102, 104, 581), рубежам последовательного сосредоточения огня «Лев» и неподвижного заградительного огня «Б» и «В». Огнем артиллерии танки противника были остановлены, пехота залегла, а затем стала отходить в исходное положение [4]. Когда противник атаковал 572-й стрелковый полк в направлении господский двор Янош и Кюльмайор (на стыке с соседней 68-й гв. стрелковой дивизией), туда же был перенесен огонь почти всей артиллерии [5]. Быстрый и эффективный маневр огнем достигался тем, что в

---

[1] ЦАМО, ф. 897, оп. 21037, д. 1, л. 1—15.

[2] ЦАМО, ф. 997, оп. 160182, д. 4, л. 135—151.

[3] См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 9. М., Воениздат, 1947, с. 29—32.

[4] ЦАМО, ф. 1512, оп. 1, д. 145, л. 202.

[5] Там же, д. 45, л. 95—96.

полосе обороны дивизии было заранее подготовлено 40 участков сосредоточенного огня, один участок подвижного заградительного огня и 6 рубежей неподвижного заградительного огня [1], установлены и доведены до командиров частей и подразделений сигналы вызова и переноса огня, осуществлено твердое управление артиллерийскими группами.

Из других причин, обусловивших устойчивость первой позиции, следует выделить своевременное усиление полков первого эшелона силами и средствами дивизии и корпуса, особенно противотанковой артиллерией, путем маневра из глубины или с неатакованных участков. Таким образом, за годы войны в целом повысилась устойчивость обороны при бое за первую позицию. Однако во многих случаях противнику ценой больших потерь удавалось ее преодолевать.

С прорывом противником первой позиции борьба велась за в т о р у ю п о з и ц и ю.

В начале войны вследствие одноэшелонного, как правило, построения боевого порядка стрелковых полков, широких участков их обороны, а также потерь, которые несли подразделения первого эшелона, прорыв первой позиции фактически приводил к прорыву обороны полка. Прорвав первую позицию, противник в прежней группировке при поддержке основной массы артиллерии с ходу атаковывал или обходил отдельные опорные пункты в глубине обороны стрелкового полка и устремлялся к запасной (третьей) позиции, если такая создавалась.

С учетом опыта начала войны район расположения полкового резерва (второго эшелона) все чаще стал подготавливаться для ведения упорной обороны и оборудоваться в инженерном отношении так же, как и районы обороны батальонов первого эшелона. Устойчивость его возросла, поэтому продолжительность боя за подобные районы обороны увеличивалась и в ряде случаев составляла до 10 часов. Примером могут служить оборонительные бои 316-й и 32-й стрелковых дивизий под Москвой в октябре — декабре 1941 г., 33-й стрелковой дивизии в Сталинградской битве, 2-й гв. стрелковой дивизии в боях на южном берегу Манычского канала в июле 1942 г. и др. И все же в первом периоде войны в основной массе дивизий вторая позиция удерживалась в течение 1—3 часов (см. прил. 12). К исходу дня противник продвигался на 8—15 *км* (288-я и 267-я стрелковые дивизии 52-й армии в Тихвинской операции в октябре 1941 г.; 250, 242, 162, 244-я стрелковые дивизии 30-й и 52-й армий в Вяземской операции в октябре 1941 г.; 192-я стрелковая дивизия под Сталинградом в июле 1942 г. и т. д.).

---

[1] ЦАМО, ф. 1512, оп. 1.

Во втором периоде войны устойчивость районов обороны вторых эшелонов (резервов) полков несколько повысилась. Это обусловливалось оборудованием батальонных районов, расположенных на второй позиции, сплошными траншеями, совершенствованием системы огня, более тесным взаимодействием подразделений, оборонявших вторую позицию, с противотанковыми опорными пунктами (районами), своевременной помощью со стороны вышестоящих инстанций. Кроме того, устойчивость второй позиции в значительной степени зависела и от того, насколько долго удерживалась первая позиция. Батальоны первого эшелона своей упорной обороной не только наносили противнику потери, но и выигрывали время для усиления второй позиции. Важную роль играло увеличение плотности сил и средств на второй позиции путем маневра из глубины и отхода подразделений с первой позиции. Показательным в этом отношении является бой 78-й стрелковой дивизии 7-й гв. армии в Курской битве (см. схему 10). К 12.00—13.00 5 июля, т. е. за 7—8 часов наступления, противнику в основном удалось прорвать первую позицию 78-й гв. стрелковой дивизии и выйти ко второй. К этому времени она занималась двумя батальонами из состава 228-го и 225-го гвардейских стрелковых полков, а также выдвинутым из второго эшелона дивизии 3-м батальоном 223-го гв. стрелкового полка. В районах разъезда Разумное и Ниж. Ольшанец бой вели противотанковые районы. За железнодорожной насыпью между ними был развернут артиллерийско-противотанковый резерв дивизии. Попытка противника с ходу прорвать вторую позицию в районе разъезда Разумное была сорвана массированным огнем артиллерийских групп поддержки пехоты 228-го и 225-го гвардейских стрелковых полков и группы дальнего действия дивизии. Сюда же сосредоточила огонь и бо́льшая часть артиллерийской группы 25-го гв. стрелкового корпуса. Бой за вторую позицию принял ожесточенный характер и длился около двух часов. И только после ввода в бой дополнительных сил враг, сосредоточив на фронте 2,5 *км* более 70 танков и два пехотных батальона, прорвал вторую позицию на участке 225-го гв. стрелкового полка. Подразделения 228-го гв. стрелкового полка, оборонявшиеся на второй позиции в районе разъезда Разумное, отбивали атаки врага вплоть до 19.00 5 июля [1].

При упорном удержании районов обороны на второй позиции противник чаще всего искал промежутки между ними и выходил к третьей позиции.

В третьем периоде войны борьба за вторую позицию приобрела более упорный характер. Командиры соединений и частей в этом периоде значительно чаще и более точно выяв-

---

[1] ЦАМО, ф. 1225, оп. 1, д. 11, л. 102—103.

ляли направления ударов противника, который наступал обычно на узких участках фронта. На этих направлениях даже при недостатке сил и средств создавалась глубокая оборона. Кроме того, в условиях длительной борьбы за первую позицию к моменту выхода противника ко второй позиции уже четко обозначалось направление его главного удара, и командир дивизии выдвинул на вторую позицию резервы, а также силы и средства с неатакованных участков. В ряде случаев, когда дивизии переходили к обороне при значительном некомплекте (133-я и 74-я стрелковые дивизии 135-го стрелкового корпуса в Балатонской оборонительной операции), вторую позицию оборонял полк второго эшелона. Все это обусловило повышение устойчивости второй позиции. Стрелковые дивизии удерживали ее от 0,5—5 до 8—15 часов.

В тех случаях, когда противнику удавалось прорвать две первые позиции, третья позиция являлась тем последним рубежом, на котором дивизия еще могла остановить противника и таким образом выполнить боевую задачу. В летне-осенней (1941 г.) и зимней (1941/42 г.) кампаниях рекомендация предвоенного устава — «в случае прорыва противника на всем фронте обороны командир дивизии организует оборону на рубеже, заблаговременно подготовленном вторым боевым эшелоном, обеспечивая маневр и контратаку корпусного резерва» [1] — в силу сложившихся условий выполнялась редко. Главная причина состояла в том, что дивизии строили боевой порядок чаще всего в один эшелон и в связи с этим позицию второго боевого эшелона подготавливали редко. Там, где вторые эшелоны дивизий создавались, они использовались обычно для проведения контратак и усиления полков первого эшелона. Таким образом, силы и средства стрелковых дивизий были задействованы, как правило, еще в борьбе за участки обороны полков первого эшелона. Когда стрелковая дивизия не усиливалась вышестоящим командованием, третья позиция, если она и создавалась, удерживалась непродолжительное время.

Устойчивость третьей позиции повысилась в конце первого периода и во втором периоде войны. Объясняется это рядом причин. Дивизии значительно чаще стали строить боевой порядок в два эшелона и оборудовать третью позицию в инженерном отношении. Вторые эшелоны дивизий стали реже привлекаться к контратакам в первый день боя. Их усилия были направлены в первую очередь на прочное удержание третьей позиции. Так, из четырех дивизий 13-й армии, оборонявшихся в первом эшелоне (Курская битва), только в одной дивизии (148-я стрелковая) второй эшелон был исполь-

[1] Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 417.

зован для контратаки [1]. Третья позиция оборонялась не только вторым эшелоном дивизии, но и подразделениями, отошедшими с первых двух позиций, а также резервами корпуса и армии, в том числе танковыми соединениями и частями (81-я стрелковая дивизия 13-й армии, 52-я гв. стрелковая дивизия 6-й гв. армии, 78-я гв. стрелковая дивизия 7-й гв. армии в Курской битве), при мощной артиллерийской поддержке. Упорная оборона третьей позиции не позволяла противнику с ходу прорвать вторую полосу обороны. Боевые действия на третьей позиции длились от нескольких часов до 1,5 суток. Так, почти сутки велись боевые действия за третью позицию 81-й стрелковой дивизии [2]. Столько же времени оборонялся на третьей позиции 225-й гв. стрелковый полк 78-й гв. стрелковой дивизии [3]. В ряде случаев успешная оборона третьей позиции позволяла подготовить и провести армейский и фронтовой контрудары (Центральный фронт в полосе 29-го стрелкового корпуса). Борьба за третью позицию стала носить разнообразный характер. Она не ограничивалась лишь упорным удержанием местности. Проводились и контратаки вторым эшелоном дивизии. Тенденция к отражению ударов противника перед третьей позицией главным образом силами корпусных и армейских резервов становится преобладающей.

Основную роль в отражении ударов крупных танковых группировок противника играла истребительно-противотанковая артиллерия. Так, в период оборонительных боев на сандомирском плацдарме, где противник 14—19 августа 1944 г. нанес контрудар силами 290 танков, в полосе действий 32-го гв. стрелкового корпуса 5-й гв. армии на участке протяжением *7 км* было сосредоточено восемь истребительно-противотанковых полков [4]; при наступлении врага 23—26 августа (на Сандомирском плацдарме) в полосе обороны 102-го стрелкового корпуса 13-й армии — пятнадцать истребительно-противотанковых полков [5]. Наращивание сил и средств на рубеже третьей позиции характерно и для обороны стрелковых соединений в Балатонской операции. Показателен в этом плане один пример. К исходу 6 марта 68-я гв. стрелковая дивизия, прижатая к каналу Шарвиз, с трудом удерживала третью позицию в районе Калоз. В критический момент боя командующий 26-й армией переподчинил этой дивизии из своего резерва 1965-й истребительно-противотанковый полк, который с ходу вступил в бой, развернувшись западнее и южнее Калоза. В течение двух суток вместе с 1966-м истребительно-противотанковым полком он подбил и сжег 21 танк

---

[1] См.: *Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г.* Курская битва, с. 106—107.
[2] ЦАМО, ф. 888, оп. 22057, д. 7, л. 3.
[3] ЦАМО, ф. 1225, оп. 1, д. 11, л. 102.
[4] ЦАМО, ф. 897, оп. 21037сс, д. 1, л. 9—11.
[5] ЦАМО, ф. 994, оп. 4981 с, д. 2, л. 3—5.

противника, уничтожил более двух десятков бронетранспортеров, 7 автомашин, 3 орудия, 12 пулеметов. В ходе боя эти полки потеряли 30 орудий, 3 автомашины, 58 человек убитыми и ранеными [1]. Только к исходу 8 марта противнику удалось прорвать третью позицию и овладеть Калозом [2].

В этом же периоде при борьбе за третью позицию стали чаще и решительнее проводиться контратаки в целях разгрома вклинившегося противника и восстановления положения. Участие в контратаках сил и средств корпуса и армии приводило, как правило, к ликвидации вклинения либо к прекращению наступления противника. Таким образом, в годы войны происходило постоянное возрастание устойчивости третьей позиции. Следовательно, при упорном удержании всех позиций противнику приходилось преодолевать главную полосу обороны, затрачивая на это до двух-трех суток.

Боевой опыт, полученный нашими войсками в ходе войны, подтвердил, что успех оборонительного боя за главную полосу обороны во многом зависит от своевременного осуществленного маневра силами и средствами и успешного проведения контратак.

Маневр силами и средствами (прил. 13) применялся во всех без исключения кампаниях войны и в большинстве обороняющихся дивизий. С учетом конкретной обстановки к маневру привлекалось самое различное количество сил и средств: от стрелковой роты до одного-двух стрелковых полков, танковой бригады, нескольких артиллерийских полков и т. д. При этом максимум участвовавших в маневре сил и средств приходился на летне-осенние кампании 1942 и 1943 гг., когда наши войска вели наиболее напряженные оборонительные бои под Сталинградом и Курском. В этих боях стрелковые дивизии имели глубокое построение и получали значительное усиление. Некоторое уменьшение количества сил и средств, привлекаемых к маневру в третьем периоде войны, объясняется главным образом значительным некомплектом переходивших к обороне соединений и объединений.

Из данных приложения 13 видно, что широкий маневр из глубины в полосы обороны стрелковых дивизий при бое за удержание главной полосы осуществлялся силами и средствами корпуса (армии). При известных колебаниях следует отметить постоянное увеличение этих сил. Удержание главной полосы обороны стало, таким образом, важным, если не основным содержанием всех оборонительных действий стрелкового корпуса и армии.

Главной целью маневра силами и средствами являлось усиление обороны полков (дивизий) первого эшелона или про-

---

[1] Военно-исторический журнал, 1960, № 6, с. 32.
[2] ЦАМО, ф. 1512, оп. 1, д. 57, л. 95.

ведение контратак (контрударов). Маневр дивизионными силами и средствами начинался, как правило, при бое за первую позицию и завершался в течение одного, максимум семи часов, т. е. чаще всего тогда, когда еще шел бой за вторую, а иногда и за первую позицию.

Маневр корпусными (армейскими) резервами совершался обычно в период боевых действий за вторую или третью позицию. Используя автотранспорт (как правило, в третьем периоде войны) они сравнительно быстро (за 1—7 часов) выходили в полосу обороны обороняющейся дивизии и часто принимали на себя удар противника. Если автотранспорт не использовался, то маневр мог совершаться в течение 10—15 часов.

Как показал опыт оборонительных боев, маневр в дивизиях проводился либо вдоль фронта, либо из глубины. Маневр вдоль фронта чаще всего осуществляли те подразделения (части), которые снимались с неатакованных участков. Он применялся обычно в тех случаях, когда отсутствовали достаточно сильные резервы, а противник вел наступление в узких полосах, в частности, вдоль дорог. Однако эта форма маневра редко выступала самостоятельно. Как правило, она сочеталась с маневром из глубины, т. е. с маневром вторым эшелоном, резервами, артиллерийскими группами и т. д. В 316-й стрелковой дивизии, например, в ночь на 18 октября (битва под Москвой) на участок 1075-го стрелкового полка был переброшен с правого (неатакованного) фланга 138-й пушечный артиллерийский полк, а из глубины — истребительно-противотанковый полк, который находился в противотанковом районе, артиллерийско-противотанковый и общий резервы [1]. В целом в ряде оборонительных боев первого периода войны при широких полосах обороны маневр из глубины также не выступал в чистом виде. Чтобы выйти к участку вклинения противника, резервы дивизии должны были предварительно совершить марш вдоль фронта. Такой маневр был одновременно маневром из глубины и рокировкой с одного направления на другое. Именно поэтому продолжительность маневра дивизионными силами и средствами была наибольшей в первом периоде войны (до 4—7 часов).

В летне-осенней кампании 1942 г. и во втором периоде войны маневр из глубины стал основным. При обороне в более узких полосах поддержка со стороны соседних частей осуществлялась главным образом огнем орудий, минометов и даже пулеметов. К тому же стрелковые дивизии, которые находились на направлении действий ударных группировок противника, вели, как правило, боевые действия во всей полосе,

---

[1] См.: Боевые действия стрелковой дивизии. Сборник тактических примеров из Великой Отечественной войны, с. 399.

что ограничивало либо совсем исключало маневр с неатакованных участков (148, 81, 15-я стрелковые дивизии 13-й армии; 52-я и 67-я гвардейские стрелковые дивизии 6-й гв. армии в Курской битве).

Тенденция к преобладанию маневра из глубины над маневром с неатакованных участков получает развитие и в третьем периоде войны. В то же время более частым стало сочетание двух этих форм маневра. В 1944—1945 гг. из-за общего недостатка сил и средств противник изменил тактику наступательного боя. Наступление велось, как правило, более плотными группировками танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров при поддержке огня артиллерии в сравнительно узких полосах. В связи с этим стрелковые дивизии оказывались атакованными не во всей полосе обороны, что позволяло снимать часть сил и средств с тех участков, где противник не наступал (33, 2, 32-я гвардейские стрелковые дивизии 11-го гв. стрелкового корпуса 2-й гв. армии в Шауляйской оборонительной операции; 95-я и 13-я гвардейские стрелковые дивизии 32-го гв. стрелкового корпуса 5-й гв. армии на сандомирском плацдарме; 133-я и 74-я стрелковые дивизии 135-го стрелкового корпуса; 93-я и 151-я стрелковые дивизии 104-го стрелкового корпуса 26-й армии в Балатонской оборонительной операции и др.).

Большое значение для достижения успеха в оборонительном бою имел маневр артиллерией и ее огнем. В результате такого маневра увеличивались тактические плотности артиллерии на участках вклинения противника и, главное, создавались более выгодные условия для борьбы с его танками. Так, в начале оборонительных боев соединений 64-го стрелкового корпуса в марте 1945 г. в районе озера Балатон противник имел четырехкратное превосходство в артиллерии. В ходе первого дня боя (6 марта) в результате маневра артиллерией превосходство противника сократилось в два раза, на второй день превосходство в орудиях и минометах было уже на стороне советских войск (548 против 400) [1]. Артиллерия широко применяла и маневр траекториями. Наибольшее распространение этот вид маневра нашел во втором и в третьем периодах войны, когда сократилась ширина полос обороны, огневые позиции артиллерии приблизились к переднему краю, изменился качественно и количественно состав артиллерийских групп, что привело к увеличению их возможностей и дальности стрельбы основной массы артиллерии. Маневр траекториями проводился путем сосредоточения огня дивизионной и полковых групп (а в ряде случаев и артиллерийских групп армии и корпуса) по наиболее крупным и опасным группиров-

[1] См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 9. М., Воениздат, 1953, с. 157.

кам противника на участках его наибольшего вклинения. Нередко по инициативе командиров дивизий или по приказу командира стрелкового корпуса (армии) огонь артиллерии сосредоточивался в полосе одной из дивизий, что увеличивало плотность огня и приводило к отражению атак противника. Наибольший эффект достигался в тех случаях, когда маневр траекториями осуществлялся по одной команде и огонь открывался сразу всей артиллерией и внезапно. Например, в Балатонской оборонительной операции противник 6 марта силами до двух полков пехоты и 60 танков атаковал в направлении Шерегельеш. По сигналу командира 155-й стрелковой дивизии 26-й армии дивизионная и полковые артиллерийские группы поставили на пути выдвижения пехоты и танков противника плотную завесу неподвижного заградительного огня. Пехота врага была отсечена от танков, которые после прохода через зону заградительного огня были встречены сильным огнем противотанковых орудий. Благодаря умелому маневру артиллерийским огнем первая мощная атака была отражена [1].

Начиная со второго периода войны, маневр эшелонами и резервами часто приводил к охвату вклинившихся группировок врага по всему фронту вклинения. Занимая отсечные и промежуточные позиции впереди и на флангах прорвавшегося противника, они сковывали его маневр, лишали возможности обойти сильные опорные пункты. Характерным является пример использования резервов в полосе обороны 6-й гв. стрелковой дивизии 13-й армии при обороне Сандомирского плацдарма. К 13.00 26 августа противнику на направлении главного удара удалось прорвать оборону 25-го гв. стрелкового полка и углубиться до 5 *км*, т. е. прорвать две первые позиции. К участку вклинения в течение дня были выдвинуты противотанковый и общий резервы командира дивизии и командира корпуса, 9-я истребительно-противотанковая бригада, два истребительно-противотанковых полка, зенитный артиллерийский полк и полк гвардейских минометов из состава армии. Вместе с отошедшими подразделениями 25-го гв. стрелкового полка они создали сплошную оборону. Противник был остановлен, а затем контратакой отброшен в исходное положение.

В целом маневр силами и средствами в годы войны развивался в направлении: увеличения сил и средств стрелковой дивизии и вышестоящих инстанций, производивших маневр в полосе обороны дивизии; некоторого сокращения времени совершения маневра; преобладания маневра из глубины над маневром с неатакованных участков; относительного возрас-

---

[1] См.: Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны, 1961, кн. 2, с. 447.

тания случаев совершения маневра с задачей усиления обороны, а не проведения контратак.

Контратаки явились высшей степенью проявления активности в оборонительном бою. Они проводились, как правило, в целях восстановления утраченного положения обороняющихся войск. Мощные, хорошо организованные и обеспеченные огнем контратаки были одним из важных средств достижения устойчивости обороны.

В первом периоде войны (табл. 22) контратаки в стрелковых дивизиях проводились обычно после прорыва обороны полков первого эшелона в первые же часы боя или максимум через 7—8 часов после его начала. В целом ряде боев, особенно в летне-осенней кампании 1942 г., в контратаке принимало участие до 1,5—2 стрелковых полков, танковые части и соединения. В этих случаях стрелковым дивизиям удавалось добиться некоторого превосходства над противником и провести контратаку успешно. Примером может служить контратака, проведенная 177-й стрелковой дивизией Лужской оперативной группы. К 9.00 10 августа 1941 г. противнику силой до двух пехотных полков удалось вклиниться в оборону дивизии на участке 486-го стрелкового полка. Командир дивизии сосредоточил к району вклинения второй эшелон (468-й стрелковый полк), приданные ему сводный отряд 111-й стрелковой дивизии (до стрелкового полка) и разведывательный отряд 24-й танковой дивизии. После 7-минутного огневого налета эти части контратаковали противника. После ожесточенного боя к 23.00 положение было восстановлено [1].

В то же время следует отметить, что многие контратаки были малоэффективными, так как проводились с фронта против сильных танковых группировок, когда фашистские войска владели инициативой и обладали значительным превосходством в силах и средствах. Нередко контратаки проводились в тот момент, когда боевые порядки врага еще не были расстроены, а его артиллерия, продолжая оставаться на прежних позициях, активно поддерживала наступление танков и пехоты. Вместе с тем контратаки проводились с большим запозданием, т. е. тогда, когда уже были прорваны две первые позиции и контратакующие части (подразделения) не имели возможности опираться на прочно удерживаемые районы и рубежи. Кроме того, недостаток боевого опыта, отсутствие должной подготовки, слабая поддержка контратаки огнем артиллерии, незначительное количество танков, потеря связи затрудняли решение задачи по разгрому вклинившегося противника и восстановлению обороны. В крайнем случае удавалось лишь задержать продвижение немецко-фашистских войск. По мере накопления боевого опыта возрастало искусст-

---

[1] ЦАМО, ф. 1253, оп. 1, д. 42, л. 65.

Таблица 22

Характеристика контратак, проводимых стрелковыми дивизиями при бое за главную полосу обороны *

Периоды войны	Военная кампания	Привлекаемые силы	Время проведения контратаки	Результативность (в % к общему числу случаев)		
				огран. результат или безрезультатно	противник остановлен и задержан	положение восстановлено
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	От усиленного сб до одного-двух сп, тб	После прорыва первой и второй позиций **. Через 2—7 часов после начала боя	Более 50	До 40	Около 10
	Зимняя 1941/42 г.	От одной-двух ср до сп, тбр	После прорыва первой-третьей позиции. Через 2—6 часов после начала боя	Более 65	Около 30	До 5
	Летне-осенняя 1942 г.	От сб до одного-двух сп, тбр, тб	После прорыва первой и второй позиций. Через 4—8 часов после начала боя	До 50	Более 35	Около 15
Второй	Зимняя 1942/43 г.	От одной-двух ср до сп, тб	После прорыва первой и третьей позиций. Через 3—11 часов после начала боя	Около 70	Около 25	Более 5
	Летне-осенняя 1943 г.	От сб до трех сп тбр, тп (сап)	После прорыва первой и третьей позиций. Через 2—2,5 часа после начала боя	Около 35	До 45	До 20
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	От сб до сп, тп (сап)	После прорыва первой и второй позиций. Через 2—13 часов после начала боя	Около 50	До 25	До 25

Продолжение таблицы 22

Периоды войны	Военная кампания	Привлекаемые силы	Время проведения контратаки	Результативность (в % к общему числу случаев)		
				огран. результат или безрезультатно	противник остановлен и задержан	положение восстановлено
	Летне-осенняя 1944 г.	От одного-двух сб до одного-двух сп, тбр, тп (сап)	После прорыва первой и второй позиций. Через 3—24 часа после начала боя	Около 50	До 20	До 30
	1945 г. (в Европе)	От сб до одного-двух сп, тп (сап)	После прорыва первой и второй позиций. Через 7—28 часов после начала боя	Около 60	До 25	Около 15

* Таблица составлена на основе материалов, указанных в приложении 12.
** При наличии оборудованной позиции второго эшелона (резерва) стрелкового полка.

во подготовки и проведения контратак внезапно при поддержке огня артиллерии во взаимодействии с танковыми подразделениями и соседями по ослабленному противнику. Эта тенденция получила свое развитие во втором и в третьем периодах войны, особенно в боях на Курской дуге. Успешной, например, была контратака вторым эшелоном 8-й стрелковой дивизии 5 июля 1943 г., оборонявшейся в первом эшелоне на правом фланге 15-го стрелкового корпуса (схема 11). С 6.00 до 17.00 дивизия отбила все вражеские атаки. В 18.00 противник вновь атаковал и вклинился на глубину первой позиции, где и был остановлен. Командир дивизии принял решение контратаковать вклинившегося противника в направлении Похвальной. Перед началом контратаки вся артиллерия дивизии и минометы 310-го стрелкового полка провели сильный огневой налет по врагу на направлении контратаки. Контратака второго эшелона дивизии (229-й стрелковый полк) во взаимодействии с подразделениями полков первого эшелона была проведена стремительно и организованно. В результате ее было убито до 800 солдат и офицеров противника, уничтожена или захвачена вся боевая техника и полностью восстановлено положение в полосе обороны дивизии [1].

Тщательная подготовка и всестороннее обеспечение контратак, удачный выбор момента и направления их проведения, привлечение к контратакам сил и средств, которые обеспечивали некоторое превосходство над противником, привели в летне-осенней кампании 1943 г. к значительному увеличению их эффективности. Однако и во втором периоде войны было еще достаточно много контратак безуспешных или имевших ограниченный успех. Основная причина заключалась в том, что эти контратаки проводились против сильных танковых группировок противника, недостаточно расстроенных и не потерявших ударной силы. Такой, например, была контратака 81-й стрелковой дивизии 29-го стрелкового корпуса 6 июля в Курской битве. В 7.00 дивизия, усиленная 129-й танковой бригадой, танковым и самоходно-артиллерийскими полками, перешла в контратаку в целях восстановления утраченного положения. Части дивизии, продвинувшись на глубину до 1 *км*, были встречены плотным огнем танков, штурмовых орудий и артиллерии. После пятичасового боя дивизия под ударами танковой группировки противника была вынуждена отойти в исходное положение (на третью позицию)[2].

В третьем периоде войны контратаки в стрелковых дивизиях стали проводиться более осмотрительно, зачастую во второй день боя. К этому времени противнику наносились серьезные потери, особенно в танках, выявлялась наиболее

[1] См.: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 381—382.

[2] ЦАМО, ф. 1075, оп. 1, д. 4, л. 25.

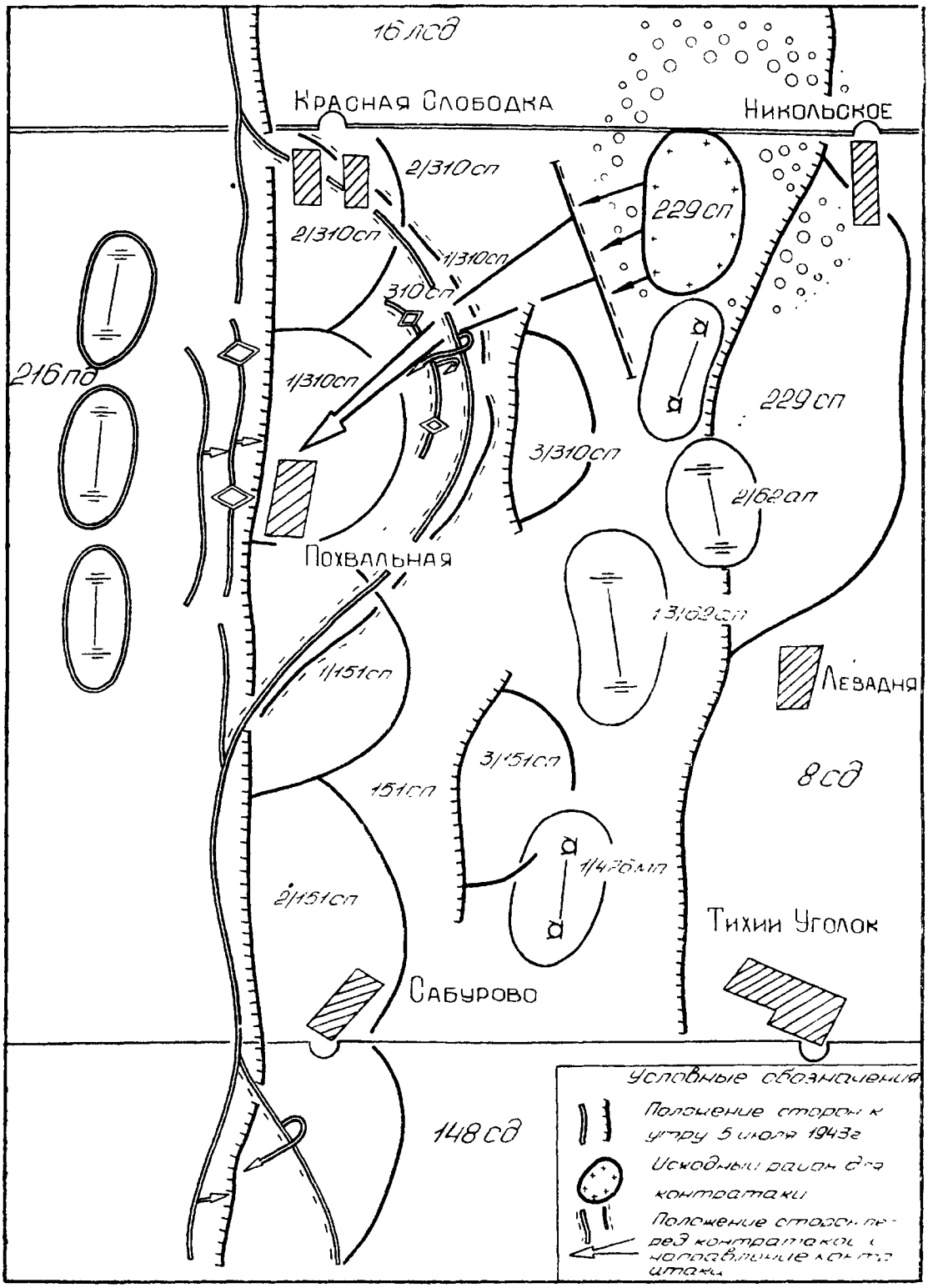


Схема 11. Оборонительные бои 307-й стрелковой дивизии в районе Поныри (7—10 июля 1943 г.)

опасная группировка врага, к участку вклинения выдвигались необходимые силы и средства из глубины и с неатакованных участков, создавалась достаточно мощная группировка артиллерии. Этому прежде всего способствовало повышение устойчивости обороны на первой и второй позициях. Контратака, проводимая во второй день боя, нередко совпадала по времени с контратакой второго эшелона (резерва) корпуса. Все эти факторы обусловили некоторое повышение эффективности контратак: в 15—30 случаях из 100 восстанавливалось ранее утраченное положение. То, что значительное количество (до 50—60) контратак не достигало конечной цели, объяснялось имевшей место поспешностью в их проведении, привлечением к контратакам ограниченных сил, недостаточной поддержкой контратак танками и артиллерией.

В целом же для оборонительных боев третьего периода Великой Отечественной войны характерным является более высокое искусство проведения контратак. Во многих случаях прорвавшегося противника удавалось окружить и уничтожить. Например, контратака, проведенная в 20.00 27 августа 1944 г. в полосе обороны 6-й гв. стрелковой дивизии 13-й армии на Сандомирском плацдарме, привела к окружению и последующему уничтожению двух пехотных рот 207-го пехотного полка [1].

Возрастание искусства проведения контратак обусловливалось их тщательной организацией и решительным осуществлением, более мощной артиллерийской подготовкой, целесообразным выбором направления главного удара во фланг и тыл вклинившейся группировки противника и момента перехода в контратаку, когда ударная группировка врага была расстроена, противник не успел подтянуть резервы и сменить позиции артиллерии. Важное значение имело усиление контратаки дивизии за счет сил и средств стрелкового корпуса или армии. Устойчивость главной полосы обороны значительно повышалась благодаря проведению контратак второго эшелона корпуса, армейских или даже фронтовых контрударов при бое за эту полосу. Как правило, в них принимали участие и стрелковые дивизии первого эшелона. В первом периоде войны стрелковые дивизии сравнительно редко участвовали в армейских и фронтовых контрударах в ходе боевых действий за главную полосу обороны. Это объясняется тем, что контрудары обычно наносились уже после прорыва главной полосы.

Во втором периоде войны в связи с повышением устойчивости тактической обороны стрелковые дивизии, оборонявшиеся в первом эшелоне стрелковых корпусов, стали активно участвовать в контрударах армии и фронта, проводимых в пределах занимаемых ими полос обороны. Наиболее поучителен

[1] ЦАМО, ф. 480, оп. 51773, д. 92, л. 331.

контрудар войск Центрального фронта 6 июля 1943 г., в котором участвовали 148, 81 и 74-я стрелковые дивизии 13-й армии. Эти дивизии были привлечены командующим 13-й армией для действий на вспомогательном направлении — вдоль железной дороги Курск — Орел и правее от нее. Главный удар наносили соединения 17-го гв. стрелкового корпуса и 2-я танковая армия, наступавшие левее железной дороги. Атаку 148, 81 и 74-й стрелковых дивизий поддерживала 12-я артиллерийская дивизия и авиация 16-й воздушной армии [1]. Командиры дивизий в течение ночи на 6 июля приняли решение на проведение контратаки и в короткие сроки поставили задачи частям. В результате контратаки надо было восстановить оборону по переднему краю первой позиции [2]. После постановки задач было организовано взаимодействие и осуществлен контроль за своевременным занятием войсками исходного положения, проверена готовность артиллерии к ведению огня, организована связь. В 7.00, после огневого налета, дивизии перешли в атаку. Хотя предпринятый контрудар и не достиг цели, но он помешал противнику продвинуться на ольховском и поныревском направлениях.

В третьем периоде войны стрелковые дивизии реже участвовали в контрударах армий и фронтов. Наступление врага чаще всего отражали стрелковые корпуса, получившие в ходе боя различные средства усиления из армии и фронта. Кроме того, контрудары наносились обычно после длительных, иногда многодневных боев, когда оборона прорывалась на всю глубину первой полосы, а то и всей тактической зоны. Такие контрудары по своему содержанию выливались в наступление советских войск и приводили к разгрому наступавшего противника и восстановлению положения (Будапештская операция).

В то же время обычным явлением становится участие стрелковых дивизий, оборонявших главную полосу обороны, в контратаках второго эшелона (резерва) стрелкового корпуса. Более того, контратаки силами и средствами стрелковых дивизий совместно со вторыми эшелонами корпусов иногда проводились и по инициативе командиров дивизий. В Балатонской оборонительной операции, например, 6 марта 1945 г. командир 73-й гв. стрелковой дивизии, зная о решении командира корпуса провести контратаку вторым эшелоном (113-я стрелковая дивизия), с разрешения командира корпуса приказал своему второму эшелону (214-й гв. стрелковый полк), оставив один батальон в резерве, контратакой восстановить положение на участке Метель, Чикота [3].

---

[1] См.: *Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г.* Курская битва, с. 118.

[2] ЦАМО, ф. 888, оп. 22057, д. 7, л. 5.

[3] Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 9, с. 153.

Таким образом, содержание и характер боевых действий в главной полосе обороны в годы войны по сравнению с довоенными теоретическими взглядами претерпели существенные изменения. Сравнительно небольшая досягаемость огня артиллерии, ограниченные огневые и маневренные возможности стрелковых подразделений и частей привели к тому, что боевые действия в полосе обеспечения не получили сколько-нибудь заметного развития. Преимущественное развитие получили боевые действия подразделений, выделенных в боевое охранение. Наметилась тенденция к созданию позиции боевого охранения и увеличению сил и средств, выделяемых в боевое охранение.

В годы войны утвердилась тенденция сосредоточивать усилия в ходе оборонительного боя на удержании главной полосы обороны, а в ней — первой позиции. Огонь, маневр силами и средствами, контратаки, а иногда и контрудары служили в конечном счете выполнению этой главной задачи, причем огонь стал основным средством в отражении наступления противника. Изменилось в связи с этим предназначение маневра. Вследствие того, что к его совершению чаще всего привлекались артиллерийские, танковые части и подразделения, обладавшие большой огневой и ударной мощью, маневром достигалось огневое превосходство на участке вклинения.

Возрастание роли огня в выполнении задач оборонительного боя оказало существенное влияние на порядок и сроки проведения контратак. Как правило, они стали наноситься лишь после того, как противник терял первоначальные наступательные возможности от огня артиллерии, минометов, танков и стрелкового оружия. Стремление нанести поражение наступающему противнику прежде всего огнем объективно отодвигало время перехода в контратаку. В ряде случаев контратака дивизии сливалась с контратакой стрелкового корпуса либо с контрударом армии (фронта).

Тенденция к повышению роли огня в оборонительном бою продолжает действовать и сейчас. В то же время не потеряли своего значения маневр, контратаки и упорное удержание определенных районов местности. Удержание ключевых пунктов обеспечивает эффективное применение всех видов оружия, создает благоприятные условия для осуществления маневра, контратак и контрударов.

Боевые действия за удержание второй полосы

В предвоенном уставе говорилось, что «в случае прорыва в глубину обороны танковых и моторизованных частей противника, дивизии продолжают вести борьбу за основную полосу обороны. Командир корпуса, опираясь на вторую полосу обороны и отсечные позиции, использует все имеющиеся у него силы и средства с

целью не допустить распространения противника в глубину и в сторону флангов» [1].

Первый период войны из-за отсутствия в тактической зоне второй полосы обороны не дал какого-либо опыта ведения оборонительных боев за эту полосу.

Наиболее полно содержание боевых действий во второй полосе раскрылось во втором периоде войны, в частности в Курской битве. Следует отметить, что боевые действия стрелковых дивизий, которые заранее занимали и обороняли вторую полосу обороны, находясь во втором эшелоне стрелкового корпуса, имели много общего с боевыми действиями в обороне дивизий первого эшелона. Однако были и некоторые особенности. Во-первых, командир и штаб дивизии, как правило, довольно точно знали о направлении главного удара и составе ударной группировки наступавшего противника. В связи с этим они могли более эффективно подготовить предстоящий бой. Во-вторых, в боевых действиях за вторую полосу активно участвовали силы и средства армии и фронта, а также части дивизий первого эшелона. С этими силами требовалось установить взаимодействие. Наиболее сложным было организовать взаимодействие с частями, отходящими с первой полосы. Нередко они выводились во второй эшелон (в резерв) армии. В этих случаях организовывались их пропуск через передний край полосы обороны и вывод в указанные районы. Для этой цели обычно использовалось ночное время. С командиром отходящей дивизии намечались места и время прохода через передний край, маршруты движения через боевые порядки частей, оборонявших вторую полосу, устанавливались сигналы взаимодействия. Чтобы отразить возможные удары противника, артиллерия и батальоны, оборонявшие первую позицию второй полосы, приводились в боевую готовность. После пропуска соединений, оборонявших главную полосу, заделывались проходы в минных полях и проволочных заграждениях, усиливались разведка и охранение. Так осуществлялся отход 81-й стрелковой дивизии 13-й армии в Курской битве через боевые порядки 307-й стрелковой дивизии — второго эшелона 29-го стрелкового корпуса в ночь на 7 июля 1943 г.[2]. В связи с тем, что в обороне второй полосы участвовали силы и средства армии и фронта, бои здесь отличались крайним упорством советских войск, высокой активностью и как следствие — большой продолжительностью. Например, 5 июля 1943 г. до 400 танков противника при поддержке авиации нанесли удар в полосе 23-го гв. стрелкового корпуса 6-й гв. армии на участке Задельное, Березов шириной 8 *км*. К 17.30 врагу удалось подойти ко вто-

---

[1] Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 419.

[2] ЦАМО, ф. 888, оп. 22057, д. 7, л. 5.

рой полосе в районе Быково, Козьмо-Демьяновка, Ворскла [1]. С этого времени основные усилия корпуса были сосредоточены на обороне второй полосы. На нее отошли два полка 52-й гв. стрелковой дивизии. На вторую полосу из резерва и второго эшелона фронта были также выдвинуты часть сил 3-го механизированного и два танковых корпуса (2-й и 5-й гвардейские), а также две истребительно-противотанковые артиллерийские бригады [2]. Они перешли к обороне на рубеже протяженностью около 40 *км*.

В 11.30 6 июля гитлеровцы бросили против 51-й гв. стрелковой дивизии — второго эшелона корпуса и 1-й гв. танковой бригады 3-го механизированного корпуса до 300 танков с пехотой. Атаке предшествовала мощная полуторачасовая артиллерийская подготовка. Бой длился до позднего вечера. Враг пытался ударами танков группами до 40—120 машин, поддерживаемых крупными силами авиации, на узком пятикилометровом участке в районе Яковлево прорвать вторую полосу обороны, но своей цели не достиг [3]. Как видно из данного примера, боевые действия за вторую полосу обороны отличались не меньшей напряженностью, чем бои за главную полосу обороны. В боях за ее удержание принимали участие не только стрелковые дивизии второго эшелона корпуса, но и дивизии, отошедшие с главной полосы обороны, а также армейские и фронтовые резервы.

Высокой устойчивостью и активностью поучительна и оборона 307-й стрелковой дивизии 13-й армии (схема 12). В течение трех дней ожесточенных боев (с 7 по 10 июля) дивизия отразила наступление двух танковых и двух пехотных дивизий противника и не допустила прорыва второй полосы. Это было достигнуто упорством и стойкостью войск, поддержкой дивизии резервами фронта и армии, решительным проведением контратак (307-я стрелковая дивизия переходила в контратаки четыре раза и каждый раз успешно).

Таким образом, противник, прорвавшийся ко второй полосе обороны, встречался мощным организованным огнем. Его танки и штурмовые орудия поражались огнем всей артиллерии, а также танков и САУ с места и из засад. Прочно удерживая основные тактически важные районы и участки и опираясь на них, соединения и части, оборонявшие вторую полосу, срывали попытки врага проникнуть в глубину обороны. В ряде случаев вторая полоса оказывалась для противника непреодолимой (15-й и 29-й стрелковые корпуса 13-й армии).

Опыт оборонительных боев второго периода войны, особенно на Курской дуге, показал, что дивизии первого эшело-

---

[1] ЦАМО, ф. 872, оп. 21416, д. 10, л. 11—13.

[2] См.: Боевой опыт механизированных и бронетанковых войск. Сборник № 2. М., 1944, с. 38—39.

[3] ЦАМО, ф. 872, оп. 21416, д. 10, л. 14.

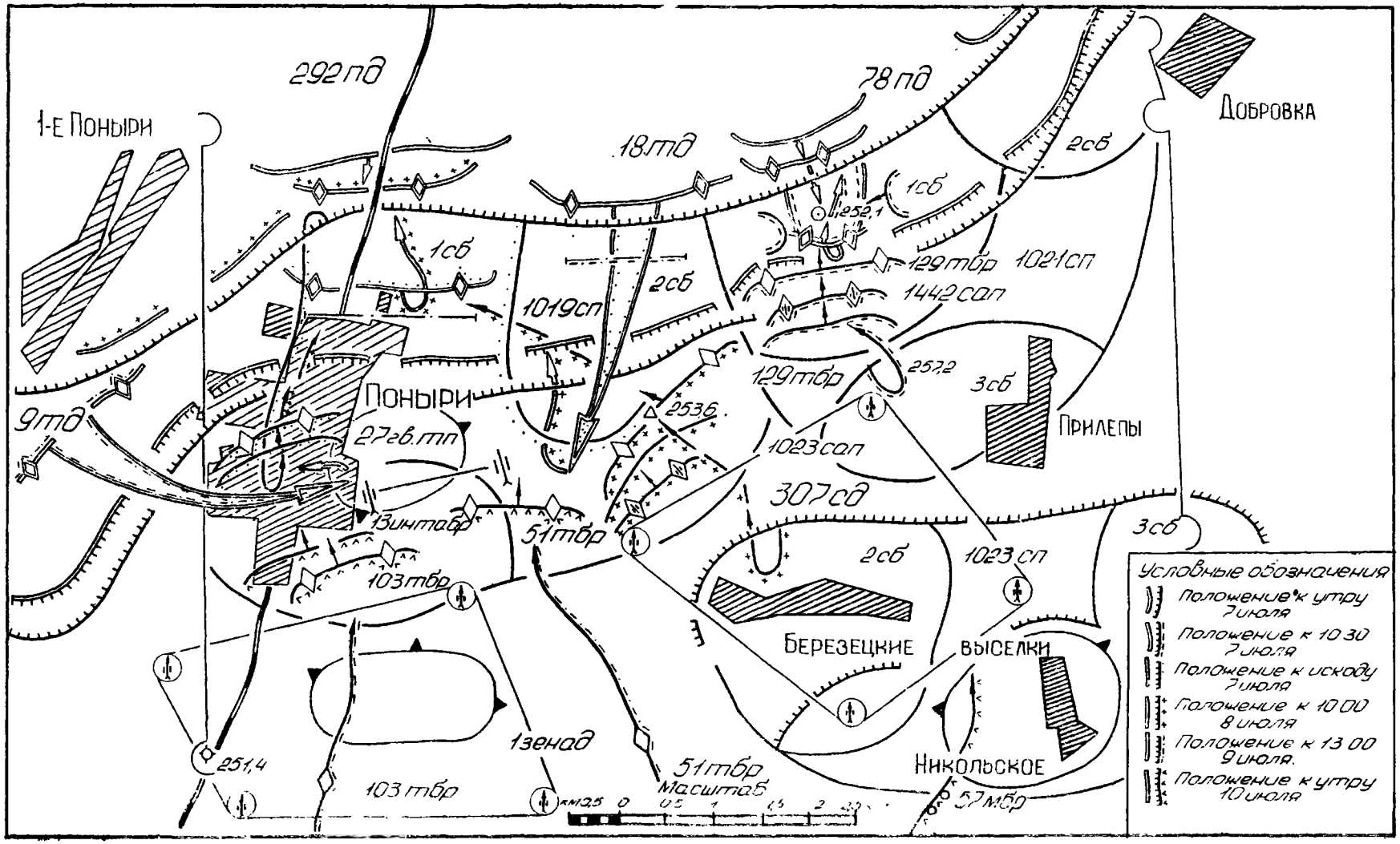


Схема 12. Контратака второго эшелона 8-й стрелковой дивизии 5 июля 1943 г. в обороне под Курском

на, которые отходили на вторую полосу, чаще всего получали самостоятельные участки, где организовывали и вели бой во взаимодействии с дивизией второго эшелона (78, 52 и 81-я гвардейские стрелковые дивизии). Те дивизии, которые занимали отсечные позиции или отходили на фланги соседних корпусов и армий, обычно переподчинялись тем корпусам, в чью полосу они входили (15-я и 67-я гв. стрелковые дивизии). Взаимодействие стрелковой дивизии второго эшелона с отошедшими частями дивизии первого эшелона организовывалось штабом стрелкового корпуса, который определял отошедшим соединениям задачи на оборону второй полосы, уточнял разграничительные линии, указывал мероприятия по обеспечению стыков (открытых флангов), восстанавливал нарушенную связь. Командиры и штабы отошедших соединений и частей организовывали оборону на новых рубежах на общих основаниях, однако главное внимание уделялось организации системы огня, особенно противотанкового, и прикрытия основных танкоопасных направлений минно-взрывными заграждениями. Боевые действия эти дивизии вели, как правило, в одноэшелонном построении боевого порядка, редко переходя в контратаки. Обычно после первых двух-трех дней боев они выводились во второй эшелон (в резерв) армии.

В третьем периоде войны характер боевых действий на второй полосе не претерпел серьезных изменений. Вместе с тем обычным явлением стала ее непреодолимость. Лишь там, где противник сосредоточивал крупные силы танков или достигал внезапности, а оборона стрелковых соединений была слабо оборудована в инженерном отношении и имела низкие плотности, особенно противотанковых средств, противнику удавалось прорвать всю тактическую зону обороны (104-й стрелковый корпус в Корсунь-Шевченковской операции, 80-я гв. стрелковая дивизия в Будапештской операции; 135-й и 104-й стрелковые корпуса в Балатонской операции).

Таким образом, оборонительные действия на второй полосе становились в годы войны все более эффективными. Это достигалось как заблаговременным ее занятием и более тщательным фортификационным оборудованием стрелковыми соединениями, так и упорным и активным характером их действий в ходе боя. Устойчивость обороны на второй полосе повышалась, кроме того, благодаря постоянному увеличению сил и средств за счет армии и фронта, которые выдвигались на вторую полосу и вели на ней боевые действия. Значительную роль играли маневр силами и средствами, решительное сосредоточение усилий корпуса и армии на угрожаемых направлениях, тесное взаимодействие родов войск и авиации, упорство и высокая активность соединений и частей, оборонявших вторую полосу обороны.

Особенности оборонительного боя соединений бронетанковых и механизированных войск

Специфика оборонительных действий танковых соединений обусловливалась их организованно-штатной структурой, вооружением, условиями перехода к обороне, а также особенностями в ее построении.

Оборонительные бои танковых соединений носили ярко выраженный маневренный характер. Это, во-первых, проявлялось в способности быстро совершать маневр резервами (вторыми эшелонами) из глубины и подразделениями, снятыми с неатакованных участков. Так, в оборонительном бою 8-го гв. танкового корпуса в Люблинско-Брестской операции 2 августа 1944 г. совершали маневр с различными целями 58-я гв. танковая бригада (дважды), 59-я танковая бригада, мотострелковый батальон 28-й гв. мотострелковой бригады, артиллерийско-противотанковый резерв корпуса. Дважды совершал маневр в целях оказания помощи сначала 50-й, а затем 51-й танковым бригадам резерв 3-го танкового корпуса (танковая рота и мотострелковый батальон). Во-вторых, в ходе оборонительного боя танковым соединениям было легко применять разнообразные формы боя, например огневые мешки. Такой огневой мешок части 16-го танкового корпуса 2-й гв. танковой армии создали 8 июля 1943 г. между пунктами Заболотье, Самодуровка. Теплое на второй полосе обороны северного фаса Курской дуги. Противник силой до 200 танков предпринял здесь мощную атаку. Однако уже в самом начале наступления он попал в огневой мешок, образованный тремя танковыми бригадами. Враг, скованный с трех сторон огнем, не смог прорвать оборону корпуса и, потеряв около 60 танков, отошел в исходное положение [1]. В-третьих, высокая ударная мощь танковых частей позволяла им более эффективно проводить контратаки. Наконец, танковые соединения менее болезненно, чем стрелковые дивизии, переходили от одного вида (формы) боевых действий к другому. Это позволяло им часто сочетать в одном бою упорное удержание местности с контратаками, отходом, засадами и т. д.

Таким образом, в отличие от обороны стрелковых соединений оборона танковых (механизированных) корпусов и бригад была более мобильной и чаще строилась на тесном сочетании мощного огня и контратак.

Высокая подвижность и пушечно-пулеметное вооружение танков позволяли танковым соединениям широко и успешно применять тактику засад. Опыт боев летне-осенней кампании 1941 г. показал, что применение танковых засад значительно повышало устойчивость обороны наших войск. Например, 1-я

---

[1] См.: Журнал автобронетанковых войск, 1943, № 10, с. 7—8.

танковая дивизия в августе 1941 г. в оборонительной операции на северо-западном направлении, организовала оборону на рубеже Выползово, Крюково, Неревицы (20 *км* восточнее Кингисеппа) преимущественно танковыми засадами и в течение нескольких суток успешно отражала атаки 1-й пехотной и 6-й танковой дивизий противника [1]. Успешно применялась тактика засад и в битве под Москвой 8-й, 9-й, 17-й, 18-й, 19-й, 21-й, 23-й, 28-й и 1-й гв. танковыми бригадами [2].

Во втором периоде войны в целях отражения массированных танковых атак противника засады стали применяться в комплексе с другими формами и способами ведения оборонительного боя. Во многих случаях бой с противником за вторую полосу обороны начинали танки, закопанные в районах обороны стрелковых батальонов первого эшелона. При прорыве первой позиции в бой вступали танковые засады, которые, ведя подвижную оборону, отходили к основной позиции обороны танкового соединения. Здесь танки противника встречали сплошной огонь наших танков и противотанковой артиллерии. Если отдельным подразделениям противника удавалось прорвать и эту позицию, то в глубине они контратаковались корпусными резервами и уничтожались. Так протекал бой 3-го механизированного корпуса 1-й танковой армии 6 июля 1943 г. (Курская битва) [3]. Тактика засад получила развитие и в оборонительных боях третьего периода войны. Например, при отражении контрударов противника 8-м гв. и 3-м танковыми корпусами 2-й танковой армии в Люблинско-Брестской операции (август 1944 г.) танковые засады широко применялись в оборонительных боях передовых отрядов и боевого охранения на подступах к обороне, в промежутках между опорными пунктами, при вынужденном отходе частей и подразделений [4].

Особенности, которыми отмечались боевые действия танковых соединений в годы войны, с изменением техники, вооружения и организационной структуры общевойсковых соединений стали в послевоенное время основными способами ведения оборонительного боя. Тенденция к тесному сочетанию мощного огня и упорного удержания важных районов местности с маневром и контратаками получит свое дальнейшее развитие и в будущем. Вместе с тем опыт оборонительных боев танковых соединений показал, что наиболее устойчивой их оборона была в тех случаях, когда она усиливалась стрелковыми соединениями.

---

[1] См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. М., Воениздат, 1957, с. 62—69.

[2] См.: Военно-исторический журнал, 1967, № 1, с. 16.

[3] См.: Военно-исторический журнал, 1973, № 7, с. 44.

[4] ЦАМО, ф. 307, оп. 170011, д. 7, л. 101; ф. 670, оп. 281148, д. 4. л. 99—102.

Исследование боевых действий за главную и вторую полосы обороны показывает, что в ходе войны устойчивость тактической обороны советских войск непрерывно повышалась. Если в начале войны противнику удавалось сравнительно легко прорвать нашу неглубокую и слабооборудованную тактическую оборону первым эшелоном своих войск, то уже к концу 1942 г. темпы прорыва противником наших оборонительных позиций значительно замедлились. В дальнейшем прорыв главной полосы обороны во многих случаях был пределом успеха вражеского наступления, вторую же полосу противнику во многих случаях прорвать не удавалось.

Это явилось следствием постоянного совершенствования построения обороны, в основе которого лежали принципиальные изменения в построении боевого порядка, инженерном оборудовании местности и организации системы огня. Глубокое эшелонирование боевого порядка, оборудование позиций и полос системой сплошных траншей и заграждений, возрастание роли артиллерийского огня — все это привело к значительному повышению устойчивости и активности тактической зоны обороны.

Оборонительный бой развивался прежде всего как бой с танковыми группировками противника. Поэтому противотанковая оборона как основа обороны непрерывно совершенствовалась.

Опыт войны показал, что успех боя достигался лишь в том случае, когда личный состав, проявляя высокое мастерство, мужество и массовый героизм, стойко оборонял каждую позицию, каждую траншею и окоп и умело применял огонь всех видов оружия. В таких условиях бой принимал характер упорного, длительного, последовательного удержания заранее подготовленных позиций и полос. При этом продолжительность боя за ту или иную позицию (полосу) во многом зависела от своевременно проведенного маневра силами и средствами из глубины или с неатакованных участков, а также маневра огнем артиллерии. Этим достигалось изменение в соотношении сил на угрожаемом направлении, повышалась устойчивость частей, создавались благоприятные условия для проведения контратак.

Устойчивость обороны стрелковых и танковых соединений повышалась по мере возрастания активности обороняющихся войск на всех этапах оборонительного боя. Постоянное уничтожение противника и его боевой техники огнем всех видов, создание для врага невыгодных условий боя, широкий и искусный маневр силами и средствами и инженерными заграждениями, смелые и решительные контратаки являлись непременными факторами успешно проведенного оборонительного боя.

Богатый и всесторонний опыт организации и ведения оборонительного боя, накопленный в годы Великой Отечественной войны, является неиссякаемым источником для дальнейшей разработки теории обороны, а также для улучшения обучения и воспитания нашей армии. Изучение этого опыта позволяет выявить ряд тенденций в развитии обороны, которые в известной мере продолжают действовать и в современных условиях.

В частности, по мере развития средств борьбы проявилась тенденция к изменению характера самой обороны и повышению требований к ней. Так, способность обороны отражать танковые удары противника стала главным требованием к ней. Противотанковая оборона превратилась в основу построения обороны и определила методы ее ведения.

Общее направление изменений средств и способов обороны состояло в достижении наиболее высокой ее устойчивости и активности с тем, чтобы при любых условиях наступающий противник понес максимальные потери.

Увеличению пробивной мощи наступающего оборона отвечала как возрастанием силы, так и качественным улучшением всех элементов боевого порядка, а также все большей специализацией резервов.

Возрастание дальнобойности и огневой мощи средств поражения, увеличение ударной силы наступающего привели к возрастанию глубины обороны и степени инженерного оборудования местности в оборонительном бою.

В ходе развития обороны четко проявилась тенденция к массированию сил и средств на наиболее важных направлениях.

Опыт боевых действий показал, что в успехе оборонительного боя основную роль стали играть артиллерийско-минометный огонь и его составная часть — противотанковый огонь. При этом выявилось, что районы обороны батальонов и рот стали основой для организации системы противотанкового огня, и, следовательно, определилась необходимость насыщения их противотанковыми средствами.

Боевая практика учит, что оборона может достичь своих целей при целесообразном сочетании упорства обороняющихся войск с их высокой активностью в ведении боя. В достижении активности обороны большое значение имел широкий маневр силами, средствами и огнем. Особенно важной стороной активности обороны явилось проведение контратак с решительной целью.

Опыт оборонительных действий в Великой Отечественной войне со всей очевидностью показал громадное значение для устойчивой обороны высоких морально-боевых качеств войск.

Всестороннее развитие тактики оборонительного боя в значительной степени зависело от творчества наших офицеров

и генералов. Способность своевременно перейти к новым способам и формам организации и ведения оборонительного боя в зависимости от изменения средств вооруженной борьбы, общей стратегической и оперативной обстановки, организации войск, тактики противника оказалась важным качеством советских военных кадров, которое остается таковым и в современных условиях.

Глава четвертая

ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ

1. УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВСТРЕЧНОГО БОЯ

В предвоенных уставах встречный бой трактовался как самостоятельный вид боевых действий, который, как правило, возникает при столкновении сторон на марше [1]. Считалось, что наиболее характерными встречные бои будут для начального периода войны, когда сплошной фронт еще не создан и каждая из сторон стремится путем решительного наступления овладеть инициативой.

Накануне Великой Отечественной войны взгляды на встречный бой подвергались существенным изменениям. Он стал считаться особым видом наступательного боя [2]. Одновременно расширились и условия его возникновения. Наряду со столкновением сторон на марше предусматривалась также возможность возникновения встречного боя при столкновении с контратакующими резервами противника в ходе наступления, а также при нанесении контрударов в обороне [3]. При этом возникновение встречного боя с марша, когда разделенные пространством стороны выдвигаются в колоннах навстречу друг другу, рассматривалось как основное условие. Поэтому организации и ведению встречного боя, возникающего на марше, тогда уделялось основное внимание как

---

[1] См.: Временный Полевой устав РККА, 1936, ст. 140; Полевой устав РККА. Проект, 1939, ст. 357; Полевой устав Красной Армии. Проект, 1940, ст. 409.

[2] См.: Полевой устав Красной Армии. Проект, 1941, ст. 326.

[3] См.: Там же, ст. 328.

в теории, так и в практике боевой подготовки штабов и войск.

Предвоенная теория подразделяла встречный бой на три этапа: завязка боя передовыми частями (подразделениями), действовавшими при поддержке авиации и дальнобойной артиллерии; развертывание и бой главных сил; завершение боя окружением и уничтожением встречного противника.

Решающим условием достижения успеха во встречном бою считалось упреждение противника в развертывании, открытии огня и переходе в атаку [1]. Особое внимание уделялось быстроте принятия решения на встречный бой, поражению противника ударами авиации и дальнобойной артиллерии еще на подходе, нанесению ударов по флангам и тылу встречной вражеской группировки и разгрому ее по частям. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны Советская Армия располагала стройной, научно обоснованной теорией встречного боя, четко сформулировавшей его сущность как особого вида наступательного боя, заключавшегося в атаке наступающего навстречу нашим войскам противника. Характерными чертами встречного боя считались: быстроменяющаяся обстановка, скоротечность боевых действий и борьба за захват инициативы. Война в целом подтвердила правильность этих положений. Вместе с тем многие из них в ходе ее получили дальнейшее развитие.

Условия возникновения встречного боя

В начале Великой Отечественной войны, как и предполагалось довоенной теорией, произошел ряд встречных сражений и боев. Однако в отличие от первой мировой войны они возникали не в ходе взаимного сближения разделенных определенным пространством сторон, а в оборонительных операциях, при нанесении нашими войсками контрударов. Ввиду быстрого продвижения подвижных соединений врага советское командование оказалось вынужденным вводить свои войска в бой с ходу. Поэтому во встречный бой они вступали, как правило, с марша. Это обусловливалось тем, что ударные группировки противника были заблаговременно развернуты у самой границы и перешли в наступление внезапно. Боевые действия с началом войны развернулись сразу же в условиях непосредственного соприкосновения сторон. Советские войска, ведя тяжелые оборонительные бои, по мере подхода резервов из глубины контрударами пытались отбросить вторгшегося на нашу территорию противника.

По сравнению с первой мировой войной сроки между началом войны и первыми встречными столкновениями сторон

---

[1] См.: Временный Полевой устав РККА, 1936, ст. 141; Полевой устав Красной Армии. Проект. 1941, ст. 330.

сократились. Если в первую мировую войну (на Русском фронте) встречные бои возникали на пятые-седьмые сутки (а на Западе даже на пятнадцатые сутки) после начала военных действий, то в Великую Отечественную войну они начались уже на первый-пятый день войны [1].

Встречные бои имели место и в последующих оборонительных операциях первого, второго и частично третьего периодов войны (прил. 14). При этом все они, как правило, возникали при нанесении нашими войсками контрударов (контратак) по наступающим группировкам противника. В отдельных случаях встречные бои в обороне возникали при столкновении с наступающим противником соединений, выдвигаемых для закрытия брешей и разрывов, образовавшихся в боевом построении наших войск, а также для прикрытия важных рубежей и направлений. Время и удаление районов возникновения встречных боев от бывшего переднего края наших войск в ходе оборонительных операций Великой Отечественной войны приведены в таблице 23.

Таблица 23

Время возникновения встречных боев и удаление районов их возникновения от бывшего переднего края наших войск в оборонительных операциях в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	На какой день операции возникали встречные бои	Глубина отхода наших войск в ходе оборонительных операций, на которой возникали встречные бои, *км*
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	5—6**	85—90
	Летне-осенняя 1942 г.	2—14	16—85
Второй	Зимняя 1942/43 г.	3—4	55—70
	Летне-осенняя 1943 г.	3—8	15—35

* Таблица составлена на основе материалов ЦАМО СССР, указанных в приложении 14.

** В приграничном сражении встречные бои возникали на первый-пятый день операции на глубине 15—60 *км* от границы, а 5-го и 7-го механизированных корпусов Западного фронта — на глубине 380—400 *км* от границы на шестнадцатый-семнадцатый день операции. В ходе оборонительного сражения под Москвой встречные бои возникали на глубине 80—85 *км* от бывшего переднего края наших войск на четырнадцатый-восемнадцатый день операции.

[1] См.: Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1970, с. 54.

Как видно из данных таблицы, во втором периоде войны удаление районов возникновения встречного боя от бывшего переднего края наших войск несколько сократилось. Это объясняется главным образом возросшей устойчивостью нашей обороны, в результате чего противнику уже не удавалось прорывать ее в таких темпах, которые имели место в 1941 г. Ввод в сражение наших оперативных резервов осуществлялся против вражеских группировок, уже понесших значительные потери в борьбе за тактическую зону обороны, что создавало более благоприятные условия для вступающих во встречные бои соединений.

Во втором и особенно в третьем периодах войны встречные бои наиболее часто возникали в ходе наступательных операций. Обычно они имели место при отражении контрударов (контратак) противника в ходе прорыва тактической зоны обороны, развитии нашими войсками успеха в оперативной глубине противника, отражении его попыток прорвать внутренний или внешний фронт окружения (табл. 24).

Таблица 24

Время возникновения встречных боев и удаление районов их возникновения от бывшего переднего края противника на наступательных операциях в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	На какой день операции возникали встречные бои	Глубина продвижения наших войск в ходе наступательных операций, на которой возникали встречные бои, *км*
Второй	Зимняя 1942/43 г.	2—4	10—25
	Летне-осенняя 1943 г.	4—9**	40—110
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	1—3	15—50
	Летне-осенняя 1944 г.	5—6	50—120
	1945 г. (в Европе)	1—2***	5—20

* Таблица составлена на основе материалов ЦАМО СССР, указанных в приложении 14.

** 3-й механизированный корпус 1-й танковой армии вел встречный бой 19 августа 1943 г. на семнадцатый день операции на глубине 90 *км*.

*** 10-й и 29-й танковые корпуса 5-й гв. танковой армии, 10-й гв. танковый корпус 4-й танковой армии 30 января 1945 г. вели встречные бои на восемнадцатый-девятнадцатый день операции на глубину 180 и 360 *км* соответственно.

В ходе прорыва обороны противника встречные бои, как правило, возникали тогда, когда противник использовал свои ближайшие оперативные резервы в целях удержания тактической зоны обороны.

Однако наиболее часто встречные бои возникали в ходе развития войсками наступления в оперативной глубине противника, и особенно при ведении преследования, когда противник ударами сохранившихся или подошедших из глубины резервов пытался остановить дальнейшее продвижение наших войск или занять ими оборону на выгодном рубеже. Обычно такие встречные бои возникали на третий-девятый день операции на глубине от 40 до 120 *км*, а иногда и более, особенно на завершающих этапах наших операций.

Встречные бои в оперативной глубине противника чаще всего вели танковые и механизированные корпуса. Действуя обычно впереди общевойсковых соединений, они первыми принимали на себя удары подходящих резервов противника.

Во втором и в третьем периодах войны встречные бои возникали также в ходе отражения попыток противника прорвать внутренний или внешний фронт окружения. Время и место возникновения таких боев обусловливались специфическими особенностями каждой конкретной операции, в ходе которой они возникали.

Разнообразие условий возникновения встречных боев зависело не только от вида боевых действий, но и от места соединения в боевом построении войск. Хотя в большинстве случаев встречные бои вели корпуса (дивизии), находившиеся в первом эшелоне армии или корпуса, однако они возникали и в результате столкновения с противником соединений, вводимых в бой (сражение) из второго эшелона или резерва армии (корпуса). В таких условиях, например, возникли встречные бои 4-го механизированного корпуса 14 декабря 1942 г. в районе Верхне-Кумский (Котельниковская операция), 92-й гв. стрелковой дивизии 7 июля 1943 г. под Мелехово (Курская оборонительная операция), 26-й гв. стрелковой дивизии 19 июля 1943 г. под Столбчее (Орловская операция), 111-й стрелковой дивизии 16 апреля 1945 г. в районе Гёрлиц (Берлинская операция) и др.

Характерные черты встречного боя

Изменение условий возникновения встречного боя в годы Великой Отечественной войны оказало значительное влияние и на его характер. Широкое применение авиации позволяло вести воздушную разведку на большую глубину. Ввиду этого неожиданность возникновения встречного боя как одна из наиболее характерных черт прошлого в ходе войны постепенно начала утрачивать свое прежнее значение. Однако еще нередко, особенно в начальный период войны, а также при действиях наших

войск в оперативной глубине противника, из-за недостатков в организации разведки, а также быстрых и резких изменений обстановки встречные бои все же продолжали возникать неожиданно.

Методическое сближение сторон в глубоких походных построениях, характерное для прошлых войн, становится относительно редким явлением. Встречные бои обычно завязываются в результате отражения контрударов (контратак) противника в ходе ведения нашими войсками наступления или же при нанесении ими контрударов (контратак) по прорвавшимся в глубину нашей обороны вражеским группировкам. Увеличивается глубина огневого воздействия по противнику, возрастают роль огня и маневра в достижении успеха, напряженность боевых действий. Даже потерпев неудачу в первом столкновении, каждая из сторон не сразу отказывалась от наступления, а упорно изыскивала пути к достижению успеха.

Встречные столкновения сильных группировок войск (в наиболее крупных встречных боях с обеих сторон участвовало до 30 тыс. человек, свыше 400 танков и самоходных орудий, до 600 орудий и минометов, 100—200 самолетов)[1], а также повышение маневренных возможностей войск способствовали увеличению фронта и глубины ведения встречных боев[2]. Их продолжительность достигала 16—20 часов, а в некоторых случаях и больше.

Встречным боям периода Великой Отечественной войны были присущи такие характерные черты: быстрое сближение сторон, наличие ограниченного времени на организацию боевых действий, вступление войск в бой с ходу, недостаточная ясность обстановки, ее быстрые и резкие изменения, непрерывная и напряженная борьба за захват и удержание инициативы, решительность и динамичность боевых действий, раз-

---

[1] Во встречном бою 215-й механизированной дивизии 22-го механизированного корпуса и 14-й танковой дивизии противника в районе Верба 24 июня 1941 г. в ходе приграничного сражения Юго-Западного фронта с обеих сторон участвовало 30 тыс. человек; во встречных боях 3-го гв. танкового корпуса 5-й гв. танковой армии с 5-й немецкой танковой дивизией, усиленной танковыми подразделениями, в районе Крупки 28—29 июня 1944 г. в ходе Белорусской операции с обеих сторон участвовало 415 танков и САУ; 29-го танкового корпуса 5-й гв. танковой армии с танковой дивизией СС «Мертвая голова» под Прохоровкой 12 июля 1943 г. — 394 танка и САУ; 10-го гв. танкового корпуса 4-й танковой армии с 17-й немецкой танковой дивизией в районе Кельце 13—14 января 1945 г.— 396 танков и САУ и др. До 100—200 самолетов принимало участие во многих встречных боях.

[2] Встречные бои танковых (механизированных) корпусов в большинстве случаев развертывались: на фронте 5—11 *км*, а стрелковых дивизий — 7—14 *км*. В отдельных случаях подвижные соединения вели встречные бои на фронте до 35 *км*, а стрелковые — до 20 *км*. Глубина встречных боев танковых (механизированных) корпусов достигала 30 *км*, стрелковых дивизий — 10 *км*.

вертывание боевых действий на широком фронте, быстрое изменение боевых порядков, наличие открытых флангов и свобода маневра. Они велись в разное время года, суток и на различной местности.

Таким образом, общая тенденция к развитию встречного боя в годы войны проявилась в расширении условий его возникновения и изменении характера. Чаще всего встречные бои возникали в ходе наступательных операций. Из рассмотренных 55 встречных боев (см. прил. 14) 32 боя (58%) возникло в наступлении, при этом 17 боев (31%) — в ходе развития успеха в оперативной глубине, 9 (16%) — при отражении попыток противника прорвать фронт окружения и 6 (11%) — в ходе прорыва обороны противника. Остальные 23 боя (42%) приходятся на оборону. Абсолютное большинство встречных боев возникало в результате нанесения контрударов (контратак) наших войск. 70% из рассмотренных встречных боев приходится на долю танковых и механизированных соединений.

Применение новейших средств борьбы, полная моторизация и высокая механизация войск, широкое использование воздушных десантов, безусловно, усилят в современных условиях проявление многих характерных черт встречного боя периода войны, а также окажут определенное влияние и на дальнейшее изменение условий его возникновения. Опыт учит, что в условиях высокоманевренных боевых действий войска должны находиться в постоянной готовности к ведению встречных боев, причем в любых условиях обстановки.

2. МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ВСТРЕЧНОГО БОЯ, ПРОВОДИМЫЕ В ПРЕДВИДЕНИИ СТОЛКНОВЕНИЯ С ПРОТИВНИКОМ

В годы войны организация встречного боя обычно начиналась с момента получения командиром дивизии (корпуса) боевой задачи, в ходе выполнения которой предполагалось встречное столкновение с противником. Она включала два этапа: заблаговременную подготовку встречного боя и его непосредственную организацию. Первый этап проводился в предвидении встречного столкновения с противником, второй — с завязкой встречного боя. Основными мероприятиями по заблаговременной организации встречного боя являлись: определение района вероятного встречного боя, рубежа развертывания в боевой порядок, принятие решения на марш в предвидении встречного боя (если бой предусматривался с марша), организация боевого и тылового обеспечения, проведение необходимых партийно-политических мероприятий.

В определении района вероятного встречного боя и рубежа развертывания главных сил соединения в боевой порядок решающую роль играло тактическое предвидение команди-

ра, базировавшееся на глубоком и всестороннем знании сложившейся обстановки и ее возможных изменениях.

На основе произведенных расчетов командир намечал замысел действий на случай встречного столкновения с противником, который составлял основу решения. В решении командир дивизии (корпуса) окончательно формулировал замысел действий, определял построение походного порядка, распределение сил и средств по колоннам, состав передового отряда и его задачу, намечал мероприятия по всестороннему обеспечению марша.

В начале войны мероприятия по заблаговременной организации встречного боя в большинстве случаев не проводились. Основная причина этого заключалась в крайне неблагоприятных условиях обстановки, сложившихся в результате внезапного нападения противника, остром недостатке времени и отсутствии необходимого практического опыта в организации встречного боя. Начиная со второго периода войны организация встречного боя улучшается. Все большее внимание стало уделяться мероприятиям, проводимым заблаговременно.

Одним из примеров заблаговременной подготовки к встречному бою является работа командира 145-й стрелковой дивизии 1 августа 1944 г. в Шауляйской операции. В ходе наступления 43-й армии между ее 1-м и 60-м стрелковыми корпусами, действовавшими в районе Биржая, образовался разрыв до 11 *км*. Для его ликвидации и обеспечения с севера своего открытого левого фланга командир 1-го корпуса решил выдвинуть 145-ю стрелковую дивизию, находившуюся во втором эшелоне корпуса. Дивизии предстояло совершить 36-километровый марш в условиях возможной встречи с выдвигающимися резервами противника. Получив задачу в 1.00 1 августа, командир дивизии располагал крайне ограниченным временем на принятие решения (всего два часа). В этих условиях он сразу же отдал предварительные распоряжения командирам частей о подготовке к маршу и приступил к выработке решения в предвидении встречного боя. В ходе его на основе уяснения полученной задачи и всесторонней оценки обстановки он определил вероятные рубежи встречи с противником, силы и средства для упреждения его в захвате этих рубежей, порядок разгрома противника главными силами дивизии на каждом из вероятных рубежей встречи, задачи частей, мероприятия по боевому обеспечению и управлению войсками. Подобным образом с той или иной степенью детализации принимались предварительные решения в предвидении встречного боя и в других стрелковых соединениях, а также в танковых (механизированных) корпусах, особенно при ведении ими преследования в оперативной глубине обороны противника.

При организации встречного боя заблаговременно, в предвидении его возникновения, особая роль отводилась разведке. После получения задачи на разгром противника во встречном бою или оценки обстановки, из которой вытекала неизбежность встречного столкновения с противником, начальник штаба, не дожидаясь принятия командиром решения, ставил или уточнял задачу начальнику разведки соединения. Важнейшими задачами разведки в этот период являлись: своевременное обнаружение выдвигающегося навстречу противника, определение группировки противника и ее состава, вероятного способа действий, рубежей развертывания, направления главного удара, а также непрерывное ведение разведки местности.

Исходя из полученной задачи, начальник разведки дивизии (корпуса) организовывал разведку в направлении движения соединения, а также на угрожаемом фланге (флангах), определял количество и состав разведывательных органов, ставил им задачи, устанавливал время и способы доставки донесений.

С началом войны танковые дивизии вели разведку небольшими силами на незначительную глубину (5—15 *км*) и лишь на отдельных направлениях. Обычно на каждый маршрут высылался отдельный разведывательный дозор в составе взвода легких танков, оснащенных маломощными радиостанциями. В сложных условиях начального периода войны разведка с поставленными перед ней задачами зачастую не справлялась. Сведения о противнике нередко оказывались неточными или вообще отсутствовали. Так, командир 28-й танковой дивизии в период, предшествующий встречному бою под Кражяй 25 июня 1941 г., не располагал никакими данными о выдвигающейся навстречу вражеской группировке [1]. Подобные недостатки имели место и в ряде других встречных боев первого периода войны. Причина их заключалась в слабой технической оснащенности разведывательных подразделений и частей, в отсутствии у личного состава и многих командиров-разведчиков необходимого боевого и профессионального опыта. Поэтому возникновение многих встречных боев в ходе приграничного сражения довольно часто являлось неожиданным для наших соединений.

Во втором периоде войны многие недочеты в организации разведки были в основном устранены. Повысилась и эффективность воздушной разведки. Танковые (механизированные) корпуса для ведения разведки обычно высылали одну-три разведывательные группы в составе взвода легких танков или взвода автоматчиков на бронетранспортерах каждая [2]. Глу-

---

[1] ЦАМО, ф. 1510, оп. 3934, д. 3, л. 7.
[2] ЦАМО, ф. 332, оп. 4950, д. 5, л. 30—32.

бина ведения разведки ими достигала 15—20 *км*. В ряде случаев высылались разведывательные отряды в составе усиленной танковой роты, танкового батальона, которые вели разведку в полосе 3—8 *км* на глубину 20—30 *км*. В третьем периоде войны состав разведывательных органов танковых (механизированных) корпусов усиливается, их техническая оснащенность улучшается, а глубина ведения разведки возрастает. В предвидении встречного боя от корпуса теперь высылались две-три разведывательные группы в составе взвода — роты средних танков, взвода-роты автоматчиков на БТР, 5—30 мотоциклистов, отделения саперов и 2—3 химиков каждая [1]. Глубина ведения ими разведки возросла до 30 *км* и более.

В стрелковых дивизиях для ведения разведки в предвидении встречного боя обычно высылались отдельные разведывательные дозоры в составе усиленного взвода, которые в первом периоде войны вели разведку на глубину до 5 *км*, во втором периоде — на глубину 5—10 *км* и в третьем периоде — на глубину 10—15 *км*. При действиях в оперативной глубине противника начиная со второго периода войны выделялись разведывательные отряды в составе усиленной роты на автотранспорте. Они вели разведку в полосе до 5 *км* на глубину 15—20 *км* [2].

Таким образом, в организации и ведении разведки в предвидении встречного боя четко прослеживаются тенденции: увеличение ее глубины, совершенствование способов разведки, возрастание возможностей разведывательных органов. Результатом этого явилось повышение эффективности разведки, что проявилось в своевременном обнаружении выдвигавшегося навстречу противника, выявлении его боевого состава, группировки и предполагаемого способа действий. Все это позволяло командирам соединений проводить соответствующие мероприятия по подготовке к встречному бою и вступать в него более организованно (3-й механизированный корпус в Белгородско-Харьковской операции под Сковородиновкой 7 августа 1943 г., 8-й гв. механизированный корпус в Житомирско-Бердичевской операции под Чернорудкой 27 декабря 1943 г., 3-й гв. танковый корпус в Белорусской операции под Крупками 28 июня 1944 г., 145-я стрелковая дивизия в Шауляйской операции под Биржаем 1 августа 1944 г., 6-й гв. механизированный корпус в Висло-Одерской операции под Кельце 13 января 1945 г. и многие другие). Вместе с тем в организации разведки имелся еще ряд недостатков (недостаточная оснащенность органов разведки радиосредствами с большой дальностью действия; отсутствие специальных машин, особенно

[1] ЦАМО, ф. 332, оп. 4950, д. 12, л. 171—202; д. 33, л. 3—42.

[2] ЦАМО, ф. 361, оп. 19755, д. 12, л. 75—76; ф. 373, оп. 6633, д. 16, л. 11—17; ф. 395, оп. 9138, д. 50, л. 38; д. 53, л. 68.

повышенной проходимости, для ведения разведки; недостаточная оперативность в передаче разведданных). Все они значительно осложняли заблаговременную организацию встречных боев дивизиями (корпусами) и обусловливали в ряде случаев неожиданный характер их возникновения (6-й танковый корпус в Белгородско-Харьковской операции под Высокопольем 11 августа 1943 г., 7-й гв. танковый корпус в Киевской операции под Фастовом 7 ноября 1943 г., 9-й механизированный корпус в Проскуровско-Черновицкий операции под Купелью 6 марта 1944 г.). Непрерывность ведения разведки при этом обеспечивалась наличием резерва сил и средств разведки, так как перенацеливать на решение новых задач уже действующие разведывательные органы было сложно, а иногда и невозможно.

3. МЕРОПРИЯТИЯ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВСТРЕЧНОГО БОЯ

С завязкой встречного боя командир дивизии (корпуса) одновременно с руководством боевыми действиями передового отряда (авангарда) в крайне ограниченные сроки уточнял или принимал новое решение на встречный бой и ставил боевые задачи войскам. В то же время он принимал все меры к быстрому выдвижению, развертыванию главных сил и переходу их в атаку.

Сложность уточнения ранее принятого решения на бой или принятия нового решения заключалась в том, что к моменту завязки боя командир дивизии (корпуса) в подавляющем большинстве случаев не располагал еще достаточно полными данными о противнике. К тому же обстановка вследствие стремления обеих сторон овладеть инициативой быстро и резко менялась, а вся работа проводилась в движении. При действиях в оперативной глубине противника весьма слабой была и информация о положении соседей. Поэтому командиры дивизий (корпусов) обычно уточняли решение на встречный бой по карте независимо от полноты имеющихся в их распоряжении данных о противнике, а затем на основе личной рекогносцировки и последних данных обстановки дополняли его. Одновременно уточнялись и задачи частям. Быстроте и своевременности уточнения ранее принятого решения во многом способствовали мероприятия по организации встречного боя, которые проводились заблаговременно. Основные усилия разведки сосредоточивались на доразведке основной группировки противника, своевременном выявлении его подходящих резервов, места и времени ввода их в бой и вскрытии намерений противника произвести маневр в ходе боя. Решение этих задач осуществлялось путем перенацеливания действующих разведывательных орга-

нов на новые направления и ввода новых сил и средств разведки из резерва.

Одним из важнейших вопросов, решаемых командиром в этот период, являлось определение направления главного удара. В начале войны преобладало стремление командиров соединений наносить лобовые удары по значительно превосходящим их в силах встречным вражеским группировкам. В последующем, особенно с лета 1943 г., в зависимости от обстановки командиры соединений стремились наносить главный удар во фланг встречному противнику, а при благоприятных условиях — по его обоим флангам.

При определенных условиях не исключалось и нанесение фронтального удара в целях рассечения противника и уничтожения его по частям.

Но во всех случаях направление главного удара выбиралось с таким расчетом, чтобы обеспечивалась возможность быстрого вступления (и развертывания, если соединение совершало марш) в бой главных сил дивизии (корпуса) и нанесения упреждающего удара по противнику на избранном направлении в целях его решительного разгрома. Одновременно преследовалась цель лишить противника возможности проводить маневр или же вынудить проводить его в неблагоприятных условиях. Это достигалось тщательным изучением местности и условий для маневра на ней, особено танковых и механизированных войск, а также выявлением наиболее слабых мест в боевом построении противника. В целом в годы войны командиры соединений для нанесения главного удара обычно стремились выбрать такое направление, которое кратчайшим путем выводило бы во фланг основной группировки противника. При таком маневре достигались наибольшие результаты.

Во встречных боях нашим войскам, как правило, противостоял противник, обладавший превосходством в силах и средствах или же уступавший им незначительно (прил. 15). Поэтому важное значение приобретало искусство массирования сил и средств на направлении главного удара. Особенность массирования сил и средств в дивизии (корпусе) с завязкой встречного боя состояла в том, что оно осуществлялось в короткие сроки в период сближения с противником, а иногда и в ходе боевых действий. Основным способом массирования являлось быстрое сосредоточение большей части сил и средств соединения на направлении главного удара. При этом ведущую роль играл решительный маневр на это направление вторым эшелоном, резервами и артиллерией.

Обычно на направлении главного удара, которое составляло от 30 до 50% полосы наступления соединения, сосредоточивалось 60—75% всех сил и средств дивизии (корпуса) [1].

[1] Подсчитано автором на основе анализа изученных встречных боев.

Это позволяло создавать необходимое превосходство над противником на главном направлении.

О совершенствовании массирования сил и средств в встречном бою свидетельствуют данные таблицы 25.

Таблица 25

Тактические плотности во встречных боях в годы войны *

Периоды войны	Соединения	Стрелковые (мотострелковые) батальоны	Танки и САУ	Орудия и минометы (калибр 76 *мм* и выше)	Противотанковые орудия
Первый	тд, тк, мк	0,3—0,6	10—16	5—8	1—2,5
	сд	0,6—2	1—3	14—22	2—4
Второй	тк, мк	0,3—0,6 / 0,6—0,9	10—20 / 20—30	16—24 / 20—36	1,5—4 / 3—6
	сд	0,5—1 / 1,0—2	1—5 / 2—7	14—40 / 20—60	4—5 / 7—8
Третий	тк, мк	0,4—0,8 / 0,8—1,4	20—30 / 30—60	21—28 / 30—45	3—9 / 6—14
	сд	0,5—3 / 1,5—5	8—12 / 15—20	20—60 / 40—90	4—15 / 8—20

* Таблица составлена на основе материалов ЦАМО, указанных в приложении 4.

Примечание. В числителе — общее количество сил и средств на 1 *км* фронта, в знаменателе — количество сил и средств на направлении главного удара.

Из данных таблицы видно, что рост количества сил и средств на 1 *км* фронта во встречном бою и на направлении главного удара происходил непрерывно на протяжении всей войны. В третьем периоде войны тактические плотности на главном направлении по сравнению с первым периодом возросли в 2,5—4 раза, а по ряду показателей и выше. Это объяснялось прежде всего повышением боевых возможностей стрелковых, танковых, механизированных соединений и ростом искусства и боевого мастерства наших командных кадров.

С завязкой боя боевые задачи соединениям обычно уточнялись или же ставились новые в зависимости от сложившейся обстановки. Обычно им указывались ближайшая задача и направление дальнейшего наступления. Ближайшая задача за-

ключалась в разгроме той части походного или боевого порядка противника, поражение которой вынудило бы его отказаться от наступления или же создало условия для его последующего разгрома. Ближайшая задача дивизии (корпусу) обычно ставилась на глубину построения главных сил противостоящей группировки противника (до 4 *км* для стрелковой дивизии и 7—8 *км* для танкового (механизированного) корпуса).

Задача полка (бригады), наносившего удар на главном направлении, заключалась в разгроме противостоящего противника и захвате выгодного рубежа в его расположении. Глубина ближайшей задачи стрелкового полка составляла 1,5—2 *км*, танковой (механизированной) бригады — 3—4 *км*. Полку (бригаде), действующему на второстепенном направлении, обычно ставилась задача сковать противника с фронта, а затем разгромить его во взаимодействии с главными силами дивизии (корпуса). Артиллерии ставилась задача на поддержку боя передового отряда (авангарда), указывались огневые позиции, время открытия огня, порядок обеспечения развертывания и ввода в бой главных сил соединения и действий в период артиллерийской поддержки и сопровождения атаки пехоты и танков на всю глубину боевой задачи. Артиллерийско-противотанковому резерву и подвижному отряду заграждений указывались рубежи развертывания и направления, которые они должны были прикрыть.

Глубина задач, которые ставились дивизии (корпусу), по опыту некоторых встречных боев в годы войны, приведена в таблице 26.

Таблица 26

Глубина задачи дивизии (корпуса) во встречном бою в годы войны *

Операция, время и место встречного боя	Соединения	Глубина задачи, *км*
Первый период войны		
Приграничное сражение Юго-Западного фронта, 24 июня 1941 г., Войница	19 тд	40
Приграничное сражение Юго-Западного фронта, 24 июня 1941 г., Верба	215 мсд	25
Приграничное сражение Северо-Западного фронта, 25 июня 1941 г., Кражяй	28 тд	40
Оборонительная операция под Москвой, 2 декабря 1941 г., Красная Поляна	331 сд	17

Продолжение таблицы 26

Операция, время и место встречного боя	Соединения	Глубина задачи, *км*
Второй период войны		
Контрнаступление под Сталинградом, 20 ноября 1942 г., Верхне-Фоминский	124 сд	18
Оборонительная операция под Курском, 7—8 июля 1943 г., Мелехово	92 гв. сд.	10
Белгородско-Харьковская операция, 11 августа 1943 г., Высокополье	6 тк	30
Киевская операция, 7—8 ноября 1943 г., Фастов	7 гв. тк	20
Третий период войны		
Белорусская операция, 28—29 июня. 1944 г., Крупки	3 гв. тк	45
Шауляйская операция, 1 августа 1944 г., Биржай	145 сд	6
Висло-Одерская операция, 13—14 января 1945 г., Кельце	6 гв. мк	30
Берлинская операция, 16 апреля 1945 г., Гёрлиц	50 сд	16

* Таблица составлена на основе материалов ЦАМО СССР, указанных в приложении 14.

Из данных таблицы видно, что задачи танковых (механизированных) корпусов во встречных боях были более чем в два раза глубже задач стрелковых дивизий. Это объяснялось более высокими боевыми и маневренными возможностями подвижных соединений. Наряду с этим следует отметить, что в первом периоде войны как танковым, так и стрелковым соединениям боевые задачи ставились на большую глубину и не соответствовали их реальным возможностям. Во втором и в третьем периодах войны задачи дивизиям (корпусам) во встречных боях ставились уже из более реального учета их боевых возможностей и тесно увязывались по замыслу с задачами, решаемыми другими соединениями. Хотя в третьем периоде войны задачи приблизились по глубине к задачам первого периода, но тем не менее дивизии (корпуса), обладавшие более высокими боевыми возможностями, могли их успешно выполнять.

Способы доведения задач до войск были такими же, как и при подготовке и ведении других видов боя. Вместе с тем бое-

вой опыт со всей убедительностью показал первостепенное значение личного общения командира с подчиненными для постановки задач на встречный бой и необходимость доведения задач в первую очередь до тех частей, которые раньше других должны были приступить к их выполнению.

Одновременно с постановкой задач принимались меры к быстрейшему выдвижению и развертыванию главных сил.

Боевой порядок включал такие же элементы, как и в других видах боя (боевые эшелоны, артиллерийские группы и резервы). Анализ 55 встречных боев показывает, что в 29 случаях боевой порядок дивизии (корпуса) строился в два эшелона, а в 26 случаях — в один эшелон. При этом в ходе войны четко прослеживается тенденция к возрастанию глубины построения боевых порядков танковых и механизированных соединений. Если в первом периоде войны соединения из 12 встречных боев имели двухэшелонный боевой порядок только в 3, то во втором периоде войны из 13 боев — в 8, а в третьем периоде войны из такого же количества боев — в 11. Данная тенденция, хотя и менее четко, прослеживается и в построении боевых порядков стрелковых дивизий. Это обусловливалось резким изменением обстановки в ходе встречных боев и возникновением новых задач, которые требовали для их решения дополнительных сил.

В целом боевой порядок дивизии (корпуса) во встречном бою создавался прежде всего с таким расчетом, чтобы обеспечить возможность нанесения по противнику сильного первоначального удара, наращивание усилий и удобство управления частями в ходе боя, а также наилучшее использование войсками выгодных условий местности.

Взаимодействие во встречных боях начального периода войны обычно организовывалось поспешно, на ходу и лишь в самых общих чертах. Например, командир 34-й танковой дивизии во встречном бою 26 июня 1941 г. под Берестечно ограничился только постановкой задач частям, а их взаимодействие из-за отсутствия времени детально согласовать не успел [1]. Однако уже в конце первого периода войны организации взаимодействия стали уделять более серьезное внимание. Шире стала внедряться практика организации взаимодействия одновременно с постановкой боевых задач частям. При этом в первую очередь оно организовывалось в интересах частей, выполняющих главную задачу. Организуя встречный бой, командир соединения согласовывал вопросы взаимодействия наиболее детально лишь на период развертывания и вступления в бой главных сил, а затем по мере необходимости уточнял их отдельными распоряжениями. В танковых (механизированных) корпусах из-за высокоманеврен-

---

[1] ЦАМО, ф. 229, оп. 3780, д. 6, л. 116—130.

ного характера их действий, особенно в оперативной глубине противника, вопросы взаимодействия согласовывались еще в более общем плане. Вместе с тем взаимодействие в них организовывалось на бо́льшую глубину, чем в стрелковых дивизиях. Эта глубина обычно совпадала с глубиной ближайшей задачи корпуса.

Доведение боевых задач до войск и согласование основных вопросов взаимодействия осуществлялись короткими боевыми распоряжениями, отдаваемыми лично командиром или через штаб.

При организации (уточнении) взаимодействия с завязкой встречного боя основное внимание уделялось четкости согласования усилий частей по цели, месту и времени в интересах решения главной задачи. Согласование действий между частями обеспечивалось единым пониманием цели действий, твердым знанием боевых задач и способов их выполнения, знанием задач соседей, установлением времени начала атаки и единых сигналов взаимодействия. Более тесное взаимодействие с артиллерией обеспечивалось совместным расположением артиллерийских командиров с командирами поддерживаемых частей и соединений. Взаимодействие с авиацией осуществлялось через авиационных представителей, находившихся в штабах соединений, и установлением единых сигналов опознавания.

4. ВЕДЕНИЕ ВСТРЕЧНОГО БОЯ

Встречный бой обычно начинался столкновением передовых частей или органов походного охранения дивизии (корпуса) с наступающим навстречу противником.

В начале войны завязка встречного боя во многих случаях складывалась неудачно для наших войск. Передовые отряды (авангарды), действуя обычно на широком фронте и располагая сравнительно ограниченными возможностями, стремились решать активные наступательные задачи по разгрому значительно превосходящих сил противника. Атаки, как правило, велись без достаточно надежного огневого подавления противника, а иногда и вообще без поддержки артиллерии (28-я танковая дивизия 12-го механизированного корпуса в приграничном сражении Северо-Западного фронта 25 июня 1941 г. в районе Кражяй [1], 34-я танковая дивизия 8-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта 26 июня 1941 г. под Берестечко, 13-я танковая дивизия 5-го механизированного корпуса Западного фронта 8 июля 1941 г. под Сенно и т. д.) [2]. Вместо прочного закрепления захваченных

[1] ЦАМО, ф. 12 мк, оп. 266019, д. 12, л. 62.

[2] В приведенных примерах артиллерия по различным причинам не смогла своевременно выйти в район боя.

выгодных рубежей в целях обеспечения развертывания и вступления в бой главных сил передовые отряды (авангарды) стремились развить успех, часто попадали под удар главных сил противника и терпели поражение. Это ставило главные силы танковых дивизий в исключительно тяжелое положение.

Из-за отсутствия опыта и ограниченного времени решение на ввод в бой главных сил командирами соединений на местности, как правило, не уточнялось, а рекогносцировка не проводилась или проводилась наспех. Такое положение нередко приводило к серьезным просчетам в организации боевых действий. Например, рубеж развертывания 34-й танковой дивизии, с которого она вступила во встречный бой 26 июня 1941 г., был выбран перед заболоченной поймой реки Слоновка, никаких переправ через которую заблаговременно подготовлено не было [1]. Поэтому сила первоначального удара дивизии во фланг противнику была существенно ослаблена, а внезапность утрачена.

В начале войны было также немало случаев, когда несвоевременное вступление во встречный бой главных сил танковых дивизий сводило на нет успех, достигнутый передовыми отрядами (авангардами) с завязкой боя (14-я и 18-я танковые дивизии 7-го механизированного корпуса Западного фронта 9 июля 1941 г. в районе Богушевска [2], 57-я танковая дивизия 20-й армии в Смоленской оборонительной операции 15 июля 1941 г. под Красным)[3].

По мере накопления боевого опыта действия наших войск в ходе завязки встречного боя приобретали все большую организованность. Особо важное значение стало придаваться вопросам огневого поражения противника и маневру на поле боя. В третьем периоде войны искусство ведения встречного боя нашло наиболее полное завершение.

Характерным примером завязки встречного боя с марша является бой 145-й стрелковой дивизии под Биржаем 1 августа 1944 г. Основная его особенность заключалась в последовательном наращивании усилий сил и средств в ходе завязавшегося встречного боя по мере получения данных о характере действий противника и подхода главных сил дивизии. С получением данных от разведки вначале бой с передовыми подразделениями выдвигавшейся группировки противника завязала походная застава, выделенная от авангарда. Затем в бой были введены главные силы авангарда, которые, упредив противника в развертывании, при поддержке огня артиллерии овладели выгодным рубежом для развертывания главных сил дивизии. Используя выгодный в тактическом отношении рубеж, авангард дивизии активными действиями сковал значи-

[1] ЦАМО, ф. 299, оп. 3780, д. 6, л. 110—116.
[2] ЦАМО, ф. 7мк, оп. 266009, д. 5, л. 335—337.
[3] ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 49, л. 124—150.

тельные силы врага, чем создал благоприятные условия для ввода в бой главных сил дивизии [1].

Завязка встречных боев, возникавших в ходе прорыва обороны противника и при нанесении контрударов, особенно танковыми (механизированными) корпусами, носила иной характер. Это обусловливалось тем, что наступающие бригады вступали во встречный бой преимущественно уже в развернутых боевых порядках. В данной обстановке основной задачей передовых частей являлось стремительное вклинение в расположение противника, разгром передовых подразделений и срыв организованного развертывания его главных сил, а также овладение выгодным рубежом для развертывания своих главных сил. Захват намеченных рубежей чаще всего достигался внезапными и решительными ударами. Когда противник упреждал в выходе на указанный рубеж, передовые части смело атаковывали его и овладевали этим рубежом. Если же овладеть намеченным рубежом не удавалось, то передовые части активными и решительными действиями сковывали противника на широком фронте, огнем всех средств наносили ему поражение и обеспечивали выгодные условия для развертывания и вступления в бой главных сил корпуса. Так действовали передовой отряд 6-го гв. механизированного корпуса 13 января 1945 г. под Кельце в ходе Висло-Одерской операции [2], а также передовые отряды многих других корпусов.

Развертывание главных сил соединения осуществлялось последовательно или одновременно.

Специфика первого способа заключалась в том, что в целях выигрыша времени и нанесения по противнику упреждающего удара командиры соединений вводили свои главные силы в бой с ходу, не ожидая подхода и полного завершения развертывания всех частей. Такой способ не требовал больших затрат времени для организации первоначального удара, нередко вынуждал противника вступать во встречный бой в невыгодных для него условиях и создавал возможность непрерывного наращивания усилий из глубины и широкого маневра силами и средствами на поле боя, что позволяло быстро изменять соотношение сил на решающих направлениях. В результате достигалось упреждение противника в развертывании, открытии огня и нанесении удара во встречном бою. Примерами, подтверждающими это положение, являются встречные бои 8-го гв. механизированного корпуса 1-й танковой армии 27—28 декабря 1943 г. под Чернорудкой в Житомирско-Бердичевской операции, 7-го гв. танкового корпуса 3-й гв.

---

[1] Более подробно об этом см.: Тактика в боевых примерах. Дивизия, с. 169—170; Общая тактика в боевых примерах Великой Отечественной войны. Вып. 3 (полк—дивизия). М., 1946, с. 65—67.

[2] ЦАМО, ф. 324, оп. 4756, д. 137, л. 10—82.

танковой армии 17 апреля 1945 г. под Требендорфом в Берлинской операции и др.

Однако последовательный ввод в бой главных сил не давал должного эффекта при столкновении с превосходящими силами противника, особенно когда он действовал в компактной группировке и упреждал наши войска в развертывании (3-й механизированный корпус 1-й танковой армии 11 августа 1943 г. в Белогородско-Харьковской операции под Богодуховом, 9-й механизированный корпус 3-й гв. танковой армии 6 марта 1944 г. в Проскуровско-Черновицкой операции под Купелью и во многих встречных боях начального периода войны).

Второй способ заключался в том, что главные силы дивизии (корпуса) под прикрытием передового отряда (авангарда) развертывались в боевой порядок на выгодном рубеже, огнем всех видов наносили противнику поражение, а затем ударом во фланг и тыл громили его (встречные бои 3-го гв. танкового корпуса 5-й гв. танковой армии 28—29 июня 1944 г. в районе Крупки в Белорусской операции, 6-го гв. механизированного корпуса 4-й танковой армии 13—14 января 1945 г. под Кельце в Висло-Одерской операции и др.). Но чаще такой способ имел место при нанесении контрударов (контратак) в обороне. Преимущество этого способа состояло в том, что дивизия (корпус) начинала встречный бой наиболее организованно, нанося мощный первоначальный удар на сравнительно узком участке фронта.

Вступление в бой главных сил в первом периоде войны часто проходило при слабой поддержке артиллерии, а иногда и без нее. Атаки, как правило, велись против не подавленного огнем противника и сопровождались большими потерями, особенно в технике. Командиры соединений стремились решать стоящие перед ними задачи, как правило, лобовыми ударами. Наращивать силу удара в ходе встречного боя часто было нечем, так как вторые эшелоны во многих случаях не создавались или их составляли части, еще не подошедшие в район боевых действий. Вследствие этого маневр с решительными целями в ходе встречного боя осуществлялся слабо. Отсутствие поддержки с воздуха затрудняло борьбу с вражескими резервами. В то же время вражеская авиация наносила по нашим войскам удары с воздуха. Уязвимым местом во встречном бою являлись фланги, удар противника по которым нередко ставил наши соединения в критическое положение.

Во втором и в третьем периодах войны вступление в бой главных сил проходило более организованно. Обычно с завязкой боя артиллерия быстро занимала огневые позиции у маршрутов движения и немедленно открывала огонь по противнику. В ряде случаев в нанесении ударов по врагу принимала участие авиация. Под прикрытием огня артиллерии главные

силы соединения выходили на рубеж развертывания. Атаке обычно предшествовал 5—20-минутный огневой налет артиллерии и минометов в целях подавления живой силы и огневых средств противника.

Основная масса огня обычно сосредоточивалась на направлении главного удара дивизии (корпуса). Наибольший эффект достигался в том случае, когда удавалось нанести мощный огневой удар по противнику, который еще не успел развернуться (8-й гв. механизированный корпус под Чернорудкой 27—28 января 1943 г. в Житомирско-Бердичевской операции, 6-й гв. механизированный корпус под Кельце 13—14 января 1945 г. в Висло-Одерской операции и др.).

После огневого налета артиллерия переходила к поддержке перешедших в атаку пехоты и танков, которая осуществлялась методом сосредоточенного огня.

В целом ряде встречных боев бо́льшая часть артиллерии использовалась для ведения огня прямой наводкой. Так, во встречном бою под Столбчее 19 июля 1943 г. главные силы 26-й гв. стрелковой дивизии развертывались одновременно с вступлением их в бой при поддержке всей артиллерии дивизии, причем 57-й гв. и 1170-й артиллерийские полки вели огонь прямой наводкой [1]. Аналогичное положение было во встречных боях 57-й танковой дивизии под Красным 15 июля 1941 г. [2], 124-й стрелковой дивизии под Верхне-Фоминским 20 ноября 1942 г. [3] и др. В тех случаях, когда противник упреждал наши войска в развертывании или же значительно превосходил их в силах, на прямую наводку выдвигалась почти вся артиллерия включая гаубичную. Например, во встречных боях, которые вели 23—24 августа 1944 г. в ходе Ясско-Кишиневской операции 28-я и 92-я гвардейские стрелковые дивизии, почти вся их артиллерия, включая и дивизионы 152-*мм* пушек гаубиц, вела огонь прямой наводкой, расстреливая в упор развертывающиеся в боевой порядок вражеские колонны [4]. Особенно эффективно во встречных боях применялась реактивная артиллерия. Ее внезапные массированные огневые удары по скоплениям пехоты и танков противника позволяли быстро наносить им тяжелое поражение и в короткие сроки добиваться огневого превосходства на том или ином направлении (встречные бои 28-й и 92-й гвардейских стрелковых дивизий 23—24 августа 1944 г., 7-го гв. танкового корпуса 17 апреля 1945 г. и др.).

В некоторых встречных боях второго и третьего периодов войны в целях завоевания огневого превосходства дивизию (корпус) поддерживала армейская артиллерийская группа —

---

[1] См.: *Яманов А.* Встречный бой. М., Воениздат, 1959, с. 230.
[2] См.: *Еременко А.* В начале войны. М., Воениздат, 1965, с. 240.
[3] ЦАМО, ф. 331, оп. 6517, д. 5, л. 120—138.
[4] ЦАМО, ф. 548, оп. 270327, д. 1, л. 3—4.

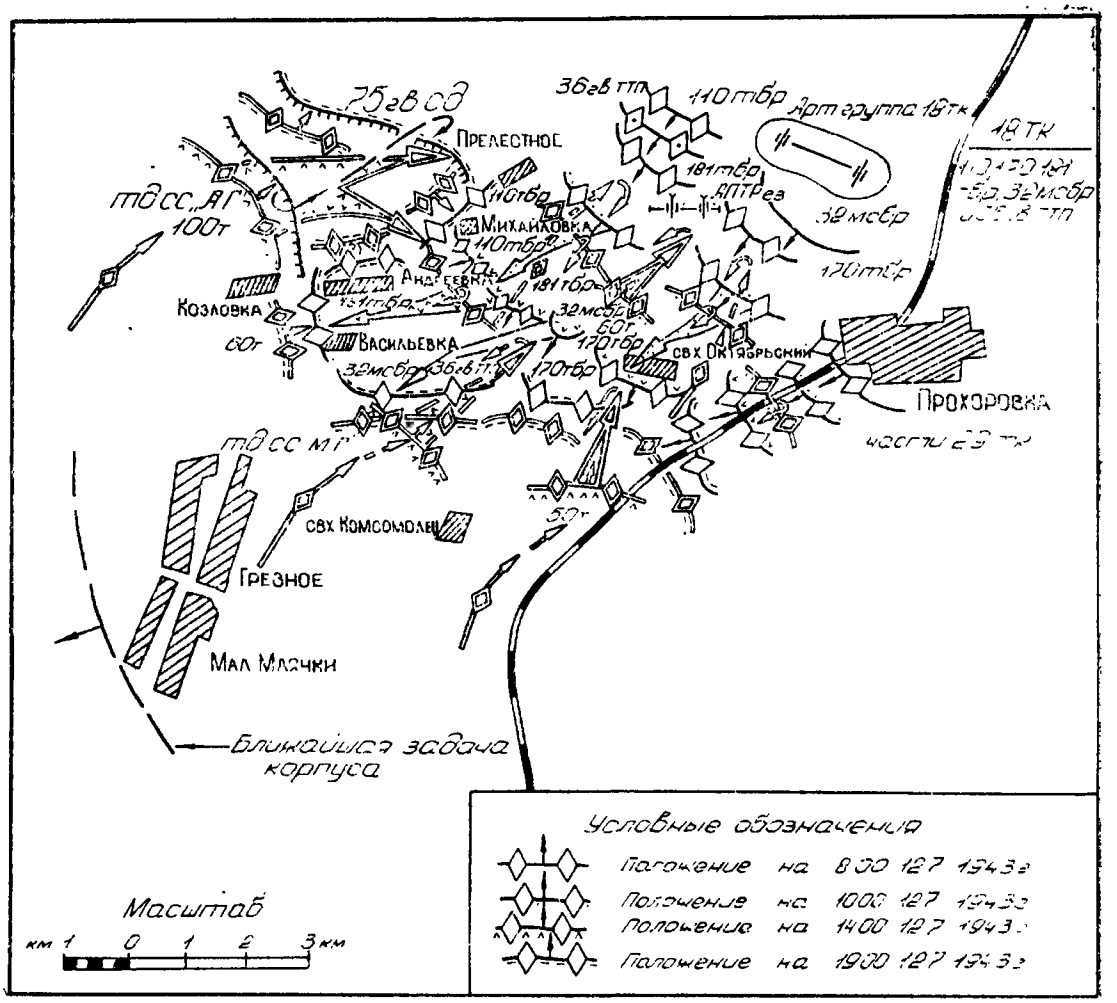


Схема 13. Встречный бой 18-го танкового корпуса в районе Прохоровка (12 июля 1943 г.)

18-й и 29-й танковые корпуса под Прохоровкой 12 июля 1943 г. (схема 13), 10-й и 29-й танковые корпуса под Вормдиттом 30—31 января 1945 г., 50-я стрелковая дивизия под Гёрлицем 16 апреля 1945 г. и другие, а также армейский артиллерийско-противотанковый резерв — 92-я гв. стрелковая дивизия под Сагайдаком 24 августа 1944 г. и 52-я стрелковая дивизия под Сарата-Галбеной 25 августа 1944 г.

В ряде встречных боев действия наземных войск поддерживала авиация, применявшаяся по плану старшего начальника. Во время развертывания главных сил дивизии (корпуса) авиация наносила удары по выдвигающейся группировке противника, а в ходе встречного боя — по его вторым эшелонам, резервам и пунктам управления, а также прикрывала свои войска с воздуха и вела разведку.

В начале войны участие авиации во встречных боях было эпизодическим. Например, 29-ю танковую дивизию во встречном бою под Гродно 22 июня 1941 г. поддерживал бомбардировочный полк 11-й смешанной авиадивизии [1], 19-ю танковую

[1] См.: *Анфилов В.* Провал «Блицкрига». М., Наука, 1974, с. 240—241.

и 215-ю моторизованную дивизии 24 июня 1941 г. под Войницей и Вербою — 14-я смешанная авиадивизия [1]. В большинстве же встречных боев первого периода войны наши войска действовали без авиационной поддержки. Но даже в тех боях, когда авиация применялась, она ввиду превосходства противника в воздухе и плохого взаимодействия с наземными войсками недостаточно полно решала задачу огневого подавления противника. Это в значительной степени предрешило неудачный исход многих встречных боев.

Во втором и в третьем периодах войны роль и значение авиации во встречных боях повышаются. Особенно положение изменилось тогда, когда в штабы танковых и стрелковых соединений стали высылаться авиационные представители. Находясь вместе с командиром дивизии (корпуса) и имея радиосвязь с аэродромом и самолетами в воздухе, авиационный представитель вызывал авиацию по требованию командира соединения, а в случае необходимости перенацеливал ее на другие объекты. В результате этого авиация во встречных боях стала использоваться более гибко и оперативно, значительно повысилась эффективность ее боевого применения. Так, авиация успешно применялась во встречных боях, которые вели 3-й гв. танковый корпус в районе Крупки 28—29 июня 1944 г. в Белорусской операции [2], 28-я и 92-я гвардейские стрелковые дивизии под Сагайдаком 24 августа 1944 г., в Ясско-Кишиневской операции [3] и др.

Части первого эшелона дивизии (корпуса) переходили в наступление в большинстве случаев с ходу, стремительно атакуя противника. Танки атаковали врага на максимальных скоростях, ведя огонь с ходу и с коротких остановок. Вслед за ними наступала пехота (мотопехота). Артиллерия поддерживала атаку пехоты и танков сосредоточенным огнем и огнем орудий, выделенных на прямую наводку. Не задерживаясь для уничтожения отдельных групп противника, части первого эшелона продолжали развивать успех в глубину, стремясь расчленить боевые порядки противника и решительными действиями уничтожить его по частям. Одновременно принимались меры к изоляции резервов противника, подходящих из глубины. Эта задача решалась главным образом средствами старшего начальника, прежде всего авиацией.

Осуществляя разгром противника во встречном бою, соединения применяли различные способы. Когда дивизия или корпус занимали выгодное фланговое положение по отношению к встречному противнику или создавали его в ходе боя,

---

[1] ЦАМО, ф. 229, оп. 3780, д. 3, л. 3.

[2] ЦАМО, ф. 332, оп. 4948, д. 291, л. 91—93; оп. 4982, д. 10, л. 129—130.

[3] См.: *Мацуленко В.* Удар с днестровского плацдарма. М., Воениздат, 1961, с. 124.

они обычно наносили удар во фланг и тыл вражеской группировки, сковывая ее частью сил с фронта. Наибольший успех при этом достигался в том случае, когда удар во фланг и тыл противника приводил к его окружению и уничтожению. Поучительным примером нанесения ударов по обоим флангам вражеской группировки является встречный бой 8-го гв. механизированного корпуса с 20-й немецкой моторизированной дивизией 27—28 декабря 1943 г. в районе Чернорудки в ходе Житомирско-Бердичевской операции (схема 14) [1].

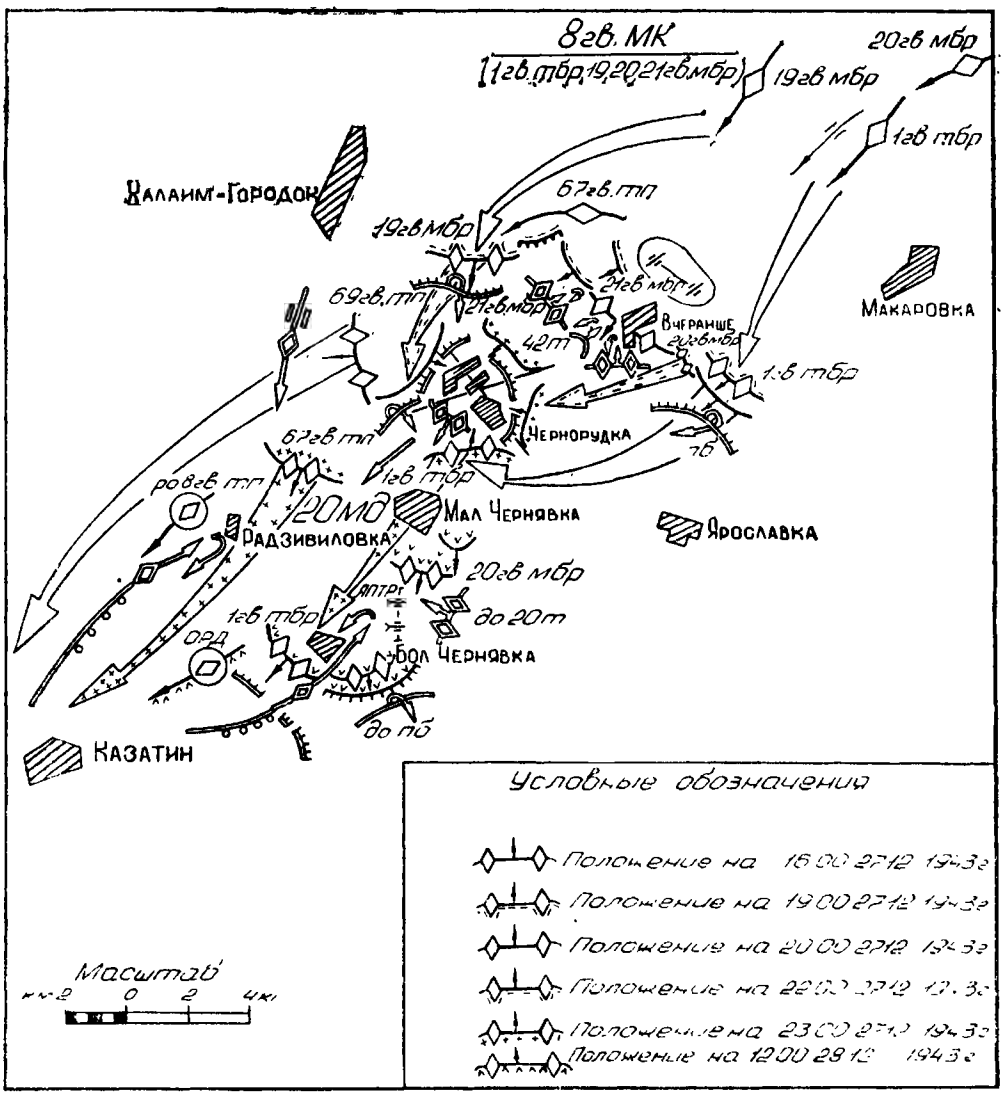


Схема 14. Встречный бой 8-го гв. механизированного корпуса в районе Чернорудка (27—28 декабря 1943 г.)

Развивая наступление, передовой отряд 8-го гв. механизированного корпуса — 21-я гв. механизированная бригада в 16.00 27 декабря вышел в район Вчерайше, где столкнулся с передовым отрядом 20-й механизированной дивизии про-

[1] ЦАМО, ф. 299, оп. 37941, д. 3, л. 120—123.

тивника, выдвигавшейся со стороны Казатина. Завязался встречный бой. Получив данные об обстановке, командир корпуса принял решение: передовым отрядом сковать противника с фронта, а главными силами нанести удар по обоим неприкрытым флангам встречной вражеской группировки, окружить и уничтожить ее в районе Чернорудки. Удар по правому флангу противника должна была нанести 19-я гв. механизированная бригада, а по левому — 1-я гв. танковая бригада. Во второй эшелон корпуса выделялась 20-я гв. механизированная бригада. В 19.00 после 10-минутного огневого налета введенные в бой 19-я гв. механизированная и 1-я гв. танковая бригады перешли в наступление, нанеся удары одновременно по обоим флангам противника.

После ожесточенного ночного боя оба фланга 20-й механизированной дивизии были смяты и отброшены к Чернорудке. К 21.00 главные силы противника были окружены в районе Чернорудки. Для скорейшего уничтожения окруженного противника командир корпуса на стыке 21-й гв. механизированной и 1-й гв. танковой бригад вводит в бой свой второй эшелон. Одновременно он принимает меры к изоляции окруженной вражеской группировки от подходящих резервов. С этой целью командир корпуса ставит 67-му гв. танковому полку 21-й гв. механизированной бригады, усиленному батальоном автоматчиков, задачу — наступать в направлении Казатина и не допустить подхода резервов противника. Эта задача танковым полком была успешно выполнена. В ходе упорного и напряженного боя, который продолжался всю ночь, окруженная группировка противника была расчленена на части и к 12.00 28 декабря полностью уничтожена. Таким образом, двухсторонний охват вражеской группировки обеспечил 8-му гв. механизированному корпусу достижение полного и решительного успеха во встречном бою.

Часто в годы войны наши соединения, особенно танковые и механизированные, наносили во встречном бою удар во фланг противнику. Одним из примеров удачного использования условий обстановки для нанесения флангового удара являются действия 7-го гв. танкового корпуса во встречном бою с 21-й немецкой танковой дивизией 17 апреля 1945 г. в районе Требендорфа в ходе Берлинской операции (схема 15). [1].

Передовой отряд корпуса (54-я гв. танковая бригада), завершив во взаимодействии со стрелковыми соединениями 13-й армии прорыв главной полосы обороны противника, развивал наступление на Требендорф, в районе которого проходила вторая полоса вражеской обороны. В 5.00 17 апреля в районе Гари передовой отряд подвергся сильному артиллерийскому

---

[1] ЦАМО, ф. 236, оп. 58854, д. 2, л. 118—121; ф. 669, оп. 264531, д. 1, л. 4—5.

налету противника из района Требендорфа и вслед затем был контратакован двумя группами танков. Одна группа численностью до 30 танков наступала из Требендорфа на Гари, а вторая (20 танков) из Маттендорфа на постоялый двор, намереваясь выйти в тыл передовому отряду. С ходу развернувшись в боевой порядок, передовой отряд завязал встречный бой с противником. Под напором многократно превосходящих сил гитлеровцев передовой отряд был вынужден отойти к каналу Гренц-Флисс. Однако своими искусными дейст-

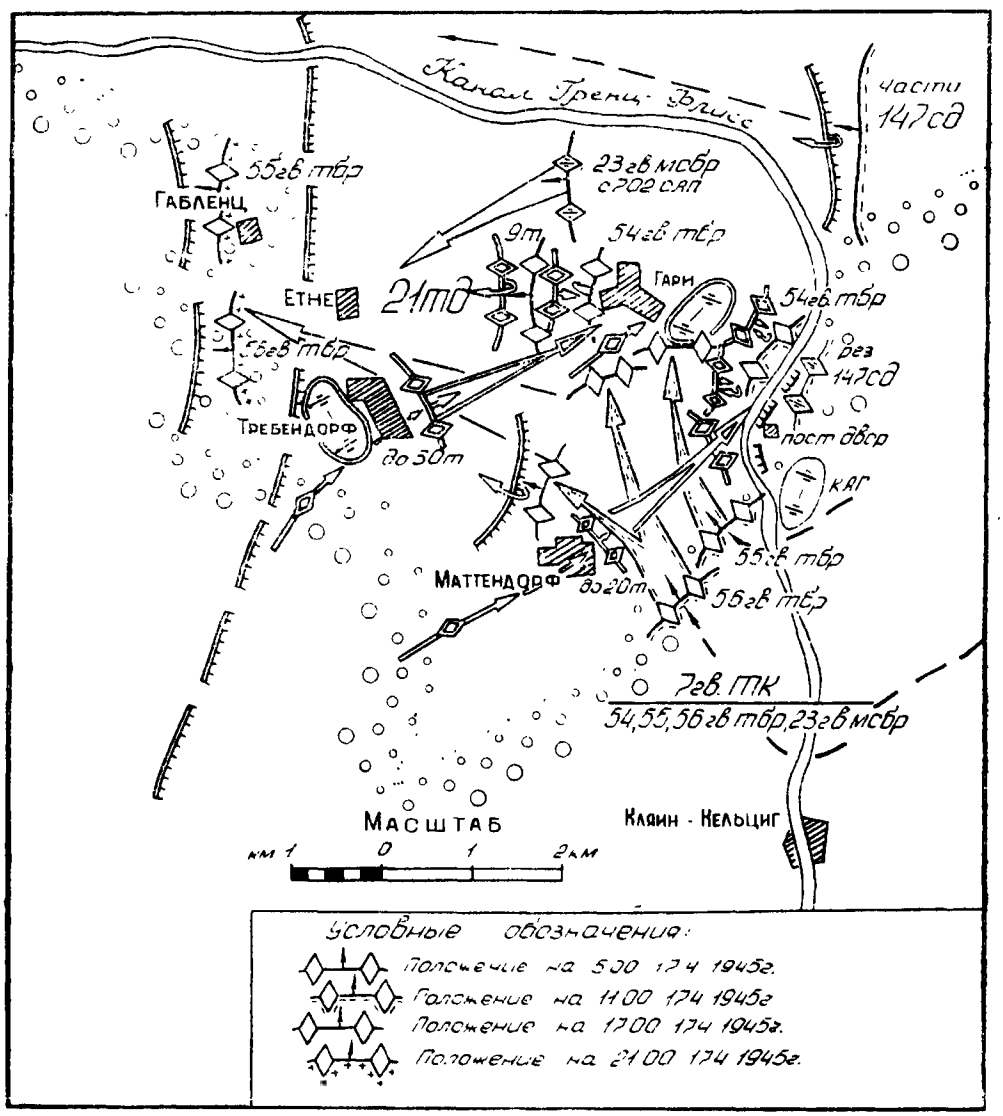


Схема 15. Встречный бой 7-го гв. танкового корпуса в районе Требендорф (17 апреля 1945 г.)

виями он позволил командиру корпуса выиграть время для осуществления маневра в целях нанесения решительного удара во фланг встречной вражеской группировки. Обойдя по лесным дорогам передовой отряд с юга, главные силы корпуса (55-я и 56-я гв. танковые бригады) вышли в район юго-вос-

точнее Маттендорфа. В 11.00 после 20-минутного огневого налета артиллерии они нанесли неожиданный удар по правому флангу 21-й танковой дивизии. Это заставило противника прекратить наступление против передового отряда и развернуть свои главные силы фронтом на юг для отражения флангового удара. Вскоре противник был вынужден ввести в бой свой резерв. Упорный и напряженный бой, в ходе которого вражеские части были отброшены на рубеж, с которого они утром начали наступление, продолжался около 6 часов. К 17.00 на поле боя подошла 23-я гв. мотострелковая бригада, усиленная 702-м самоходно-артиллерийским и 467-м минометным полками. Воспользовавшись тем, что левый фланг противника был открыт, она обошла его с севера и нанесла удар во фланг и тыл 21-й танковой дивизии. Одновременно главные силы корпуса атаковали противника с фронта. В результате этого к 21.00 вражеская дивизия была разгромлена, понеся большие потери в живой силе и боевой технике. Овладев Требендорфом и Габленцем, 7-й гв. танковый корпус вклинился во вторую полосу обороны противника, создав благоприятные условия для ее прорыва.

В тех случаях, когда в силу сложившейся обстановки или по условиям местности нанести удар во фланг противнику не представлялось возможным, наносился фронтальный удар. Примером такого способа действий является встречный бой 3-го механизированного корпуса с танковой дивизией СС «Райх» 7 августа 1943 г. под Сковородиновкой (14 *км* восточнее Богодухова) в ходе Белгородско-Харьковской операции (схема 16) [1]. 3-й механизированный корпус развивал наступление в оперативной глубине противника, имея в первом эшелоне две бригады (10-ю механизированную и 1-ю гв. танковую бригады). Чтобы остановить дальнейшее продвижение корпуса к железной дороге Харьков — Полтава, противник решил контратаковать его восточнее Богодухова силами выдвинутой из глубины танковой дивизии СС «Райх». Свой марш из района южнее Ольшаны в северном направлении эта дивизия начала с утра 7 августа по двум маршрутам. В 17.00 у Рогозянки произошло столкновение авангарда 1-й гв. танковой бригады с авангардом правой колонны противника. Завязался встречный бой. В это время авангарды 10-й механизированной бригады и левой колонны танковой дивизии СС «Райх» подходили к Кленовому, а разведывательный отряд завязал бой с разведкой противника в районе Сковородиновки. Главные силы бригад первого эшелона корпуса головами колонн вышли на рубеж М. Писаревка, хутор Бабанов,

---

[1] ЦАМО, ф. 300, оп. 7598, д. 3, л. 71; ф. 299, оп. 37805, д. 4, л. 6; оп. 51348, д. 12, л. 1—42.

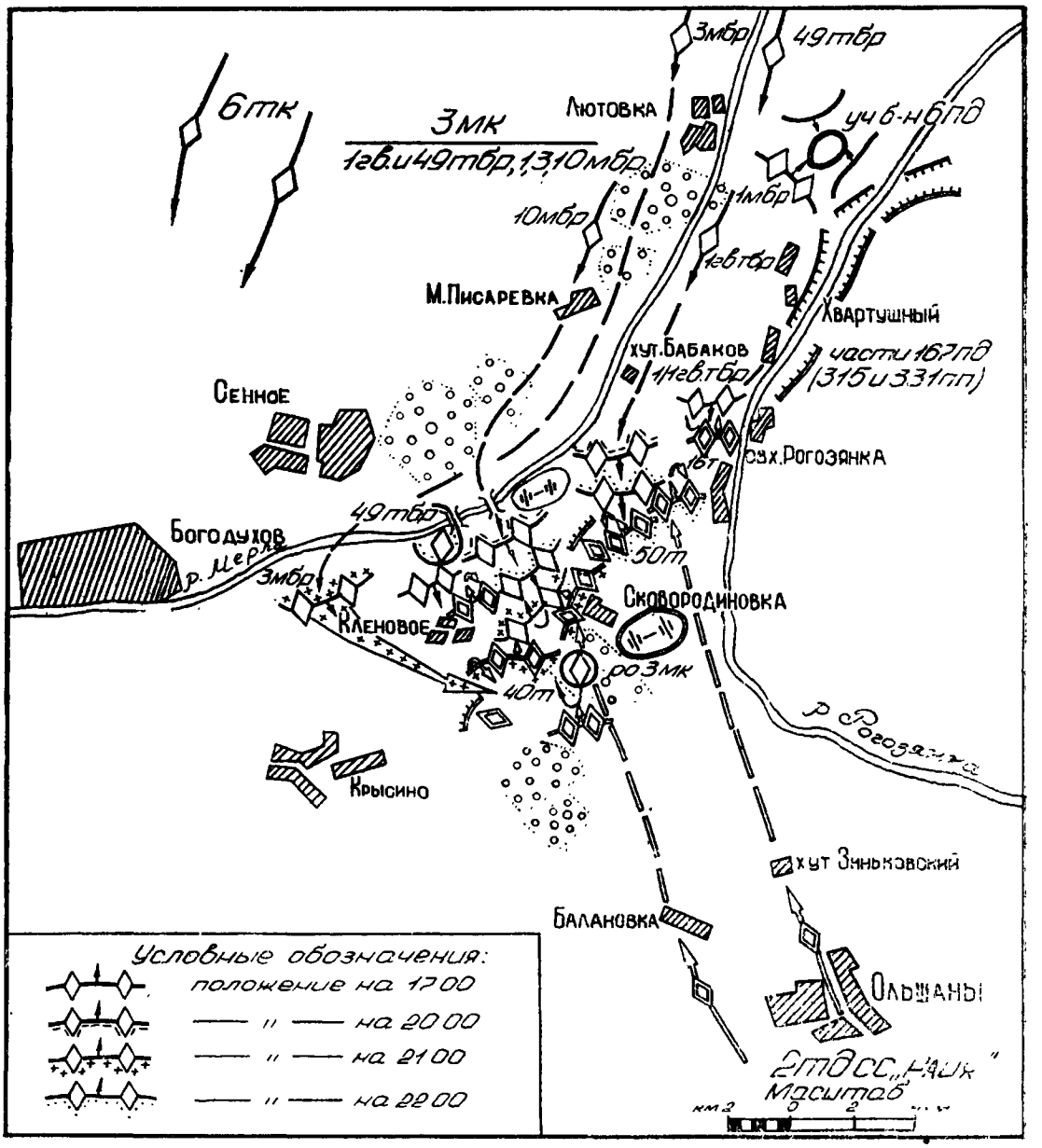


Схема 16. Встречный бой 3-го механизированного корпуса под Сковородиновкой (7 августа 1943 г.)

а танковой дивизии врага — на рубеж хутор Зиньковский, Балановка.

Получив последние данные об обстановке и оценив ее, командир корпуса пришел к выводу, что главные силы противника находятся на удалении 20 *км* от наших войск. Следовательно, столкновение с ними может произойти через час-полтора на рубеже Кленовое, Сковородиновка. Поэтому времени для маневра в целях нанесения удара во фланг встречной вражеской группировки уже нет. Кроме того, и условия обстановки не благоприятствовали осуществлению такого маневра. Правый фланг выдвигающегося навстречу противника

прикрывали части 167-й пехотной дивизии, оборонявшиеся на рубеже Хвартушный, Рогозянка. Маневр же для удара по левому флангу противника был связан с преодолением реки Мерла, что привело бы к потере времени и помешало упредить противника в развертывании.

Отдав указание о выдвижении бригад на рубеж развертывания, командир корпуса выехал в авангард 10-й механизированной бригады. Здесь он принял решение на встречный бой, организовал взаимодействие и поставил задачи бригадам. Выдвижение в район боевых действий и вся работа по их организации, включая постановку задач войскам, заняла не более часа.

Принятое командиром корпуса решение сводилось к тому, чтобы нанести фронтальный удар в общем направлении на Сковородиновку, рассечь встречную вражескую группировку и разгромить ее по частям. Командир корпуса решил атаковать противника в прежнем построении, а затем нарастить силу удара путем ввода в бой второго эшелона (49-я танковая и 3-я механизированная бригады).

Смелые и решительные действия в создавшейся обстановке позволили 3-му механизированному корпусу упредить противника в развертывании, открытии огня и нанесении первоначального удара. В 20.00 после 15-минутного огневого налета бригады первого эшелона атаковали противника. Их стремительная и мощная атака привела к разгрому передовых подразделений врага и обеспечила нашим войскам захват инициативы во встречном бою. Однако противник ввел в бой второй эшелон и попытался перехватить инициативу. В этих условиях командир корпуса из-за правого фланга вводит в бой подошедшую 3-ю механизированную бригаду с задачей охватить противника с запада и нанести удар по его левому флангу. Ожесточенный бой с переменным успехом продолжался до наступления темноты (22.00). В ходе его противник потерпел неудачу и был вынужден перейти к обороне, полностью исчерпав свои наступательные возможности. Таким образом, благодаря умелому применению фронтального удара и последовательному наращиванию усилий в ходе боевых действий 3-му механизированному корпусу удалось выиграть встречный бой у противника, не уступающего ему по силе. Однако полностью разгромить врага, как это было рассмотрено в предыдущих примерах, корпусу все же не удалось.

В этой связи опыт дает довольно веские основания для вывода о том, что наносить фронтальный удар по численно превосходящей группировке противника целесообразно было далеко не всегда. В данных условиях борьба за инициативу резко осложнялась и не всегда приносила желаемый результат, а в ряде случаев оканчивалась для наших войск неудачей (бой 19-й танковой дивизии 24 июня 1941 г. в районе Войни-

цы в ходе приграничного сражения Юго-Западного фронта [1] и др.).

С вступлением в бой главных сил усиливалась борьба за захват и удержание инициативы. Одним из примеров напряженной и упорной борьбы за инициативу является встречный бой 18-го танкового корпуса под Прохоровкой (см. схему 13). В 8.30 12 июля 1943 г. после 15-минутного огневого налета корпус, участвовавший в контрударе 5-й гв. танковой армии, перешел в наступление. Уже через несколько минут наступающая на левом фланге корпуса 170-я танковая бригада встретила колонну из 60 немецких танков, которая двигалась навстречу из совхоза Октябрьский. Открыв огонь по противнику, бригада с ходу атаковала его. Враг встретил наши танки огнем противотанковой артиллерии. Под его прикрытием танковая колонна противника развернулась в боевой порядок и также перешла в атаку. Завязался ожесточенный встречный танковый бой, принявший затяжной характер, так как маневр танков был стеснен глубокими балками, пересекавшими поле боя в разных направлениях. Ожесточенная борьба завязалась и в воздухе. Вскоре начала встречный бой с противником и правофланговая 181-я танковая бригада [2].

В ходе упорного боя 18-й танковый корпус медленно начал теснить противника. Обе стороны несли большие потери в технике и живой силе. В 10.00 противник попытался переломить ход боя в свою пользу. До 50—60 фашистских танков при поддержке авиации нанесли внезапный удар в стык между 170-й и 181-й танковыми бригадами. Но на их пути встал артиллерийско-противотанковый резерв корпуса (истребительно-противотанковый артиллерийский полк). Бригады по приказу командира корпуса нанесли удары по флангам вклинившейся в наши боевые порядки вражеской группировки. С большими потерями противник был отброшен к совхозу Октябрьский. Наращивая силу удара, командир корпуса в 10.30 из-за правого фланга при поддержке огня артиллерии ввел в бой свой резерв — 110-ю танковую бригаду. Сопротивление перешедшего к обороне врага было сломлено, и он медленно, с боем начал отходить. К 12.00 части корпуса овладели совхозом Октябрьский, а в 13.30 — Михайловкой.

Чтобы изменить неблагоприятный для себя ход боя, противник вводит в бой второй эшелон танковой дивизии СС «Мертвая голова». Встречный бой разгорелся с прежней силой. Для отражения нового удара командир 18-го танкового корпуса на стыке 170-й и 181-й танковых бригад вводит в бой 32-ю мотострелковую бригаду из второго эшелона. В ходе ожесточенного боя сопротивление гитлеровцев вновь было

---

[1] ЦАМО, ф. 625, оп. 26057, д. 2, л. 1—8.
[2] ЦАМО, ф. 680, оп. 215802, д. 9, л. 11—12.

сломлено, и они начали отходить в юго-западном направлении. Преследуя их, части корпуса в 17.30 овладели Андреевкой. Однако к этому времени танковая дивизия СС «Адольф Гитлер» потеснила соседа справа и начала охватывать с севера правый фланг 18-го танкового корпуса. Прикрывшись частью сил справа, командир корпуса ввел в бой свой последний резерв — 36-й гв. тяжелый танковый полк и продолжал развивать успех на главном направлении. К 18.00 корпус овладел Васильевкой и вышел к Козловке. Но здесь его продвижение было остановлено сильным огнем противотанковой артиллерии и закопанных в землю танков противника. Кроме того, по частям корпуса наносила непрерывные удары вражеская авиация, под прикрытием которой немецкие танки предприняли ряд сильных контратак. К 19.00 вражеские войска глубоко охватили правый фланг корпуса, создав угрозу его тылу. В сложившейся обстановке для обеспечения правого фланга командир корпуса был вынужден развернуть около половины своих сил, а остальными перейти к обороне и закрепиться на достигнутом рубеже [1]. В ходе встречного боя 18-й танковый корпус продвинулся на глубину до 7 *км* и нанес серьезное поражение танковой дивизии СС «Мертвая голова», потерявшей 63 танка и самоходных орудия, 28 орудий и минометов и свыше тысячи солдат и офицеров. Потери корпуса были тоже значительными. Он потерял 43 танка [2].

Развитие успеха во встречном бою обычно достигалось путем ввода в бой второго эшелона (резерва). Ввод его в бой обычно осуществлялся, как правило, на главном направлении из-за флангов или в промежутках между частями и обеспечивался огнем артиллерии, а в некоторых случаях и ударами авиации (10-й гв. танковый корпус под Кельце). Израсходованный резерв при первой же возможности восстанавливался (124-я стрелковая дивизия 5-й танковой армии в районе Верхне-Фоминского в контрнаступлении под Сталинградом) [3].

Особенностью встречного боя, как показывает опыт, являлось более раннее, чем в других видах боя, введение в бой вторых эшелонов и резервов. Эта особенность вытекала из специфики встречного боя и обусловливалась исключительной напряженностью борьбы за инициативу. Обычно командиры дивизий и корпусов стремились одержанный на том или ином участке боя успех как можно быстрее развивать в общий успех, чтобы добиться решительного перелома в ходе встречного боя.

Так было, например, во встречном бою 3-го гв. танкового корпуса в районе Крупки 28—29 июня 1944 г. в Белорусской

[1] ЦАМО, ф. 332, оп. 4948, д. 19, л. 1—26; д. 51, л. 1—28; ф. 680, оп. 382903, д. 1, л. 2—13.

[2] ЦАМО, ф. 332, оп. 4948, д. 51, л. 1—28.

[3] ЦАМО, ф. 331, оп. 6517, д. 5, л. 120—139.

операции. В ходе ожесточенного боя, продолжавшегося в течение 5 часов, один батальон 3-й гв. танковой бригады, действовавшей на правом фланге корпуса, обнаружил разрыв в боевом порядке противника и смело продвинулся в его глубину на 4 *км*. Успех батальона незамедлительно был использован командиром корпуса. Он быстро перегруппировал всю 3-ю гв. танковую бригаду на направление обозначившегося успеха, а затем ввел здесь в бой и свой второй эшелон — 19-ю гв. танковую бригаду. Этот маневр позволил нанести удар во фланг и тыл основной группировки противника, который в конечном счете и решил исход встречного боя в пользу 3-го гв. танкового корпуса [1].

В то же время всякое промедление и задержка с развитием достигнутого успеха были чреваты серьезными последствиями. Примером тому являются встречные бои начального периода войны, а также бой 6-го танкового корпуса под Высокополье 11 августа 1943 г. и 7-го гв. танкового корпуса под Фастовом 7 ноября 1943 г.

Особую заботу в ходе встречного боя командиры проявляли по обеспечению флангов, которые зачастую оставались открытыми. В первом периоде войны в стрелковых дивизиях для обеспечения открытых флангов выделялись подразделения в составе до стрелкового батальона. Эта тенденция сохраняется на протяжении всей войны, хотя количество выделяемых для обеспечения флангов сил и средств каждый раз диктовалось конкретно складывавшейся обстановкой.

В танковых (механизированных) корпусах для обеспечения флангов чаще всего выделялось до усиленного мотострелкового батальона. Начиная со второго периода войны все шире стало практиковаться назначение командиров, ответственных за фланги и стыки, организация разведки на открытых флангах, выделение специальных артиллерийских подразделений для обеспечения флангов и стыков в ходе боя.

В большинстве встречных боев подразделения для обеспечения флангов определялись заблаговременно, получая конкретную задачу. Например, командир 26-й гв. стрелковой дивизии во встречном бою под Столбчее 19 июля 1943 г. в Орловской операции для обеспечения своего правого фланга выделил один батальон из состава 75-го гв. стрелкового полка. Этот батальон получил задачу выдвинуться к реке Цкань и, заняв оборону на фронте 1 *км*, обеспечить правый фланг дивизии и не допустить возможного прорыва противника на Столбчее, т. е. в тыл ведущей встречный бой дивизии [2].

Нередко угроза флангу дивизии (корпуса) неожиданно возникала в ходе встречного боя. В этом случае в целях уст-

---

[1] ЦАМО, ф. 332, оп. 4948, д. 2911, с. 91—93; д. 10, л. 129—130.

[2] См.: *Яманов А.* Встречный бой, с. 230.

ранения нависшей угрозы командиры соединений осуществляли решительный маневр силами и средствами. Артиллерии ставилась задача воспретить дальнейшее продвижение противника. На угрожаемый фланг быстро выдвигались второй эшелон или резерв, артиллерийско-противотанковый резерв и подвижный отряд заграждений. Искусно проведенный маневр огнем, силами и средствами часто играл решающую роль в срыве попытки противника нанести удар во фланг и тыл дивизии (корпуса). Так было, например, во встречном бою 145-й стрелковой дивизии под Биржаем, 13-й гв. стрелковой дивизии под Березовкой, 52-й стрелковой дивизии под Сарата-Галбеной и др.

В танковых (механизированных) корпусах задача обеспечения угрожаемого фланга, кроме того, решалась путем быстрого маневра танковыми частями (подразделениями), снятыми с других направлений. Например, когда в ходе встречного боя под Прохоровкой возникла угроза правому флангу 18-го танкового корпуса, его командир сначала развернул фронтом на северо-запад свою правофланговую 110-ю танковую бригаду, а затем перегруппировал с главного направления на угрожаемый фланг 181-ю танковую бригаду. Маневр оказался своевременным. Заняв оборону на рубеже Прелестное, Береговое, 110-я и 181-я танковые бригады огнем с места отразили атаку противника, надежно обеспечив фланг и тыл корпуса [1].

Опыт Великой Отечественой войны убедительно показал, что при ведении встречного боя дивизия (корпус) должна всегда надежно обеспечивать свои открытые фланги и находиться в постоянной готовности к отражению фланговых ударов противника.

После того, как дивизия (корпус), сломив упорное сопротивление противника, окончательно овладевала инициативой, противник либо переходил к обороне, либо начинал отход. Аналогичным образом поступали и наши соединения, потерпев неудачу во встречном бою. Из исследованных 55 встречных боев в 29 боях (53%) успеха добивались наши войска, а в 26 (47%) — противник.

Анализ опыта войны показывает, что искусство ведения нашими войсками встречных боев неуклонно совершенствовалось. Это подтверждается прежде всего данными об их результативности. Так, если в первом периоде войны наши войска выиграли 23% встречных боев, то во втором периоде — до 59%, а в третьем — до 71%.

Однако быстрый и решительный разгром противника во встречном бою достигался лишь в том случае, когда удавалось расчленить его боевые порядки, изолировать главные

---

[1] ЦАМО, ф. 332, оп. 4948, д. 51, л. 1—28.

силы от подходящих резервов, а затем разгромить вражескую группировку по частям. Наиболее полный и решительный результат достигался тогда, когда нашим войскам удавалось окружить и уничтожить встречную вражескую группировку. Подобный исход имели около 10% встречных боев, в которых наши войска одержали победу. Из 26 встречных боев, в которых наши соединения потерпели неудачу, 13 закончились переходом к обороне. Оценивая результативность этих встречных боев с оперативно-тактической точки зрения, следует отметить, что переход к обороне во встречном бою не всегда являлся поражением. Дело в том, что захват и удержание важного в тактическом, а иногда и в оперативном отношении рубежа, опираясь на который наши войска задерживали дальнейшее продвижение противника и обескровливали его ударную гриппировку, часто приобретал очень важное значение, оказывающее большое влияние на последующий ход операции.

Достижение успеха во встречном бою в решающей степени зависело от умелого управления войсками. В первом периоде войны управление частями во встречном бою обычно осуществлялось посредством высылки письменных или отдаваемых устно боевых приказов. Начиная со второго периода войны, все шире стала внедряться практика управления путем коротких боевых распоряжений, отдаваемых командиром дивизии (корпуса) лично, по средствам связи или через штаб. Отдельные наиболее важные распоряжения дублировались офицерами связи. В годы войны широкое распространение получило сочетание различных способов доведения боевых задач до подчиненных.

Управление во встречном бою командир дивизии (корпуса) осуществлял с наблюдательного пункта, размещаемого на направлении главного удара соединения, в 1—3 *км* от линии боевого соприкосновения с противником. Командный пункт, который обычно возглавлял начальник штаба, развертывался: в стрелковой дивизии — в 2—5 *км*, в танковом (механизированном) корпусе — в 3—8 *км* от частей первого эшелона. Частота перемещения пунктов управления во встречном бою зависела от характера боевых действий, но во всех случаях преследовала цель обеспечить непрерывность и оперативность управления. При развитии наступления в ходе встречных боев перемещение пунктов управления в стрелковых дивизиях осуществлялось скачками. При этом непрерывность управления достигалась последовательной сменой командных и наблюдательных пунктов. В танковых (механизированных) корпусах пункты управления перемещались обычно одновременно.

Основным средством управления войсками на завершающем периоде войны в ходе встречного боя было радио. Наря-

ду с ним широко использовались и другие средства (проводные, подвижные). Исследование опыта встречных боев показало, что в целом управление частями дивизии (корпуса) отличалось жесткой централизацией. Этого требовала специфика встречного боя. Вместе с тем боевой опыт убедительно показал целесообразность предоставления командирам частей большей самостоятельности при решении стоящих перед ними задач. Такая практика способствовала проявлению с их стороны более широкой инициативы, творчества и находчивости, более эффективному применению имеющихся в их распоряжении сил и средств, а также повышала оперативность решения ими внезапно возникающих в ходе боя задач.

В целом искусство управления войсками во встречном бою в годы Великой Отечественной войны характеризуется постоянно действующими тенденциями. Это совершенствование методов работы командиров и штабов по управлению войсками, повышение оперативности и непрерывности управления, возрастание эффективности боевого применения сил и средств.

Анализ опыта войны позволяет выявить ряд тенденций в развитии искусства ведения встречного боя. К их числу относятся: непрерывно возрастающее стремление к поражению встречной вражеской группировки огнем артиллерии и ударами авиации еще на подходе; резкое возрастание в связи с повышением подвижности войск фактора времени, роли и значения маневра, напряженности борьбы за захват и удержание инициативы; совершенствование способов ведения встречного боя и управления войсками.

Опыт организации и ведения встречных боев в годы войны во многом сохраняет свою поучительность и представляет интерес для современного военного искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На полях сражений Великой Отечественной войны тактика советских Сухопутных войск прошла всестороннюю проверку, доказала свою зрелость, способность успешно решать сложные задачи в борьбе с сильным и коварным противником.

Развитие тактики представляло собой сложный процесс и было обусловлено рядом факторов. Важнейшими из них являлись: количественные и качественные изменения в средствах вооруженной борьбы и организации войск, а также морально-боевые качества личного состава. На развитие тактики оказывало непосредственное влияние оперативное искусство, задачи которого она выполняла. На протяжении всей войны учитывались изменения, происходящие в боевых возможностях войск и в тактике ведения боя противником.

Под влиянием изменявшихся условий изыскивались новые, более совершенные способы подготовки и ведения боя. Как правило, они отвечали конкретно складывающейся обстановке в полосе того или иного соединения (части) и были направлены на достижение победы над врагом. Это требовало проявления широкого творчества и инициативы со стороны воинов, командиров и штабов всех степеней. Вместе с тем, несмотря на многообразие в способах подготовки и ведения боя, в годы войны проявились и определенные тенденции в их развитии. Они заслуживают пристального внимания, так как с успехом могут быть использованы в практике боевой подготовки войск в наши дни.

Война со всей убедительностью подтвердила, что решающим условием достижения успеха в бою является умелое сосредоточение усилий всех родов Сухопутных войск и специальных войск на выполнении поставленной задачи. При этом практика показала, что по сравнению с первой мировой и гражданской войнами значительно возросла роль в общевой-

сковом бою танковых и механизированных соединений (частей), артиллерии, инженерных войск, войск связи, а также авиации, выполняющей задачи в интересах Сухопутных войск. Все это обусловило повышение роли и ответственности общевойсковых командиров и штабов за организацию и управление боем. Повысились требования к достижению непрерывности ведения боевых действий как днем, так и ночью.

В годы войны были решены такие важнейшие проблемы наступательного боя, как прорыв подготовленной обороны и развитие стремительного преследования противника в глубине. Если в первом периоде войны прорыв главной, слабоподготовленной обороны противника требовал двух-трех, а иногда и более дней, то во втором и в третьем периодах войны он, как правило, осуществлялся в течение одних суток. На прорыв всей тактической зоны обороны, оборудованной двумя полосами, затрачивалось двое, а в целом ряде операций и одни сутки. Решение этой проблемы обусловливалось совершенствованием прежде всего таких наиболее важных вопросов тактики наступательного боя, как выбор направления главного удара и массирование сил и средств, определение боевых задач и построения войск для их выполнения, способов боевого применения всех родов войск в бою, организация и поддержание их устойчивого взаимодействия, достижение надежного огневого поражения противника, изыскание путей всестороннего обеспечения боевых действий и твердое, непрерывное управление войсками.

Значительные изменения произошли в тактике оборонительного боя. Во втором и в третьем периодах войны по сравнению с первым значительно повысились ее устойчивость и активность. Основными направлениями в решении этой проблемы наряду с тщательной и всесторонней подготовкой оборонительного боя являлись: совершенствование построения тактической зоны обороны (боевых порядков, инженерного оборудования местности, системы огня) и увеличение ее глубины; решительное массирование сил и средств на важнейших направлениях (в районах, на участках), от удержания которых зависела устойчивость всей обороны; изменение принципа организации противотанковой обороны, которая уже в годы Великой Отечественной войны из мер боевого обеспечения фактически стала основным содержанием оборонительного боя; возрастание роли маневра силами и средствами в ходе оборонительного боя и решительное проведение контратак.

Минувшая война внесла много нового в практику и теорию встречного боя, что позволило значительно повысить его эффективность.

Глубокое изучение командными кадрами наших Вооруженных Сил всех этих, а также многих других вопросов из опыта войны поможет им лучше уяснить свое место и роль в

бою, предвидеть пути дальнейшего развития тактики, избежать ошибок прошлого. Практическое значение глубокого изучения боевого опыта обусловливается также тем, что в современных условиях даже при наличии ракетно-ядерного оружия бой остается общевойсковым. Разгром противника будет достигаться усилиями всех видов Вооруженных Сил, родов войск и специальных войск. Поэтому многие положения из опыта подготовки и ведения боя в годы войны, добытого кровью миллионов людей, должны максимально использоваться в практике обучения войск с учетом изменившихся средств вооруженной борьбы и взглядов на ведение боевых действий.

Нельзя забывать и того, что всестороннее развитие тактики Сухопутных войск в минувшей войне, совершенствование способов и форм боевых действий — это результат доблестных боевых дел генералов, офицеров, сержантов и солдат Советской Армии. Успехи и недочеты в развитии тактики неразрывно связаны с творческой деятельностью всего личного состава наших Вооруженных Сил. Опыт показал, что чем выше был уровень боевой выучки и воспитания солдат и офицеров, чем лучше они были морально подготовлены к испытаниям войны, тем выше были их выдержка и стойкость, полнее использовались возможности новой техники. Сохранить и приумножить эти богатейшие традиции Советских Вооруженных Сил, выработанные в борьбе с многочисленными врагами нашей Родины, является одной из наиболее ответственных задач в области воспитания войск и нашего молодого поколения в современных условиях. Этому учит нас Коммунистическая партия, под непосредственным руководством которой происходил непрерывный процесс развития советского военного искусства, в том числе тактики Сухопутных войск в годы Великой Отечественной войны. Именно Коммунистическая партия, вооруженная марксистским диалектическим методом, учила нас в годы войны и учит в настоящее время научно подходить к явлениям военного дела, учитывать закономерности его развития на всех исторических этапах. Сила и превосходство советского военного искусства заключаются в том, что постоянно направляя развитие военно-теоретической мысли в будущее, на разработку новых методов ведения операции и боя, оно на каждом этапе своего развития воспринимало все лучшее из предшествующего опыта.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Тактико-технические данные стрелкового оружия *

Наименование образца	Вес, *кг*	Емкость магазина (ленты)	Прицельная дальность, *м*	Практическая скорострельность, *выстр./мин*
7,62-*мм* винтовка обр. 1891—1930 гг.	3,95	5	2000	10—12
7,62-*мм* самозарядная винтовка обр. 1940 г. (СВТ-40)	3,8	10	1500	20—25
7,62-*мм* карабин обр. 1944 г.	3,9	5	1000	10—12
7,62-*мм* пистолет-пулемет ППД-40	3,65	71	200	100—120
7,62-*мм* пистолет-пулемет ППШ-41	3,65	71/35 **	200	100—120
7,62-*мм* пистолет-пулемет ППС-43	3,04	35	200	100—120
7,62-*мм* ручной пулемет ДП	8,9	47	1500	80
7,62-*мм* станковый пулемет обр. 1910 г.	63,6	250	2700	250—300
7,62-*мм* станковый пулемет СГ-43	40,4	250	2300	250—300
12,7-*мм* пулемет ДШК обр. 1938 г.	170	50	3500	80
14,5-*мм* противотанковое ружье ПТРД-41	17,3	—	600	8—10
14,5-*мм* противотанковое ружье ПТРС-41	20,9	5	1500	15

* Таблица составлена на основе материалов: История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974, т. 3, с. 419; *Гнатовский Н. И., Шорин П. А.* История развития отечественного стрелкового оружия. М., 1959, с. 212, 223, 232, 244.

** В числителе — для круглого, в знаменателе — для рожкового.

Тактико-технические данные артиллерийских систем *

Наименование системы	Дальность стрельбы, *км*	Скорострельность, *выстр./мин*	Бронепробиваемость, *мм*	Вес в боевом положении, *кг*
45-*мм* противотанковая пушка обр. 1937 г.	4,6	15—20	43	560
45-*мм* противотанковая пушка обр. 1942 г.	4,5	20	80	625
57-*мм* противотанковая пушка обр. 1943 г.	8,4	25	146	1250
76-*мм* полковая пушка обр. 1927 г.	8,5	10—12	31	900
76-*мм* полковая пушка обр. 1943 г.	4,2	10—12	75	600
76-*мм* дивизионная пушка обр. 1939 г.	13,3	15—25	70	1480
76-*мм* дивизионная пушка обр. 1942 г.	13,6	25	90	1150
100-*мм* противотанковая пушка обр. 1944 г.	20	5—7	162	3400
122-*мм* гаубица обр. 1938 г.	11,8	5—6	120	2500
122-*мм* пушка обр. 1931—1937 гг.	19,7	5—6	155	7120
152-*мм* гаубица обр. 1938 г.	12,3	3—4	—	4150
152-*мм* гаубица обр. 1943 г.	12,4	3—4	130	3600
152-*мм* гаубица-пушка обр. 1937 г.	17,2	3—4	—	7270
50-*мм* ротный миномет обр. 1938 г.	0,8	30	—	10

Продолжение приложения 2

Наименование системы	Дальность стрельбы, *км*	Скорострельность, *выстр./мин.*	Бронепробиваемость, *мм*	Вес в боевом положении, *кг*
82-*мм* батальонный миномет обр. 1937 г.	3,1	25	—	61
120-*мм* полковой миномет обр. 1938 г.	5,7	15	—	280
160-*мм* миномет обр. 1943 г.	5,1	3	—	1170
Реактивная установка БМ-8	5	36 напр.	—	
Реактивная установка БМ-13	7,9	16 напр.	—	7200
Реактивная установка БМ-31	4	12 напр.	—	7100

* Таблица составлена на основе материалов: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 9—10; Истребительно-противотанковая артиллерия в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1957, с. 14, 88, 413; Оружие победы. М., 1975, с. 41—65; История второй мировой войны. 1939—1945, 1974, т. 3, с. 422.

Приложение 3

Тактико-технические данные танков и самоходно-артиллерийских установок *

Марки машин	Вес, *т*	Экипаж, *чел.*	Вооружение (количество — калибр, *мм*)			Толщина брони, *мм*			Мощность двигателя, *л. с.*	Запас хода по шоссе, *км*
			Пушка	Пулемет	Зенитный пулемет	лобовой	бортовой	башни		
Легкие танки:										
Т-26	10,5	3	1—45	2—7,62	1—7,62	15	15	15	90	200
БТ-7м	14,6	3	1—45	2—7,62	1—7,62	20	13	15	400	600—700
Т-50	14	4	1—45	2—7,62	—	37	37	37	300	344
Т-60	6,4	2	1—20	1—7,62	—	35	15	25	70	450
Т-70	10	2	1—45	1—7,62	—	45	15	35	2×70	250
Средние танки:										
Т-28	27,8	6	1—76	5—7,62	—	30	20	20	500	220
Т-34	26,5	4	1—76	2—7,62	—	45	45	52	500	370
Т-34-85	32	5	1—85	2—7,62	—	45	45	65	500	300
Тяжелые танки:										
КВ-1	47,5	5	1—76	2—7,62	1—7,62	100	75	95	600	250
КВ-85	46	4	1—85	3—7,62	—	75	60	100	600	250
ИС-1	44	4	1—85	3—7,62	—	120	90	100	600	250
ИС-2	46	4	1—122	3—7,62	1—12,7	120	90	110	520	150

Легкая самоходно-артиллерийская установка СУ-76	10,5	4	1—76	—	—	35	15	35	2 × 70	250
Средние самоходно-артиллерийские установки:										
СУ-122	30,9	5	1—122	—	—	45	45	60	500	300
СУ-85	29,6	4	1—85	—	—	45	45	60	500	300
СУ-100	31,6	4	1—100	—	—	45	45	110	500	310
Тяжелые самоходно-артиллерийские установки:										
СУ-152	45,5	5	1—152	—	—	70	60	120	600	380
ИСУ-122	46	5	1—122	—	1—12,7	90	90	120	520	220
ИСУ-152	46	5	1—152	—	1—12,7	90	90	120	520	220

* Таблица составлена на основе материалов: История второй мировой войны. 1939—1945, 1974, т. 3, с. 420; Самоходная артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 1956, с. 52—54; Оружие победы, с. 76—101.

Изменения штатного количества сил и средств стрелковой дивизии

Наименование сил и средств	Количество по штату							
	от 5.4.1941 г.	от 29.7.1941 г.	от 6.12.1941 г.	от 18.3.1942 г.	от 28.7.1942 г.	от 10.12.1942 г.	от 10.12.1942 г.*	от 18.12.1944 г.*
Люди	14 483	10 859	11 626	12 795	10 386	9435	10 670	11 706
Лошади	3039	2478	2410	1850	1804	1719	1867	1155
Автомашины	558	203	248	154	149	123	126	419
Тракторы	99	5	—	15	15	15	15	—
Винтовки и карабины	10 420	8341	8565	9375	7241	6474	7095	6330
Пистолеты-пулеметы	1204	171	582	655	711	727	1097	3594
Пулеметы:								
ручные	392	162	251	352	337	494	499	337
станковые	166	108	108	114	112	111	166	166
зенитные	33	27	12	9	9	—	—	18
Противотанковые ружья	—	—	89	279	228	212	279	107

Пушки:								
45-*мм*	54	18	18	30	30	48	48	36
57-*мм*	—	—	12	—	—	—	—	18
76-*мм*	34	28	28	32	32	32	36	44
Гаубицы:								
122-*мм*	32	8	8	12	12	12	12	20
152-*мм*	12	—	—	—	—	—	—	—
Установкн БМ-13, БМ-8	—	—	8	—	—	—	—	—
Минометы:								
50-*мм*	84	54	72	76	85	56	58	—
82-*мм*	54	18	72	76	85	83	85	89
120-*мм*	12	6	18	18	18	21	24	38
Зенитные пушки:								
37-*мм*	8	6	6	6	6	—	—	12
76-*мм*	4	4	—	—	—	—	—	—
Танки легкие	16	—	—	—	—	—	—	—

* Штаты гвардейской стрелковой дивизии.

Изменение штатного количества сил и средств танкового и механизированного корпусов

Наименование сил и средств	Танковый корпус				Механизированный корпус			
	на 1.4.1942 г.	на 1.1.1943 г.	на 1.1.1944 г.	на 1.5.1945 г.	на 8.9.1942 г.	на 1.1.1943 г.	на 1.1.1944 г.	на 1.5.1945 г.
Люди	5583	7666	10 990	12 006	15 581	15 018	16 370	16 438
Танки:								
тяжелые	20	—	1	—	5	—	—	—
средние	40	96	208	207	101	162	176	183
легкие	40	63	—	—	69	42	21	—
САУ:								
тяжелые	—	—	12	21	—	8	12	21
средние	—	—	16	21	—	—	16	21
легкие	—	—	21	21	—	17	21	21
Пушки:								
45-*мм*	12	12	12	12	36	36	36	36

57-*мм*	—	—	16	16	—	—	8	8
76-*мм*	24	24	12	36	40	36	36	36
Минометы:								
82-*мм*	42	48	52	52	102	94	100	100
120-*мм*	4	4	42	42	48	54	54	54
Установки БМ-13	—	8	8	8	8	8	8	8
37-*мм* зенитные пушки	20	—	18	16	40	26	18	16
Автомобили	589	871	1295	1456	1597	1796	1835	2059

Приложение 6

Работа командира стрелковой дивизии при принятии решения и штаба по его оформлению в годы Великой Отечественной войны

Периоды войны	Военная кампания	Время, имевшееся на организацию боя (*сут.*)	Последовательность работы командира	Документы, отрабатываемые штабом на основе решения командира
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	6—10 *ч*	Уяснение задачи, оценка обстановки по карте, принятие решения на бой.	Общий или частные боевые приказы. Распоряжения по разведке, связи, противовоздушной, противотанковой обороне, противохимической защите. Рабочие карты должностных лиц (начальника штаба, начальника разведки и др.)
	Зимняя 1941/42 г.	4—8 *ч*	Уяснение задачи, оценка обстановки по карте, иногда — на местности. Заслушивание справок и предложений офицеров управления. Принятие решения на бой.	
	Летне-осенняя 1942 г.	1—2		
Второй	Зимняя 1942/43 г.	1—3	Уяснение задачи, оценка обстановки по карте и на местности в период рекогносцировки. Принятие решения. Уточнение отдельных его вопросов на КШУ и войсковых учениях. Заслушивание перед принятием решения докладов начальников родов войск по применению подчиненных им частей (подразделений)	Письменный общий боевой приказ. Карта-решение. Плановая таблица боя. Распоряжения по разведке, связи, инженерному обеспечению, противохимической защите. Рабочие карты должностных лиц. Приказ по тылу. Планы применения родов войск
	Летне-осенняя 1943 г.	2—5		
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	2—5	Уяснение задачи. Отдача предварительных распоряжений и указаний штабу по подготовке необходимых расчетных данных. Оценка обстановки, в том числе на рекогносцировке. Принятие предварительного решения. Уточнение вопросов решения на дополнительных рекогносцировках, КШУ и учениях. Принятие решения на бой. Заслушивание решений подчиненных	Дополнительно: план выхода войск в исходное положение, распоряжение по маскировке, календарный план выполнения мероприятий по подготовке боевых действий, в ряде случаев — приказ на применение артиллерии, иногда — план (распоряжение) по обеспечению стыков и флангов.
	Летне-осенняя 1944 г.	2—7		
	1945 (в Европе)	1—3		

Организация взаимодействия в наступлении командиром стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны

Периоды войны	Военная кампания	Среднее время, необходимое на организацию взаимодействия (*сут.*)	Формы согласования усилий	Вопросы организации взаимодействия	Отрабатываемые документы *
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	3—6 *ч*	Отдача указаний по карте	Согласование усилий между полками первого эшелона, танками и артиллерией на период атаки, иногда при бое за населенные пункты	Таблица сигналов взаимодействия
	Зимняя 1941/42 г.	2—7 *ч*	То же	Согласование усилий между элементами боевого порядка и с соседями, чаще всего на период атаки и овладения опорными пунктами на глубину первой полосы обороны противника	Таблица сигналов взаимодействия. Схема взаимодействия на период атаки (в ряде случаев — на глубину задачи дня)
	Летне-осенняя 1942 г.	До суток	»		
Второй	Зимняя 1942/43 г.	10—18 *ч*	По карте или на местности розыгрышем вариантов действий.	Согласование усилий между всеми элементами боевого порядка и авиацией на глубину прорыва тактической зоны обороны. Организация взаимодействия с соседними соединениями, иногда — со вторыми эшелонами и подвижными группами армий	Плановая таблица боя. Таблица сигналов взаимодействия и опознавания. Ориентирная схема и нумерации целей. Акты по обеспечению стыков и флангов
	Летне-осенняя 1943 г.	1—3	По карте, затем на местности в период рекогносцировки		

Продолжение приложения 7

Периоды войны	Военная кампания	Среднее время, необходимое на организацию взаимодействия (*сут.*)	Формы согласования усилий	Вопросы организации взаимодействия	Отрабатываемые документы
Третий	Зимне-весенняя 1944 г Летне-осенняя 1944 г. 1945 г. (в Европе)	1—4 2—3 1—2	По карте, на местности, ее макетах розыгрышем вариантов действий, на КШУ и войсковых учениях, тактико-строевых занятиях. Заслушивание решений подчиненных. Выезд в соседние соединения (направление офицеров на период боя).	Согласование усилий между всеми элементами боевого порядка и авиацией на глубину задачи дня, с соседними соединениями — на глубину ближайшей задачи, с соединениями армейских и фронтовых подвижных групп — на период ввода их в сражение и совместных действий в оперативной глубине	План боя (план прорыва). Плановая таблица боя (таблица взаимодействия). Схема целей. Таблица сигналов взаимодействия и целеуказания (приложение к плану боя)

* Вопросы взаимодействия находили отражение также в боевом приказе, на карте-решении командира, на рабочих картах начальников родов войск (специальных войск).

Организация пунктов управления и связи в наступлении в стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны

Периоды войны	Военная кампания	Пункты управления и их типовой состав	Удаление пунктов управления от рубежа атаки, *км*	Используемые средства связи. Способы организации связи
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	Командный пункт — весь состав управления дивизии	От 5—8 до 10—12	Проводные (по оси), радио (по сети), подвижные (по круговому маршруту), сигнальные
		Наблюдательный пункт — командир, 3—4 офицера штаба, начальники родов войск	2—4	
	Зимняя 1941/42 г.	Командный пункт — командир, штаб, начальники родов войск (специальных войск)	3—7	Проводные (по оси и направлениям)
		Второй эшелон управления — тыловые органы, часть политотдела, отделение кадров, финчасть, прокуратура, трибунал	5—8	
		Командно-наблюдательный пункт	2—4	
	Летне-осенняя 1942 г.	Командный пункт	3—5	
		Тыловой пункт управления	5—7	
		Вспомогательный пункт управления — заместитель командира с группой офицеров	3—4	
		Командно-наблюдательный пункт	2—4	

Периоды войны	Военная кампания	Пункты управления и их типовой состав	Удаление пунктов управления от рубежа атаки, *км*	Используемые средства связи. Способы организации
Второй	Зимняя 1942/43 г.	Командный пункт	2—4	Проводные (по оси и направлениям)
		Тыловой пункт управления	5—8	
		Командно-наблюдательный пункт	1—2	
	Летне-осенняя 1943 г.	Командный пункт — дополнительно: офицер авиации, командир танкового соединения (части)	2—4	Радио (по сети и направлениям), в том числе в авиационной сети приемников
		Тыловой пункт управления	4—9	
		Наблюдательный пункт	1—3	
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	Командный пункт	2—5	Проводные (по оси и направлениям)
		Тыловой пункт управления	3—9	
		Командно-наблюдательный пункт	1—2	
	Летне-осенняя 1944 г.	Командный пункт	2—3	Подвижные (по круговому маршруту и направлениям)
		Тыловой пункт управления	5—7	
		Командно-наблюдательный пункт	1—2	
	1945 г. (в Европе)	Командный пункт	2—4	Радио (по сети и направлениям)
		Тыловой пункт управления	3—8	

	Командно-наблюдательный пункт	1—2
	Оперативная группа — командир с группой офицеров управления дивизии, представитель авиации, командир танкового соединения (части), командир ДАГ	1—2

Примечания:

1. В первом периоде войны наблюдательные пункты создавались не всегда, чаще всего лишь на период прорыва тактической зоны обороны противника.

2. В последующих кампаниях по отношению к летне-осенней 1941 г. отражены лишь изменения в составе пунктов управления и в организации связи.

3. В составе пунктов управления находились также подразделения обеспечения и обслуживания.

4. Второй эшелон управления выполнял функции современного тылового пункта управления.

Основные показатели разведки боем, выделяемой от стрелковой дивизии в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	Состав разведывательных подразделений	Средства усиления	Средства поддержки	Время проведения относительно начала наступления	Результаты разведки боем
Первый	Зимняя 1941/42 г.	Стрелковый взвод	Не было	Не было	Периодически	В основном выявлялось истинное начертание переднего края обороны
	Летне-осенняя 1942 г.	Стрелковая рота (взвод)	Не было	Не было	То же	Выявлялось истинное начертание переднего края обороны противника
Второй	Зимняя 1942/43 г.	Стрелковый батальон (рота)	Взвод танков, отделение саперов, отделение химиков	1—2 артиллерийских дивизиона	За 2 и более суток	Вскрывались группировка сил, система огня, характер оборонительных заграждений
	Летне-осенняя 1943 г.	Стрелковый батальон	Батарея (взвод) артиллерии, взвод танков (САУ), взвод саперов, отделение химиков	2—3 артиллерийских дивизиона, авиация	За 1—2 суток	Вскрывались группировка сил противника, характер инженерного оборудования местности, система огня, в ряде случаев захватывались опорные пункты на переднем крае обороны врага

Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	Стрелковый батальон	Батарея (взвод) артиллерии, взвод танков (САУ), взвод саперов, отделение химиков	3—4 артиллерийских дивизиона, авиация	За 1—2 суток	Уточнялась система огня, подтверждалась группировка противника, по возможности захватывались опорные пункты в его обороне
	Летне-осенняя 1944 г.	»	Батарея (взвод) артиллерии, рота (взвод) танков, взвод саперов, взвод ранцевых огнеметов	2—3 артиллерийских полка, авиация	За сутки до наступления	Подтверждалась группировка противника, вскрывались система огня, характер инженерного оборудования местности, в отдельных случаях прорывалась первая позиция главной полосы обороны
	1945 г. (в Европе)	»	1—2 батареи артиллерии, танковая рота (батарея САУ), взвод саперов, взвод ранцевых огнеметов	3—4 артиллерийские бригады (полка), авиация	За сутки до наступления или непосредственно перед наступлением	Вскрывалась система огня, подтверждалась группировка противника и характер его обороны, в ряде случав улучшалось исходное положение для наступления и прорывалась первая позиция главной полосы обороны

* Таблица составлена на основе материалов: общевойсковая армия в наступлении, с. 88—91; Военно-исторический журнал, 1968, № 6, с. 26—37; ЦАМО, ф. 331, оп. 264730, д. 5, л. 7; ф. 1163, оп.143539, д. 3, л. 153.

Приложение 10

Некоторые показатели ввода в прорыв танковых и механизированных корпусов при завершении прорыва главной полосы обороны противника в годы войны *

Период войны	Военная кампания	Силы и средства, выделяемые от танковых (механизированных) корпусов для завершения прорыва главной полосы обороны	Глубина ввода, *км*	Количество маршрутов выдвижения	Ширина полосы ввода, *км*	Время ввода после «Ч», *ч*
Второй	Зимняя 1942/43 г.	Корпус в полном составе, иногда часть сил корпуса	2—5	2—4	6—8	4—6
	Летне-осенняя 1943 г.	Часть сил корпуса, иногда корпус в полном составе	4—5	2—3	4—6	4—9
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	Часть сил корпуса, в ряде случаев корпус в полном составе	4—6	2—3	5—8	4—6
	Летне-осенняя 1944 г.	Часть сил корпуса, иногда корпус в полном составе	5—6	2—3	4—8	5—8
	1945 г. (в Европе)		5—7	2—3	6—8	4—6

* Таблица составлена на основе материалов: Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 232; Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями, с. 29—36, 70—77, 100—102, 120—125; Военно-исторический журнал, 1968, № 2, с. 38—39; *Радзиевский А. И.* Развитие теории и практики прорыва, с. 177—178; Военная мысль, 1961, № 9, с. 61; ЦАМО, ф. 658, оп. 44582, д. 5, л. 23.

Некоторые показатели преследования противника соединениями стрелковых, бронетанковых и механизированных войск в годы войны

Периоды войны	Военная кампания	Удаление рубежа начала преследования от переднего края обороны противника, *км*	Продолжительность, *сут.*	Темпы преследования, *км/сут.*		Передовые отряды танковых (механизированных) корпусов		Передовые отряды стрелковых дивизий	
				стрелковыми соединениями	танковыми соединениями	Состав	Удаление от главных сил, *км*	Состав	Удаление от главных сил, *км*
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	4—5. После прорыва тактической зоны обороны	1—4	5—7	15—20	Как правило, не создавались			
	Зимняя 1941/42 г.	6—8. После прорыва тактической зоны обороны	3—5	4—6	От 10—12 до 20	Усиленная танковая рота	12—15	Стрелковый, лыжный батальоны	6—8
	Летне-осенняя 1942 г.	6—8. После прорыва тактической зоны обороны	2—6	4—10	10—15	То же	10—15	Усиленный стрелковый батальон	5—10
Второй	Зимняя 1942/43 г.	10. После прорыва главной оборонительной полосы	4—6	5—7	15—20	»	15—20	ср (сб) на автомашинах, адн, сап. взв,	До 10
	Летне-осенняя 1943 г.	20. После прорыва тактической зоны обороны	6—8	6—10	20—25	тб, сап, адн, сапр	20—25	тб, сб (на автомашинах), батр, ПТО, сапр	10—12

Продолжение приложения 11

Периоды войны	Военная кампания	Удаление рубежа начала преследования от переднего края обороны противника, *км*	Продолжительность, *сут.*	Темпы преследования, *км/сут.*		Передовые отряды танковых (механизированных) корпусов		Передовые отряды стрелковых дивизий	
				стрелковыми соединениями	танковыми соединениями	Состав	Удаление от главных сил, *км*	Состав	Удаление от главных сил, *км*
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	25. После разгрома ближайших оперативных резервов	5—6	12—15	15—20	тбр (мбр), адн (ап), сапр — 2	30	тб, сб (на автомашинах), адн, сапр	До 15
	Летне-осенняя 1944 г.	30. После разгрома оперативных резервов	4—10	18—20	30—40	тбр (мсбр), сап, сапр, адн (ап), зенбатр	40—50	тб, сб, тр, сапр, адн, зенбатр	18—20
	1945 г. (в Европе)	35. После прорыва армейской полосы обороны	3—10	До 25	25—50	тбр, сап, батр, реадн, зенбатр — 2, сапр — 2	От 40—60 до 80—100	тб, сб, сапр, адн, зенбатр, батр, реадн	12—15

Примечание. В таблице представлены данные, наиболее типичные для каждой из кампаний.

Продолжительность боевых действий стрелковых дивизий за главную полосу обороны на направлениях главных ударов противника в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	Продолжительность артиллерийской подготовки атаки противника, *ч*	Ширина фронта атаки противника в полосе обороны дивизии, *км*	Силы противника, наступавшие в полосе обороны дивизии	Продолжительность боя, *ч*			
					за первую позицию	за вторую позицию	за третью позицию	за главную полосу обороны
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	0,5—2	От 2—3 до 15—20	От одной пд до трех пд и трех тд	0,5—4	Обычно 0,5—2**	Обычно 3—4**	До 10
	Зимняя 1941/42 г.	0,3—1,5	5—11	До двух-трех пд (тд, мд)	0,5—1,5	0,5—1,5**	0,5—1,5**	2—4
	Летне-осенняя 1942 г.	0,5—1	7—15	До одной-двух пд (тд, мд)	3—4	1—3	От 1 до 24	До 36
Второй	Зимняя 1942/43 г.	0,2—1	От 4—5 до 12—14	До одной-двух пд (тд, мд)	2—3	2—3	4—5	8—11
	Летне-осенняя 1943 г.	0,5—1,5	5—10	До одной-двух пд и одной-двух тд	1,5—5	0,5—5	0,5—36	До 48

Продолжение приложения 12

Периоды войны	Военная кампания	Продолжительность артиллерийской подготовки атаки противника, *ч*	Ширина фронта атаки противника в полосе обороны дивизии, *км*	Силы противника, наступавшие в полосе обороны дивизии	Продолжительность боя, *ч*			
					за первую позицию	за вторую позицию	за третью позицию	за главную полосу обороны
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	0,2—1	От 1,5—3 до 8—13	От одной пд (тд) до двух пд (тд)	От 1—2 до 7—8	0,5—5	От 0,5 до 7—8	До 24
	Летне-осенняя 1944 г.	0,2—2	От 3—4 до 12—15	От одной пд до двух пд и пяти тд	1,5—11	0,5—8	От 2—3 до 13—15	До 36
	1945 г. (в Европе)	0,2—1,5	2—5	От одной пд до одной пд и двух тд	3—12	4—14	От 2 до 48	До 72

* Таблица составлена на основе материалов: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., 1958—1959, т. 1—4; Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 1, 2; Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.; Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны, кн. I и II; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 5. М., 1951; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 9; История войн и военного искусства; Боевые действия стрелковой дивизии; Великая победа на Волге. М., 1965; *Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г.* Курская битва; использованы также материалы ЦАМО, указанные в сносках по тексту.

**При наличии оборудованных позиций вторых эшелонов (резервов) дивизии и полков.

Маневр силами и средствами в полосе обороны стрелковой дивизии в ходе боя за главную полосу по опыту войны *

Периоды войны	Военная кампания	Силы и средства, привлекаемые к маневру		Цель маневра		Время совершения маневра и его продолжительность	
		дивизии	корпуса (армии)	дивизионных средств	корпусных (армейских) средств	дивизионных средств	корпусных (армейских) средств
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	От ср, сб до сп, иптдн	От сб до сд, тбр, один-два ап	Проведение контратаки, реже усиление обороны на первой и второй позициях	Нанесение контрудара или усиление обороны дивизии	Через 1—5 часов после начала боя; 1—7 часов	В первые-вторые сутки боя; 3—8 часов
	Зимняя 1941/42 г.	От ср, сб до сп, иптдн, одного-двух ап, тбр	От сб до сд, тбр, один-два ап	То же	То же	Через 1—2 часа после начала боя; 1—5 часов	В первые сутки боя; 2—4 часа
	Летне-осенняя 1942 г.	От сб до одного-двух сп, иптдн, тб, тбр	От сп, иптдн до сд (тк), один-два ап (мп), иптап	»	»	Через 1—7 часов после начала боя; 1—4 часа	В первые-вторые сутки боя; 2—15 часов
Второй	Зимняя 1942/43 г.	От ср до сб, иптдн, ап	От сб до сп, один-два ап	Усиление обороны на первой и второй позициях, реже проведение контратак	Усиление обороны дивизии или проведение контратаки (контрудара)	Через 1—4 часа после начала боя; 1—3 часа	В первые сутки боя; 3—10 часов

Продолжение приложения 13

Периоды войны	Военная кампания	Силы и средства, привлекаемые к маневру		Цель маневра		Время совершения маневра и его продолжительность	
		дивизии	корпуса (армии)	дивизионных средств	корпусных средств	дивизионных средств	корпусных (армейских) средств
Третий	Летне-осенняя 1943 г.	От сб и одной-двух батр до сп, одного-двух ап, иптдн, сапр, тп (сап)	От сп (тп, иптдн) до сд или тбр, тп, один-два ап, сапб	Усиление обороны на первой и второй позициях или проведение контратаки	То же	Через 3—5 часов после начала боя; 2—4 часа	В первые-вторые сутки боя; 1—5 часов
	Зимне-весенняя 1944 г.	От сб до сп, иптдн, сапр	От сп до сд, одного-двух сап, одного-двух иптап, одного-двух ап	Усиление обороны или проведение контратаки	»	Через 1—8 часов после начала боя; 1—6 часов	В первые сутки боя; 3—7 часов
	Летне-осенняя 1944 г.	Один-два сб, иптдн, сапр	От одного-трех сб, иптап до одного-двух сп, иптабр, одного-двух ап, одного-двух тр	То же	»	Через 1—6 часов после начала боя; 1—3 часа	В первые-вторые сутки боя; 1—4 часа
	1945 г. (в Европе)	От одной-двух ср, иптдн до сп, ап, сапр	Один-два сп, один-два ап, один-три иптап, одна-две тбр	»	»	Через 2—6 часов после начала боя; 1—4 часа	В первые-третьи сутки боя; 3—15 часов

* Таблица составлена на основе материалов, указанных в приложении 14.

Основные показатели некоторых встречных боев танковых и стрелковых соединений периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.*

Фронт, операция, дата и район встречного боя	Наши войска	Противник	Условия возникновения встречного боя для наших войск	Фронт наступления наших соединений,** *км*	Боевой порядок соединения	Глубина продвижения соединения в ходе боя, *км*	Характер действий наших соединений после встречного боя
Первый период войны							
Западный фронт, приграничное сражение, 22 июня 1941 г., Гродно	29 тд 11 мк	256 пд	При нанесении контрудара в обороне	7	В один эшелон	7	Отход
Северо-Западный фронт, приграничное сражение, 23 июня 1941 г., Скаудвиле	3 мк 2 тд	6 тд	То же	9	В два эшелона	10	То же
Юго-западный фронт, приграничное сражение, 24 июня 1941 г., Войница	19 тд 22 мк	299 пд и часть сил 14 тд	»	5	То же	9	»
Юго-западный фронт, приграничное сражение, 24 июня 1941 г., Верба	215 мд 22 мк	298 пд и часть сил 14 тд	»	6	»	7	»
Северо-Западный фронт, приграничное сражение, 25 июня 1941 г., Кражяй	28 тд 12 мк	6 тд	»	5	В один эшелон	6	»

Фронт, операция, дата и район встречного боя	Наши войска	Противник	Условия возникновения встречного боя для наших войск	Фронт наступления наших соединений, ** *км*	Боевой порядок соединения	Глубина продвижения соединения в ходе боя, *км*	Характер действий наших соединений после встречного боя
Юго-западный фронт, приграничное сражение, 26 июня 1941 г., южнее Берестечко	34 тд 8 мк	16 тд и 57 пд	При нанесении контрудара в обороне	7	В один эшелон	7	Отход
Западный фронт, контрудар под Лепелем, 7 июля 1941 г., Гнездиловичи	14 тд 7 мк	7 тд	То же	7	То же	3	То же
Западный фронт, контрудар под Лепелем, 7 июля 1941 г., Сенно	18 тд 7 мк	Часть сил 17 тд	»	20	»	7	»
Западный фронт, контрудар под Лепелем, 8 июля 1941 г., 25 *км* юго-западнее Сенно	13 тд 5 мк	17 тд	»	7	»	3	»
Западный фронт, контрудар под Лепелем, 8 июля 1941 г., 20 *км* юго-западнее Сенно	17 тд 5 мк	17 тд	»	16	В два эшелона	8	»
Западный фронт, контрудар под Лепелем, 9 июля 1941 г., Богушевск	14 тд 7 мк	12 тд	»	10	В один эшелон	—	»
Западный фронт, контруадр под Лепелем, 9 июля 1941 г., река Оболянка (12 *км* западнее Богушевска)	18 тд 7 мк	12 тд	»	10	То же	—	»

Северо-Западный фронт, контрудар под Сольцами, 14—15 июля 1941 г., Сольцы	237 сд 11 А	3 мд	То же	18	В один эшелон	5—8	Противник перешел к обороне
Северо-Западный фронт, контрудар под Сольцами, 14—15 июля 1941 г., Сольцы	70 сд 11 А	8 тд	»	14	То же	7—8	То же
Западный фронт, Смоленское сражение, 15 июля 1941 г., Красное	57 тд 20 А	29 мд	»	4	»	—	Дивизия перешла к обороне
Западный фронт, Московская оборонительная операция, 28 ноября 1941 г., Яхрома	29 и 50 сбр 1 уд. А	Части 7 тд и 14 мд	»	7	»	6	Противник перешел к обороне
Западный фронт, Московская оборонительная операция, 2 декабря 1941 г., Красная Поляна	331 сд 20 А	2 тд	»	5	В два эшелона	1	То же
Второй период войны							
Юго-Западный фронт, контрнаступление под Сталинградом, 20 ноября 1942 г., Верхне-Фоминский	124 сд 5 ТА	1 тд (рум)	При отражении контрудара противника	20	В один эшелон	6	Дивизия перешла к обороне
Сталинградский фронт, Котельниковская операция, 14 декабря 1942 г., Верхне-Кумский	4 мк 51 А	6 тд	При нанесении контрудара	11	То же	8	Противник перешел к обороне

Продолжение приложения 14

Фронт, операция, дата и район встречного боя	Наши войска	Противник	Условия возникновения встречного боя для наших войск	Фронт наступления наших соединений,** *км*	Боевой порядок соединения	Глубина продвижения соединения в ходе боя, *км*	Характер действий наших соединений после встречного боя
Сталинградский фронт, Ростовская операция, 4 января 1943 г., Кутейниково	2 гв. мк 2 гв. А	17 тд	При отражении контрудара противника	10	В два эшелона	11	Корпус перешел к преследованию
Сталинградский фронт, Ростовская операция, 13—14 февраля 1943 г., Ново-Шахтинск	4 гв. мк 5 уд. А	23 тд, 336 пд	То же	11	В один эшелон	10	Корпус перешел к обороне
Воронежский фронт, Курская оборонительная операция, 7—8 июля 1943 г., Мелехово	92 гв. сд 7 гв. А	6 тд	При столкновении с противником во время выдвижения на указанный для обороны рубеж	12	В два эшелона	11	Противник перешел к обороне
Воронежский фронт, Курская оборонительная операция, 12 июля 1943 г., Прохоровка	18 тк 5 гв. ТА	тд СС «Мертвая голова» и «Адольф Гитлер»	При нанесении контрудара	3	То же	7	То же
Воронежский фронт, Курская оборонительная операция, 12 июля 1943 г., Прохоровка	29 тк 5 гв. ТА	тд СС «Мертвая голова»	То же	5	»	6	»
Западный фронт, Орловская операция, 14 июля 1943 г., Ягодное	5 тк 11 гв. А	18 тд, 299 пд	При отражении контрудара противника	6	»	15	Корпус перешел к преследованию

Западный фронт, Орловская операция, 19—20 июля 1943 г., Столбчее	26 гв. сд 11 гв. А	Части 9, 18, 20 тд, 10 мд	При отражении контрудара противника	8	В один эшелон	5	Дивизия перешла к обороне
Воронежский фронт, Белгородско-Харьковская операция, 6—7 августа 1943 г., Березовка	13 гв. сд 5 гв. А	Части 11, 19 тд, 57, 255, 332 пд	При отражении попытки противника прорвать внутренний фронт окружения	16	То же	5	То же
Воронежский фронт, Белгородско-Харьковская операция, 7 августа 1943 г., Сковородиновка	3 мк 1 ТА	тд СС «Райх»	При отражении контрудара противника	14	В два эшелона	3	Противник перешел к обороне
Воронежский фронт, Белгородско-Харьковская операция, 11 августа 1943 г., Высокополье	6 тк 1 ТА	тд СС «Мертвая голова»	То же	16	В один эшелон	—	Корпус отошел на 15 *км* и перешел к обороне
Воронежский фронт, Белгородско-Харьковская операция, 11—12 августа 1943 г., Богодухов	3 мк 1 ТА	тд СС «Райх» и «Викинг»	»	35	То же	—	То же
Воронежский фронт, Белгородско-Харьковская операция, 19—20 августа 1943 г., Ахтырка	3 мк 1 ТА	тд «Великая Германия»	При нанесении контрудара	7	В два эшелона	3	Противник перешел к обороне
1-й Украинский фронт, Киевская операция, 7—8 ноября 1943 г., Фастов	7 гв. тк 3 гв. ТА	25 тд	При отражении контрудара противника	10	То же	18	Корпус перешел к преследованию

Продолжение приложения 14

Фронт, операция, дата и район встречного боя	Наши войска	Противник	Условия возникновения встречного боя для наших войск	Фронт наступления наших соединений,** *км*	Боевой порядок соединения	Глубина продвижения соединения в ходе боя, *км*	Характер действий наших соединений после встречного боя
2-й Украинский фронт, Кировоградская операция, 24 ноября 1943 г., Александрия	18 тк 5 гв. ТА	11 тд, 106 пд	При отражении контрудара противника	9	В один эшелон	8	Корпус перешел к обороне
1-й Украинский фронт, Житомирско-Бердичевская операция, 27—28 декабря 1943 г., Чернорудка	8 гв. мк 1 ТА	20 мд	При столкновении с противником, выдвигавшимся для занятия оборонительного рубежа	12	В два эшелона	15	Противник окружен и уничтожен
Третий период войны							
2-й Украинский фронт, Кировоградская операция, 5—6 января 1944 г., Покровское	29 тк 5 гв. ТА	3 тд	При отражении контрудара противника при прорыве его тактической зоны обороны	6	В два эшелона	10	Противник начал отход
1-й Украинский фронт, Проскурово-Черновицкая операция, 6 марта 1944 г., Старо-Константинов	7 гв. тк 3 гв. ТА	1 тд	При отражении контрудара противника	10	То же	—	Корпус отошел на 15 *км* и перешел к обороне

1-й Украинский фронт, Проскурово-Черновицкая операция, 6 марта 1944 г., Купель	9 мк 3 гв. ТА	тд СС «Адольф Гитлер»	При отражении контр. удара противника	8	В два эшелона	—	Корпус отошел на 10 км и перешел к обороне
3-й Белорусский фронт, Белорусская операция, 28—29 июня 1944 г., Крупки	3 гв. тк 5 гв. ТА	5 тд	При столкновении с противником, выдвигавшимся для занятия оборонительного рубежа	7	То же	7	Корпус перешел к преследованию
1-й Прибалтийский фронт, Шауляйская операция, 1 августа 1944 г., Биржай	145 сд 43 А	290 пд, мд СС «Нордлаид», 226 мпбр	При отражении контр. удара противника	9	В один эшелон	3	Дивизия перешла к обороне
1-й Прибалтийский фронт, Шауляйская операция, 22 августа 1944 г., Жагаре	19 тк	4 тд	При нанесении контрудара	5	То же	10	Корпус перешел к обороне
3-й Украинский фронт, Ясско-Кишиневская операция, 23 августа 1944 г., Сурик	92 гв. сд 37 А	294 пд	При отражении попытки противника прорвать внутренний фронт окружения	5	В два эшелона	4	Противник перешел к обороне
3-й Украинский фронт, Ясско-Кишиневская операция, 24 августа 1944 г., Сагайдак	28 гв. сд 37 А	294 пд	То же	9	То же	3	То же

Фронт, операция, дата и район встречного боя	Наши войска	Противник	Условия возникновения встречного боя для наших войск	Фронт наступления наших соединений,** км	Боевой порядок соединения	Глубина продвижения соединения в ходе боя, км	Характер действий наших соединений после встречного боя
3-й Украинский фронт, Ясско-Кишиневская операция, 24 августа 1944 г., Сагайдак	92 гв. сд 37 А	302 пд	При отражении попытки противника прорвать внутренний фронт окружения	12	В один эшелон	10	Противник перешел к обороне
3-й Украинский фронт, Ясско-Кишиневская операция, 25 августа 1944 г., Сарата-Галбена	52 сд 37 А	Части 257, 258, 302, 320 пд	То же	20	То же	6	Дивизия перешла к обороне
3-й Украинский фронт, Ясско-Кишиневская операция, 25 августа 1944 г., Минжир	19 сд 37 А	282 пд	»	13	»	5	То же
1-й Украинский фронт, Висло-Одерская операция, 13—14 января 1945 г., Кельце	10 гв. тк 4 ТА	17 тд	При отражении контрудара противника в ходе прорыва его тактической зоны обороны	4	В два эшелона	30	Противник окружен и уничтожен
1-й Украинский фронт, Висло-Одерская операция, 13—14 января 1945 г., Кельце	6 гв. мк 4 ТА	16 тд	То же	5	То же	20	То же

2-й Белорусский фронт, Восточно-Прусская операция, 27 января 1945 г., Либштадт	8 гв. тк	тд «Великая Германия»	При отражении попытки противника прорвать внутренний фронт окружения	12	То же	15 8	Противник перешел к обороне
1-й Украинский фронт, Висло-Одерская операция, 30 января 1945 г., Штейнау	10 гв. тк 4 ТА	14 тд. 408 пд	При отражении контрудара противника	7	В один эшелон		То же
2-й Белорусский фронт, Восточно-Прусская операция, 30—31 января 1945 г., Вормдитт	10 тк 5 гв. ТА	18 мд, 131 пд	При отражении попытки противника прорвать внутренний фронт окружения	4	В два эшелона	8	»
2-й Белорусский фронт, Восточно-Прусская операция, 30—31 января 1945 г., Вормдитт	29 тк 5 гв. ТА	24 тд, 28 лпд	То же	4	То же	7	»
3-й Украинский фронт, Венская операция, 20 марта 1945 г., Варпалота	5 гв. тк 6 гв. ТА	тд СС «Мертвая голова», 2 тд (венг.)	При отражении контрудара противника	7	»	12	Корпус перешел к преследованию

Продолжение приложения 14

Фронт, операция, дата и район встречного боя	Наши войска	Противник	Условия возникновения встречного боя для наших войск	Фронт наступления наших соединений,** *км*	Боевой порядок соединения	Глубина продвижения соединения в ходе боя, *км*	Характер действий наших соединений после встречного боя
1-й Украинский фронт, Берлинская операция, 16 апреля 1945 г., Гёрлиц	50 сд 52 А	тд «Герман Геринг»	При отражении контрудара противника в ходе прорыва его тактической зоны обороны	2,5	В два эшелона	1,5	Противник перешел к обороне
1-й Украинский фронт, Берлинская операция, 16 апреля 1945 г., Гёрлиц	111 сд 52 А	мд «Бранденбург» и отдельные части	То же	2,5	»	3	То же
1-й Украинский фронт, Берлинская операция, 17 апреля 1945 г., Требендорф	7 гв. тк 3 гв. ТА	21 тд	»	3	»	7	»

* Таблица составлена на основе материалов: *Яманов А.* Встречный бой; Общая тактика в боевых примерах Великой Отечественной войны. Вып. 3. М., 1946; Тактика в боевых примерах. Дивизия. ЦАМО, ф. 839, оп. 9442, д. 4, л. 77; ф. 328, оп. 9399, д. 14, л. 14; ф. 208, оп. 8511, д. 49, л. 124; ф. 236, оп. 58854, д. 2, л. 118—119; ф. 2350, оп. 62258, д. 2, л. 36; ф. 12, оп. 266019, д. 12, л. 62; ф. 625, оп. 25199, д. 27, л. 48—49; ф. 208, оп. 7874, д. 2, л. 1—50; ф. 229, оп. 3789, д. 6, л. 116—136; ф. 299, оп. 3780, д. 6, л. 118 и др.

** В начале встречного боя.

Соотношение сил и средств во встречных боях в годы войны *

Периоды войны	Военная кампания	Силы и средства **	Наши войска	Войска противника	Соотношение
		Встречные бои, возникавшие в ходе оборонительных операций			
Первый	Летне-осенняя 1941 г.	Личный состав, *тыс. чел.*	5—9	6—20	1 : 1,2—1 : 2,2
		Танки, *ед.*	80—200	60—200	1,3 : 1—1 : 1
		Орудия и минометы, *ед.*	20—80	70—350	1 : 3,5—1 : 4,4
	Летне-осенняя 1942 г.	Личный состав, *тыс. чел.*	6—8	14—16	1 : 2,3—1 : 2
		Танки, *ед.*	90—160	150—180	1 : 1,7—1 : 1,1
		Орудия и минометы, *ед.*	30—50	100—140	1 : 3—1 : 3
Второй	Зимняя 1942/43 г.	Личный состав, *тыс. чел.*	5—6	6—8	1 : 1,1—1 : 1,3
		Танки, *ед.*	70—120	80—100	1 : 1,1—1,2 : 1
		Орудия и минометы	200—240	150—180	1,3 : 1—1,3 : 1

Продолжение приложения 15

Периоды войны	Военная кампания	Силы и средства **	Наши войска	Войска противника	Соотношение
Второй	Летне-осенняя 1943 г.	Личный состав, *тыс. чел.*	6—9	9—12	1 : 1,5—1 : 1,3
		Танки, *ед.*	50—220	160—180	1 : 3,2—1,2 : 1
		Орудия и минометы, *ед.*	130—200	130—150	1 : 1—1,3 : 1
		Встречные бои, возникавшие в ходе наступательных операций			
Второй	Зимняя 1942/43 г.	Личный состав, *тыс. чел.*	6—9	6—10	1 : 1—1 : 1,1
		Танки и САУ, *ед.*	70—200	70—120	1 : 1—1,6 : 1
		Орудия и минометы, *ед.*	240—280	100—120	2,4 : 1—2,3 : 1
	Летне-осенняя 1943 г.	Личный состав, *тыс. чел.*	7—10	10—25	1 : 1,4- 1 : 2,5
		Танки и САУ, *ед.*	20—120	120—300	1 : 6—1 : 2,5
		Орудия и минометы, *ед*	150—300	200—350	1 : 1,3—1 : 1,2
Третий	Зимне-весенняя 1944 г.	Личный состав, *тыс. чел.*	10—14	5—7	2 : 1—2 : 1
		Танки и САУ, *ед.*	30—60	30—70	1 : 1—1 : 1,1
		Орудия и минометы, *ед.*	80—150	60—150	1,3 : 1—1 : 1
	Летне-осенняя 1944 г.	Личный состав, *тыс. чел.*	6—11	4—12	1,5 : 1—1 : 1,1
		Танки и САУ, *ед.*	180—250	50—160	3,6 : 1—1,5 : 1
		Орудия и минометы. *ед.*	130—220	60—150	2,2 : 1—1,5 : 1

1945 г. (в Европе)	Личный состав, *тыс. чел.*	5—15	3—15	1,7 : 1—1 : 1
	Танки и САУ, *ед.*	30—250	300—200	1 : 1—1,2 : 1
	Орудия и минометы, *ед.*	100—480	100—180	1 : 1—2,7 : 1

* Таблица составлена на основе материалов ЦАМО, указанных в приложении 14.
** Учитываются орудия и минометы калибра 76 мм и выше.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
Глава первая. ФАКТОРЫ, ВЛИЯВШИЕ НА РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ 7
1. Оружие и боевая техника 8
2. Морально-боевые качества личного состава 12
3. Организация войск 16
4. Тактика противника 21
5. Оперативное искусство 24
Глава вторая. НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ БОЙ 28
1. Боевые задачи 29
2. Боевые порядки 41
3. Планирование боевого применения родов войск (специальных войск) и задачи, решаемые авиацией в общевойсковом бою 50
4. Работа командира и штаба по организации наступательного боя 69
5. Организация пунктов управления и связи 82
6. Прорыв главной полосы обороны противника 93
7. Завершение прорыва тактической зоны обороны противника 118
8. Боевые действия в оперативной глубине 132
Глава третья. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ БОЙ 156
1. Условия перехода к обороне 156
2. Боевые задачи 159
3. Построение обороны 168
4. Планирование боевого применения артиллерии, танков и инженерных войск 191
5. Работа командира и штаба по организации обороны 202
6. Особенности организации пунктов управления и связи . . . 210
7. Борьба за тактическую зону обороны 214
Глава четвертая. ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ 251
1. Условия возникновения и характерные черты встречного боя 251
2. Мероприятия по организации встречного боя, проводимые в предвидении столкновения с противником 257
3. Мероприятия по непосредственной организации встречного боя 261
4. Ведение встречного боя 267
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 286
ПРИЛОЖЕНИЯ 289

В пособии пронумеровано 332 стр. Из них 331 и 332 пустые.
Кроме того вклейки 1—2 согласно перечню указанному ниже.

Вклейки:
1 — схема 8 — между 170 и 171 стр.
2 — схема 9 — между 174 и 175 стр.

Литературный редактор Спивак Н. К.

Технический редактор Волкова В. К.

Корректоры Мурадян Э. Г. и Штанько Е. И.

Сдано в набор 26.1.81 Подписано к печати 28.12.81 Г-239108
Формат бумаги 60×90 1/16
Объем: 21,75 печ. л.; 10,88 бум. л.; 18,65 авт. л.; 18,7 уч.-изд. л.;
+ вклейки: 0,64 авт. л.; 0,8 уч.-изд. л.
Бесплатно ★
Изд. № I-13-1 Типография ВАФ Зак. № 4001. 1981 г

ИСПРАВЛЕНИЯ и ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	11-я сверху	материалы Архива	материалы Центрального архива
64	19-я снизу	планировании артиллерии	планировании применения артиллерии
64	16-я и 17-я снизу (фонарик)	планирования артиллерии	планирования применения артиллерии
69	2-я сверху	в сражение (бой)	в сражение
71	3-я снизу	1945 г.	1943 г.
75	7-я сверху	Халхин Гол	Халхин-Гол
78	2-я снизу	старшего адъютанта	адъютанта старшего
82	23-я снизу	практика командиров	практика работы командиров
216	8-я снизу (в графе 4)	10	4—10
238	1-я и 2-я снизу	Оборонительные бои 307-й стрелковой дивизии в районе Поныри (7—10 июля 1943 г.)	Контратака второго эшелона 8-й стрелковой дивизии 5 июля 1943 г. в обороне под Курском
240	20-я сверху	ольховском	ольховатском
244	1-я снизу	Контратака второго эшелона 8-й стрелковой дивизии 5 июля 1943 г. в обороне под Курском	Оборонительные бои 307-й стрелковой дивизии в районе Поныри (7—10 июля 1943 г.)
251	13-я сверху	подвергались	подверглись
254	23-я сверху	на наступательных	в наступательных
263	18-я и 19-я снизу	в приложении 4	в приложении 14
278	в схеме	хут. Бабаков	хут. Бабанов
306	2-я и 3-я сверху	разведки боем, выделяемой от стрелковой дивизии в годы войны	разведки боем в годы войны
314	1-я снизу	в приложении 14	в приложении 12
314	7-я снизу (в графе 4)	одного-	одной-
315	4-я и 5-я снизу (в графе 2)	3 мк 2 тд	2 тд 3 мк
327	4-я снизу (в графе 5	300—200	30—200

К заказу № 4001.